

Василий Сойма

КГБ

в 1991 году

Василий Сойма

КГБ

в **1991** году

Крафт+
Москва
2017

УДК 94
ББК 63.3(2)6
С58

Сойма, Василий Михайлович
С58 **КГБ в 1991 году**/ В.М. Сойма. – Крафт+, 2017. –
376 с. – ISBN 978-5-93675-245-2

Новая книга известного историка советских и российских спецслужб Василия Михайловича Соймы «КГБ в 1991 году» посвящена малоизученной теме – деятельности КГБ СССР в последний год существования СССР.

О том времени, трагическом для страны, в том числе и для самих органов государственной безопасности, создано немало досужих небылиц. И поныне часто задается вопрос, все ли сделал КГБ для предотвращения развала великой Сверхдержавы?

В оформлении обложки/суперобложки книги использованы фотоизображения МИА Россия сегодня (№ 27565) и журнала Life (<http://www.life.com/Life/>).

В случае предъявления третьими лицами каких-либо претензий и/или исков, связанных с использованием в оформлении обложки/суперобложки книги фотоизображений, рассматривает и разрешает все претензии автор книги – В.М. Сойма.

ISBN 978-5-93675-245-2

9 785936 752452

© Сойма В.М., 2017
© Издательство «Крафт+», подготовка оригинал-макета, 2017

К ЧИТАТЕЛЯМ

Сто лет назад была создана легендарная ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Кстати, введенная в 1918 году последняя составляющая часть названия этой организации упоминается редко.

В связи с этим вспоминается такая история. В прошлые времена, когда события в нашей стране протекали исключительно по законам исторического материализма, открытым непопулярными ныне основоположниками, некоторые наши несогласные граждане, уехав на Запад, любили рассказывать, как они избежали страшных лап КГБ. Но в большинстве случаев наши западные коллеги, вникнув в суть, говорили им: «Наверное, вы все-таки уехали не от КГБ, а от МВД, а конкретно – от ОБХСС?»

Может быть, поэтому и последняя часть полного названия ЧК тоже была столь непопулярной у иных, так сказать, бывших клиентов или пациентов – кому как нравится.

Это ведомство много раз меняло названия: ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, АНБ (Агентство национальной безопасности), ФСК. Сейчас вот ФСБ. Суть, на мой взгляд, не в аббревиатуре, не в названии. Суть в деле и в людях, которые это дело делают.

А дело у них было и есть – нужное, важное и полезное. Государственное. Ибо ни одно государство в мире не обходилось, не обходится сейчас и не сможет обойтись в обозримом будущем без спецслужб.

КГБ СССР был создан в 1954 году. И прекратил свое существование в 1991 году – вместе с СССР. О кончине Советского Союза написаны сотни, если не тысячи книг, изданы многочисленные мемуары, сняты художественные и документальные кинофильмы.

КГБ повезло меньше. О его последнем годе практически не написано ни одной достоверной книги. Подчеркиваю – достоверной. Потому что почти все изданное на эту тему – досужие измышления, злорадство и обливание грязью.

Даже более-менее приличные публикации, и те переполнены упреками, а то и прямыми обвинениями в адрес КГБ: почему он не предотвратил развал СССР, почему не сохранил целостность могучей Сверхдержавы, каковой был Советский Союз?

Моя книга представляет собой попытку ответить на эти и другие такие же трудные, острые вопросы. О том, справился ли я с поставленной перед собой задачей, судить вам, дорогие читатели.

В.М. Сойма

ПРОЛОГ,

*без которого трудно понять
события 1991 года и эпилог*

1991 год начинался в 1985-м

10 марта 1985 года скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС 74-летний К.У. Черненко. На другой день, 11 марта, генсеком был избран 54-летний М.С. Горбачев.

Позднее В.А. Крючков, к тому времени уже бывший председатель КГБ, вспоминал о своем необычно откровенном разговоре с тогдашним председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко в январе 1988 года. Андрей Андреевич подписал указ о присвоении Крючкову воинского звания генерала армии и во время поздравления обронил несколько загадочных фраз.

Они касались избрания Горбачева на пост генсека. Оказывается, к Громыко обращались товарищи по Политбюро, чтобы он дал согласие занять этот пост. По словам Громыко, он отказался, полагая, что чисто партийная должность не для него. И вот думает, что это была его ошибка.

«Яковлев и Шеварднадзе – не те люди, куда зайдут они вместе с Горбачевым?» – эти неожиданные слова Громыко привел Крючков в своей мемуарной книге «Личное дело».

Между тем уже с первых дней своего пребывания в должности генсека Михаил Сергеевич начал производить крупные кадровые перемены в составе высшего советского руководства.

21 марта на заседании Политбюро Горбачев поднял вопрос о замене зампреда Совета министров РСФСР А.М. Калашникова. «Предложил на его место заведующего отделом строительства ЦК КПСС И.Н. Дмитриева, – сделал запись в своем рабочем дневнике В.И. Воротников. – Это предложение активно поддержал Лигачев. Я согласился. Лишь позже стало понятно, что освобождалось место для Б.Н. Ельцина в ЦК, которого вскоре утвердили на Политбюро в должности заведующего отделом строительства».

Виталий Иванович Воротников – многолетний член Политбюро, в 1983–1988 годах – председатель Совета министров, в 1988–1990 годах – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Его дневниковые записи представляют большой источниковедческий интерес, проливают свет на многие страницы нашей недавней истории.

Воротников оказался прав и в отношении Ельцина. 12 апреля он был переведен в ЦК КПСС с должности первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Кстати, Н.И. Рыжков, хорошо знавший Бориса Николаевича по совместной работе на Урале, отговаривал Горбачева, однако Михаил Сергеевич не прислушался к пророческим словам Рыжкова: «Намучаетесь вы с ним».

23 апреля 1985 года на пленуме ЦК КПСС в члены ЦК Политбюро был переведен председатель КГБ СССР В.М. Чебриков. С декабря 1983 года он был кандидатом в члены Политбюро.

1 июля на пленуме ЦК КПСС, продолжавшемся тридцать минут, Горбачев рекомендовал министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, а первого секретаря ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе на должность министра иностранных дел СССР. Секретарями ЦК КПСС были избраны Б.Н. Ельцин и Л.Н. Зайков.

Спустя четыре дня отдел пропаганды ЦК КПСС возглавил А.Н. Яковлев, сосланный Л.И. Брежневым в почетную ссылку – послом в Канаду, где тот и провел около десяти лет.

В сентябре был отправлен в отставку председатель Совета министров СССР «брежневек» Н.А. Тихонов. Главой правительства стал Н.И. Рыжков.

И это было только начало. Кадровая чехарда в Кремле продолжалась по мере укрепления позиций нового генсека. Да и кто бы осмелился ему возражать, если все были выдвиненцами Брежнева и с тревогой думали о своей судьбе. Новая метла мела по-комсомольски – шумно, широко, с размахом.

Некоторые назначения воспринимались с недоумением. Удивляло то, что на ключевые должности назначались люди, которые ни дня не работали в отраслях, которыми им теперь предстояло руководить. Главой внешнеполитического ведомства, например, был назначен стопроцентный «внутренник» – первый секретарь ЦК Компартии Грузии.

Единственным, кого пришедший к власти Горбачев сразу же не заменил своим назначенцем, был председатель КГБ СССР В.М. Чебриков. Более того, Виктор Михайлович продержался при Горбачеве в этой должности до сентября 1988 года. Он возглавлял КГБ целых шесть лет: был назначен еще Ю.В. Андроповым и продолжил свою службу на этом посту при К.У. Черненко.

Освободив Чебрикова, Горбачев формально даже повысил его, избрав секретарем ЦК КПСС. Это был второй случай в истории КГБ, когда руководитель Лубянки становился секретарем ЦК. До этого Брежнев в 1982 году, за шесть месяцев до своей кончины, перевел Ю.В. Андропова в секретари ЦК КПСС.

Счастливым конец кагэбэшной карьеры Чебрикова увязывают с именем Андропова, который при Брежневе был причастен к выдвижению первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС Горбачева на пост секретаря ЦК КПСС. Михаил Сергеевич знал, что тогда были и другие кандидаты – тот же первый секретарь Полтавского обкома партии Ф.Т. Моргун, которого двигал в Москву его старый приятель по освоению целины и друг Брежнева первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев.

Андропов тогда победил, прошел Горбачев. И Михаил Сергеевич не забыл роль, которую сыграл Юрий Владимирович в его судьбе. Это, считают знатоки кремлевских тайн, стало основной причиной того, что Чебриков еще три года оставался на посту главы КГБ при Горбачеве. Возможно, так было и на самом деле. Не хотелось бы отказывать Михаилу Сергеевичу в проявлении чувства благодарности хоть кому-нибудь.

Чебриков был самым, если можно так выразиться, «брежневским брежневцем», а Горбачев, как известно, производил самую настоящую «зачистку» верхов от кадров Леонида Ильича. А потом развернул беспрецедентную кампанию против него самого, окрестив «застойным» весь период брежневского правления.

Чебриков родился в городе Днепропетровске, то есть был земляком Леонида Ильича, входил в его так называемую «днепропетровскую команду». Окончил Днепропетровский металлургический институт, работал на заводе им. Г.И. Петровского, а затем в партийных органах Днепропетровска в то время, когда там начинал свою карьеру Леонид Ильич.

В 1967 году он порекомендовал Чебрикова, занимавшего должность второго секретаря Днепропетровского обкома партии, в помощь новому председателю КГБ СССР Ю.В. Андропову на пост члена коллегии, начальника управления кадров. Затем был заместителем, первым заместителем председателя КГБ. Председателем по предложению Андропова, избранного генсеком, стал в декабре 1982 года. Сменил на посту главы лубянского ведомства В.В. Федорчука, переведенного на должность министра внутренних дел СССР вместо Н.А. Щелокова.

По установившейся в СССР традиции, руководители КГБ не входили в состав правительства. Они подчинялись непосредственно первому лицу в стране – Генеральному секретарю ЦК КПСС. Их отношения носили конфиденциальный характер. Они не фиксировались ни в одном документе. Разумеется, открытые стенограммы выступлений на съездах и пленумах ЦК не в счет.

Председатели КГБ были самыми доверенными, самыми близкими к генсекам людьми. Начиная с времен Брежнева их стали избирать в Политбюро ЦК КПСС. С декабря 1983 года Чебриков при генсеках Андропове и Черненко был кандидатом в члены Политбюро, а уже в апреле, через месяц после избрания Горбачева генсеком, стал полноправным членом Политбюро.

Какой след в истории КГБ оставил Чебриков? Заметный, если учесть, что в 1980 году закрытым постановлением был удостоен Государственной премии СССР, а 1985-м секретным указом ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Чебриков продолжил традиции, заложенные Андроповым, для укрепления лубянского ведомства и особенно поддержания его позитивного имиджа среди населения.

Члены ЦК рассказывали, что Чебриков вместе с секретарем ЦК КПСС Е.К. Лигачевым проводил с ними разъяснительную работу, почему генсеком надо было избрать именно Горбачева. В октябре 1987 года на пленуме ЦК, на котором Горбачев устроил разнос Ельцину, Чебриков был в числе тех выступавших, кто осуждал поведение кремлевского слушника.

Новый генсек видел в КГБ опору своим преобразованиям. В 1986 году, выступая с докладом на XXVII съезде КПСС, Горбачев дал высокую оценку работе КГБ.

Однако со временем новации, которые начал проводить Горбачев, стали вызывать у Чебрикова смятение. На заседа-

нии Политбюро 10 октября 1987 года он возмущенно предъявил листовку, в которой говорилось о необходимости новой Конституции, поскольку действовавшая больше похожа на армейский устав, а страна – на казарму. С тревогой сообщил о нападках на шестую статью Основного закона – о руководящей роли КПСС.

Расширение и углубление перестройки его угнетало. Нет, к числу ее противников генсек его не относил, но некоторые суждения и поступки давали Горбачеву повод называть его консерватором. Впрочем, по-иному и быть не могло: 65-летний участник Великой Отечественной войны, сначала рядовой, затем комвзвода, роты и батальона, раненый, контуженый и обмороженный, майор в конце войны, он был человеком своего поколения. Таким людям расставаться с усвоенными представлениями о жизни было крайне трудно.

Секретарем ЦК КПСС он пробыл недолго – ровно год, с сентября 1988-го по сентябрь 1989-го. Но главный штаб партии уже не играл главной роли на политическом поле. Чебриков курировал административные и правовые вопросы, которые к тому времени перешли в ведение депутатов Верховного Совета СССР. Руководитель президентского аппарата В.И. Болдин с грустью отмечал, что бывший глава КГБ, лишенный силы, связей и информации, тихо угасал. В сентябре 1989 года Горбачев вывел его из состава Политбюро ЦК, освободил от должности секретаря ЦК и отправил на пенсию.

Он умер в Москве в 1999 году. Ему было 76 лет. Похоронили генерала армии В.М. Чебрикова на Троекуровском кладбище.

Позднее мне приходилось читать в разных СМИ и мемуарах высказывания его бывших друзей-фронтовиков и сослуживцев по КГБ: если бы Горбачев не освободил Чебрикова за три года до августовских событий 1991 года и не заменил бы его В.А. Крючковым, тех событий, скорее всего, не было бы.

Но много раз уже было сказано: история не знает сослагательного наклонения. Поэтому произошло то, что произошло.

Ранний Горбачев формировал руководство органов КГБ из людей, осененных именем Андропова. Многие исследователи отмечали, что новый генсек слабо разбирался в структуре спецслужб. Так, Валерий Болдин в своей мемуарной книге «Крушение пьедестала» вспоминал такой забавный эпизод.

Когда Болдин вошел в кабинет генсека с бумагами на подпись, Михаил Сергеевич, увидев проект постановления о по-

ездке секретаря ЦК Александра Николаевича Яковлева в США, документ подписал, а Болдину весело подмигнул:

– Резидент вызывает...

Если резидент американской разведки действительно существовал, то он должен был находиться в СССР, а не в США.

Горбачев остановил свой выбор на кандидатуре 64-летнего Крючкова, наверное, потому, что тот был близок к Андропову, который и выдвинул Владимира Александровича на работу в КГБ.

Крючков был родом из Царицына–Сталинграда–Волгограда, трудовой путь начинал рабочим на оборонном заводе. Работал в комсомоле, после окончания Саратовского юридического института – в прокуратуре. В 1951 году Сталинградский обком партии направил его на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР.

Дипломатическая карьера Крючкова началась в 1954 году. В 1955 году он получил должность третьего секретаря посольства СССР в Венгерской Народной Республике. Советское посольство в Будапеште возглавлял Ю.В. Андропов. Они подружились, оба проявили мужество во время венгерского восстания в 1956 году. Действовали практически в боевых условиях, за что Крючков по представлению Андропова был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С тех пор они не расставались. Андропов после возвращения из Венгрии получил в Москве должность заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Он сразу же вспомнил о Крючкове и перевел его к себе в отдел сначала референтом, затем заведующим сектором Венгрии и Румынии. В 1965 году Андропов стал секретарем ЦК КПСС и сразу же назначил Крючкова своим помощником.

В 1967 году Брежнев назначил Андропова председателем КГБ, и Юрий Владимирович забрал с собой Крючкова и назначил его своим помощником, а затем начальником секретариата КГБ.

В 1971 году в служебной карьере исполнительного, надежного, всегда находившегося под рукой помощника-канцеляриста произошли разительные перемены. Андропов назначил его первым заместителем начальника 1-го Главного управления КГБ при Совете министров СССР (внешняя разведка). Вскоре Андропов поздравил его с назначением на должность исполняющего обязанности, а затем и начальника управления.

В 1978 году к названию этой должности прибавилась вторая часть, и теперь оно звучало так: начальник 1-го Главного управления – заместитель председателя КГБ при Совете министров СССР.

Конечно, опыта не хватало. Но у него была фантастическая память: не пользовался записными книжками, держал в уме множество телефонных номеров и псевдонимов. Это были крайне важные природные данные для руководителя внешней разведки.

Однако отсутствие самостоятельной работы «в поле» сказывалось на его стиле и методах. Остерегался быстро принимать решения, даже в тех случаях, когда этого требовала обстановка. Часто советовался с Андроповым, докладывал ему о мельчайших подробностях. Аппаратное прошлое висело над ним неистребимым грузом.

Крючков был первым и единственным главой КГБ, пришедшим на эту должность из внешней разведки. До него и после него лубянское ведомство возглавляли «внутренники». Правда, в августе 1991 года было еще одно исключение, но выходец из внешней разведки генерал Леонид Шебаршин пробыл в этой должности всего одни сутки.

Какими соображениями руководствовался Горбачев, когда 1 октября 1988 года назначил Крючкова председателем КГБ СССР? Андропова, водившего его на веревочке за собой по всем ступеням своей карьерной лестницы, уже не было в живых, но генсек считал, и небезосновательно, что Юрий Владимирович умел разбираться в людях. Если уж он кого-то приближал к себе, то был уверен, что тот не способен подставить, а тем более предать хозяина. Как-никак 15 лет во главе грозного лубянского ведомства. Абсолютный рекорд в череде быстро сменявшихся предшественников и преемников.

Интересно мнение бывшего начальника разведки ГДР Маркуса Вольфа. Правда, высказано оно было уже после распада СССР в его мемуарной книге «Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки», изданной в Москве в 1998 году. Маркус Вольф назвал назначение Крючкова логичным, но не очень мудрым. Почему? Потому что председатель КГБ, сменивший Чебрикова, по своей натуре не был лидером. Да, грамотный, да, умный. Но все время ждал указаний от своего наставника по любому поводу.

Впрочем, может, именно это качество и прельстило Горбачева больше всего? Наверное, он думал: от таких людей, как Крючков, ждать неожиданностей не следует. Они никогда не осмелятся выступить против своих начальников, не будут вести свою собственную линию в политике.

Время, как всегда, подтвердило древнюю китайскую мудрость: вечного ничего нет, вечны только перемены.

Пожалуй, вплоть до самых августовских дней 1991 года у Горбачева не возникало подозрений в отношении лояльности к нему и его идеям со стороны главы КГБ. В марте 1990 года Михаил Сергеевич лично ввел Крючкова в состав Президентского совета. Председатель КГБ по должности являлся также членом Совета обороны СССР.

На последнем, XXVIII, съезде КПСС (июль 1990 года) выступление Крючкова вызвало аплодисменты. Особенно слова: «Нередко задают вопросы: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрим куда надо».

При председателе КГБ Крючкове в ноябре 1988 года началась работа над проектом «Закона об органах государственной безопасности в СССР». До этого закона правовым актом, согласно которому существовал и действовал Комитет госбезопасности, было постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, принятое еще в 1959 году.

Первая статья закона имела название: «Назначение органов государственной безопасности». В ней указывалось: «Органы государственной безопасности обеспечивают в пределах компетенции государственную безопасность Союза ССР и республик и в этих целях ведут борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и территориальной целостности государства, его экономического, научно-технического и оборонного потенциала».

Впоследствии Крючков, поясняя свои действия в августе 1991 года, отмечал, что назначенное на 20 августа подписание договора о Союзе Суверенных Государств несло в себе прямую угрозу конституционному строю Союза ССР, его территориальной целостности. Поэтому противодействие данному акту оз-

начало не что иное, как защиту Конституции, законов СССР, чего и требовал закон от органов госбезопасности. К тому же в строгом соответствии с волей подавляющего большинства народа, выраженной на всенародном референдуме 17 марта 1991 года.

В соответствии с принятым законом главным стержнем в защите целостности страны становились органы государственной безопасности. До отмены статьи 6 Конституции СССР таким объединяющим звеном была КПСС. Однако ее позиции ослабли, она перестала быть цементирующим центром. Количество союзных министерств, ведомств и организаций сокращалось. Оставалось все меньше структур, которые могли бы отстаивать союзные позиции. И роль органов госбезопасности в этих условиях была бы конструктивной.

Однако деструктивные силы всячески затягивали рассмотрение проекта закона. Верховный Совет СССР принял его только 16 мая 1991 года. Обретя жизнь лишь в законодательном отношении, он, тем не менее, послужил веским доказательством намерений тех, кто в августе совершил попытку остановить процесс разрушения страны.

Хроника обвала

Деятельность последних руководителей КГБ нельзя рассматривать в отрыве от перемен, происходивших с приходом Горбачева к власти. Многие из них носили революционный характер. Особенность их революционности заключалась в том, что они спускались сверху, а не шли снизу, как это бывало в истории.

Безжалостному отрицанию подвергалось все, что было создано до Горбачева – политика, идеология, экономика. Оказывается, все было неправильно, все приносило только вред. Как правильно надо было поступать, знал только один человек в стране – Михаил Сергеевич Горбачев. Вскоре и сама КПСС показалась ему неправильной, и он исключил ее из Конституции.

Как реагировало лубянской руководство на коренную ломку устоявшихся в сознании нескольких поколений советских людей представлений о путях строительства социализма?

Политика

О новом политическом курсе Горбачев объявил на апрельском пленуме ЦК КПСС – через месяц после своего избрания генсеком. В течение всего 1985 года он постоянно совершал зарубежные визиты. В июле заявил об одностороннем прекращении любых ядерных взрывов. 17 октября на заседании Политбюро дал поручение подготовить решение о выводе советских войск из Афганистана.

На XXVII съезде КПСС, состоявшемся в конце февраля – начале марта 1986 года, Горбачев выступил с политическим докладом, в котором изложил идеи, направленные на преобразования в стране. Но курс, как вытекало из принятой на съезде новой редакции Программы КПСС, оставался прежним – строительство коммунизма.

Новый генсек дал высокую оценку роли КГБ в системе власти: «В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно возрастает ответственность, лежащая на органах государственной безопасности. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, они ведут большую работу по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины».

Октябрь 1986 года – переговоры Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике. Тогда к новому советскому лидеру на Западе относились еще недоверчиво, его инициативы представлялись каким-то хитрым ходом.

По словам посла СССР в США, впоследствии секретаря ЦК КПСС по международным делам А.Ф. Добрынина, та встреча закончилась безрезультатно. Горбачев, прощаясь и еле скрывая горечь большого разочарования, сказал: «Господин президент, вы упустили уникальный шанс войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению». Рейган угрюмо ответил: «Это относится к нам обоим».

19 января 1987 года случился первый конфликт между Горбачевым и Ельциным на заседании Политбюро, обсуждавшем ответственность высших партийных органов.

27 января открылся пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев выдвинул концепцию перестройки, политической реформы, аль-

тернативных выборов, тайного голосования на партийных выборах. А.Н. Яковлева избрали кандидатом в члены Политбюро.

28 мая, в День пограничника, западногерманский летчик М. Руст посадил свой самолет на Красной площади. Последовала отставка руководства военного ведомства. Министром обороны Горбачев назначил Д.Т. Язова.

25 июня 1987 года на пленуме ЦК КПСС членом Политбюро был избран А.Н. Яковлев. Тот самый, о котором Крючков впоследствии написал статью под названием «Посол беды», где обвинил его в том, что тот был завербован американской разведкой.

11 августа Моссовет принял «Временные правила организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий на улицах, площадях, проспектах, в парках, садах, скверах и других общественных местах г. Москвы».

12 сентября кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС Б.Н. Ельцин подал Горбачеву письмо с просьбой об отставке.

21 октября – пленум ЦК, обсуждался проект доклада Горбачева о 70-летию Октября. «Бунт на корабле»: Ельцин выступил с критикой политики перестройки. В ответ последовала разгромная критика со стороны участников пленума.

Рядом с ним в зале пленума сидел новый министр обороны СССР Д.Т. Язов. В августе 2016 года в интервью «Комсомольской правде» он поделился эксклюзивными подробностями:

– Ельцин не был против советской власти до тех пор, пока его не обидели. Он представлял миллионную парторганизацию Москвы, а его держали кандидатом в члены Политбюро. Это его тяготило... Он спрашивает у меня: ты пойдешь выступать? Я: мне не о чем. Он: а я пойду. И выступил. Без бумажки. Что хотел, то и сказал: что перестройка объявленная не идет. Если бы его избрали членом Политбюро, может, по-другому было бы.

10 ноября – выступления единичных граждан и небольших групп с листовками и плакатами в поддержку Ельцина в Москве и Свердловске.

14 ноября – сбор подписей перед МГУ за возвращение Ельцина и публикацию его речи на пленуме ЦК.

Декабрь 1987 года – в Вашингтоне Горбачев и Рейган подписали Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Февраль 1988 года – Горбачев заявил о намерении в течение 10 месяцев, начиная с 15 мая, вывести войска из Афганистана.

13 марта – в «Советской России» опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», объявленная «манифестом антиперестроечных сил». Два дня, 24 и 25-го, обсуждалась на Политбюро. 5 апреля – отлуп «Советской России» в «Правде» по поручению Политбюро.

28 июня – 1 июля 1988 года – XIX Всесоюзная конференция КПСС. Ельцин выступил с просьбой о политической реабилитации. Не вняли.

29 июля – пленум ЦК по вопросам реформы политической системы советского общества.

30 сентября – пленум ЦК. Обновление состава Политбюро, реорганизация аппарата ЦК.

1 октября – избрание Горбачева председателем Президиума Верховного Совета СССР. Занимавший эту должность А.А. Громыко отправлен на пенсию.

Февраль 1989 года – вывод советских войск из Монголии. В марте – указ Президиума Верховного Совета СССР «О сокращении Вооруженных сил СССР и расходов на оборону в течение 1989–1990 годов».

26 марта 1989 года – первые общесоюзные свободные выборы – избрание депутатов на Съезд народных депутатов СССР. Провал партноменклатуры.

25 апреля 1989 года на пленуме ЦК КПСС «добровольно», по возрасту, из состава ЦК вышли 74 члена и 24 кандидата в члены. Критика курса Горбачева.

21 мая – 150-тысячный митинг в Лужниках в поддержку демократов на Съезде народных депутатов СССР.

22 мая 1989 года пленум ЦК КПСС поддержал кандидатуру Горбачева на пост председателя Верховного Совета СССР.

25 мая на I Съезде народных депутатов СССР Горбачева избрали председателем Верховного Совета СССР. На том же съезде по инициативе Московского депутатского клуба сформирована Межрегиональная депутатская группа – первая парламентская фракция в СССР (Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов и др.).

6 июня – писатель В. Распутин выступил на I Съезде народных депутатов СССР с риторической угрозой выхода России из состава СССР.

21 сентября Горбачев подписал указ об отмене указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1978 года о награждении Л.И. Брежнева орденом «Победа».

В октябре – падение коммунистического режима в Венгрии.

9 ноября 1989 года пала Берлинская стена. Начался процесс воссоединения Германии.

В ноябре – «бархатная революция» в Чехословакии.

2 декабря 1989 года состоялась неофициальная встреча Горбачева и Дж. Буша у берегов Мальты. Объявили о прекращении «холодной войны».

5 декабря опубликовано заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР о том, что предпринятый в 1968 году ввод войск их государств в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден.

12–24 декабря 1989 года II Съезд народных депутатов СССР по докладу А.Н. Яковлева осудил пакт Молотова – Риббентропа (1939). Осуждены также ввод советских войск в Афганистан в 1979 году и применение военной силы в Тбилиси 9 апреля 1989 года.

В январе 1990 года состоялся последний съезд Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), принявший решение об окончании деятельности партии и создании новой – Социал-демократии Польской Республики.

25 февраля в Москве прошла 300-тысячная антикоммунистическая манифестация.

11, 14, 16 марта 1990 года – страна протирала глаза от изумления: пленум ЦК КПСС решил изменить 6-ю статью Конституции СССР – КПСС отказалась от монополии на власть.

12–15 марта 1990 года внеочередной III Съезд народных депутатов СССР избрал Горбачева президентом СССР.

1 мая 1990 года – альтернативная первомайская демонстрация демократических организаций на Красной площади. Горбачев покинул трибуну Мавзолея.

2–13 июля 1990 года проходил XXVIII съезд КПСС, на котором фактически произошел раскол. Горбачева переизбрали генсеком, но убедить делегатов принять новую Программу он не сумел. Ограничились Программным заявлением.

16 июля Горбачев и канцлер ФРГ Г. Коль договорились о полном объединении Германии и полноправном членстве объединенной Германии в НАТО.

2 октября – ГДР прекратила свое существование. В Берлине был поднят общегерманский черно-красно-золотой флаг.

15 октября 1990 года – Горбачеву присуждена Нобелевская премия мира за 1990 год.

Экономика (переход к капитализму)

На июньском 1986 года пленуме ЦК КПСС Горбачев впервые озвучил идеи о новых методах хозяйствования. В августе во исполнение решений пленума 10 министерств и 70 крупнейших предприятий получили право устанавливать прямые связи с зарубежными партнерами и создавать совместные предприятия. В ноябре вышел Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», который разрешал частную деятельность и создание кооперативов по производству ряда товаров и оказанию услуг.

В феврале 1987 года – новый закон, разрешавший образовывать кооперативы общественного питания, по производству товаров народного потребления и бытовому обслуживанию. В мае вступил в силу Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности». В июле ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли пакет постановлений о новых условиях хозяйствования.

25 июня 1987 года – пленум ЦК КПСС по вопросам экономической реформы. Доклад Н.И. Рыжкова. Фактически признан провал курса на «ускорение». Членом Политбюро избран А.Н. Яковлев.

В марте 1989 года начались первые забастовки воркутинских шахтеров.

11 июля – забастовка шахтеров Междуреченска в Кузбассе. Создан городской стачечный комитет. 16 июля забастовали донецкие горняки. К 18 июля число забастовавших в Кузбассе выросло до 140 тысяч человек.

13 июня 1990 года Верховный Совет СССР принял постановление «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР».

15 ноября 1990 года объявлено о введении договорных цен на некоторые товары народного потребления.

Деидеологизация (идеология обновления)

В январе 1986 года было принято решение об ослаблении цензуры, что сразу же привело к оживлению демократической прессы, которая усилила нападки на советский образ жизни. В августе упростили и облегчили процедуру въезда в СССР и выезда по частным делам. В октябре Горбачев дал согласие на публикацию в журнале «Дружба народов» романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», а в ноябре разрешил показ кинофильма Г. Абуладзе «Покаяние». В декабре вернул из ссылки в городе Горьком академика А.Д. Сахарова.

28 сентября 1987 года образована комиссия Политбюро по дополнительному изучению репрессий 1930–1940-х годов (председатель М.С. Соломенцев).

24 октября – первая встреча редакторов неформальных изданий в Ленинграде.

1988 год начался с публикации в журнале «Новый мир» романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и в журнале «Октябрь» романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

4 февраля – реабилитация Верховным судом СССР Н.И. Бухарина и других лиц, проходивших по процессу марта 1938 года, кроме Г. Ягоды. Начало разрыва со сталинизмом.

29 апреля Горбачев принял в Кремле Патриарха Московского и всея Руси Пимена и членов Синода РПЦ.

5 июня в Москве начались торжества, посвященные 1000-летию принятия христианства на Руси.

20 октября Политбюро отменило постановление ЦК от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

С 1 августа 1990 года вступил в силу Закон СССР о печати. Первая статья торжественно объявляла: «Цензура массовой печати не допускается».

9 октября 1990 года вступил в силу Закон СССР об общественных организациях (партиях).

Межнациональные отношения

16–18 декабря 1986 года – уличные беспорядки в Алма-Ате, связанные с отставкой первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева и назначением на эту должность Г.В. Колбина. Трое погибли, 99 человек были осуждены к различным срокам лишения свободы.

23 августа 1987 года – митинги в столицах прибалтийских республик в годовщину подписания пакта Молотова – Риббентропа.

17 октября – многотысячная экологическая демонстрация в Ереване.

12 февраля 1988 года начались митинги в Нагорном Карабахе за воссоединение с Арменией.

18 февраля – появление в Баку первых беженцев-азербайджанцев из Армении.

27–29 февраля 1988 года – антиармянские погромы и резня армян в городе Сумгаите Азербайджанской ССР. Погибли 32 человека, более 400 ранено, разграблено более 400 квартир, сожжено более 40 объектов социально-культурного назначения. В Ереван введены войска.

12 марта 1989 года – 250-тысячный митинг Народного фронта Латвии в Риге. Несанкционированные митинги в Ленинграде и Харькове, посвященные годовщине Учредительного собрания.

8–9 апреля 1989 года – массовая манифестация в Тбилиси. Разогнана войсками. Погибли 16 человек.

23–24 мая – столкновения на национальной почве в Фергане Узбекской ССР. Резня турок-месхетинцев.

23 сентября Верховный Совет Азербайджанской ССР принял закон о суверенитете республики.

25 сентября Верховный Совет Литвы объявил присоединение республики к СССР в 1940 году незаконным.

10 ноября – беспорядки в Кишиневе.

27 ноября Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии.

7 декабря – Верховный Совет Литвы отменил статью 6 Конституции республики (о руководящей роли Компартии).

19 декабря – XX съезд Компартии Литвы объявил свою независимость от КПСС.

24 декабря – последний день работы Съезда народных депутатов СССР. Депутаты заслушали доклад А.С. Дзасохова «О политической оценке ввода советских войск в Афганистан». Это решение, принятое в 1979 году узким кругом лиц – Брежневым, Устиновым, Андроповым, Громыко, – не было рассмотрено в Верховном Совете СССР, чем нарушена Конституция СССР. Приняли решение: осудить прежнее решение.

31 декабря – массовые беспорядки в Нахичевани, разрушены сотни километров оборудования советско-иранской границы.

13–14 января 1990 года – массовые беспорядки в Баку. В ночь с 19 на 20 января объявлен режим чрезвычайного положения, в город ввели войска. Погибли 83 человека, в том числе 14 военнослужащих и членов их семей.

12–13 февраля – массовые беспорядки в Душанбе, повлекшие разрушения и человеческие жертвы.

11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской ССР заявил о «восстановлении независимости Литовского государства» и отменил действие Конституции СССР на своей территории.

11 марта 1990 года – Горбачев на пленуме ЦК выступил с предложением об исключении из Конституции СССР 6-й статьи о руководящей роли КПСС в жизни советского общества: «Представляется целесообразным, чтобы Центральный Комитет вышел с законодательной инициативой об изменении в Основном законе статей, касающихся партии, на Съезд народных депутатов СССР». Пленум согласился без сколько-нибудь серьезной дискуссии по этому ключевому вопросу.

Новая редакция статьи 6 Конституции СССР:

«Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами».

Отмененная статья 6 Конституции СССР 1977 года:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

15 марта на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР М.С. Горбачева избрали президентом СССР.

30 мая 1990 года Ельцина в третьем туре голосования избрали председателем Верховного Совета РСФСР.

12 июня – I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР («за» – 907, «против» – 13, воздержавшихся – 9).

17 июня – всеобщая политическая стачка шахтеров.

20 июня 1990 года состоялся учредительный съезд Компартии РСФСР. Первым секретарем ЦК новообразованной партии стал И.К. Полозков. Сразу же возникла поговорка: «Нас не объегоришь, нас не обкузьмишь» (Егор – это имя Лигачева, Кузьмич – отчество Полозкова).

20 июня Верховный Совет Узбекистана принял Декларацию о суверенитете Узбекской ССР, спустя три дня Верховный Совет Молдавии принял Декларацию о суверенитете ССР Молдова.

7 июля – XXVIII съезд КПСС. Инцидент с «архитектором» горбачевской перестройки, членом Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлевым во время его ответов на вопросы после отчета о своей работе.

Делегат съезда генерал Александр Лебедь: Существует неопубликованная книга «Мое видение марксизма». Объем – до 600 листов. Автор – вы. Как понимать ваше выражение, что за ее опубликование вы будете «повешены на первой осине», и кто вешатели? И, вообще, сколько у вас лиц, Александр Николаевич?

Яковлев: Чего-чего, извините? (*Шум в зале, аплодисменты.*) Сколько у меня чего?

Лебедь: Повторяю. Сколько у вас лиц?

13 июля – Верховный Совет РСФСР объявил все отделения Госбанка СССР и других банков на территории РСФСР с их активами и пассивами собственностью РСФСР. Образованы Госбанк и Сбербанк РСФСР.

20 июля – принята Декларация о государственном суверенитете Республики Северная Осетия – Алания.

21 июля – Верховный Совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 года «О вступлении Латвии в состав СССР» не имеющей силы с момента ее принятия.

27 июля – Верховный Совет Белорусской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете Белоруссии.

Август – Верховный Совет Армении принял декларацию о государственной независимости страны. «Парад суверенитетов» во всех союзных и автономных республиках.

20 сентября – Верховный Совет РСФСР выразил недоверие правительству СССР.

16 октября 1990 года Ельцин выступил в Верховном Совете РСФСР, где фактически объявил об отказе России подчиняться союзному центру.

24 октября – вступил в силу Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР». Верховный Совет и Совет министров РСФСР получили право приостанавливать действия союзных актов; указы президента СССР подлежали ратификации.

28 октября – на выборах в Верховный Совет Грузии победил З. Гамсахурдиа (54% голосов, Компартия – 29%).

31 октября – Верховный Совет РСФСР принял закон о бюджете, согласно которому все предприятия на территории РСФСР обязаны платить налог только в российский бюджет.

7 ноября – на демонстрации, посвященной Октябрьской революции, прошли альтернативные колонны «ДемРоссии». Последний в советской истории военный парад на Красной площади.

Декабрь 1990 года – IV Съезд народных депутатов СССР. Умалатова предложила Горбачеву уйти в отставку.

За 1990 год из КПСС вышло почти 2,5 млн человек. Более половины вышли по идеологическим мотивам, то есть были не согласны с политикой Горбачева.

Катаклизмы

26 апреля 1986 года – катастрофа на Чернобыльской АЭС.

31 августа ночью вблизи Новороссийска в результате столкновения с грузовым судном потерпел аварию и затонул пассажирский пароход «Адмирал Нахимов».

7 декабря 1988 года – сильное землетрясение в Армении, большие разрушения и жертвы. Погибли более 24 тыс. человек.

Одним словом, мрак. Или ужас. Можно все, что происходило в 1985–1990 годах, назвать одновременно двумя этими словами.

Читатели могут спросить: а что делали органы госбезопасности? Действительно, что?

12 декабря 1990 года Крючков в телеинтервью назвал активистов перестройки «поддерживаемыми иностранными спецслужбами».

С тех пор прошло более четверти века. Немало воды утекло за это время. Новые события заслонили память о прежних. У многих стерлись из памяти даже трагические дни августа и декабря 1991-го, октября 1993 года, что уж тут говорить о годах, которые им предшествовали.

А ведь они были первопричиной того, что тогда произошло. Поэтому есть смысл напомнить о них, выстроить в один ряд и... снова ужаснуться. И попытаться понять и объяснить, куда, говоря словами Крючкова, все-таки смотрел КГБ.

Так говорил Чебриков

11 марта 1985 года, когда, после смерти К.У Черненко на заседании Политбюро обсуждался вопрос о кандидатуре на пост Генерального секретаря, В.М. Чебриков сказал:

– Тон сегодняшнему нашему разговору задал Андрей Андреевич Громыко. Он очень правильно сказал, что мы должны смотреть в будущее. Это умение смотреть в будущее, может быть, сейчас важнее всего. Мне также исключительно импонировали слова Громыко о необходимости сохранения и укрепления единства Политбюро, Центрального Комитета, всей нашей партии в целом. И сегодня, когда мы говорим о Генеральном секретаре ЦК КПСС, мы должны четко оценить, кто тот человек, который сможет выполнить эту сложнейшую задачу. И я уверен, что Михаил Сергеевич Горбачев с этой задачей с честью справится. За эти качества Михаила Сергеевича Горбачева очень ценили Леонид Ильич Брежнев, Юрий Владимирович Андропов и Константин Устинович Черненко.

Лидер нашей партии должен обладать хорошей теоретической и практической базой. Можно было бы сослаться на ряд статей и выступлений Михаила Сергеевича. Но я назову лишь его выступление на состоявшейся недавно Всесоюзной теоретической конференции. Я думаю, что все заметили, насколько это было смелое и сильное выступление.

Михаил Сергеевич Горбачев – контактный человек. Он умеет прислушиваться к другим, с пониманием относится к затрагиваемым проблемам. А проблем у нас в стране много. И для решения их требуется человек, обладающий большой работоспособностью и эрудицией. Такая эрудиция и работоспособность у Горбачева есть в полной мере.

Идя сегодня на пленум, я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот, с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру товарища Горбачева Михаила Сергеевича на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива – это и голос народа. Что касается нас, то мы со своей стороны постараемся работать на высоте задач, которые стоят перед Комитетом государственной безопасности. Сплоченный чекистский коллектив сделает все, чтобы еще лучше работать во главе с Политбюро ЦК КПСС, которое будет возглавлять новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

Год 1986-й, 23 января. Политбюро обсуждает проект доклада Горбачева на предстоящем XXVII съезде КПСС. Все восхищаются прорывными идеями генсека. Особенно министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, который сказал, что после В.И. Ленина не помнит такого документа, что люди дадут ему название «Слово о социализме».

Председатель КГБ Чебриков краток и точен, к чему обязывает его должность:

– Доклад пронизан правдой. Показан многомерный мир.

Предложения:

– Сильнее всего надо ввести тему борьбы против буржуазной идеологии. Подчеркнуть необходимость атеистического воспитания, особенно в связи с активизацией ислама, католицизма.

Умен бывалый фронтовик, ничего не скажешь. Сразу обратил внимание на изъяны доклада. Сработало профессиональное чувство опасности. И не только умен, но и смел. Не побоялся прослыть ретроградом, сказал о своих опасениях. А может, еще не понимал старый служака того, что задумал молодой генсек? Хотя нет, прошел уже почти год, как Горбачев у власти, и о его новом курсе, о новом мышлении все были наслышаны.

28 апреля 1986 года. На Политбюро под председательством Горбачева заслушивается информация об аварии на четвертом блоке Чернобыльской АЭС. Чебриков:

– По нашей линии пока ничего тревожного нет. Население спокойно. Но нужно учитывать, что об аварии пока знает узкий круг людей.

29 апреля того же года. Политбюро обсуждает предложения о дополнительных мероприятиях, связанных с ликвидацией аварии на Чернобыльской АЭС. Чебриков:

– Есть разночтения в докладах по линии ведомств. По нашей информации, радиация не уменьшилась. Высота излучения полтора километра. Она берется потоком воздуха. О трех «языках» радиоактивного облака можно говорить лишь условно. В одних местах радиация регистрируется, в других – нет. В Тернополе фиксируется радиация, а в Житомире – нет, в Могилеве – нет, в Минске – нет. Главное сейчас состоит в том, чтобы бросить все силы на ликвидацию очага. Надо установить за этим строжайший контроль. В городе около АЭС радиация повысилась. Отсюда выселяются 5 тысяч человек, оставшихся после эвакуации. Производится также эвакуация жителей четырех деревень.

Нужно подумать и о нашей комиссии, которая находится на месте. Она нахватала столько, что количество полученных рентген находится на грани годовой нормы. Ее члены получили по 12 рентген из допустимых 17.

В Москве находятся 193 больных, из них 10 крайне тяжелых, 18 – тяжелых, 30 – средней тяжести. Помимо московских, надо задействовать и другие больницы такого типа, которые имеются в Челябинске, Свердловске, Арзамасе, Электростали. На Украине госпитализировано 40 человек.

3 июля. Заседание Политбюро. Тема – причины аварии на Чернобыльской АЭС. Горбачев взбешен:

– Писали: атомная энергетика может служить эталоном безопасности. А грянул Чернобыль, и никто не готов: ни гражданская оборона, ни медслужбы дозиметрами не обеспечены и по минимуму, пожарная служба не знает, что ей делать... Облако пошло после взрыва. Его по пути кто-то засек? Меры принял? Нет.

Выступившие руководители ведомств перекладывали вину друг на друга. Как сказал Горбачев, «устроили свару». Предсе-

датель КГБ Чебриков отсутствовал, вместо него был его первый заместитель Ф.Д. Бобков.

Филипп Денисович сразу же отвел возможность диверсии. Она исключается. Но беспечность, неграмотность, неготовность потрясающие:

– Люди не знали, с чем они столкнулись. Нельзя отдавать судьбу атомной энергетики в руки одного человека. Опасность АЭС – еще и в том, что и там главное – «выполнять» план любой ценой, в ущерб безопасности, за ее счет, как на обычном заводе у нас. И гонка в строительстве АЭС, и с захоронением отходов не решено – на некоторых АЭС «сверхнормативные» запасы. Хоронят по уплотненному варианту. В районе Чернобыля заражено озеро. Случись ураган или смерч – беда на всю округу.

Надо ли что-либо добавлять к этому честному, правдивому выступлению? КГБ были чужды узковедомственные подходы, Комитет всегда исходил из общегосударственных интересов.

Тем не менее анализ выступлений руководителей КГБ на заседаниях Политбюро и на других совещаниях показывает, что Горбачев не всегда поддерживал позиции Лубянки по некоторым вопросам. Тенденция была такая: чем дальше продвигалась перестройка, тем чаще возникали расхождения. Особенно в вопросах идеологии и культуры. Но они носили товарищеский, деловой характер. В порядке обсуждения.

Так, 22 сентября 1986 года на совещании, которое Горбачев проводил с членами Политбюро перед предстоявшим пленумом по кадрам, Чебриков произнес реплику по поводу повести белорусского писателя Василя Быкова «Знак беды». Чебрикову не понравилось, как в книге подавалась тема коллективизации сельского хозяйства.

Горбачев не согласился:

– Ну что ж, это его гражданская позиция. Это и есть гласность. Я сам помню, не все молчали тогда: и кричали, и письма писали всюду. Но всем рот заткнули, да еще как.

И добавил:

– Да, свобода слова – это бритва в руках ребенка. Перекосы будут. Но надо добиваться, чтобы позитив присутствовал и нарастал. В потоке, который уже образуется, все будет – и пена, и мусор. Но в принципе – это знак весны, обновления.

В Белоруссии, на родине Василя Быкова, на тему гласности и КГБ сочинили такое вот четверостишие:

Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
И уж тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

Чебриков, наверное, переживал из-за своей реплики. Потому что спустя три дня, 25 сентября, на заседании Политбюро счел необходимым оправдаться перед Горбачевым. Тогда генсек удрученно обронил фразу, что вот, мол, на Украине провели социологический опрос, который показал: половина опрошенных руководящих кадров не верит в успех перемен.

– Михаил Сергеевич, – произнес Чебриков, – я готов поклясться партбилетом, что в КГБ нет оппозиции и сомнений в отношении новой политики.

На заседании Политбюро 23 октября 1986 года одним из рассматриваемых вопросов было усиление борьбы с международным терроризмом. Чебриков тогда сообщил:

– Уже сейчас в мире похищено столько ядерного сырья, что можно изготовить десять бомб, аналогичных хиросимской. Только известных нам антисоветских организаций с террористическими наклонностями 200 единиц. В них задействованы три тысячи человек. Это то, что мы знаем, а сколько еще не знаем...

Спустя четыре дня, 27 октября, доложил генсеку и членам Политбюро:

– У нас есть данные о том, что зубную пасту покупают оптом, а потом паста намазывается на хлеб, смывается, поскольку хлеб всасывает находящийся в пасте спирт... Вот до чего дошли.

Как видим, круг информации, которую глава КГБ докладывал высшему политическому руководству страны, был чрезвычайно широк. Действительно, на Лубянке знали все, что происходило в стране. Даже такие подробности о спекулятивной торговле водкой.

– Становится пенсионер в очередь ранним утром, потом продает эту очередь за пять рублей. Тот, кто становится на его место, покупает десять бутылок водки и потом каждую продает за двадцать рублей. В очередях идут разные разговоры, и главным образом ругают, естественно, вас, Михаил Сергеевич. Да еще в присутствии оцепления милиции...

Искренность и правдивость председателя КГБ не знала границ!

Тех, кто расклеивал листовки, собирал и рассылал всякого рода антисоветские фальшивки, он относил к категории людей, страдавших нарушением психики. Их было не так уж много, но они были.

Сложнее дело обстояло с теми, кто писал в КГБ и ЦК КПСС, по словам Чебрикова, «в целях профилактики», боясь повторения репрессий.

– Хуже обстоит дело, – сказал Чебриков, – с тем, что наши толстые журналы стали буквально соревноваться, кто, если можно так сказать, сильнее «плюнет» в советскую власть. Многие писатели стараются сейчас, как они сами говорят, рассчитаться с советской властью за беды своих родителей. Покойный Юрий Трифонов заявлял, что он никогда не простит советской власти репрессий, примененных к его реабилитированному отцу. Евгений Евтушенко мстит нам за двух своих репрессированных дедов. Кое-кто сейчас стал предлагать опубликовать неизданные произведения Твардовского в защиту кулачества.

Горбачев снова вернулся к повести Василя Быкова «Знак беды». Сказал, что испытывал сложные чувства, когда читал. Рассказал о своей недавней встрече с руководителем Союза кинематографистов Элемом Климовым:

– Я ему сказал: нам в искусстве нужна правда, но полная правда, а не полуправда. Надо показывать деревню такой, какой она есть на самом деле: не заменять одну неправду или полуправду другой.

И тут случилось почти невероятное. Чебриков сказал, что он не за то, чтобы писались оды в честь прошлого или настоящего.

– Но если мы выпустим из-под контроля литературный процесс, то получится, что за 70 лет советской власти у нас не было ни одного светлого дня.

1 декабря 1986 года Горбачев провел совещание о созыве пленума ЦК по кадровой политике.

Чебриков (по дневниковой записи В.И. Воротникова): «Необходимо высказаться на пленуме по национальным вопросам. Осмыслить кадровую политику. Есть ряд негативных тенденций. Уровень образования кадров растет, казалось бы, это позитивный фактор, и в то же время, особенно в интеллигентской среде, немало “копания, возни, сопоставлений” и тому подобного. Этот вопрос очень важный. Может, следует действительно практиковать обмен кадрами между национальными республиками?»

На первом заседании Политбюро в январе 1987 года обсуждали проект доклада Горбачева на пленуме по кадровой политике. Встал вопрос: опубликовать полностью или в изложении?

Чебриков: полностью, иначе многое потеряем. Обязательно о национальных отношениях, а то раньше об этом говорили только на торжественных собраниях. А тут – непочатый край работы, какой регион ни возьми.

– О ценообразовании, – осторожный глава КГБ остановился. – А вдруг как увидят, подумают: будет денежная реформа!

– Может, в сберкассы больше положат, – пошутил генсек, – залежалые товары раскупят...

24 марта 1987 года Горбачев, возвратившись из краткого зимнего отпуска, собрал членов Политбюро для обмена мнениями о ситуации в стране. Сказал, что обстановка среди молодежи тревожная. Чебриков:

– Запад следит за ситуацией у нас. Есть настороженность. Гласность раскрыла ряд общественных неформальных организаций, которые поддерживаются западниками. Чувствуется стремление уменьшить партийное и государственное влияние на духовную жизнь общества. Гласность сейчас уже используют против перестройки. Используют ее так, что отвлекают от реальных проблем, канализируют энергию в охрану памятников, раздувают шум по посторонним вопросам, поднимают на щит неформальные объединения, провоцируют необоснованные ожидания.

По ироничному выражению главы КГБ, «плюрализм полный»:

– В печати публикуют что угодно и не извиняются, когда выясняется, что врут или оскорбили. На узком участке времени обрушили столько негатива на молодежь! Поднимаются проблемы коллективизации, раскулачивания. Все это подается как негатив, как преступление против народа. Даже победа в войне подается искаженно. Отменили цензуру, но отменили и государственное руководство духовной жизнью совсем. И вот результат. Необходим достоверный анализ исторических фактов компетентными лицами. Нужны объективные публикации.

Договорить Чебрикову генсек не дал. Прервал словами:

– Виктор Михайлович, когда начинаешь с «А», сначала подумай до «Я».

23 апреля 1987 года Горбачев на Политбюро:

– Не путать функции ЦК и КГБ! Идеологическая и политическая работа – это ЦК. А КГБ пусть занимается государственной безопасностью. Идеологической жандармерии нам не нужно. Если будем путать одно с другим, ерунда получится, как раньше и получалось.

7 мая 1987 года. На Политбюро рассматривается вопрос о письмах в ЦК. Чебриков:

– Встречался я с однополчанами. В один голос говорят: плохо спрашиваем за выполнение решений. И не доходит «до низа» то, что делается вверху, в руководстве. Решения знаем, а вокруг все по-прежнему.

Обратил внимание на то, что суть перестройки не доведена до людей. Растут факты выхода на улицу по различным поводам. Местные органы не придают этому значения.

30 мая 1987 года. Политбюро обсуждало, что делать с теми, кто допустил приземление немецкого летчика Руста на Красной площади. Рыжков потребовал снятия главкома ВВС Колдунова и отставки министра обороны Соколова. Его поддержали Лигачев и Соломенцев. Чебриков:

– То, что случилось, объяснить народу невозможно. Надо еще разобраться во всей этой истории. Как самолет попадал и исчезал с экранов наблюдения? Каковы схемы согласования действий и подчиненности? Кто виновен?

Горбачев объявил перерыв и сразу же об отставке министра обороны Соколова и назначении на эту должность Язова.

13 августа 1987 года. Доклад заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Складорова об эмигрантских настроениях в стране. За 10 лет выехало 230 тысяч человек. Из них 70 тысяч пенсионеров, 36 тысяч с высшим образованием, 6 тысяч членов КПСС, 12 тысяч членов ВЛКСМ. Чебриков:

– Да, выехало немало. Что можно ожидать? Немцы... Еще примерно 400 тысяч могут уехать. А еще 400 тысяч евреев уже имеют вызовы на руках. Плюс 8 тысяч армян. Иначе говоря, речь идет не об отдельных случаях, а о явлении массовом...

28 сентября 1987 года Горбачев, вернувшись из отпуска, в узком кругу обрисовал обстановку в стране. Отметил: перестройка затрагивает и КГБ.

Чебриков (по дневниковой записи В.И. Воротникова): «Образование неформальных общественных организаций – это закономерный процесс. Беда, что их оставляют без внимания,

тогда возникают проблемы, экстремизм. Есть и такие “организации”, содержание работы которых инспирировано извне. Там стоят во главе лица с враждебными настроениями, они маскируют свое подлинное лицо. Их инструмент – поддержка любых оппозиционных сил, недовольства людей».

15 октября 1987 года. Обсуждение проекта доклада Горбачева о 70-летию Октября. Дифирамбы, одни дифирамбы. Хотя были и некоторые замечания. Чебриков:

– В докладе мы получаем прочтение истории в духе правды. Но каждый ищет в этой правде свое, а многие навязывают свою правду.

Приводит такие примеры. В Ленинской школе слушателям прочтена лекция об «Анти-Дюринге». Лектор утверждал: Маркса мы не знаем, и теоретических позиций у нас нет.

– В литературе господствуют Рыбаков, Бек, Дудинцев. Почему художественные произведения у нас стали основами марксизма-ленинизма?

Горбачев подал реплику:

– Нам самим не надо отставать.

Чебриков продолжал:

– В жизни «Дети Арбата» – пособие по «Анти-Дюрингу»... О Февральской революции... К Молотову пришел один писатель. Спрашивает: как, мол, вы во время Февраля себя вели, что собираетесь в мемуарах писать? Молотов ответил: «Знаете, пока Ленин не приехал, мы не знали, что делать».

Горбачев объясняет:

– Большевики готовились стать легальной оппозицией.

Чебриков:

– Оценку троцкизма в докладе я разделяю. Но редакционно подправил бы. О кулачестве. Я за то, чтобы усилить тему о ликвидации кулачества. Это – последний эксплуататорский класс. «Ликвидация» – не «ликвидация», дело не в слове. Его можно и снять. Но суть борьбы с кулачеством оставить. А тут недомолвка.

Дальше председатель КГБ затронул тему Конституции. Сказал, что согласен с выступившими: пока не говорить, во всяком случае в такой редакции.

– Группа лиц вышла на улицу с листовками о новой Конституции, – рассказал он. – Там утверждается, что нынешняя не соответствует перестройке. Конституция, заявляют демонстранты, не должна быть идеологизирована. И в ней не должно

быть руководящей роли партии. Ходит идея, что у нас «авторитарно-бюрократическая модель социализма». А ведь это западная формула.

Чебриков высказывал несогласие и с другими положениями проекта доклада. И, что любопытно, Горбачев вступал в полемику, отстаивая изложенные формулировки.

На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 21 октября 1987 года, на котором со скандальным заявлением выступил Ельцин, Чебриков был в числе тех, кто осудил кремлевского слушника. Впрочем, там не нашлось ни одного оратора, кто сказал бы хоть одно слово в поддержку Бориса Николаевича.

9 ноября. Запись в дневнике В.И. Воротникова. «Понедельник. В 13.30 срочно пригласили в ЦК. В кабинете Горбачева собрались только члены Политбюро (Лигачев, Громыко, Рыжков, Зайков, Воротников, Чебриков, Яковлев, Шеварднадзе, Соломенцев).

Сообщение Лигачева. Ему позвонил второй секретарь МГК и сказал, что у них ЧП. Госпитализирован Б.Н. Ельцин. Что произошло? Утром он отменил назначенное в горкоме совещание, был подавлен, замкнут. Находился в комнате отдыха. Примерно после 11 часов пришел пакет из ЦК (по линии Политбюро). Ему передали пакет. Через некоторое время (здесь я не помню точно, как говорил Лигачев – или потому, что ожидали его визы на документе и зашли к Ельцину, или он сам позвонил) к Ельцину вошли и увидели, что он сидит у стола, наклонившись, левая половина груди окровавлена, ножницы для разрезания пакета – тоже. Сразу же вызвали медицинскую помощь из 4-го управления, уведомили Чазова, сообщили Лигачеву. О факте знает несколько человек в МГК.

Дополнительно нас информировал и Чебриков. Подтвердил сказанное. Сообщил, что в больнице на Мичуринском проспекте, куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится Е.И. Чазов. Что он говорит? Был порез (ножницами левой стороны груди, но скользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет. Сделали обработку пореза, противостолбнячный укол».

Два дня, 24 и 25 марта 1998 года, Политбюро обсуждало статью ленинградской преподавательницы Нины Андреевой в

газете «Советская Россия». Публикацию называли «манифестом антиперестроечных сил». По словам Шеварднадзе – вредной, реакционной, консервативной, мещанской. Горбачевскую перестройку произвел в главное событие XX века, а вовсе не Октябрьскую революцию, как было написано во всех учебниках.

На второй день обсуждения Горбачев предоставил слово Чебрикову. В свойственной ему сдержанной манере председатель КГБ сообщил: недавно они изучали настроение в обществе, мнения широких слоев о процессах, происходящих в стране. Оно разное. Ожидают перемен. Негативные оценки, конечно же, есть, но они не носят устойчиво деструктивного характера, нейтрализуются, и, более того, есть возможность перевести их в позитивную силу.

– Что касается советологов, – продолжал Чебриков, – то их замысел состоит в том, чтобы возбудить эффект нереализованных ожиданий. Цель – накалить обстановку в стране. Поэтому сегодня главное – практические дела. Необходимо единство в Политбюро. Единство – наше богатство. Если бы не было единства, не было бы ни мартовского, ни апрельского пленумов ЦК 1985 года и не было бы политической линии в том виде, как она сложилась сейчас, тех перемен, которых мы достигли внутри страны и во внешней политике. Вопрос по Ельцину решался бы сложнее. Поэтому сегодняшний разговор я понимаю как еще один шаг по укреплению нашего единства.

Чебриков снова высказался о тревожившей его гласности.

– В прессе много всего. Есть хорошие, есть плохие публикации, есть кощунственные спектакли – «Брестский мир», где образ Ленина искажен. Партийная печать втягивается в групповщину. Появляются легковесные статьи, с подачи родственников, свидетелей – через журналистскую призму. Много сделано, но кое-кто по-прежнему ищет «кремлевские тайны» и выдвигает три варианта трактовки одного и того же события. В итоге всю развенчивают Кремль. От средств массовой информации требуются большая ответственность, серьезность, понимание.

О статье Нины Андреевой:

– На февральском пленуме говорилось: «плакальщики по социализму». Это в определенной мере относится и к Андреевой. Люди ждут от нас многого, и очень важно оправдать их надежды. Перестройка – не одноразовый, а непрерывный процесс. Все трудности впереди. Все только начинается. Мы не

вправе шарахаться из стороны в сторону. На Политбюро лежит огромная ответственность, наша задача – не подвести людей. Достаточно ли мы делаем для нового этапа перестройки?

Член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий поставил вопрос ребром:

– А не заняться ли ведомству Виктора Михайловича этой историей? Кто стоит за этой статьей? Ведь она, видимо, обсуждалась на редакции. Как это все произошло?

5 мая 1988 года. Политбюро обсуждает вопрос о секретных советско-германских протоколах 1939 года. Признавать или не признавать? Оригинал нет.

Замминистра иностранных дел Ильичев: подлинники протоколов были... Уходя из МИДа, Молотов переслал пакет на семнадцати страницах в общий отдел ЦК КПСС.

Громько: на Нюрнбергском процессе копии протоколов признаны фальшивкой.

Чебриков:

– Публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Публикация не соответствует обязательной юридической практике. Она даст больше минусов, чем плюсов. Безусловно, активизируются антисоветские настроения в Польше, требования пересмотра границ. Еще сложнее будут отношения с Румынией. Пройдет всплеск требований об отделении Прибалтики. В общем, публикация по меньшей мере преждевременна.

19 мая 1988 года. Обсуждается проект тезисов к XIX партийной конференции. Чебриков предостерегает:

– Трудовые коллективы бывают разные. Аттестацию воспринимают как чистку. Об этом надо сказать более определенно.

О репрессиях. Реабилитированы 1,6 млн человек. Осталось 100 тысяч дел, по которым нет обращений по реабилитации.

20 июня – обсуждение проекта доклада Горбачева на XIX партийной конференции. Чебриков отмечает: документа с таким количеством нового, непривычных суждений не имели давно. Сформулирована концепция развития – без перегибов, на реальной основе. И без очернения прошлого.

Предложил усилить тему руководящей роли партии.

– Это очень важно, потому что есть попытки ее ослабить, расколоть партию и народ.

О комсомоле и его «партнерстве» с КПСС:

– Я не настаиваю на термине «под руководством», но как-то надо так сказать, чтобы отношения с общественными организа-

циями понимались в демократическом духе. Но и не так, чтобы каждый мог читать по-своему.

О самовыдвижении в депутаты:

– Непривычно это. Может быть навал безответственных гороунов.

Как в воду глядел!

4 июля. Обсуждается ситуация в Армении и Азербайджане.

Горбачев спрашивает:

– Какой выход? Вводить войска?

Громыко поддерживает:

– Появится армия на улицах, и сразу будет порядок.

Чебриков – против.

12 марта 1989 года. Политбюро рассматривает материалы к пленуму ЦК об аграрной политике партии – проект доклада генсека и другие документы.

Чебриков (он уже не председатель КГБ; с 30 сентября 1988 года – секретарь ЦК КПСС, куратор административных и правовых органов):

– Сроки снятия остроты продовольственной проблемы 2–3 года, как сказано в докладе, – это нереально. Зачем будоражить народ?

Замечания высказали также Воротников, Слюньков, Бакланов и другие. Воротников сделал дневниковую запись о том, что Горбачев оставил без внимания высказанные замечания.

20 сентября 1989 года Горбачев освободил Чебрикова от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС. Дневниковая запись В.И. Воротникова, пережившего Чебрикова в составе Политбюро на один год: «По существу, мне так и не были до конца понятны причины, по которым он отправил в отставку Долгих, Добрынина, Чебрикова, Никонова».

Может, разгадка в подмеченных Воротниковым особенностях характера генсека: «Легко приближает к себе и так же легко отказывается от людей, нередко без достаточных на то оснований. Не прощает, если кто-либо нелестно отозвался о его позиции, выступлениях, поступках. Помнит и расстается с такими без сожаления».

И еще несколько строк из дневника Воротникова: «Предложение о В.В. Щербицком (первый секретарь ЦК Компартии Украины. – В.С.) было понятно, так как Владимир Васильевич за последнее время очень сдал, болезнь не давала ему возмож-

ности работать. Ясно было предложение по В.П. Никонову, тот стал явной преградой на пути дальнейших манипуляций с сельским хозяйством, говорил об этом прямо и нелицеприятно для М.С. Горбачева на Политбюро. Формальный повод – болезнь. Но я тогда недоумевал, чем вызвана отставка В.М. Чебрикова. Спросил. Мы сидели рядом. Говорит: “Да знаешь, старые болячки фронтовые проявляются”. И все. Потом я понял причину. Горбачев не забыл давних ставропольских проверок».

Речь шла о компромате, который комиссия из Москвы проверяла на Горбачева в период его работы в Ставропольском крае. Ну а Чебриков участвовал в работе той комиссии от КГБ.

Так говорил Крючков

21 мая 1987 года. Политбюро рассматривает вопрос о ситуации в Афганистане. Крючкова решили послушать, поскольку он вернулся оттуда.

– Надо найти способ, чтобы не потерять Афганистан как дружественную страну, – доложил он свои соображения, – не допустить, чтобы там был создан плацдарм кем угодно – Ираном, Турцией, фундаменталистами. Нельзя уходить, бежать, бросать все. Сначала, не подумав, сделали, а теперь все бросить?

В тот день в дневнике В.И. Воротникова появилась запись: «Крючков – необходимы изменения политики. Надо изменить название страны и партии».

27 декабря 1988 года. Заседание Политбюро. Председательствует Горбачев. Дает оценку материалам зарубежной печати о перестройке: мол, она ничего не дала людям.

– Да и судьба нынешнего руководства на волоске. Если уж прямо говорить, толкуют, что Горбачев доживает свои дни, – говорит он. – По самым оптимальным прогнозам, мне дают год-полтора. Так, Владимир Александрович?

Крючков (уже председатель КГБ, но еще не член Политбюро) произнес свою самую короткую фразу):

– Говорят по-разному.

Горбачев:

– Тебе не хочется высказываться. Это все так. Я не скажу, товарищи, что это нас сильно удивляет. Не хочу впадать в из-

лишнее бодрчество, но раз они недовольны, раз они пытаются такие прогнозы делать – значит, они боятся нашей перестройки.

24 января 1989 года. В повестке дня Политбюро – завершение вывода войск из Афганистана. Шеварднадзе: афганские друзья просят не оставлять их без поддержки, уход будет расценен как крупное политическое и военное поражение.

Крючков (семь месяцев как председатель КГБ, но еще не член Политбюро) поддерживает предложение Шеварднадзе.

9 июня. Заседание Политбюро. Вопрос о Платформе КПСС к пленуму «О национальной политике партии». Крючков (по дневниковой записи В.И. Воротникова):

«Документ должен быть отточен. Пленум можно провести и через месяц, полтора – не беда. Дать объективную оценку по положительным моментам и недостаткам. Более четко сказать о русском народе. Не допустить размежевания. За интеграцию. Не давать простор дезинтеграции России, этого ждут некоторые республики. Им нужен повод».

4 октября 1989 года. Политбюро обсуждает итоги пленума ЦК КПСС по национальной политике. Крючков – уже полноправный член Политбюро.

– Состояние в обществе такое, – докладывает он, – что одними словами не обойтись. Нужна борьба. Мы часто называем напряженностью в обществе активность определенных сил.

По данным КГБ, оздоровление финансов непопулярно. Но это неизбежно, считает глава Лубянки. И дальше он произнес загадочную фразу:

– Народ за перестройку, и при соответствующем пропагандистском обеспечении он принял бы чрезвычайные меры...

Что он имел в виду под «чрезвычайными мерами»?

6 ноября 1989 года. Крючков выступил с докладом на торжественном собрании, посвященном 72-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Оно оказалось последним в истории СССР. Сейчас кажется странным, что именно председатель КГБ выступил с таким «похоронным» докладом. Но ведь кто тогда знал, что он будет последним?

Тем более, что поручение выступить с докладом Крючков получил от Горбачева – через пару дней после того, как был избран членом Политбюро.

По тогдашней традиции, доклад был опубликован в партийной печати. Читаешь его сегодня и думаешь: докладчик не

скрывал ничего! Ни того, что страна явно вползала в кризис – политический, экономический, идеологический. Ни обострения межнациональных отношений, приведших к конфликтам с человеческими жертвами. Ни невиданного для советского образа жизни появления беженцев.

Но было бы неправильным свести более чем 70-летнюю советскую историю страны и партии к сплошным ошибкам. Под каким бы предлогом ни искажалось прошлое – это всегда антинаучно и безнравственно.

9 ноября 1989 года. Заседание Политбюро. Обсуждаются сроки созыва и повестка дня II Съезда народных депутатов.

Крючков согласен: надо готовить страну к росту цен. Но очень осторожно быть со сроками этой реформы:

– Сроки мы часто как раз игнорируем.

2 января 1990 года. Крючков информирует Политбюро о положении в Азербайджане. В Джалалабаде к власти пришел Народный фронт. Разрушается государственная граница. У пограничников не хватает сил самостоятельно справиться с беспорядками. Нужна помощь армии.

22 января. На Политбюро обсуждается проект Платформы ЦК к XXVIII съезду. Крючков предупреждает:

– Если 6-ю статью Конституции не удержать, то многопартийность неизбежна. Это нанесет удар по партии.

Затронул тему отношения к истории:

– О нашей истории говорим не совсем то, в деятельности партии было немало и позитивного. У Юрия Афанасьева история КПСС вся преступна и будущего у нее нет. Мы должны точно расставить ориентиры. Нельзя обвинять партию в целом.

Еще из предложений Крюčkова:

1. мы перестали проводить границу между капитализмом и социализмом;

2. сказать об уважении и любви к Вооруженным силам;

3. четко сказать о насилии. О том, что закон защищает людей. И нужно очень строго бороться с насилием, в том числе и с помощью силы. Сильнее сказать о поддержке правоохранительных органов;

4. вся платформа должна быть более наступательной.

29 января. Заседание Политбюро. Об оздоровлении финансов и потребительского рынка. Горбачев, открывая заседание:

– Мы собрались не для того, чтобы «обменяться мнениями», а чтобы договориться о мерах.

Крючков выступил одиннадцатым по счету. Наверное, огорчил предыдущих ораторов, заявив, что предлагаемых мер недостаточно, потому что они не затрагивают главного источника напряженности. Нужны кардинальные меры по проведению экономической и политической реформ.

– Речь идет о спасении перестройки, – сказал он. – Смотрите, что происходит в Восточной Европе...

Допустил, что, может быть, даже кое от чего и отступить? И при этом решиться на непопулярные меры.

– И главное, на изъятие денег из оборота, которые мы в ближайшие годы никак не отоварим. У кооператоров провести срочную перерегистрацию, глобально. А с частником расстаться. Ориентировать экономические меры на определенные слои, в первую очередь – на низкооплачиваемых. Посмотрел я в Нахичевани – это ужас, какой уровень жизни!

2 марта на заседании Политбюро, обсуждавшего приближавшуюся 120-ю годовщину со дня рождения Ленина, вопрос Крючкова повис в воздухе. Владимир Александрович только всего и спросил:

– Пьесу Шатрова предлагают показывать по телевидению. Как с этим быть?

22 марта 1990 года. Рассматриваются итоги выборов на Съезд народных депутатов РСФСР. В Москве и Ленинграде оппозиция получила от 50 до 90%. Секретарь ЦК, главный редактор «Правды» И.Т. Фролов назвал случившееся поражением партии. Не избраны 6 первых секретарей обкомов партии, 250 избранных (20–25%) поддерживают «Демократическую платформу» в КПСС. Крючков:

– Кандидаты из «чекистов» почти все выбраны... Есть депутаты, которые недостойны быть не только членами КПСС, но и гражданами нашей страны...

9 апреля. Обмен мнениями на Политбюро о проекте письма ЦК к партии. Что делать с «Демплатформой»? Исключать ее членов из партии? «Демплатформу» путают с платформой КПСС.

Лигачев признал: раскол в партии уже идет.

– Исчезла та партия, которая у нас была. Советы уже захвачены теми, кто выступает против советской власти.

Крючков – за то, чтобы действовать очень осторожно. Нельзя допускать группового исключения:

– Опыт чехов после 1968 года показал, к чему это ведет.

Поддержал лозунг консолидации:

– С ним мы должны выходить к партии. Через полгода-год все образуется, а если многих выкинем, создадим проблему на-долго.

К осторожности призвал и на Политбюро 3 мая, когда рассматривался вопрос о Съезде народных депутатов РСФСР. Евгений Примаков тогда предложил вытащить Ельцина на теледебаты, задать ему неудобные вопросы – о Литве и Курилах, чтобы он крутился как уж на сковородке.

Крючков не поддержал:

– Надо быть осторожным, он – популист, может легко вернуться, а влияние на обывателя у него большое.

Примаков вынужден был согласиться с Крючковым, вспомнив один эпизод:

– Его спросили: собирается ли он привезти в СССР презервативы? Он ответил, что ему это уже не нужно. В любой стране каждый кандидат в президенты провалился бы моментально, признавшись в своей импотенции.

Горбачев сокрушенно вздохнул:

– А у нас наберет лишних десять процентов голосов.

Июль 1990 года. XXVIII съезд КПСС. Делегаты потребовали отчетов членов Политбюро.

С отчетом выступил и Крючков. Его речь пять раз прерывалась аплодисментами, чего удостоивался не каждый член Политбюро. Он образно назвал перестройку началом очищения, революцией в революции. Но признал и кризис.

– Хроника сообщений из ряда регионов страны порой напоминает военные сводки. Рост сепаратизма, межнациональные столкновения, гибель людей – все это и человеческая боль, и фронт каждодневной борьбы чекистов. Людей убивают только за то, что они другой национальности. В мирное время появились сотни тысяч беженцев. И это в социалистическом государстве! Читая сообщения о сотнях убитых, тысячах раненых, новых десятках тысяч изгнанных, испытываешь состояние, далекое от того, когда чувствуешь себя счастливым человеком.

Если волне насилия немедленно не положить конец, то последствия станут непредсказуемыми...

Об очернении прошлого:

– В неоднозначной истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного. И тот, кто пытается все изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами.

О новом слое миллионеров:

– Мы правильно поступили, когда инициировали развитие кооперативного движения в различных сферах нашей экономической жизни. Но во всем должны быть экономические критерии и регуляторы. В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появился целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе – роскошь, на другом – трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет? Если вовремя не спохватиться, то при нынешних темпах усиления социальных перекосов не окажемся ли мы или наши дети в водовороте нового варианта Октябрьской революции?

Об органах КГБ:

– На современном этапе свою роль играют органы госбезопасности. Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрим куда надо. *(Смех. Аплодисменты.)* И видим немало, о чем своевременно информируем органы власти в центре и на местах. Какими быть органам: сильными и эффективными или слабыми и аморфными – решать обществу. Моя позиция состоит в том, что нам есть что защищать и должно быть чем защищаться.

Сказал, что только за последние 3–4 года Комитетом госбезопасности разоблачены десятки иностранных агентов из числа советских граждан.

– Так стоит ли позволять безнаказанно разворовывать и увозить за рубеж народное достояние, красть военные и государственные секреты, за которыми – труд и интересы миллионов людей? Стоит ли корить Комитет за то, что он существует и действует? Если и есть за что нас упрекать, так это за недостаточную еще эффективность работы.

О внешней разведке:

– К сожалению, приходится констатировать, что военная угроза и сейчас остается реальной. На этот счет не должно быть заблуждений. А они есть. Разведка и впредь будет следить за тем, чтобы наша страна не была захвачена врасплох какими-либо неожиданностями. Она настойчиво ведет работу в интересах укрепления обороноспособности и экономической мощи нашей страны. Кстати, на Западе открыто говорят, что там не намерены свертывать разведывательную работу по Советскому Союзу, причем выделяют на нее во много крат больше средств, чем можем позволить себе мы. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используют оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматриваем как свою важную задачу.

Отчет председателя КГБ на съезде был одним из самых ярких его выступлений, сгустком и квинтэссенцией мировоззрения, «лебединой песней».

– Для меня, как коммуниста и члена политического руководства, – сказал он в начале отчета, – критерием подхода к любой из проблем – будь то в политике, экономике, социальной сфере – является приверженность Ленину, Октябрю, социалистическому выбору, укреплению союза суверенных республик, демократическому обновлению. Этим неизменно руководствовался при обсуждении вопросов в Политбюро и Центральном Комитете партии.

И закончил словами, идущими от сердца, с волнением в голосе:

– Что касается моей личной позиции, хотел бы перед лицом высшего партийного форума сказать следующее: с Коммунистической партией Советского Союза – партией обновляющейся и обновляющей общество – буду вместе до конца своей жизни.

Свое обещание он выполнил. Какой ценой, знает вся страна.

16 октября 1990 года по телевидению показали резкое антигорбачевское выступление Ельцина. Назавтра Горбачев собрал Президентский совет. Спросил: что сие означает?

Первым выступил Крючков и сказал, что это не что иное, как объявление войны Центру.

– Если мы не примем ответных мер, потерпим поражение. Надо развернуть разъяснение в прессе и выступить президенту с планом действий.

Отметил: тяжелая обстановка на Украине и в Грузии. Беспокоит положение в МВД.

31 октября на заседании Президентского совета состоялся обмен мнениями об обстановке в стране. Крючков:

– Стоим перед взрывом. Он назревает, в частности, в Средней Азии. Молдавский национализм напугал гагаузов и русских.

Министр внутренних дел В.В. Бакатин предложил объединить МВД и КГБ. Крючков высказался против.

В мемуарной книге Бакатина «Дорога в прошедшем времени» есть такой абзац: «На Политбюро осенью (точная дата отсутствует. – В.С.) 1990 года пригласили неожиданно, без повестки: Крючкова, Сухарева (прокурор СССР. – В.С.) и меня. Шел разговор о ситуации в стране. Выступил В. Крючков. На вопрос “что делать?” предложил вводить президентское правление по всей стране. Его с восторгом поддержали».

Трудно сказать, какой смысл вкладывал Бакатин в слово «восторг» – одобрительный или ироничный. В то время глава МВД СССР слыл реформатором и приверженцем демократии. Что и подтверждает следующий абзац его мемуаров:

«Выступил и я. Как мне потом говорил один товарищ, выступил я “неприлично”. Сказал, что мне страшно за партию с такими членами Политбюро, и был категорически против введения в стране чрезвычайного положения. Горбачев тоже был против. Тогда началась вторая волна выступлений, уже не за чрезвычайное положение, а за то, чтобы поставить на место какого-то там министра, который бог весть что себе позволяет...»

«Какой-то там министр» – это он о себе.

В декабре 1990 года Крючков дал поручение проработать возможные первичные меры по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения. Необходимые материалы были подготовлены, но до начала августа 1991 года не использовались.

Уже по этим кратким реконструированным высказываниям Крючкова можно судить о его позиции как председателя КГБ и члена Политбюро при рассмотрении важнейших вопросов и проблем в высшем руководящем органе страны.

Кроме того, по словам Крючкова, ему доводилось не раз присутствовать при разговорах в узком кругу Горбачева, в том числе с теми, кто его активно поддерживал в перестройке, что

обычно располагало к откровенности. Что больше всего его настораживало? «Мною все сильнее овладевала мысль, а со временем я пришел к убеждению, что Горбачев только делал вид, что знает, к чему ведет державу, – читаем в его мемуарах. – На самом деле он сознательно вводил людей в заблуждение».

Мемуары Крючкова вышли в свет в 1996 году. Стало быть, работа над ними велась еще раньше. Не являются ли эти и другие резкие оценки в адрес Горбачева неким оправданием неудачной затеи с созданием ГКЧП?

Мемуары – не дневники, в которых записи делаются по горячим следам событий. Им, безусловно, веры больше, чем страницам, написанным спустя какое-то время. Но, как говорится, из песни слова не выбросишь. Документы, использованные в прологе, – тоже своеобразные дневники, имеющие официальный статус. Впрочем, и личных дневников того времени тоже немало. Хотя отношение как к тогдашним документам, так и к личным записям сегодня, спустя более четверти века, значительно изменилось.

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 1991 года

Крючков и его команда

Владимир Александрович Крючков встретил последний в истории СССР год в возрасте 67 лет. Комитетом госбезопасности он руководил уже три года.

Его стаж работы в КГБ СССР до назначения председателем насчитывал 21 год, в том числе 14 лет – начальником 1-го Главного управления (внешняя разведка). С 1978 года одновременно он был заместителем председателя КГБ.

Когда он возглавил лубянское ведомство, у него по штатному расписанию было два первых заместителя, а количество заместителей в разное время доходило до десяти.

В период с января по август 1991 года первыми заместителями Крюčkова были генерал армии Ф.Д. Бобков (05.12.1985–29.01.1991), Г.Е. Агеев (08.08.1990–28.08.1991) и генерал-полковник В.Ф. Грушко (29.01.1991–28.08.1991).

Самым опытным по возрасту (1925 года рождения) и по стажу работы в КГБ (с 1946 года) был генерал армии Филипп Денисович Бобков. Участник Великой Отечественной войны, в декабре 1942 года приписал себе возраст и добровольно ушел в действующую армию, на фронте воевал рядом с отцом. Был ранен, награжден боевыми орденами и медалями.

Стаж работы в КГБ на разных должностях – 46 лет. В 1968 году, когда было создано 5-е управление КГБ (защита конституционного строя), назначен заместителем начальника, в 1969 году – начальником этого управления, с 1982 года – одновременно заместителем председателя КГБ СССР, с декабря 1985 года – первым заместителем председателя КГБ СССР.

В 1986–1990 годах был членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета РСФСР, в 1990–1992 годах – народным депутатом РСФСР. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, другими орденами, а также медалями.

В январе 1991 года Горбачев подписал указ об освобождении его от этой должности и переходе в Группу генеральных

инспекторов Министерства обороны СССР. По словам Бобкова, прощаясь с президентом, сказал ему, что не всегда говорил то, что хотелось бы слышать членам Политбюро и правительству, старался не затушевывать истинное положение дел.

«Вот и сейчас не могу уйти, не сказав о своих тревогах, – вспоминал впоследствии Бобков. – Я не стал скрывать, что авторитет Горбачева в обществе заметно упал, что к нему стали относиться настороженно и демократы, и коммунисты. Надо что-то делать, надо внести ясность в ту линию, которую проводит руководство страны. Неуверенность центра может привести к большой крови. Я говорил о весьма конкретных вещах».

После распада СССР с 1992 возглавлял аналитическую службу холдинга АО «Группа “Мост”», созданного олигархом В.А. Гусинским. Затем был консультантом телекомпании НТВ, советником генерального директора РИА «Новости».

Генерал-полковник Гений Евгеньевич Агеев после окончания института находился на комсомольской, затем на партийной работе. Был вторым секретарем Иркутского горкома КПСС. В 1965 году выдвинут в органы государственной безопасности, с 1973 года – в центральном аппарате КГБ СССР. Занимал должности начальника управления кадров, секретаря парткома КГБ, начальника 4-го управления КГБ, заместителя председателя КГБ – начальника управления кадров. С 8 августа 1990-го по 28 августа 1991 года – первый заместитель председателя КГБ СССР. Был отмечен государственными наградами СССР.

После августовских событий 1991 года уволен из КГБ за поддержку ГКЧП. Поскольку Агеев являлся народным депутатом РСФСР, Прокуратура РСФСР обратилась в Верховный Совет РСФСР с просьбой о снятии с него депутатской неприкосновенности. Просьба была удовлетворена. Ареста избежал из-за болезни сердца и последующей хирургической операции.

Что ему инкриминировалось? В «Заключении по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19–21 августа 1991 года» сказано: «С 18 августа осуществлял общее руководство по использованию задействованных в осуществлении заговора сил и средств подразделений центрального аппарата и войск КГБ СССР. Как представитель КГБ СССР, принимал участие в заседании Кабинета Министров СССР 19 августа с.г., руководил подготовкой отдельных документов о деятельности органов и войск КГБ СССР в

условиях чрезвычайного положения, направляемых на места». В вину ему ставили и то, что давал указания шифроорганам не пропускать телеграммы КГБ РСФСР. Скончался в 1994 году в возрасте 65 лет.

Генерал-полковник Виктор Федорович Грушко стал первым заместителем Крючкова 29 января 1991 года. Ему был 61 год. Пробыл в этой должности по 28 августа 1991 года – семь месяцев.

Стаж службы в КГБ до назначения на эту должность – 31 год. Был первым заместителем начальника 1-го Главного управления (внешняя разведка). В 1989 году назначен заместителем председателя КГБ – начальником 2-го Главного управления КГБ (контрразведка).

На последнем XXVIII съезде КПСС (июль 1990 года) избран членом ЦК КПСС. Награжден орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, орденом Дружбы народов.

25 августа 1991 года, после попытки ГКЧП ввести чрезвычайное положение, снят с должности, вызван в прокуратуру и там задержан. Находился в следственном изоляторе до декабря 1991 года. Обвинялся в измене Родине. В «Матросской Тишине» перенес три инфаркта, потерял в весе 20 кг. Освободили его из заключения по состоянию здоровья.

В 1994 году в Англии вышел криминальный триллер Grushko. Прототип главного героя – В.Ф. Грушко. Скончался в 2001 году.

Заместителями Крючкова с января до его ареста в августе 1991 года были А.А. Денисов (09.06.1990–06.09.1991), И.Я. Калининченко (28.12.1989–06.11.1991), В.Ф. Лебедев (29.01.1991–11.09.1991), И.К. Петровас (15.12.1990–05.09.1991), В.П. Пирожков (12.03.1971–29.01.1991), В.А. Пономарев (05.12.1985–28.08.1991), В.М. Прилуков (16.03.1991–28.08.1991), Г.Ф. Титов (29.01.1991–11.09.1991), Л.В. Шебаршин (06.02.1989–21.09.1991).

Как Ф.Д. Бобков среди первых заместителей, так и В.П. Пирожков среди заместителей был самым опытным и по стажу и по возрасту. Владимир Петрович стал заместителем в 47 лет и пробыл в этой должности два десятка лет. Участник Великой Отечественной войны, в мае 1942 года, когда ему исполнилось 18 лет, добровольцем ушел на фронт. Участвовал в освобождении Минска, Варшавы, взятии Берлина.

С 1946 года был на комсомольской, затем на партийной работе. В 1968 году с должности второго секретаря Алтайского крайкома КПСС по решению Политбюро ЦК направлен в органы госбезопасности. Стаж его работы в КГБ – почти четверть века.

С 1987 года входил в состав рабочей группы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940 и начала 1950-х годов. На заседании комиссии 17 октября 1989 года проинформировал, что с начала процесса реабилитации, с 1954 года, рассмотрено около 760 тысяч дел, по которым проходило около 1,2 млн человек. Из них реабилитировано 868 300 человек, отказано в реабилитации 212 тысячам.

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени. Скончался в 2009 году в возрасте 85 лет.

Генерал-полковник Илья Яковлевич Калиниченко командовал Пограничными войсками КГБ СССР и одновременно был заместителем председателя КГБ. Крючков называл его честным службистом, для которого работа, верность долгу, Родине составляли основу жизни.

Его имя было включено в список должностных лиц КГБ СССР, в отношении которых проводилось расследование о их роли и участии в событиях 19–21 августа 1991 года. Калиниченко было указано на «проявленную политическую незрелость и недалекновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов».

В чем проявились «политическая незрелость» и «недалекновидность»?

Во-первых, 18 августа он поставил задачи Симферопольскому погранотряду и Балаклавской бригаде пограничных сторожевых кораблей по усилению охраны района зоны отдыха президента СССР и подчинению командиров этих частей только начальнику Службы охраны генерал-лейтенанту Ю.С. Плеханову и его заместителю генерал-майору В.В. Генералову.

Во-вторых, узнав 19 августа о введении чрезвычайного положения в стране, отдал распоряжение об усилении охраны госграницы, а на совещании Главка объявил распоряжение о переводе войск в состояние повышенной боевой готовности.

В-третьих, подписал и направил в войска подготовленное начальником Военно-политического управления погранвойск генерал-лейтенантом Н.В. Бритвиным указание, в котором предлагалось широко вести пропаганду среди всех категорий военнослужащих документов ГКЧП и принять участие в работе создаваемых на местах ГКЧП в интересах выполнения служебных задач. Этим документом, подписанным также секретарем парткома Погранвойск генерал-майором В.Г. Анцуповым, рекомендовалось обсудить меры по реализации решений ГКЧП на партийных собраниях.

В декабре 1991 года Калиниченко получил должность государственного советника РСФСР–РФ по вопросам охраны границы, затем возглавлял Межгосударственный комитет по этим же вопросам. В 1993 году ушел в отставку. Скончался в 1997 году в возрасте 66 лет.

Крючков высоко отзывался о работе 16-го управления КГБ, отмечал, что на его счету было немало изобретений высочайшего уровня. 17 лет провел там на разных должностях, включая должность первого заместителя начальника управления генерал-майор Алексей Алексеевич Денисов. В июне 1990 года Крючков назначил его своим заместителем. Денисов был освобожден от этой должности через две недели после ареста Крюčkова.

Генерал-майор Валерий Федорович Лебедев стал заместителем Крюčkова в январе 1991 года. В КГБ с 1972 года. Руководил различными подразделениями в 5-м управлении, был заместителем его начальника, консультантом группы консультантов при председателе Крюčkове, руководителем службы оперативного анализа и информации КГБ, начальником аналитического управления КГБ.

Согласно «Заключению комиссии по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19–21 августа 1991 года», Лебедев «дал указание об организации 18 августа наружного наблюдения за рядом руководителей СССР и РСФСР, народных депутатов СССР и РСФСР, видных общественных деятелей, административном задержании отдельных из них...»

Еще из «Заключения...»: «Создал группу информационного обеспечения режима чрезвычайного положения, осуществляя руководство мероприятиями по подготовке и распространению документов ГКЧП, а также касающихся деятельности средств

массовой информации, в том числе в отношении радиостанции «Эхо Москвы»».

Лебедеву было также инкриминировано, что он по приказанию Крючкова отправил командиру Московским военным округом Калинин чистые бланки распоряжений об административных арестах.

Освобожден от должности заместителя председателя КГБ, 11 сентября 1991 года – двумя днями позже А.А. Денисова.

Генерал-лейтенант Иокубас Кириллович Петровас приступил к исполнению обязанностей заместителя Крючкова 15 декабря 1990 года. Проходил службу в Пограничных войсках, до назначения заместителем председателя КГБ командовал войсками Восточного пограничного округа КГБ СССР.

5 сентября 1991 года назначенный новым председателем КГБ В.В. Бакатин освободил Петроваса от занимаемой им должности. Расследовав материалы о роли и участии должностных лиц КГБ в событиях 19–21 августа, комиссия установила, что Петровас «отдал распоряжение о приведении войск спецназначения в боевую готовность, направил в органы и войска КГБ СССР конкретные указания, регламентирующие их действия в условиях повышенной боевой готовности». Кроме того, «осуществлял руководство и координацию действий с МО СССР по продвижению войск к Москве, в том числе при подготовке штурма здания Верховного Совета РСФСР...»

Генерал-лейтенант Виталий Андреевич Пономарев в должности заместителя председателя КГБ – начальника управления кадров КГБ СССР достался Крючкову от предыдущего председателя – В.М. Чебрикова, с которым он работал с 1985 года. Крючков оставил его в этой должности, поскольку тот, придя в органы КГБ с партийной работы, обладал всеми необходимыми качествами руководителя кадрового состава.

В 2008 году Пономарев издал свою мемуарную книгу «Воспоминания о прожитом (Крутые повороты)», в которой правдиво рассказал, за что 28 августа 1991 года был освобожден от занимаемой должности. Весь день 19 августа ему звонили начальники территориальных управлений КГБ, спрашивали, что им делать. Руководители местных партийных и советских органов ждали разъяснения ситуации.

Он же, следуя указанию председателя, просил их исполнять установки ГКЧП, направленные на места. «Только многим

до конца не были ясны конечные цели и задачи, – замечает Пономарев. – А их никто не разъяснял».

Генерал-лейтенанта Виталия Михайловича Прилукова Крючков перевел из Ленинграда в апреле 1989 года на должность начальника Управления КГБ по Москве и Московской области.

Прилуков был членом коллегии КГБ СССР – начальником УКГБ Ленинградской области с мая 1987 года. В марте 1991 года Крючков повысил его статус до заместителя председателя КГБ СССР – начальника УКГБ по Москве и Московской области. В этой должности ему суждено было оставаться всего пять месяцев. 28 августа 1991 года за поддержку ГКЧП указом Горбачева освобожден от должности и уволен из органов КГБ.

Что ему инкриминировали? В материалах служебного расследования сказано: «17 августа был ознакомлен Крючковым В.А. с основным замыслом заговора и начиная с 18 августа осуществлял практические меры по участию в его реализации с использованием сил и средств УКГБ. Принимал личное участие во всех совещаниях у руководства КГБ СССР и в МО СССР, где разрабатывались конкретные мероприятия по использованию войск, спецназа и оперативного состава в г. Москве, отдавал указания по их исполнению своим заместителям».

Прилуков проявил стойкость и мужество, он один из немногих, кто с первых же дней поражения ГКЧП не считал его действия попыткой государственного переворота, а роль Крюčkова и членов ГКЧП – преступной. Прилуков убежден: это была последняя, отчаянная, к сожалению, неудачная попытка сохранить страну от дальнейшего развала.

В январе 1991 года стал заместителем председателя КГБ – начальником 2-го Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Геннадий Федорович Титов.

Его отец был незаконно репрессирован, несколько лет провел в местах отбытия наказания. Когда началась Великая Отечественная война, добился отправки на фронт. Погиб в 1944 году. Сыну тогда было 12 лет.

Крючков хорошо знал Геннадия Федоровича по работе в структурах 1-го Главного управления (внешняя разведка). Освобожден от должности в сентябре.

Заместителем Крюčkова с февраля 1989 года и одновременно начальником ПГУ (внешняя разведка) был генерал-лей-

тенант Леонид Владимирович Шебаршин. У него богатейший послужной список на разных должностях в странах Ближнего и Среднего Востока и Африке.

Он был четырнадцатым в истории КГБ начальником ПГУ и первым и единственным профессионалом на посту начальника советской внешней разведки. С 22 по 23 августа исполнял обязанности председателя КГБ СССР.

Вернувшийся из Фороса Горбачев главой КГБ назначил В.В. Бакатина. Шебаршин с ним не сработался и 21 сентября 1991 года подал в отставку.

Крючков высоко ценил его деловые и моральные качества: в острых ситуациях вел себя мужественно, не терялся, быстро устанавливал контакты, умел расположить собеседника. Сослуживцы Шебаршина отзываются о нем как о человеке чести, глубокого аналитического ума.

В состав коллегии КГБ СССР входило от 15 до 17 человек. Ее решения вводились в действие приказами председателя, и они становились обязательными для исполнения всеми органами госбезопасности. Членов коллегии утверждал Совет министров СССР.

Кроме председателя, его заместителей и начальников ведущих подразделений центрального аппарата, членами коллегии являлись также председатель КГБ Украины, начальники управлений по Москве и Московской области, по Ленинграду и Ленинградской области.

В последний год своего существования коллегия КГБ СССР вступила в следующем составе. В скобках указана дата назначения и дата освобождения, а также последняя занимаемая должность.

В.П. Воротников (30.01.1991–11.09.1991, начальник управления «З» КГБ СССР); Н.М. Голушко (23.05.1987–11.09.1991, председатель КГБ Украинской ССР); В.В. Иваненко (05.05.1991–11.09.1991, председатель КГБ РСФСР); Е.Ф. Иванов (18.05.1989–30.01.1991); А.А. Курков (04.1989–11.09.1991, начальник УКГБ по Ленинградской области); Н.С. Леонов (30.01.1991–27.08.1991, начальник аналитического управления КГБ СССР); Ю.С. Плеханов (15.12.1987–22.08.1991, начальник 9-го управления КГБ СССР – Службы охраны КГБ СССР); Н.А. Савенков (04.10.1989–11.09.1991); Ю.В. Сторожев (04.1983–11.09.1991, начальник 4-го управления КГБ СССР).

Чтобы иметь представление о КГБ, его силе и возможностях, достаточно перечислить его структурные подразделения.

Под первым номером значилось 1-е Главное управление (ПГУ) – внешняя разведка. Тот факт, что оно называлось Первым, подчеркивало его роль в системе госбезопасности. ПГУ руководило резидентурами за рубежом, вело разведывательную работу с территории СССР и курировало аналогичные территориальные структуры.

2-е Главное управление занималось контрразведывательной деятельностью – борьбой со шпионажем, работой по иностранным представительствам, на туристском направлении.

3-е Главное управление вело работу по пресечению подрывной деятельности иностранных спецслужб в отношении Вооруженных сил СССР, руководило работой особых отделов воинских подразделений и частей.

К 1991 году контрразведывательная работа на всех видах транспорта входила в сферу 4-го управления. Борьбу с идеологическими диверсиями вело 5-е управление, преобразованное в 1989 году в управление «3». 6-е занималось контрразведывательным обслуживанием объектов оборонной промышленности и некоторыми научно-исследовательскими центрами.

В структуру КГБ входило также Главное управление Пограничных войск. Его аппарат был небольшой, но численность погранвойск достигала 220 тысяч человек – протяженность наших границ была огромная.

7-е управление КГБ осуществляло наружное наблюдение за теми объектами, которые представляли оперативный интерес для госбезопасности. 8-е Главное управление вело шифрованную секретную переписку центра с местными органами, а также с зарубежными резидентурами. Оно располагало современной технической и научной базой.

9-е управление, или, как его еще называли, «девятка», занималось обеспечением безопасности высшего руководства страны, государственных мероприятий на высшем уровне, иностранных делегаций и выездов советских делегаций за рубеж. В 1990 году оно было преобразовано в Службу охраны.

Существовало подразделение, которое сотрудники между собой называли архивным. У него был статус отдела. Официально он назывался 10-м отделом.

Был и 12-й отдел, работники которого занимались слуховым техническим контролем. Он использовался при проведении особо важных оперативно-розыскных мероприятий.

Постойте, спросит какой-нибудь дотошный читатель, а куда девался 11-й отдел, или 11-е управление? А никуда не девался. Его просто не было.

Дело в том, что в нумерации подразделений некоторые порядковые номера отсутствовали с самого начала. Иногда пропуски заполнялись, когда в структуре Комитета происходили организационные изменения. Этим объяснялось отсутствие 13-го и 14-го подразделений.

15-е управление проектировало, создавало и эксплуатировало в нужном режиме объекты, подготовленные на особый период – на случай военных действий и других чрезвычайных обстоятельств.

Оперативно-техническое управление являлось головным подразделением по проектированию, разработке, производству и эксплуатации специальных технических средств. По словам Крючкова, это было сосредоточение достижений научной мысли, высочайших технологий, уникальных технических решений.

16-е управление занималось съемом открытой и закрытой информации, решало сложнейшие задачи по проникновению в интересовавшие советское государство объекты других стран.

Ну и, разумеется, Управление кадров, которое занималось подбором сотрудников, приемом на работу, их расстановкой, продвижением по службе.

Сколько же людей работало в КГБ СССР? Крючков в первой части своей мемуарной книги «Личное дело» обнародовал численность сотрудников органов госбезопасности. К августу 1991 года она составляла около 490 тысяч человек. Правда, с учетом пограничников и войск правительственной связи. Раскрыл и бюджет КГБ за 1990 год – 4,9 млрд рублей.

У читателей может возникнуть вопрос: почему же тогда вся эта мощь, которой обладала Лубянка, весь ее огромный интеллектуальный, научно-технический и финансовый потенциал не смог противостоять жалкой кучке крикунов-антисоветчиков? Как такое могло произойти? Кто в этом виноват?

Вильнюсская башня

Январь 1991 года начался с крупных политических потрясений. Уже в самые первые дни после новогодних праздников главные новости шли из республик Прибалтики. Особенно тревожная ситуация складывалась в Литве.

Еще в марте 1989 года Верховный Совет Литвы отменил действие Конституции СССР на территории республики. В 1990 году он принял законодательный акт «О восстановлении независимости Литовского государства». Кремль потребовал ввести мораторий на этот документ. Председатель литовского парламента Витаутас Ландсбергис категорически отказался выполнять требование союзного центра, о чем и заявил 2 января – на второй день нового года.

В Латвии рижский ОМОН взял под охрану издательство ЦК Компартии республики, национализированное сепаратистки настроенным руководством Латвии.

8 января в Москву срочно прибыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) М.М. Бурокаявичюс. Просил Горбачева ввести в Литве президентское правление. Телеграмму примерно такого же содержания прислал Главком Сухопутных войск генерал армии В.И. Варенников. Однако Горбачев указ не подписал.

Председатель КГБ Крючков ежедневно докладывал Горбачеву о накалявшейся обстановке. Тревожная информация поступала и от министра внутренних дел СССР Б.К. Пуго. Крючков позднее вспоминал: когда вставал вопрос о конкретных мерах, то в ответ от Горбачева было слышно одно и то же:

– Изучайте, не спешите, готовьте предложения, в свое время определимся.

«Я выдерживал линию, – излагал Крючков свою позицию по этому вопросу в мемуарной книге “Личное дело”, – Комитет госбезопасности силовыми методами будет действовать лишь в том случае, если получит соответствующее указание. Именно в этом плане – не предпринимать никаких самостоятельных силовых акций – я ориентировал не только своих заместителей и начальников соответствующих подразделений Комитета, но и представителей на местах.

Слишком свежи были еще события в Тбилиси и Баку, после которых Горбачев ловко ушел из-под огня критики под пред-

логом своей якобы неосведомленности... В то же время КГБ СССР был готов защитить законность в Литве, причем особых трудностей тогда это не представляло».

Когда в декабре 1990 – начале 1991 года обстановка в Вильнюсе достигла высшей точки накала, Горбачев, похоже, решил-ся. Читаем в книге Крючкова: «В конце декабря 1990 года на совещании у Горбачева было принято решение применить силу против действий экстремистов в Литве и Латвии, пытавшихся явочным порядком сменить общественный строй, покончить с советской властью и выйти из Союза».

Горбачев вел себя решительно, отмечает Крючков, но тут же добавляет: это не прибавило уверенности в нем.

Читаем дальше: «Горбачев дал указания Язову, Пуго и мне ускорить подготовку конкретных мероприятий, но к вечеру того же дня всем нам было дано уточнение: “Вы особенно не горячитесь, поделикатнее изучите, все взвесьте, потом еще раз обсудим”. По словам Болдина, до этого у Горбачева состоялся продолжительный разговор с Яковлевым».

Если бы только с Яковлевым! Крючков, работая над книгой воспоминаний, не знал еще об одном разговоре Горбачева. Фрагменты того телефонного разговора с президентом США Дж. Бушем приведены в книге «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)», изданной в 2008 году.

Дата разговора – 11 января 1991 года. Время – с 16.00 до 16.40.

«Буш. Меня беспокоят и даже мучают ваши внутренние проблемы. Хотелось бы надеяться, что вы найдете возможность избежать применения силы для их решения. Американская позиция на этот счет ясна. Это будет хорошо для ваших отношений с нами, да и не только с нами.

Горбачев. Именно к этому мы стремимся. И вмешаемся мы только в том случае, если прольется кровь или возникнут такие беспорядки, которые поставят под угрозу не только нашу Конституцию, но и жизни людей.

Сейчас на меня и на Верховный Совет оказывается колоссальное давление в пользу введения в Литве президентского правления. Я пока держусь, но, откровенно говоря, Верховный Совет Литвы и Ландсбергис похоже не способны ни на какое конструктивное встречное движение.

В ответ на то давление, которое на меня оказывается, вчера я обратился к Верховному Совету Литвы с тем, чтобы они сами восстановили действие Конституции. Однако ситуация и сегодня развивается неблагоприятно. В Литве забастовки, нарастает напряженность.

Вы знаете мой стиль. Я постараюсь исчерпать все возможности политического решения, лишь в случае очень серьезной угрозы пойду на какие-то крутые шаги.

Буш. Я ценю это. Вы знаете, у нас свой взгляд на Прибалтику, но лишь в силу исторических причин. Я ценю ваши разъяснения.

Горбачев. Мы будем действовать ответственно, но не все зависит от нас. Сегодня там уже стреляли.

Буш. Это плохо.

Горбачев. Я сделаю все, чтобы развитие событий не сопровождалось крайностями. Но, естественно, если возникнет серьезная угроза, определенные шаги станут необходимыми».

Горбачев пожаловался американскому президенту на нарастание напряженности, забастовки в Литве. Почему они приобрели массовый характер именно в начале января нового года? Почему Вильнюсская телебашня до сих пор упоминается в прессе – конечно, не так часто, как Вавилонская, но все же...

О событиях вокруг телецентра в Вильнюсе написано за четверть века столько, что все версии не пересказать. Остановимся на основных.

Что тогда в действительности произошло в Вильнюсе? Ответ можно найти в дневниковых записях члена Политбюро ЦК КПСС В.И. Воротникова, изданных в 1995 году под интригующим названием «А было это так...».

14 января 1991 года, на второй день после штурма телебашни, состоялось заседание палат Верховного Совета СССР. Депутаты заслушали информацию главы МВД Б.К. Пуго и Минобороны Д.Т. Язова.

«В Вильнюсе, – записал услышанное В.И. Воротников, – в связи повышением в 3–4 раза цен на продукты и промтовары состоялись многотысячные демонстрации на площади у Верховного Совета. Произошли стычки с охраной. Руководством республики было принято решение приостановить повышение цен. Правительство К. Прунскене ушло в отставку. Однако эти меры не успокоили людей.

11 января представители предприятий, более 60 тысяч человек, пикетировали здание Верховного Совета, требуя роспуска парламента. Начались забастовки на ряде предприятий. В этот день был организован Комитет национального спасения Литвы. Были взяты под охрану внутренних войск Дом печати и другие здания ЦК КП Литвы».

Создание Комитета национального спасения дорого обошлось первому секретарю временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) М.М. Бурокаявичюсу. Он был уверен в том, что высшее партийное и государственное руководство СССР не допустит ухода Литвы из Союза, и настаивал на введении в республике прямого президентского правления. Навести порядок требовали и авторы множества телеграмм, поступавших в Кремль и на Старую площадь.

Дальнейшая судьба Бурокаявичюса драматична. После августовских событий он вынужден был покинуть Литву и скрывался в Белоруссии. Потом был возвращен на родину, предстал перед судом по обвинению в заговоре с целью свержения законной власти Литвы. Был приговорен к шести годам лишения свободы, встретил свое 70-летие в тюрьме.

«Республиканское радио и телевидение нагнетали обстановку, – читаем дальше дневниковую запись В.И. Воротникова, – распространяли клеветнические измышления антисоветского и антирусского характера. Комитет национального спасения направил своих представителей в Верховный Совет с требованием о прекращении антисоветской клеветы. Охрана их жестоко избила.

После этого комитет обратился за помощью к коменданту Вильнюсского гарнизона Советской армии. Отдан приказ направить воинский контингент. Со стороны “Саюдиса” началась стрельба – был убит один военнослужащий, гранатой ранен другой. После этого воинское формирование открыло стрельбу вверх и на поражение.

Здание радио и телевидения было занято войсками. Есть жертвы. В ходе проведенных мероприятий изъято 70 единиц огнестрельного оружия, пистолеты, патроны. Обнаружены списки советских активистов, коммунистов, офицеров Советской армии, КГБ, МВД с адресами проживания и инструкциями по их захвату и ликвидации.

События в Литве неоднозначно восприняты в стране. В Москве, Ленинграде, Тбилиси, Минске, Киеве были митинги-протесты. Сейчас в Вильнюсе находится Комиссия Верховного Совета.

Вот таково было сообщение Б.К. Пуго».

В дневниковом пересказе Воротникова сообщение Язова выглядело таким образом. «Решительно отверг попытки увязать возникновение кризисной ситуации в Литве с действиями органов военного управления, воинских подразделений. Такая версия навязывается общественному мнению некоторыми политическими деятелями и средствами массовой информации. Главная причина кризиса – политика руководства Литвы.

Депутатов не удовлетворили объяснения. Приняли решение – прения прекратить до прибытия из Литвы представителей ВС».

А теперь обратимся к свидетельствам Крючкова: «В этих условиях 10 января Горбачевым было дано указание министру обороны Язову, министру внутренних дел Пуго и мне, как председателю Комитета госбезопасности, применить силу и направить в Вильнюс небольшую группу спецподразделения КГБ СССР, известного как группа “Альфа”. Группа должна была действовать в зависимости от обстановки совместно с подразделениями Минобороны и МВД СССР.

В ночь на 13 января 1991 года рабочая дружина Комитета национального спасения из числа местных жителей направилась к телецентру. К месту событий были подтянуты армейские подразделения, части МВД СССР и бойцы указанной спецгруппы КГБ численностью около 30 человек».

11 января они взяли под охрану Дом печати, междугородную телефонную станцию и другие важные объекты. А в ночь на 13 января овладели башней Вильнюсского телецентра. При прохождении к центру спецназовцы, армейцы и военнослужащие МВД подверглись неспровоцированному нападению со стороны хулиганствующих элементов, стрельбе с крыш близлежащих домов.

В результате пострадали гражданские лица и военнослужащие. Погибли 14 человек. Но «альфовцы» не произвели ни одного выстрела – это установила Прокуратура СССР, проводившая расследование и пришедшая к выводу о виновности гражданских лиц, учинивших беспорядки.

Несколько иначе описан штурм телецентра в книге «Борис Ельцин», вышедшей в серии «ЖЗЛ» в 2010 году. Читаем: «Ранним утром 13 января 1991 года бойцы отряда “Альфа” и вильнюсского ОМОНа с оружием в руках ворвались в здание телецентра. Они проложили себе путь сквозь митингующую толпу, убив при этом 13 человек и ранив более 160».

Крючков в своей книге отмечает, что для овладения телецентром понадобилось немногим более двух часов. Перед «Альфой» была поставлена задача предотвратить столкновение рабочих дружин Комитета национального спасения с противоборствующими силами, разъединить их, не допустить прямых столкновений друг с другом. И «Альфа» с этой задачей справилась. Правда, одного бойца не досчиталась.

В ходе той операции был поражен выстрелом в спину шедший замыкающим «альфовец» лейтенант Виктор Шацких. На следующий день он скончался в больнице. Посмертно его наградили орденом Красного Знамени, который был вручен его родителям в Комитете госбезопасности.

Известный российский историк Р.Г. Пихоя в своем труде «СССР. История власти. 1945–1991», изданном в 1998 году, отвел армии роль поддержки «рабочих дружин» (правда, эти слова заключает в кавычки) и Комитета национального спасения Литвы, организованного сторонниками фундаменталистского крыла Компартии Литвы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС М. Бурокаявичусом и заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Литвы Ю. Ермалавичусом.

«Произошли стычки с населением. 14 человек (наверное, включая “альфовца” Шацких. – В.С.) было убито. В Вильнюсе начали строить баррикады, чтобы защитить Верховный Совет республики», – подытожил ученый.

Горбачев тогда отмежевался от происшедшего: мол, он ничего не знал, никаких решений о применении войск не принимал, это была местная инициатива – «начальник гарнизона приказал...»

Касаясь этой истории в своих мемуарах «Реформы и жизнь», Горбачев так описывал ее: «Едва получив известие о событиях в Вильнюсе, я связался с Крючковым и потребовал объяснений. Председатель Комитета госбезопасности сказал, что ни он, ни Пуго не отдавали приказа о силовой акции. Решение принималось на месте, а кем именно, нужно еще выяснить.

Он пытался преуменьшить масштабы столкновения, представить его как результат обструкционистских действий местных властей и агрессивно настроенной националистической толпы. Я прервал Крючкова, сказав, что погибли люди и за это власти несут ответственность...

Позвонил и Язову:

– Как могло случиться, что использовали войска, кто дал санкцию?

Он говорит:

– Мне доложили, что это исходило от начальника гарнизона.

Трудно было поверить, что он мог сделать это без согласия министра. Но я тогда доверял Язову.

Кстати, на другой день, отвечая на вопросы депутатов в Верховном Совете СССР, Пуго заявил, что взятие под охрану имущества КПСС в Вильнюсе было осуществлено в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, но ни президент, ни кто-либо из центра не давал указания о применении армейских подразделений».

Но вот публикация в газете «Известия» в номере за 17 декабря 1997 года. М. Бурокаявичюс утверждал, что решение применить военную силу в январе 1991 года принял Президентский совет СССР во главе с Горбачевым.

«Категорически против был только один Н.И. Рыжков, – сказано в той публикации. – Министр обороны Д.Т. Язов от М.С. Горбачева требовал дать письменное распоряжение относительно действий в Вильнюсе, но Михаил Сергеевич его так и не дал – вывернулся. Разве мог кто-либо, кроме Верховного главнокомандующего, решать такие глобальные вопросы, которые могли резко повлиять на судьбу страны? Разве военные прилетели бы в Вильнюс, пошли бы на штурм телебашни, занимали бы иные объекты, если бы на то не было воли высшего советского руководства?»

На вопросы, в какой мере он принимал участие в той операции, Горбачев отвечал, как всегда, уклончиво. Его многолетний помощник, заведующий общим отделом ЦК КПСС, а затем руководитель президентского аппарата Валерий Иванович Болдин говорил, что ему это неизвестно. Но то, что Михаил Сергеевич был в курсе событий, Болдин не сомневался.

«Почувствовав трудности у Б. Пуго, просил помочь Д. Язова, обращался по этому вопросу к Крючкову. «Положиться на

них нельзя, – приводит Болдин в своей книге «Крушение пьедестала» слова Горбачева. – Ничего не могут сделать толком. Провалят любое дело”, – жаловался он».

По словам Болдина, именно в тот период Горбачев поручил ряду членов Совета безопасности разработать меры по введению в соответствующих условиях чрезвычайного положения на отдельных территориях и в целом по стране. «Была ли это подготовка к сохранению Союза или меры против развала центра, утраты своего президентского поста, сказать трудно», – терялся в догадках Болдин.

Как за спасительную соломинку, ухватился Горбачев за книгу «“Альфа” – сверхсекретный отряд КГБ». В ней был эпизод, который Михаил Сергеевич процитировал в своих мемуарах.

«7 января 1991 года сотрудники группы – заместитель начальника группы “А” подполковник Головатов Н.Б., начальник 4-го отделения майор Мирошниченко А.И. и старший оперуполномоченный 1-го отделения капитан Орехов И.В. находились в командировке в городе Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников группы “А”».

«Итак, планировалась “чекистско-войсковая операция!”» – восклицает автор и продолжает цитирование: «В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским военным округом Министерства обороны СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками Министерства обороны, МВД СССР была поставлена задача по деблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения “Саюдиса”, прекращению вещания провокационных и подстрекательских теле- и радиопередач и взятию этих объектов под охрану внутренних войск МВД СССР... В оперативное подчинение “Альфе” передавались силы 234-го полка 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии Министерства обороны СССР и сотрудники ОМОНа МВД Литвы».

Горбачев констатировал: механизм, который был приведен в действие в ночь с 12 на 13 января (вооруженная акция по взятию башни и радиостанции), до сих пор не раскрыт, не выяснены и конкретные лица, давшие команду уже после того, как

состоялось заседание Совета Федерации и были приняты его решения направить полномочных представителей в Литву.

Любопытные подробности содержатся в книге «Дорога в прошедшем времени» последнего председателя КГБ СССР В.В. Бакатина, тогда члена Президентского совета и недавнего министра внутренних дел СССР.

Поздним вечером 13 января ему домой позвонил министр внутренних дел Литвы Мисюконис, который рассказал о побоище в Вильнюсе. «Армия с применением танков и спецназ, прибывший из Москвы, штурмуют телецентр, на защиту которого вышли толпы жителей города. Есть жертвы. Погибли более десяти человек. Действует какой-то Комитет национального спасения во главе с руководством компартии Литвы».

Бакатин пообещал ему немедленно доложить о случившемся Горбачеву, который, надеялся Бакатин, даст команду на прекращение беззакония. И тотчас же позвонил Михаилу Сергеевичу на дачу.

«Информация его не удивила, – пишет Бакатин. – Как он сказал, Крючков уже докладывал. Я сильно преувеличиваю и зря нервничаю. Погибло где-то один-два человека. Самоуправство военных прекращено.

Я возмущался, кричал, что ручаюсь за точность информации, давно знаю Мисюкониса, врать он не будет. Ничего не прекращено. И дело не в спорах о числе погибших, а о том, что творится беззаконие, в котором опять участвует армия и гибнут люди. Горбачев сказал, что он возмущен не меньше меня: “Завтра разберемся”».

Утром Бакатин с Е.М. Примаковым и А.Н. Яковлевым был у него в приемной. Он принял их через час. Они, перебивая друг друга, прямо от двери, даже не садясь, стали убеждать его в том, чтобы он немедленно выступил и отмежевался от авантюры, которую организовали в Литве коммунисты, немедленно поручил расследовать беззаконие и виновных предать суду.

По словам Бакатина, Горбачев не был похож на себя. «Вроде бы и возмущался вместе с нами, но чувствовалось, что у него на этот счет свое мнение. Он не мог “отмежеваться”, ибо, конечно, не мог не знать того, что замышлялось в Литве КГБ и армией. Выступил он с оценкой вильнюсских событий по телевидению только через неделю. Оценки были весьма расплывчатые. Политика “сильной руки” начала давать сбои».

Бакатин приходит к выводу: «Горбачев сам, поворотом к политике “сильной руки”, на что он абсолютно не способен по своему характеру, и которая, как и следовало ожидать, провалилась после появления первых жертв... сам организовал начало конца перестройки. Ибо перестройка – это демократия и закон, но никак не спецназ и не тайные операции».

Нерешительностью Горбачева не преминул воспользоваться Ельцин. Он тоже резко осудил применение силы в Литве. Но только одним осуждением не ограничился. Его сторонники забросали ЦК КПСС и Кремль телеграммами и письмами протеста, в которых требовали отставки Верховного Совета СССР и персонально Горбачева как неспособных стабилизировать обстановку в стране.

20 января в Москве состоялась демонстрация в знак протеста против событий в Вильнюсе, и здесь уже раздавались требования отставки Горбачева, Язова, Пуго. Пресса, тон в которой задавали в основном радикальные демократы, не пытаясь разобраться в сути происшедших событий, валила все на президента, и это не могло не произвести впечатление на интеллигенцию.

«Московские новости» опубликовали заявление Абуладзе, Амбарцумова, Бовина, Голембиовского, Заславской, Петракова, Попова, Рыжова, Станкевича, Старовойтовой и Шаталина о событиях в Литве. Призывали Ельцина отозвать свою подпись под Экономическим соглашением Союза и России.

Ну а сам Ельцин? Он побывал в республиках Прибалтики и, вернувшись 14 января из Таллинна, сделал два заявления, опасность которых тогда оценили далеко не все.

Во-первых, вильнюсские события укрепили его в мысли о неотложном создании Госкомитета РСФСР по обороне и безопасности – то есть российских Вооруженных сил и российского КГБ. Уже через две недели, 30 января 1991 года, Президиум Верховного Совета РСФСР принял такое решение.

Возникает вопрос: обороны от кого? От СССР? Россия и без того была становым хребтом СССР. От других союзных республик?

И второе. Практически незамеченным прошли его слова о том, что главы четырех республик – России, Украины, Белоруссии и Казахстана – согласны заключить четырехстороннее соглашение, не дожидаясь Союзного договора, которым Горба-

чев намеревался скрепить СССР, разваливавшийся на глазах всего мира. Не та ли это была идея, которую Ельцин воплотил в декабре 1991 года в Беловежской Пуще? Правда, без участия Казахстана.

В Таллинне Ельцин встречался с руководителями трех республик и подписал документ о признании Россией их суверенитета. Одновременно руководители России и трех прибалтийских республик обратились к Генеральному секретарю ООН с предложением созвать международную конференцию по урегулированию проблемы прибалтийских государств. Горбачев назвал этот поступок беспрецедентным в международной практике, как акт прямого приглашения к вмешательству во внутренние дела СССР.

В 2016 году журналистка Галина Сапожникова, автор книги «Кто кого предал», рассказала в «Комсомольской правде» о том, что происходило дальше. «Спустя 8 лет после событий января 1991-го в Вильнюсе начался судебный процесс, вошедший в историю как “дело красных профессоров”. Возраст подсудимых, из которых самому младшему было 54 года, а самому старшему (его привозили на суд в инвалидной коляске) – почти 73, во внимание принят не был. Все заслуги перед Литвой были забыты: даром что перед судом предстали два доктора наук, три заслуженных деятеля культуры и один заслуженный работник МВД – “цивилизованная Европа” не обратила на этот процесс никакого внимания».

В октябре 2016 года в Вильнюсе начался второй этап судебного процесса по уголовному делу о событиях 13 января 1991 года над более чем 60 гражданами бывшего СССР, в том числе экс-министром обороны СССР Дмитрием Язовым, бывшим командиром группы «Альфа» Михаилом Головатовым, начальником Вильнюсского гарнизона Советской армии Владимиром Усхопчиком.

Суд принял решение допросить Горбачева в качестве свидетеля. Повестка была отправлена почтой на адрес Фонда Горбачева, адресату она была доставлена 28 декабря 2016 года. В повестке говорилось, что Горбачев может дать показания в формате видеоконференции.

Тогда же Госдума РФ приняла заявление о судебном процессе по «делу 13 января», назвав его «политическим процессом» в худших традициях «карательной юстиции», который ни-

как не связан с защитой прав и свобод человека. За принятие постановления проголосовали 430 депутатов.

«Параллельный центр» действует

Если в январе главным политическим событием был штурм Вильнюсской телебашни, то в феврале – предложение Ельцина Горбачеву уйти в отставку. Это произошло 19 февраля во время ельцинского выступления по телевидению.

«Артподготовкой» и «объявлением войны» назвал Горбачев тот период: «В январе и феврале 1991 года велся в полном смысле слова артиллерийский обстрел позиций союзных властей, рассчитанный на то, чтобы “выбить их из седла”, лишить воли к сопротивлению и в конечном счете уничтожить».

Говоря об обстановке, сложившейся к началу 1991 года, нельзя не назвать последствия ключевого события 1990 года – принятия Верховным Советом РСФСР Декларации о независимости.

– Это был удар огромной силы по Советскому Союзу, – говорил тогда первый и последний заведующий отделом ЦК КПСС по делам национальностей В.А. Михайлов. – И не только потому, что была принята сама эта Декларация. А потому, что не было дано определение, что же такое независимая Российская Федерация. Каковы ее границы, каково ее отношение к Крыму и Севастополю? Каковы отношения Российской Федерации с Казахстаном с точки зрения разграничения административных границ, которое проводилось длительное время?

В.А. Михайлов отмечал, что единственная из республик, Эстония, принимая Декларацию о независимости, зафиксировала свои территориальные претензии к Российской Федерации.

– Разумеется, в Декларации о суверенитете следовало зафиксировать, что есть Российская Федерация, кем являются русские за ее пределами, какова политика по отношению к ним: граждане они или неграждане. Думаю, что декларация такого рода, даже с положением о верховенстве российских законов над союзными (что само по себе противоречило Конституции), все-таки не повела бы к подрыву Советского Союза.

Однако происшедшее не получило должной оценки со стороны союзных структур – ни политической, ни правовой, никакой.

– Это было сокрушительное поражение союзных структур. Можно было вести речь о том, что на этом союзные структуры свое существование фактически прекращают. Полагаю, что принятие Декларации о государственном суверенитете России в юридически грамотной, безукоризненной форме отрезвляюще подействовало бы на принятие соответствующих деклараций других республик. Совершенно понятная беспомощность союзных структур заставляла делать вывод, что ребенок был уже больше мертв, чем жив. Далее последовал распад КПСС как единой организации для всей страны. Коммунистическая партия Советского Союза после создания Коммунистической партии РСФСР фактически перестала существовать.

По словам Михайлова, для него как для историка главное произошло 12 июня 1990 года. Тогда началось необратимое развитие, которое привело к гибели СССР.

Находило подтверждение то, о чем Крючков предупреждал Горбачева в своих аналитических записках. Еще в 1989 году глава КГБ информировал генсека: в экспертных группах Совета национальной безопасности США начали обсуждать идею создания на российской почве параллельного союзному политического и экономического центра.

23 января заместитель генсека В.А. Ивашко провел совещание с секретарями ЦК. Участвовали вице-президент Янаев и председатель КГБ Крючков. Шенин сказал:

– Идет уничтожение партии. Надо же что-то делать. А то будем висеть на фонарях на Старой площади.

Янаев возмущался, что ЦК не владеет даже прессой:

– В ней скоординирована кампания против партии.

Крючков призывал защитить друзей в ГДР и других странах:

– На нас лежит моральная ответственность за их судьбы.

7 февраля 1991 года он направил Горбачеву аналитическую записку «О политической обстановке в стране». Ставил в известность о реальной угрозе развала СССР. Утверждал, что в стране острый политический кризис и что он может привести к демонтажу общественно-политического и экономического строя.

Называл главных политических противников – руководство Верховного Совета РСФСР и «ДемРоссию». Они вкуче с определенными силами заявили свои претензии на создание второго центра в противовес руководству СССР.

Неуправляемое распространение рыночных отношений – неприемлемо. Процесс обогащения вовлечет теневой бизнес в борьбу за политическое влияние.

Вносил ряд интересных предложений. Одно из них обращало на себя внимание своей необычностью. Речь шла о возможности образования в соответствующий момент временных властных структур в рамках осуществления мер, предоставленных президенту Верховным Советом СССР. Прообраз ГКЧП, созданного в августе 1991 года? Уж не тогда ли была выдвинута идея, воплощенная спустя полгода?

Увы, все было тщетно. Генсек-президент предпочитал больше прислушиваться к советам заокеанского Дж. Буша, чем к дельным, продуманным предложениям Крючкова, Пуго и Язова, душой болевших за судьбу своей страны.

О том, как Горбачев относился к их информации, видно из его интервью «Литературной газете», которое он дал в декабре 1991 года. Генсек, отказавшийся от партии, президент, оказавшийся без страны, он возлагал вину на тех, кто, по словам интервьюера, до путча передавал ему «много дезинформации, которую Крючков подсовывал через Болдина».

«Подобная информация, – охотно делился Горбачев, довольный тем, что он кому-то еще интересен, – шла на меня целенаправленно, их целью было подвести меня к введению чрезвычайных мер. Не только целенаправленно подбиралась тенденциозная информация, но даже события организовывались так, чтобы потом на их основе эту дезу создавать».

Это больше всего возмущало его. О каких чрезвычайных мерах могла идти речь, если он дал торжественное обещание Дж. Бушу, что никаких мер чрезвычайного характера принимать не будет. Ну только в случае, если прольется кровь.

Но ведь в Вильнюсе она пролилась! И в Баку, и в Тбилиси, и в других «горячих» точках. Но он моментально «забывал» об этом. «Американская позиция на этот счет ясна» – наверное, каждый раз всплывали слова Буша, когда в ходе обсуждения какого-либо важного вопроса соглашался с предлагаемым мнением, но тут же остывал и давал задний ход: «Вы особенно не горячитесь, поделикатнее изучите, все взвесьте, потом еще раз обсудим».

На вопрос интервьюера, как это, насчет «дезы», со знанием дела пояснял: «Выехать куда-нибудь по поручению ЦК, Ком-

партии России, организовать где встречу с партийными секретарями, а где удастся – и с рядовыми коммунистами, правда, это хуже удавалось, легче с секретарями. И потом резолюции с протестом, с требованиями ко мне. Ультраправые требования! А я чувствую, что эти резолюции написаны еще в Москве, до выезда на место».

К середине февраля 1991 года идея «параллельного центра», выношенная в недрах спецслужб США, стала реальностью. «К этому времени, – систематизировал позднее свои мысли Крючков в книге “Личное дело”, – относится начало практической разработки варианта такого “центра” в лице Ельцина и Верховного Совета РСФСР. При анализе политико-экономического содержания параллельного центра использовали суждения Г. Попова, незадолго до этого побывавшего в США. Там Попов имел контакты с государственным секретарем Бейкером, с его экспертной группой, был принят специалистами из ЦРУ и аналитиками из госдепартамента».

По убеждению Крюčkова, главным компонентом этого замысла являлось создание на территории Советского Союза разорванных, разделенных между собой рынков с равной ориентацией на российский и международный рынок. По задумкам авторов плана это означало бы необратимый развал «советской империи». Так впоследствии оно и получилось, считал Крючков.

Он подробно обрисовал, как в США представляют себе противостояние Горбачева и Ельцина. Горбачев стремился осуществить партийную капитализацию, в кратчайшие сроки сформировать класс крупных собственников, включавший бы верных ему функционеров КПСС и представителей военно-промышленного комплекса, сохранив в какой-то мере власть центра.

Что касается позиции Ельцина, то он был готов распродать инофирмам землю и крупную собственность, став при этом полновластным диктатором в России после развала Союза. В Америке, отмечал Крючков, считали также, что Ельцин патологически мстителен, с доминированием Горбачева не смиритсЯ и для сведения счетов с ненавистным союзным центром скорее пойдет на положение марионетки Международного валютного фонда.

Глубокий анализ обстановки, содержавшийся в аналитических материалах КГБ, подтверждался дальнейшим развитием событий в стране. Январские события в Вильнюсе подстегнули

активность Ельцина. В Таллинне главы РСФСР, Латвии, Литвы и Эстонии подписали совместное заявление. Это был уже открытый вызов Горбачеву, союзному центру.

«Последние действия советского руководства в отношении балтийских государств, – говорилось в заявлении, – создали реальную опасность для их суверенитета и привели к эскалации насилия и гибели людей...

Латвия, Эстония, Литва и Россия заявляют, что:

Первое: подписавшие признают суверенитет друг друга;

Второе: вся власть на территориях стран, чьи представители подписали это заявление, принадлежит только законно избранным органам;

Третье: подписавшие считают недопустимым применять вооруженные силы для решения внутренних проблем, за исключением случаев, когда этого потребуют законно избранные исполнительные органы...»

Первое, второе, третье... Коротко и четко. Сразу чувствуется ельцинский стиль. Это не велеречивая, многословная горбачевская трескотня. Ельцин воспринимался людьми как настоящий хозяин – волевой, решительный, немногословный. Таких на Руси любят.

Возвратившись из Таллинна, 14 января Ельцин провел пресс-конференцию. В здании Верховного Совета РСФСР. Зачитал «Призыв к российским солдатам в Прибалтике».

К чему он, глава высшей законодательной власти России, находясь в высшем законодательном органе России, призывал российских же солдат?

«Вам могут сказать, что для восстановления порядка в обществе требуется ваша помощь. Но разве нарушения Конституции и закона могут считаться восстановлением порядка?»

Парадоксально, не так ли? Призывал солдат не выполнять приказы своих командиров? Невольно вспоминается историческая аналогия: большевики в 1917-м призывали солдат воткнуть штыки в землю и возвращаться домой.

Но вернемся к хронике событий февраля. Первый день последнего зимнего месяца ознаменовался принятием Верховным Советом РСФСР постановления «О политическом положении в РСФСР». Высший законодательный орган России осудил «случаи противоправного вовлечения воинских подразделений и военизированных формирований в политические конфликты».

Постановлением устанавливалось, что «введение на территории РСФСР мер, предусмотренных режимом чрезвычайного положения, без согласия Верховного Совета РСФСР, а в период между сессиями без согласия Президиума Верховного Совета РСФСР недопустимо».

К тому времени существовал общесоюзный Закон о порядке введения чрезвычайного положения. Российский парламент издал свой законодательный акт. Без санкции Верховного Совета РСФСР – нельзя.

Спустя четыре дня, 5 февраля, Секретариат ЦК КПСС принял обращение «К партийным организациям, всем коммунистам Вооруженных Сил СССР, войск Комитета государственной безопасности, внутренних войск Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войск».

«Так называемые “независимые” средства массовой информации, – говорилось в обращении, – ведут систематическую кампанию клеветы на партию, Вооруженные Силы, органы и войска КГБ и МВД СССР, очернение отечественной истории. Отчетливо видно стремление псевдодемократов под прикрытием плюрализма мнений посеять недоверие народа к своей армии, вбить клин между командирами и подчиненными, младшими и старшими офицерами, унижить защитника Родины. Под сомнение берутся высокие понятия – воинский долг, честь, верность присяге. Предпринимаются попытки растащить армию по национальным квартирам, мешать призыву на воинскую службу».

Этот документ был попыткой исключить возможность воздействия «параллельного центра» на Вооруженные силы СССР. Увы, там тоже начался раздрай. Принятое Верховным Советом РСФСР постановление о создании своей, российской армии, привело к расколу в офицерской и даже генеральской среде. Нашлось немало командиров, особенно среднего и младшего звена, которые хотели бы перейти со своими подразделениями под юрисдикцию России.

Так совпало, что 7 февраля произошли два важных события. Об одном из них уже упоминалось в начале этого раздела – о направлении Крючковым Горбачеву аналитической записки «О политической обстановке в стране».

Второе событие, случившееся в тот же день, произошло в Верховном Совете РСФСР. Речь идет о постановлении российского парламента «О мерах по обеспечению проведения рефе-

рендума СССР и референдума РСФСР 17 марта 1991 года». Центральной комиссии РСФСР по проведению референдумов разрешалось включить в бюллетень для голосования на Всероссийском референдуме еще один вопрос: «Считаете ли Вы необходимым введения поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?».

Для КГБ, конечно, включение этого вопроса в бюллетень не стало неожиданностью. Слухи о том, что Ельцин собирается выставить свою кандидатуру на пост президента, давно циркулировали по Москве. Знали о его намерении и в окружении Горбачева. Наслышан был и он сам.

Поэтому нельзя исключать и того предположения, что записка Крючкова, поступившая Горбачеву 7 февраля, не случайно совпала по времени с постановлением Верховного Совета РСФСР о включении в бюллетень для голосования на референдуме вопроса о введении в РСФСР института президентства.

Давайте рассмотрим записку под этим углом зрения. Действительно, она явно навеяна событиями, связанными с президентскими амбициями Ельцина. Крючков практически представил Горбачеву программу действий союзного руководства на 1991 год. Глава КГБ предостерегал, что наступивший год будет особенным.

Вдумаемся сегодня в его формулировки 25-летней давности. «Глава российского парламента вкупе с определенными силами... явственно заявили свои претензии на создание "второго центра" в противовес государственному политическому руководству СССР». «Политика умиротворения агрессивного крыла "демократических движений"... позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовать свои замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя».

Крючков смело называл явления своими именами. Наставлял на необходимости усиления борьбы с «теневиками», но подчеркивал, что сама она «не увеличит производство продукции, но может способствовать более справедливому распределению товаров». «Процесс обогащения, – подчеркивал он, – по своей внутренней логике вовлекает "теневой бизнес" в борьбу за политическое влияние с тем, чтобы в рамках приватизации еще более расширить масштабы приращения собственности. Это с неизбежностью ведет к созданию категории "новых буржуа" со всеми вытекающими последствиями».

Обращал внимание на то, что дисбаланс в противоборстве в пропагандистской сфере особенно наглядно проявлялся в вопросе о подготовке Всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР. «В то время как “демократическая пресса” принялась шельмовать референдум уже с момента его объявления, со стороны центральных и партийных средств массовой информации серьезные выступления в его пользу отсутствуют».

Горбачев понимал, какую угрозу несло включение в бюллетень для голосования дополнительного вопроса о введении в РСФСР поста президента. Кто же еще, кроме Бориса Николаевича, спит и видит себя в этой роли? Каким образом избежать свалившейся на голову беды?

Остановились на самом радикальном варианте. Одно дело – когда в президенты будет баллотироваться председатель Верховного Совета РСФСР Борис Николаевич Ельцин, и совсем другое – когда это будет человек по фамилии Ельцин. Без высокой должности.

Стало быть, надо сделать так, чтобы он как можно быстрее ушел в отставку. И колесо закрутилось. С народными депутатами РСФСР провели соответствующую работу, а поскольку многие были коммунистами, то 15 февраля 270 депутатов потребовали срочного созыва IV Съезда народных депутатов и отчета на нем Ельцина.

И тут Борис Николаевич нанес ответный удар, который стал главным событием месяца.

19 февраля он появился на Центральном телевидении. Он часто сетовал на то, что ему не дают выступить в телеэфире. И вот его пригласили в студию. Беседа проходила в форме интервью.

– Создается впечатление, – начал телеведущий, – что между вами и президентом Горбачевым есть некоторое взаимное недоверие, неприязнь, может быть, даже личная. Физическое ощущение, что на каждое действие президента есть противодействие России...

– А может быть, наоборот? – мрачно насупил Ельцин.

Опустим содержание того прямого эфира, в ходе которого Ельцин назвал Горбачева виновным за трагедию в Вильнюсе. А павловское повышение цен, намеченное на 2 апреля, – бременем на плечи народа. И вообще, России надо сделать свой выбор.

Но самый главный скандал произошел в конце интервью. Гость попросил дать ему время для прямого обращения к телезрителям.

– Скажу откровенно, и, видит бог, я много сделал попыток, несколько попыток, чтобы действительно сотрудничать, и мы несколько раз собирались и обсуждали по пять часов наши проблемы, но, к сожалению, результат после этого был одним. Я считаю моей личной ошибкой излишнюю доверчивость к президенту...

На этом его дипломатичность исчерпалась, и он бухнул на всю страну:

– Тщательно проанализировав события последних месяцев, заявляю, что я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку! Всю власть надо передать Совету Федерации!

«Его речь была переполнена грубыми, оскорбительными замечаниями по моему адресу. Руки дрожали. Видно было, что он не владел полностью собой и с усилием, с натугой читал заготовленный заранее текст», – с возмущением вспоминал Горбачев то ельцинское интервью.

Наступила очередь союзного центра. Ельцину устроили почти такую же «молотилку», что и в октябре 1987 года на пленуме ЦК КПСС.

Больнее всех, по обыкновению, бьют свои. 21 февраля все шесть заместителей Ельцина, за исключением первого заместителя Руслана Хасбулатова, подписали заявление с требованием созыва внеочередного Съезда народных депутатов, отставки Ельцина и недопущения проведения российского референдума с вопросом об учреждении поста президента РСФСР.

«Песенка Бориса Николаевича спета, он заметался, боится спроса за то, что сделал или не сделал для России». Эти слова Горбачева, произнесенные им в разговоре со своими помощниками В. Игнатенко и А. Черняевым, последний приводит в мемуарной книге «Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям».

Между тем обстановка в Москве накалялась. 23 февраля, в День Советской Армии и Военно-Морского флота, на Манежной площади состоялся митинг коммунистических сторонников и военнослужащих. На следующий день там же – контрмитинг сторонников Ельцина.

Глава 2

МАРТ – МАЙ 1991 года

Вы за или против СССР?

Главным политическим событием марта был, конечно же, Всесоюзный референдум о сохранении Советского Союза. Проходил он 17 марта. Итоги известны: в референдуме приняли участие 78% граждан из внесенных в списки голосования, из них 76,4% высказались за сохранение Союза, что в численном выражении составило 113,5 млн человек.

На сегодняшний день историки не располагают данными, кому первому пришла в голову эта идея. Версий несколько. Единственное, в чем нет разногласий, – ее инициировали явно не из «параллельного центра». Действительно, уж кому-кому, а им какой был резон проводить опрос населения? И без него было ясно, за что проголосует большинство.

Значит, авторов идеи следует искать в команде Горбачева. В его «мозговом центре» были разные люди. По замыслу тех, кто выступил с таким предложением, итоги референдума с его оглушительным результатом, в чем они несколько не сомневались, выбили бы почву из-под ног у «параллельного центра» во главе с Ельциным, лишили бы его поддержки населения, особенно в национальных республиках, руководство которых к тому времени уже не скрывало своих истинных намерений о выходе из состава Союза.

На прямой вопрос, кому конкретно принадлежала формулировка вопроса, вынесенного на референдум, многие бывшие аппаратчики ЦК КПСС отвечали, что все-таки это была идея Горбачева. Мол, он хотел убить двух зайцев: чтобы народ высказался в пользу сохранения СССР и одновременно поддержал его курс на перестройку, поскольку речь шла об обновленном Советском Союзе. Хотя было совершенно ясно, что речь шла о выживании Советского Союза, и что на референдум надо было выносить один вопрос: «Вы за или против сохранения Советского Союза?». Кстати сказать, все последующие референдумы, которые проводились в республиках, тоже были двус-

мысленными. Нигде не было такой формулировки: «Голосуете ли вы за выход из Советского Союза?». Например: «Голосуете ли вы за независимую Украинскую республику?».

По словам тогдашних специалистов в области национальной политики, согласно Конституции СССР, все союзные республики были независимыми, ибо они имели право на сепарацию, то есть на выход из СССР. Поэтому везде формулировка должна была быть приведена в соответствие с Конституцией, с законом, который был принят с большим опозданием.

– Стало быть, – развивал свою мысль один из видных знаменитых государственного устройства, – формулировка могла быть только такой: «Выступаете ли вы за сохранение СССР или за выход из СССР?». Результат был бы совершенно иной. А прибалтийские республики не проводили даже референдумы. Они проводили опрос. Потому что даже в Прибалтике на референдуме можно было бы не набрать положенных двух третей голосов в пользу выхода из состава СССР. Причем опрашивали главным образом представителей так называемой титульной нации.

Известны время, когда официально было принято постановление о проведении референдума – декабрь 1990 года, и место – IV Съезд народных депутатов СССР.

Крючков впоследствии считал, что съезд попался на эту удочку. «Сама постановка вопроса о Союзе носила провокационный характер, – напишет он позднее в своей книге “Личное дело”, – в нем не было никакой нужды, для широких масс этот вопрос не существовал, они не выступали против Союза, более того, у людей вызывало удивление, а то и возмущение, когда кто-либо высказывал сомнение в необходимости сохранения Союза. Союзное государство устраивало большинство граждан, и его существование воспринималось как естественное состояние».

В идее проведения референдума Крючков видел коварный замысел разрушителей Союза, нападавших на него со всех сторон. «Им было важно обозначить хотя бы сам вопрос», – считал он. Что ж, такая точка зрения имела право на жизнь. Особенно с учетом тех изощренных приемов, которые применяли всевозможные психологи и политологи, работавшие на разрушителей.

Спору нет, первый вопрос, вынесенный на референдум, воспринимался довольно трудно и был малопонятен, особенно

для рядовой части населения: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которых будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности? (да/нет)».

Говорили, что поначалу сомневался в целесообразности проведения референдума и Горбачев. Тем более, что в бюллетени в РСФСР все же включили злополучный вопрос – о введении поста президента России. Растиражировали даже статью итальянского журналиста под кричащим названием «В результате референдума распяли Иисуса Христа».

Однако референдум все же состоялся. Из крупных городов Союзу сказали «нет» лишь Киев и вотчина Ельцина Свердловск. На грани этого результата балансировали Москва и Ленинград.

В шести республиках – Грузии (за исключением Южной Осетии и Абхазии), Литве, Латвии, Эстонии, Армении и Молдавии референдум не проводился. В некоторых республиках он сопровождался оговорками.

Ельцин торжествовал: введение поста президента РСФСР одобрили 70,88% россиян.

В целом итоги референдума о сохранении Союза ССР превзошли самые оптимистические ожидания руководителей КПСС. Результаты референдума: Узбекистан: «за» – 93,7% голосов, Киргизия – 93%, Казахстан – 94%, Таджикистан – 96%, Туркмения – 98%. Даже митинговавший Азербайджан отдал за СССР 93%.

«Эти восточные республики всегда брали под козырек», – был и такой аргумент у сторонников развала Союза. Что же, вспомним, как голосовали европейские республики: Россия – «за» – 71% населения, Украина – 70%, Белоруссия – 83%!

«Но, к сожалению, и этот капитал не был использован, – сокрушался Крючков. – В период подготовки к референдуму и его проведения обращала на себя внимание удивительная пассивность властей и, в частности, президента Горбачева».

Тогда, отмечал Крючков, у него закралась мысль, а в последующем он еще более в ней утвердился, что Горбачев или не верил в положительные результаты референдума, или, более того, опасался их.

«Должен сказать, – вспоминал позднее Горбачев, – что было много споров вокруг формулы всенародного опроса. Мы

долго обсуждали ее с помощниками, рассматривали на Совете Федерации и, конечно, на заседаниях Верховного Совета. А когда наконец пришли к общему мнению и предали гласности, демократическая печать немедленно приняла ее в штыки. При этом приводилось два довода. Во-первых, жаловались на то, что в одну связку соединены вопросы о сохранении Союза ССР и его обновлении, преобразовании в федерацию – такая-де расплывчатость формулировки может подтолкнуть многих проголосовать “за” и в будущем послужит основой альтернативных трактовок итогов опроса. А другой довод заключался в том, что воля народов малых республик будет искажена, поскольку в численном отношении их население несопоставимо с населением России. Русские люди, скорее всего, выскажутся за сохранение Союза, и это решит дело».

Спустя 25 лет Сергей Шахрай, народный депутат СССР и РСФСР, а затем вице-премьер российского правительства, дал критическую оценку вопросам, которые были вынесены на референдум.

– Обычно на референдум выносят вопросы, – сказал он в одном из своих юбилейных интервью, – ответы на которые можно потом исполнить. На нем не спрашивают: хотите ли вы быть богатым и здоровым? Формулировка должна быть предельно четкой. А тут как сформулировали, так и получили. Каждый вопрос можно трактовать как угодно, а всего их было пять.

В массовом сознании они уже забыты. Первый из них воспроизведен выше. Напомню остальные.

2. Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как единого государства? (да/нет).

3. Считаете ли вы необходимым сохранение в СССР социалистического строя? (да/нет).

4. Считаете ли вы необходимым сохранение в обновленном Союзе советской власти? (да/нет).

5. Считаете ли вы необходимым гарантирование в обновленном Союзе прав и свобод человека любой национальности? (да/нет).

Шахрай и сегодня не только подвергает критике формулировки вопросов, но и не изменил свою позицию по отношению к самой идее проведения референдума. Считает, что проводить не надо было. Аргументы?

Референдум, по мнению Шахрая, повлиял на распад Союза. Референдум был первым за всю историю СССР и потому создал прецедент – после него стали проходить плебисциты о независимости в союзных республиках. Закончился парад референдумов и суверенитетов тем, что к моменту Беловежской Пути в Союзе остались только две республики – Россия и Казахстан.

В команде Горбачева, между тем, ликовали: народ высказался за Союз! Это ли не доказательство правильности курса, проводимого руководством страны? Находясь в эйфории от одержанной победы над «параллельным центром», Михаил Сергеевич допустил обнародование постановления Кабинета министров СССР «О реформе розничных цен и социальной защите населения».

Оно было подготовлено еще до проведения референдума, но тогда хватило ума не рисковать, подождать итогов голосования. Обстановка до плебисцита и без того была крайне напряженной, и сообщение о реформе розничных цен могло бы вызвать новую волну протестов населения, которой воспользовались бы Ельцин и его сторонники.

По тогдашним наблюдениям аналитических служб, Борис Николаевич снова начал набирать очки. Он окончательно был признан единоличным лидером организационно оформленного блока политических партий «Демократическая Россия». Скандальное февральское телеинтервью, в котором Ельцин потребовал, чтобы Горбачев ушел в отставку, было не чем иным, как началом, на американский манер, предвыборной кампании в борьбе за пост президента РСФСР.

Наступивший первый месяц весны не сулил Горбачеву и его команде ничего утешительного. 1 марта грянул гром в Кузбассе – забастовали шахтеры. Минимум экономических, максимум политических требований. Неплохо поработали в горняцких городах московские эмиссары из «ДемРоссии». Лозунги, под которыми протестовали шахтеры, бескомпромиссные: департизация, устранение КПСС, отставка Горбачева!

Михаил Сергеевич был настолько уязвлен и напуган, что потребовал от членов Политбюро и секретарей ЦК «мобилизовать всю партию», потому что надвигается «политическое сражение, может быть решающее». Сохранилась его резолюция на одной из аналитических записок, где генсек применил несвой-

ственный его стилю оборот с требованием «перевести все партийное руководство на “чрезвычайный” режим».

5 марта он провел совещание с первыми секретарями ЦК компартий, крайкомов, обкомов и рескомов. Историк-архивист Рудольф Пихоя рассказал о выступлении Горбачева на той встрече по записи, сделанной секретарем ЦК КПСС А.Н. Гиренко. В своей книге «Советский Союз. История власти. 1945–1991» Р. Пихоя приводит фразу, произнесенную Горбачевым, в записи Гиренко: «Уже мало чрезвычайных мер, в России ситуация требует развязки, идея подмены центра вызрела в США».

«Идея подмены центра вызрела в США...» Выходит, генсек знал, откуда идет угроза? Как же тогда понимать разговор, который состоялся у него с председателем КГБ Крючковым в мае 1991 года?

Ему позвонил Горбачев:

– Я ознакомился с информацией КГБ из Вашингтона. Скажи мне: кому нужно так нагнетать атмосферу?

Крючков доложил: информация достоверная, из надежного источника.

– И ты веришь этому? Мало ли что они говорят! – в голосе Горбачева слышны были недовольные нотки.

В информации приводились оценки высокопоставленных американских лиц о ситуации в Советском Союзе. По их убеждению, дело неуклонно двигалось к концу существования СССР. Причем они предполагали, что произойдет это в самые ближайшие месяцы.

– В общем, прошу не драматизировать. Не поддавайся панике и ты! – сказал он в заключение.

Но вернемся к совещанию 5 марта. Р. Пихоя приводит выдержку из выступления первого секретаря ЦК Компартии РСФСР И.К. Полозкова. Иван Кузьмич, воодушевленный неожиданно изменившейся фразеологией генсека, обратился к нему с призывом ввести президентское правление в стране.

– Михаил Сергеевич, – сказал окрыленный Полозков, – ваши последние выступления вселили уверенность в партийных коллективах... Теперь, Михаил Сергеевич, вы прочно срослись с консерваторами...

Правда, Пихоя, не скрывавший своих симпатий к Ельцину, назвал слова Полозкова о сращивании Горбачева с консерваторами сомнительным комплиментом.

Перетягивание каната продолжалось. С переменным успехом. С обменом обвинениями. С неприязнью, перераставшей в открытую вражду.

9 марта Ельцин выступил в Доме кино. Речь длилась 25 минут, восторженные сторонники подсчитали, что она прерывалась бурными овациями 20 раз.

Какие вопросы поднимал, к чему призывал? Главная тема – угроза коммунистического реванша. Призывал своих сторонников переходить в наступление, объявить войну руководству страны, «которое ведет нас в болото» .

– Пришло время создавать на базе «ДемРоссии» мощную политическую партию, – ставил он первоочередную задачу. – Мы видим, как на глазах организовывается КПСС. Мы должны понять: они идут организованным фронтом.

Заявил, что март и в целом весь 1991 год будет решающим:

– Или демократию задушат, или мы, демократы, не только выживем, но и обязательно победим в этом году.

В наэлектризованный зал летели его тяжеловесные, как кирпичи, слова:

– Нас обвиняют в развале Союза. Кто развалил Союз, кто оттолкнул семь республик? Демократы? Российский парламент? Его руководство? Российское правительство? Семь республик из Союза вытолкнул президент со своей политикой.

И с нажимом, с натиском:

– Нам не нужен Союз в таком виде, в котором существует сейчас. Нам не нужен такой центр – огромный, бюрократический. Нам не нужны министерства, нам не нужна вся эта бюрократическая крупная машина, которая жестко все диктует сверху вниз уже семьдесят с лишним лет. Мы должны от этого избавиться...

Уличил Горбачева во лжи:

– Сегодня напечатан проект Союзного договора. В очередной раз, выступая на сессии Верховного Совета Союза, президент обманул, когда сказал, что на девять десятых это все согласовано. Со стороны России руководитель рабочей группы Хасбулатов не подписал. Горбачев обманывает народ и демократию...

В зале возгласы негодования.

– Вы понимаете, – прикидывался оратор наивным простачком из уральской глубинки, – мы по своей искренности, может, это громко сказано, считали, что политика нравственна. Ничего

там нравственного нет. У них политика безнравственная, она грязная, эта политика! И, может быть, кое в чем нам тоже пора, как шахтерам, засучить рукава и уже кулаки поднимать.

Изложил свою позицию:

– Я за то, чтобы президента избирали всенародно. Это я говорил и перед выборами. Но я за то, чтобы тогда вся структура власти была таким же образом подкреплена народом. То есть тогда бы все председатели Советов избирались всенародно.

И в заключение:

– Во-первых, тогда туда предателей не пропустят, народ их видит насквозь. Во-вторых, это будет сильная исполнительная и законодательная власть на местах. Мы будем знать, через кого действовать..

В стане Горбачева не обратить внимания на такие возмутительные пассажи не могли. Кто-то даже вспомнил слова Екатерины II об авторе книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева: «Да он бунтовщик хуже Пугачева!».

Прокомментировать поручили председателю Верховного Совета СССР А.И. Лукьянову. Анатолий Иванович слыл более образованным и начитанным, нежели его однокурсник по университету Горбачев. Вечером того же дня Лукьянов появился в новостной телепрограмме «Время». Сказал, что выступление Ельцина в Доме кино направлено на конфронтацию, на возбуждение народа против законно избранных органов власти.

10 марта в Москве состоялся многочисленный митинг «в поддержку Ельцина, шахтеров, суверенитета России».

Истины ради следует отметить, что тогда Горбачев санкционировал два важных решения. На совещании 10 марта он дал резко отрицательную оценку телевидению. «Наполнить эфир нашими точками зрения», – потребовал он. «Выиграть референдум и российский Съезд» – вот главная задача.

С целью жесткого контролирования телевидения 14 марта парторганизация Гостелерадио СССР была преобразована в Московскую партийную организацию Всесоюзной телерадиовещательной компании на правах райкома КПСС.

На следующий день он согласился с мерами противодействия подстрекательской деятельности западных радиостанций, вещавших на русском языке на СССР. Меры были разработаны в идеологическом и международном отделах ЦК.

Но время было упущено. И пользы от этих запоздалых мер – никакой. Как и от ввода в Москву войск накануне начала работы внеочередного III Съезда народных депутатов России. В знак протеста съезд, открывшийся 28 марта, отказался начать свою работу, депутаты покинули зал заседаний. И союзный центр дрогнул – войска были выведены с улиц столицы.

Вот как описывает В.И. Воротников в своем дневнике второй день работы съезда. «Особенно сильно разгорелись страсти в связи с недавним выступлением заместителя председателя Верховного Совета С.П. Горячевой. Она от имени шести депутатов обратилась с заявлением, в котором выражалось недоверие Ельцину и требование о его отставке.

Многие депутаты из “ДемРоссии” буквально взрывали съезд. На пресловутую “шестерку” обрушились потоки брани, оскорблений. Как они посмели?! Это предатели! Враги! И так далее. Попытки Горячевой, других членов этой группы объяснить, обосновать свои позиции встречались криком, скандированием. Им просто не давали говорить. Эта обстановка меня буквально потрясла! Что я могу и должен делать?»

Провал для Горбачева был полный. «Выиграть» внеочередной III Съезд народных депутатов РСФСР не получилось. Ельцина не удалось ни сместить с поста председателя Верховного Совета РСФСР, чтобы закрыть путь к президентству, ни отклонить саму идею введения в России президентского поста.

Борис Минаев, биограф Ельцина, издавший в 2010 году книгу о нем в серии «ЖЗЛ», заметил: когда говорят о 1991-м, то вспоминают всегда август и декабрь, ГКЧП и Беловежскую Пущу. Но, утверждает он, ключевыми месяцами того года были январь – март. Именно в январе – марте 1991 года, задолго до путча, Ельцин переиграл своих противников. Безусловно, соглашается ельцинский биограф, свою роль сыграло и то, что сам Горбачев всегда был противником любых силовых действий, но при этом раз за разом шел за ситуацией, действовал по воле обстоятельств, не в состоянии был выработать собственный сценарий.

КПСС: новый статус

10 апреля 1991 года Министерство юстиции СССР зарегистрировало КПСС в качестве общественной организации. Могло ли безропотно смириться оскорбленное консервативное крыло ее руководства с новым статусом, приравненным к обществу филателистов, после многих десятилетий в роли «ума, чести и совести эпохи», «руководящей и направляющей силы общества»?

Ответ – в письме А.Н. Яковлева Горбачеву. Дата – 18 апреля. «Все говорит за то, что партия перерождается на сталинистской основе, – предупреждал генсека “архитектор перестройки”. – Это стопроцентная гарантия катастрофы. Насколько я осведомлен, да и диагноз диктует такой прогноз, готовится государственный переворот справа».

Осведомленный «посол беды», как позднее назовет его председатель КГБ Крючков, пугал: «Наступит нечто подобное неофашистскому режиму. До сих пор только общее великое дело, личное доверие и лояльность к вам удерживали меня... Эскалация кампании унижения снимает с меня морально-этические обязательства... Вот почему я буду искать достойные формы борьбы с нарождающимся новым фашизмом».

Яковлевское письмо некоторые историки новейшего времени называют доносом на ту часть партийного руководства, которая намеревалась вернуть партии ее руководящую и направляющую роль.

«Идеолог партии», «архитектор перестройки», «отец гласности», «серый кардинал», «посол беды»... Это все про него – Александра Николаевича Яковлева, члена Политбюро ЦК КПСС в 1987–1990, секретаря ЦК КПСС в 1986–1990 годах.

Это тот самый А.Н. Яковлев, который в августе 1968 года во время политического кризиса в Чехословакии выезжал туда для пропагандистского обеспечения ввода советских войск и создания нового рабоче-крестьянского правительства, а на XXVIII съезде КПСС в июле 1990 года каялся: «Я был в 68-м в Чехословакии, восстанавливал, так сказать, основы социализма, и мне до сих пор очень неловко за эту миссию» (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1991. С. 616).

В апреле 1991 года А.Н. Яковлев занимал должность старшего советника президента СССР М.С. Горбачева.

В начале этой книги уже упоминалось о том, что КГБ подозревал Яковлева в связях с иностранными разведками. Думаю, следует рассказать об этом подробнее.

Первым публично объявил об этом председатель КГБ Крючков. «Начиная с 1989 года, – читаем в его книге “Личное дело”, – в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывавшая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров, в числе которых был и небезызвестный ныне О. Калугин, в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете».

Крючков далее пишет о том, как Яковлев пошел на несанкционированный контакт с американцами. Затем о периоде, когда Яковлев работал советским послом в Канаде и о мнении канадцев насчет перспективности продолжения с ним тесных контактов.

После 1989 года, отмечает Крючков, он доложил эту информацию лично Горбачеву, которая произвела на генсека тягостное впечатление. К тому времени он уже прочно связал свою судьбу с Яковлевым, а тут вдруг такой материал...

«В 1990 году, – продолжает Крючков, – Комитет госбезопасности как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежные) источников крайнестораживающую информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит “консервативным” силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации».

Дальше – больше. Крючков пишет, что одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего: «Профессионалы хорошо знают, что такого рода указания даются тем, кто уже дал согласие работать на спецслужбы, но затем в силу каких-то причин либо уклоняется от выполнения заданий, либо не проявляет должной активности. Именно поэтому информация была расценена нами как весьма серьезная,

тем более, что она хорошо укладывалась в линию поведения Яковлева, соответствовала его практическим делам».

Крючков самостоятельно предпринимать какие-либо меры проверочного характера не мог – поскольку речь шла о члене Политбюро, секретаре ЦК. И доложил обо всем Горбачеву. Тот, по словам Крюčkова, был в полном смятении. Потом у него вырвалось: «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!»

Крючков предложил провести контрольную проверку. И что услышал в ответ? «Михаил Сергеевич, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее». И процитировал слова Горбачева: «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал».

И посоветовал Крючкову самому поговорить напрямую с Яковлевым. Что тот и сделал. «Вид у Яковлева был неважнецкий, он был явно растерян и ничего не мог выдать из себя в ответ, только тяжело вздыхал», – вспоминал Крючков.

По его словам, он доложил об этом разговоре Горбачеву. Но в ответ – никакой реакции. Спустя некоторое время, когда Крючков спросил, что все-таки делать, Горбачев сказал, чтобы поговорил еще раз. Крючков поручение выполнил, но ничего вразумительного не услышал. Докладил Горбачеву, но он тоже промолчал. На том все и закончилось.

Но имело продолжение после ареста Крюčkова в августе 1991 года и замены руководящего состава КГБ. В его мемуарах есть такие строки: «Не знаю, были ли в процессе этого разгрома уничтожены материалы на Яковлева...»

После освобождения из-под стражи Крючков 13 февраля 1993 года опубликовал в газете «Советская Россия» статью «Посол беды» о Яковлеве. Публикация вызвала большой резонанс, и группа депутатов обратилась в Генеральную прокуратуру России с запросом по поводу изложенных фактов,

Вот что написал Крючков в своих мемуарах о результатах проверки: «...были получены какие-то сведения о том, что в Комитете госбезопасности находились материалы о несанкционированных контактах Яковлева с американцами во время пребывания его на стажировке в Колумбийском университете в 1959 году. Далее в Комитет госбезопасности также поступа-

ли материалы, которые давали повод судить о недозволенных действиях Яковлева, но все это не нашло подтверждения, и потому прокуратура эту проверку прекратила».

«Позже, – пишет далее Крючков, – из печати мне стало известно, что 13 июня 1993 года Генеральная прокуратура Российской Федерации вынесла постановление о прекращении уголовного дела по фактам, изложенным в показаниях бывшего председателя КГБ В.А. Крюкова в статье “Посол беды” в газете “Советская Россия” от 13 февраля 1993 года о недопустимых с точки зрения безопасности государства контактах Яковлева с представителями западных стран. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления».

С другой формулировкой – «за отсутствием события» – было прекращено дело в связи с заявлением А.Н. Яковлева о том, что КГБ готовил его убийство в автомобильной катастрофе. Такое сенсационное заявление Яковлев сделал во время дачи свидетельских показаний по «делу КПСС» в Конституционном суде.

«О готовящемся покушении его якобы предупредил какой-то генерал, – пишет в своих воспоминаниях Крючков, – после чего Александр Николаевич будто бы бросил мне решительный вызов: “Учти, Крючков, я написал письма, и в случае моей гибели произойдет разоблачение!”»

В то время Крючков находился в «Матросской Тишине» и обратился к Генеральному прокурору с просьбой провести официальное расследование заявления Яковлева. Оно не нашло подтверждения.

СМИ тогда вволю поиздевались над амбициями и упорством обоих. Вроде бы серьезные люди, крупные государственные деятели, а вцепились друг в друга, сводя какие-то свои счета.

Сегодня к этой истории, занимавшей четверть века назад умы просвещенных демократов и простых обывателей, добавить нечего. За прошедшие два с половиной десятилетия не появилось ни одного, даже самого маленького штришка, который помог бы прояснить картину. Молчат все «тайнописцы» постсоветского времени.

Но хроника тех смутных лет была бы неполной без хотя бы краткого, беспристрастного упоминания об этом эпизоде. Он ведь был, был! И отражает те непростые нравы, когда все были против всех, а те и другие доказывали свою правду.

Между тем приближалось 24 апреля 1991 года – день открытия объединенного пленума ЦК и ЦКК КПСС.

Время было беспокойное. Шахтерские забастовки, угля не хватало, начала останавливаться металлургия. В Москве демократы во главе с Ельциным выводили на улицы сотни тысяч людей и готовились к намеченным на 12 июня президентским выборам. В начале апреля были резко повышены цены, но полки магазинов все равно пустовали. СМИ вышли из-под партийного контроля, счет сдававших партбилеты шел на сотни тысяч. Среди оставшихся в партии росло недовольство Горбачевым – «перестройка превратилась в антикоммунистическую контрреволюцию». Все громче звучали призывы о смене лидера.

Эти настроения сильно проявились на встрече партийных руководителей городов-героев РСФСР, Украины, Белоруссии. Она проходила 16 апреля в Смоленске. Официальным поводом была подготовка к 50-летию начала Великой Отечественной войны. Обеспокоенные положением дел в стране, участники встречи призывали к чрезвычайным мерам спасения Родины.

На обсуждение пленума ЦК КПСС был вынесен вопрос о положении в стране и путях вывода экономики из кризиса. Доклад делал Горбачев. И уже с самого начала работы пленума подтверждались прогнозы, изложенные А.Н. Яковлевым в письме Горбачеву, направленном ему за три дня до пленума.

Такой зубодробительной критики в свой адрес, которая началась на второй день работы пленума, Михаил Сергеевич еще не слышал, хотя уже привык к резкому осуждению проводимого им курса. «Со страной сделали то, что не смогли сделать враги» – было не самым страшным. Звучали формулировки и похлеще. Дело дошло до того, что Горбачев поставил вопрос о своей отставке.

«Партия утратила бдительность, – сказал глава правительства Павлов. – Кабинет министров предлагает немедленно ввести чрезвычайное положение на транспорте, в отраслях топливно-энергетического комплекса, металлургии. При необходимости ЧП должен вводиться и в отдельных регионах страны. Особый режим деятельности должен быть введен и в банковской системе».

На пленуме собирался выступить один из создателей ракетно-ядерного щита СССР, куратор военно-промышленного комплекса, секретарь ЦК КПСС О.Д. Бакланов. После ареста

в августе 1991 года во время обыска у него обнаружили текст речи, подготовленной для выступления на том пленуме. Кстати, с пленума он вышел уже не в статусе секретаря ЦК.

«Иллюзорными выглядят сегодня представления о том, – намеревался сказать он, – что военной угрозы извне нашему народу не существует. Нами и так сделаны колоссальные односторонние сокращения Вооруженных Сил, производства вооружения и военной техники, ведения научных и конструкторских работ в области обороны. Достигнутый в 70-е годы с огромным напряжением сил и средств народа военный паритет сегодня разрушен, и мы живем практически под диктовку США, которые стали фактически безраздельным властелином стран и народов, мировым жандармом.

Дальше отступать нельзя. Коварными заблуждениями дилетантов являются навязываемые народу представления о якобы безграничных возможностях военно-промышленного комплекса...

Основным условием антикризисной программы должно быть немедленное приостановление всех республиканских и региональных законов, принятых после 1985 года... восстановление целостности СССР “в границах 1985 года”, создание Комитета национального спасения с чрезвычайными полномочиями, вплоть до введения военного положения в стране.

Чрезвычайные меры могут быть осуществлены лишь чрезвычайной политической властью, которая имеет разветвленную структуру, пронизывающую все слои общества, все сферы народного хозяйства.

Такой властью может быть лишь КПСС, пусть обескровленная, отлученная от рычагов управления, но сохраняющая в себе вертикальные структуры, а значит, способность и возможность управлять на основе железной дисциплины ее членов...»

Вадим Андреевич Медведев, в апреле 1991 года занимавший должность старшего советника президента Горбачева, в прошлом член Политбюро и секретарь ЦК, ведавший идеологическими вопросами, утешал Горбачева, что атака на него была не спонтанной, а организованной.

«Началось все с выступления Полозкова, – делится он своими впечатлениями, – а затем критика Горбачева приобрела разнузданный характер. Предел терпению наступил во время речи секретаря Кемеровского обкома партии. Горбачев подал

реплику: “Хватит. После вашего выступления я выскажусь по этому вопросу”. Он вышел на трибуну и внешне спокойно произнес буквально несколько фраз, наполненных глубоким внутренним напряжением, смысл которых сводился к тому, что в обстановке такого отношения к Генеральному секретарю он не может дальше выполнять эти функции. Поэтому предлагает прекратить прения и заявляет об отставке.

Зал оказался в состоянии оцепенения. Объявляется перерыв. Стали собираться группами – где-то военные, где-то по республикам и областям.

Минут через десять зашел в комнату президиума. Там собрались члены Политбюро и секретари. Был и Горбачев. Кто-то стал уговаривать генсека отказаться от заявления. Но он стоял на своем, заметив при этом, что и в составе Политбюро нет единой позиции: “В таких условиях работать нельзя, и я настаиваю на том, чтобы заявление об отставке было рассмотрено”.

Большинство высказалось за то, чтобы обсуждение не развертывать, а в отношении голосования мнения разошлись. Генсек заявил: “Я высказал свою позицию, а вы тут решайте”, – и удалился. Началось вроде бы официальное заседание Политбюро под руководством Ивашко. Я, естественно, вышел (в это время я не занимал какого-либо поста в партии, а в работе пленума принимал участие как народный депутат от КПСС) и лишь потом узнал, что приняли “соломоново решение” – поставить на голосование вопрос не о самом востуме доверия генсеку, а о том, обсуждать этот вопрос или снять его.

В кулуарах пленума все бурлило. Более 70 членов ЦК поставили свои подписи под заявлением, составленным Вольским, в котором высказывалось категорическое возражение против отставки генсека. Констатировалось, что ЦК в данном составе не в состоянии руководить партией, и выдвигалось требование о созыве нового съезда партии. Я уверен, что подписей под заявлением оказалось бы значительно больше, если бы все знали о нем.

Заявление не было оглашено на пленуме, поскольку сразу же после окончания перерыва проголосовали предложение Политбюро о снятии вопроса об отставке генсека с обсуждения. Оно было принято подавляющим большинством при 13-ти, по-моему, воздержавшихся. Знакомая ситуация – шумная критика, а при голосовании – в кусты».

«Видимо, они держали совет ночью, – вспоминал позднее Горбачев в своих мемуарах, – и на другой день обойма ораторов, распалая зал, надела на генсека. Особенно резко, даже грубо выступил Гуренко, заявивший: “Со страной сделали то, что не смогли сделать враги”. Он потребовал “законодательно закрепить за КПСС статус правящей партии”, восстановить прежнюю систему расстановки руководящих кадров, контроль партии над средствами массовой информации. Трудно было поверить, что можно в такой степени быть рабом предрассудков и оторваться от жизни.

Не отстали от него Прокофьев, Гидаспов, Малофеев. Первый секретарь Компартии Белоруссии прямо потребовал от президента ввести чрезвычайное положение. Собственно говоря, к этому вели и другие критики генсека: пусть он либо вводит ЧП, либо уходит. После самого жесткого из таких выступлений – кажется, это был Зайцев из Кузбасса – я взял слово. Сказал: хватит демагогии, ухожу в отставку.

У меня спрашивали, было такое решение принято под влиянием импульса, раздражения и досады, вызванных нападениями на генсека, или это был заранее взвешенный, обдуманный “на холодную голову” тактический шаг? Как ни странно, в какой-то мере верно и то и другое. Конечно, не обошлось без эмоций, возникло желание сразу же покончить с этим. А с другой стороны, повлияло и то, что я заранее не исключал такой развязки, был готов к ней. Что ж, подумалось тогда, вероятно, настал “момент истины”, когда надо отбросить колебания и принимать решение».

Что же такого, возмущившего генсека, сказал первый секретарь ЦК Компартии РСФСР Иван Полозков? «Я не могу понять, Михаил Сергеевич, как, взявшись за такое большое, доброе и ответственное дело перестройки, вы могли выпустить штурвал из рук?».

А первый секретарь Кемеровского обкома А. Зайцев, выступление которого вывело из себя генсека? «Михаил Сергеевич, я бы хотел сказать, почему все-таки шахтеры добиваются вашей отставки. Наверное, интересный вопрос. Это, я думаю, у них профессиональное. Когда в шахте авария, то они оперативно, в чрезвычайном режиме, при четкой дисциплине ее ликвидируют, зная, что, если они этого не сделают, – дальше взрыв, катастрофа. И видя, что страна сегодня в аварийном состоянии, а вы

мер не принимаете, они требуют другого лидера, который не допустил бы этой катастрофы».

Масла в огонь подлил машинист электровоза из Иркутска Сапачев: «Руководство страны ведет страну на красный свет. Криками исходят пассажиры, а в это время машинист, как глухарь, токует: все хорошо, верной дорогой едем, товарищи. Втайне от народа перевели стрелки, перестроечный поезд пошел не по тому пути, куда были куплены билеты в 1985 году».

Участники пленума шептались: «А кто придет вместо него? Этот кемеровский секретарь?» К тому же многие понимали: снять Горбачева пленум не может. На XXVIII съезде в июле 1990 года он под предлогом демократизации провел изменения в уставе партии, чтобы генсека избирал съезд.

Вот как это изложил Горбачев: «Меня стали уговаривать взять свое заявление обратно. Я отказался и ушел в свой кабинет. В Политбюро продолжались дебаты. Тем временем в зале вокруг Вольского, Лациса, Бакатина, Грачева и ряда других товарищей стали собираться многие члены ЦК, выразившие категорическое несогласие с нападками на Горбачева, бывшие решительно против его отставки. Таких набралось, кажется, 72 человека. Они составили заявление, в котором речь шла о том, что ЦК в данном составе не в состоянии руководить партией, выдвигалось требование созвать новый съезд КПСС».

Спустя полтора часа Пленум по предложению Политбюро подавляющим большинством голосов (13 – против и 14 воздержавшихся) решил снять с рассмотрения выдвинутое мной предложение об отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС».

После пленума родилась легенда о «заговоре секретарей» – якобы руководители местных парторганизаций хотели снять Горбачева. Другие считают: заговора не было, просто впервые недовольство Горбачевым вылилось наружу. По некоторым деталям становится ясно, что как раз после этого пленума секретари обкомов начали обсуждать необходимость замены генсека и подбирать ему замену, надеясь осенью 1991 года провести внеочередной съезд партии.

Впрочем, дебаты вокруг вопроса об отставке Горбачева возникали на пленумах Московского городского и Ленинградского областного комитетов КПСС. Их руководители Прокофьев и Гидаспов сами этот вопрос прямо не ставили, но объясняли

так: все идет «снизу», отражает настрой рядовых коммунистов, ничего не поделаешь.

Называлось даже имя возможного преемника Горбачева на посту генсека. Им мог стать председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов. Однако августовские события 1991 года, приведшие к запрету КПСС, спутали все планы.

Майская маета

3 мая 1991 года. Заседание Политбюро. Констатируется массовый выход из КПСС. За 4 месяца ее ряды покинули 130 тысяч человек. Это столько же, сколько за весь 1989 год.

Добровольный выход из партии начался в 1988 году. Тогда ее ряды покинули 18 тысяч членов. Наибольшее число вышедших составляли рабочие. 26% причиной выхода назвали неверие в КПСС как в политическую силу, 17% – неверие в перестройку. Стихийное недовольство политикой КПСС выражалось и в неординарных формах – отставках первых секретарей и даже бюро обкомов – Тюмень, Волгоград, Башкирия, Донецк. Наибольшее число вышедших из КПСС (в процентном отношении) приходилось на цитадель ЦК – Москву и колыбель революции – Ленинград.

Зафиксированы открытые надругательства над памятниками, связанными с историей советского государства и его символикой.

В 1990 году, когда обстановка еще более накалилась, партию покинули 1800 тысяч членов, в том числе 1 млн в октябре – декабре.

6 мая Ельцин и Крючков подписали протокол о создании КГБ РСФСР. Россия была единственной республикой в СССР, которая не имела своего Комитета госбезопасности.

А он ей был нужен? Ленин со Сталиным, а потом и их преемники Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко чем-то, наверное, руководствовались, не создавая в самой крупной республике этот орган.

Крючков доказывал: союзный Комитет – одна из важных скреп, цементирующих целостность государства. В условиях, когда главная политическая и идеологическая скрепа – КПСС –

была удалена из Конституции и жизни советского общества, децентрализация может привести к пагубным последствиям.

Под нажимом Горбачева и Ельцина Крючков вынужден был уступить. Пост председателя КГБ РСФСР получил произведенный в генерал-майоры Виктор Валентинович Иваненко. Профессиональный чекист, последняя должность – заместитель начальника инспекторского управления КГБ СССР.

По словам Иваненко, после назначения, состоявшегося за три месяца до августовского кризиса, он был полководцем без армии. «Два месяца пришлось вести переговоры с Крючковым об увеличении штатов российского КГБ с 23 до 300 человек, – вспоминал он в интервью газете “Россия” в сентябре 1993 года. – Он (Крючков. – В.С.) подписал этот приказ только 17 августа. Было много недоверия и со стороны радикальных демократов. У меня же все мысли были о том, как быстрее раскрутить машину российской госбезопасности, чтобы у России появился свой инструмент защиты государственности».

17 мая 1991 года недавний министр внутренних дел СССР и будущий последний председатель КГБ СССР В.В. Бакатин подал заявление в Центральную избирательную комиссию по выборам президента РСФСР о согласии баллотироваться в качестве кандидата в президенты РСФСР.

В тот период Бакатин являлся членом Совета безопасности СССР. В поддержку его кандидатуры жители Кировской области, где он ранее был первым секретарем обкома КПСС, собрали более ста тысяч подписей.

В тандеме с ним на должность вице-президента согласился баллотироваться Р.Г. Абдулатипов – председатель Совета национальностей Верховного Совета РСФСР. Они выступили по первой программе телевидения и заявили, что их решение баллотироваться вызвано стремлением возродить Россию из скорлупы отмирающих структур.

Впоследствии Бакатин рассказывал: Горбачев сказал ему, что будет соблюдать нейтралитет и, по-видимому, действительно соблюдал, но «болел» за Рыжкова.

– В ходе выборов я с ним не встречался и не говорил, – откровенничал Бакатин. – Своим советникам и части сотрудников аппарата он разрешил исполнять мои просьбы. Но просьб было немного.

По мнению ряда историков и политологов, Бакатин должен был отнять часть голосов демократов у Ельцина. Но сам он признавал, что его роль в этом плане сильно преувеличивалась.

На пост президента России баллотировались также народный депутат РСФСР А.М. Тулеев (в паре с кандидатом на пост вице-президента народным депутатом РСФСР В. Бочаровым), командующий Приволжско-Уральским военным округом генерал А.М. Макашов (в паре с членом ЦК Компартии РСФСР А. Сергеевым) и председатель Либерально-демократической партии В.В. Жириновский (в паре с предпринимателем А. Завидия).

Наиболее видным среди них кандидатом, не считая, конечно, Ельцина, был народный депутат СССР, в недавнем прошлом председатель Совета министров СССР Николай Рыжков. 18 мая его кандидатуру официально поддержало руководство российской Компартии. В паре с ним на пост вице-президента шел генерал Б.В. Громов, командовавший в Афганистане 40-й армией и выводивший ее оттуда.

Кого Ельцин выбрал на роль вице-президента? В прессе мелькали имена Г.Э. Бурбулиса и Р.И. Хасбулатова. Но Борис Николаевич неожиданно назвал кандидатуру народного депутата РСФСР, лидера группы «Коммунисты за демократию», Героя Советского Союза, полковника А.В. Руцкого. Впоследствии Ельцин в своих «Записках президента» указывал, что идея исходила от его спичрайтеров Л.Г. Пихои и Г.И. Харина.

Сегодня о Руцком уже мало кто помнит, а тогда он был широко известным человеком. Боевой летчик, воевал в Афганистане, его самолет был сбит, а сам он получил ранение и попал в плен к моджахедам. Участвуя в выборах народных депутатов СССР, критически отзывался о «ДемРоссии» и Ельцине. Выборы проиграл, но в Верховный Совет РСФСР прошел. Будучи членом ЦК Компартии России, на III Съезде народных депутатов РСФСР расколол парламентскую фракцию коммунистов. Некоторые газеты тогда писали, что этим поступком Руцкой спас Ельцина от готовившейся ему отставки с поста председателя Верховного Совета РСФСР.

Возможно, выдвижение «афганца» Руцкого было своеобразным ответом на выдвижение такого же «афганца» Громова, которого выбрал Рыжков на должность кандидата в вице-президенты. Как бы там ни было на самом деле, но оба главных претендента на президентский пост использовали так называемый

«афганский фактор», рассчитывая на то, что имена Громова и Руцкого привлекут на их сторону голоса избирателей из числа «силовиков», а также ветеранов Великой Отечественной войны и боевых действий в Афганистане.

18 мая Совет безопасности рассматривал записку премьера В.С. Павлова о вступлении СССР в Международный валютный фонд и в Международный банк реконструкции и развития.

О том, какие мнения высказывали члены Совбеза о возможности долгосрочной программы привлечения средств в размере до 15 млрд долларов в год, дает представление запись хода обсуждения, помещенная в книге «В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)».

Евгений Примаков:

– Без Запада нам не обойтись. Терех (министр торговли СССР) в Италии подписал контракт на 1 миллиард без согласования, без гарантий, без проработки. Покупаем обувь, а собственные фабрики стоят из-за отсутствия подошв.

Павлов убеждал: самим своих проблем не решить, экономику не перевооружить. Надо развивать связи и с Европой, и с США, и с восточными странами.

– Делать это надо осмысленно. Например, купили лицензию на переработку свиных кож, но нет химикатов, а без них использовать ее нельзя.

Советник Горбачева Вадим Медведев:

– Разумной альтернативы тут просто нет. Иначе – самоизоляция с введением жесткой дисциплины, диктаторских методов...

У председателя КГБ Крючкова особое мнение:

– Европа – за, а США против нашего участия в МВФ. Никаких 15 миллиардов не получим. Политические издержки будут большие. И не надо на это настраивать общественность.

Министр иностранных дел Бессмертных напомнил:

– Буш предложил нам ассоциированное членство в МВФ, которое означает только консультационную помощь.

Безысходностью веет от этих разговоров. Хотя Горбачев бодрился.

– Сможем ли мы решить наши задачи, опираясь лишь на собственные силы? – спрашивал он. – Кто тут большой патриот? Крики о распродаже, об унижении – не что иное, как проявление

«квасного» патриотизма, результат непонимания ситуации. Мы живем в другой эпохе. К сожалению, сильно отстали от Запада, а наука используется должным образом только в военной области. Альтернатива – зажать все в кулак. Но это гибель...

И, спустя несколько минут, неожиданный афоризм:

– Сотрудничество с Западом в интересах страны, для ее подъема – это и есть патриотизм!

Резюме:

– Пусть Явлинский продолжает свои контакты в США. Потом, может быть, поехать туда Примакову и Щербакову. А здесь нам надо широко развернуть подготовку концепции вхождения в мировое хозяйство и моего выступления на встрече «семерки» в Лондоне.

Как видим, позицию председателя КГБ не поддержал.

22 мая Крючков принял участие в обсуждении на Секретариате ЦК КПСС вопроса о растущих преступлениях в сфере экономики. Дал исчерпывающий анализ состояния криминальной обстановки, отметил тенденцию роста правонарушений в тех отраслях народного хозяйства, которые непосредственно связаны с удовлетворением жизненно важных потребностей населения.

Между тем май приносил Горбачеву все новые сюрпризы. Сгущались тучи над КПСС. «ДемРоссия» и ее союзники по оппозиции потребовали провести референдум по вопросу о национализации имущества КПСС. В Москве и ряде других городов производился сбор подписей.

ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1991 года

Событие большого значения

Так сказал Горбачев об избрании Ельцина президентом РСФСР. Переживал? Наверное.

Победил, как и следовало ожидать, основной претендент – Ельцин. 12 июня, в первом туре. Его поддерживали «ДемРоссия» и другие партии, появившиеся в 1990 году. За него отдали голоса 57,3% граждан, принявших участие в выборах.

Кандидаты на пост президента РСФСР, поддержанные КПСС, проиграли во всех городах с населением более 1 млн человек – то есть в местах наибольшего сосредоточения рабочего класса и интеллигенции.

Повлиять на исход выборов пытались даже с помощью астрологических прогнозов. В СМИ, подконтрольных Кремлю, публиковались материалы о крайне неблагоприятном расположении звезд в день голосования, о разного рода опасностях, подстерегавших людей, которые выйдут 12 июня из дому или даже откроют форточку.

Второе место занял тандем Рыжков – Громов. Его отрыв от Ельцина – Руцкого был огромен. Он набрал всего 16,85% голосов. На третьем месте (7,81%) – Жириновский со своим «вице» Завидия. Меньше всех (3,42%) набрал будущий председатель КГБ Бакатин, считавшийся выразителем курса Горбачева и автором провозглашенной им «философии здравого смысла». Он замыкал список из шести претендентов на президентское кресло.

Между тем к концу первого полугодия в стране сложилась отчаянная, по словам премьера Павлова, обстановка. Объем внешней торговли снизился на 30%. Большой ущерб причинили забастовки. Остановились 33 доменные печи. Выведены из строя 7 коксовых батарей.

Тяжелое положение было и с продовольствием. Прогноз на урожай зерновых: 180–190 млн тонн против 218 млн в прошлом году и 196 млн в среднем за последние пять лет. Заготовить надо 70–79 млн тонн, а при сложившейся ситуации можно

лишь 50–60 млн тонн. Придется повышать цены на зерно. Это повлечет за собой повышение цен на сахар, растительное масло и мясо.

17 июня состоялось закрытое заседание Верховного Совета СССР, на котором выступили премьер-министр Павлов, министры обороны Язов и внутренних дел Пуго. Павлов сообщил о социально-экономическом и политическом положении в стране. Оно было настолько тревожным, что, по сути, речь шла о возможности физического выживания народа.

Вот некоторые положения доклада Павлова, зафиксированные В.И. Воротниковым в дневнике. Ряд политических сил ставит цель ухудшить экономическое состояние. Начавшийся после 1988 года спад промышленного производства продолжается. Значительно сократилась добыча нефти, угля, производство металла. На 8 млн гектаров уменьшились площади под зерновыми культурами. Снижаются поголовье скота и птицы, продажа государству сельскохозяйственных продуктов.

В заключение он попросил предоставить Кабинету министров дополнительные полномочия на период вывода экономики из кризиса. Горбачев отсутствовал.

– Я не могу по каждому вопросу бегать к президенту за решением, – сказал Павлов. – Кабинет министров должен иметь право в решении оперативных вопросов и нести за это ответственность.

В случае предоставления правительству дополнительных полномочий предполагалось ввести чрезвычайное положение на всей территории СССР, на которой будут действовать только законы Союза ССР. Министру обороны Д.Т. Язову разрешалось вводить при необходимости комендантский час на всей или отдельных территориях СССР, для чего образовать необходимое количество комендатур. КГБ и МВД СССР (Крючков В.А., Пуго Б.К.) согласовывать свои действия с Минобороны СССР.

Язов рассказал о проблемах, связанных с выводом войск из Венгрии, Чехословакии, Германии и размещением их в Союзе («их выводят в чистое поле», «из Вооруженных сил уволено 100 тыс. офицеров, многие из них не выслужили пенсию, некоторые не дослужили 2–3 месяца»).

В ряде республик (Прибалтика, Армения, Грузия) идет открытый саботаж призыва в армию. Нагнетается негативное отношение к армии, разрушаются памятники Великой Оте-

чественной войны. При такой ситуации, когда командуют все республики, «Вооруженных сил у нас скоро не будет». К концу года их укомплектованность составит всего 70%. В пограничных войсках некомплект уже достиг 20%.

Крючков:

– Отечество на грани катастрофы. Мы об этом пишем президенту. Если не удастся остановить разрушительные процессы, то наши самые худшие предположения могут оправдаться. Осуществляется глобальная линия на изменение общественно-политического строя, на развал Союза. В ряде регионов обостряются террор и насилие. Внушается мысль о том, что развал государства – это благо. Западные экономисты прогнозируют сокращение ВВП на 10–12%, объем производства на 15%. Средства массовой информации в руках антисоветских, антиконституционных сил. Всему есть предел, надо употребить власть...

Крючков подчеркнул: сейчас обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого – равносильно самообману. В ближайшее время в стране появится целая плеяда талантливых людей, которые будут знать, что делать, и точно отражать интересы наших народов. Надо сделать все, чтобы исполнительная власть встала на ноги, имела необходимые права.

Отметил, что наряду с внутренними силами действуют и внешние.

– Мы располагаем документами, – продолжал Крючков, – что в 1979 году разработаны планы ЦРУ о разложении советского общества, подрыве экономики, создании агентуры в системе управления и т.п. С нами сейчас говорят как со второсортной державой. Обещания всяческих кредитов, 150–200 млрд – это наивные сказки, в которые нельзя верить.

С сожалением признал, что в СССР в ответ на туманные обещания значительно сократили расходы на оборону, пошли на уступки в Прибалтике.

– Наша страна может спасти себя только сама, – подчеркнул он. – Недружественные тенденции в сопредельных странах усиливаются. Они считают, что развал страны предрешен. Обостряется обстановка на границе. Вчера в Румынию перешли 225 тысяч человек, правда, большинство утром вернулось. Мы постоянно даем президенту подробную и своевременную

информацию по всем вопросам. Без действий чрезвычайного характера сейчас уже не обойтись. От вашей мудрости зависит – быть или не быть нашей державе. Сейчас все должно быть подчинено сохранению Союза.

Столь же обеспокоенно, с тревожным нотками в голосе, доложил депутатам обстановку и министр внутренних дел Б.К. Пуго, который назвал ее чрезвычайно серьезной. Распространяется организованная преступность. В республиках не выполняются союзные законы, указы президента. Идет состязание лидеров суверенных республик, кто вольнее и смелее.

На том же заседании Крючков впервые обнародовал записку председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС, датированную 24 января 1977 года, об «агентах влияния». Ее слушали, затаив дыхание. Она произвела настоящий фурор. Уж очень непривычен был термин – «агенты влияния».

Думаю, есть смысл привести ее здесь. Вот ее текст.

О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан

По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести

поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Обсуждение проходило бурно. Историк Р. Пихоя пишет: «Депутат из Харькова таксист Л.И. Сухов митинговал: “Долой Горбачева и мафиозную группу, которая его окружает”. В эту группу, по его мнению, входили А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, А.Г. Аганбегян. Другой активный деятель фракции “Союз” – полковник В.И. Алкснис – предупреждал: в стране нет власти. С. Умалатова требовала лишить президента дополнительных полномочий и передать их Кабинету министров. У вице-президента Г.И. Янаева спрашивали: в курсе ли обсуждения Горбачев? Янаев утверждал, что Горбачев “в курсе вопроса и не

видит здесь никакого политического подтекста". Он выразил беспокойство, что в отдельных выступлениях предложения Кабинета министров оцениваются чуть ли не как попытка совершить государственный переворот. Но дело шло именно к конституционному перевороту, так как президент избирался Съездом народных депутатов и Верховный Совет мог начать процесс отстранения его от власти».

Спустя три дня, 21 июня, на сессию Верховного Совета пришел Горбачев. И сразу же не согласился с оценками, которые дали премьер и три силовых министра.

По мнению президента, ситуация действительно сложная, но Кабинет министров действует, ищет формы работы в новых экономических условиях.

– Никакого кризиса в отношениях президента и премьера нет, – твердо заявил Горбачев. – Это нормальный процесс. Я вижу поддержку Кабинета и комитетов Верховного Совета – давайте действовать. Здесь появилось предложение Павлова о дополнительных полномочиях. Я говорил с премьером, он поторопился, не очень подумал. Условились – в этом нет никакой необходимости. Да, есть силы, которые дестабилизируют обстановку в обществе. Эти силы есть как в обществе, так и на пленуме ЦК и в Верховном Совете. Нужно придерживаться реальностей, укреплять отношения с республиками. Нельзя накалять страсти вокруг отношений президента и Верховного Совета, президента и премьер-министра...

«Обстановка в зале по мере его выступления накалялась, – занес в свой дневник Воротников. – Нарастал шум, раздавались хлопки. Стали бросать реплики, перебивать, возмущаться. Потом посыпались вопросы. Он отвечал резко, нервно. Горбачев отмел обвинения в том, что "его политика делается в США", заявив: "Не могу категорически с этим согласиться. Буду проводить ту внешнюю политику, которую начал при перестройке"».

Дополнительных полномочий, права законодательной инициативы премьер-министр Павлов не получил. Предложения глав КГБ и МВД тоже были оставлены Горбачевым без внимания.

Генерал-майор контрразведки В. Широнин в своей книге «КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки» отмечал:

«Одна из главных функций органов государственной безопасности состоит в том, чтобы выявлять планы и намерения

противостоящей стороны, отслеживать способы, которые она избирает для их реализации, и информировать о них высшие эшелоны государственной власти для организации противодействия.

Выполняя эти функции, Комитет госбезопасности, наряду с фрагментами документальных материалов... неоднократно получал агентурные сообщения о готовящейся акции по развалу СССР. Причем зарубежные источники, в надежности и достоверности которых не приходилось сомневаться, информировали о планах инспирирования и раздувания в республиках СССР междоусобиц, даже об угрозе развязывания гражданской войны, об отторжении части советских территорий в пользу третьих стран, о внешнем контроле над армией СССР. Вся оперативная информация, которая свидетельствовала о далеко идущих планах наших геополитических конкурентов, немедленно докладывалась Горбачеву, а также в соответствующие инстанции. Однако никакой обратной связи не было.

Работников контрразведки поражало странное молчание верхов, не реагирующих на эту важнейшую стратегическую информацию. Нам было неизвестно, какие принимались по ней решения, и уж, во всяком случае, никаких поручений в связи с добытыми данными оперативный состав КГБ не получал».

В. Широнин привел эпизод, о котором в феврале 1993 года рассказала газета «Вашингтон пост».

«В разгар политического кризиса в Советском Союзе в июне 1991 года мэр Москвы нанес незапланированный визит в посольство Соединенных Штатов. После нескольких минут тривиальной беседы, предназначенной для подслушивающей аппаратуры КГБ, Гавриил Попов взял лист бумаги и написал: "Мне нужно срочно передать послание Борису Николаевичу Ельцину. Возможен переворот. Ему следует немедленно вернуться в Москву". (Новоизбранный президент России в то время находился с визитом в США. – *В.Ш.*) Продолжая беседу как ни в чем не бывало, американский посол Джек Мэтлок взял ручку и вывел одно слово: "Кто?"

В ответ Попов написал имена трех лиц: премьер-министра Валентина Павлова, председателя КГБ Владимира Крючкова и министра обороны Дмитрия Язова. "Я немедленно сообщу в Вашингтон", – написал в ответ Мэтлок».

На допросе по делу ГКЧП 6 ноября 1991 года министр иностранных дел СССР А. Бессмертных рассказал, что 20 июня 1991 года он находился в Берлине. Ему позвонил госсекретарь США Дж. Бейкер, который тоже был там, и попросил о срочной встрече, во время которой сообщил, что получил из Вашингтона информацию о готовившейся попытке смещения Горбачева. И назвал фамилии Павлова, Язова и Крючкова.

Бейкер предложил передать эту информацию американскому послу в Москве Мэтлоку и попросил Бессмертных, чтобы тот позвонил помощнику Горбачева Черняеву об организации встречи с Мэтлоком.

Из Берлина Бессмертных приехал в Москву 22 июня. В тот же день он встретился с Горбачевым и спросил у него об информации, которую ему сообщил Мэтлок.

«Михаил Сергеевич кратко сообщил, что ему информация известна, – сказал в своих свидетельских показаниях Бессмертных. – Он поблагодарил меня за то, что я ему все рассказал, а также сказал, что с этими “деятелями” поговорил, круто поговорил. Но обстоятельства этого разговора мне неизвестны».

Язов впоследствии сильно удивлялся: «Лично со мной ни “круто”, ни спокойно никто не разговаривал...»

Следователь задал Бессмертных вопрос, называл ли Бейкер какое-то определенное время готовившегося смещения Горбачева? Бессмертных ответил: нет, не называл, сказал лишь, что это может произойти в ближайшие дни – «что-то в этом роде».

Некоторые исследователи считают, что визит московского мэра Г.Х. Попова в американское посольство в Москве был связан не с ГКЧП, а с выступлениями Павлова, Язова и Крючкова на закрытой сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года.

Так полагает и тогдашний министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д.Т. Язов. В его книге «Удары судьбы», изданной в 1999 году, можно прочесть, что через 20 минут после этих выступлений на закрытой сессии Верховного Совета СССР о необходимости навести в стране порядок все стало известно в американском посольстве.

«В роли информатора от московских “демократов”-стукачей выступил Гавриил Попов, хотя он прекрасно понимал, что и у государства могут быть секреты. Но демократ не убоился, побе-

жал в американское посольство и сообщил послу США Мэтлоку, что назревает заговор, назвал и зачинщиков: Павлов, Крючков и Язов, – попросил передать этот доклад и Ельцину, который в то время находился в США. Мэтлок сообщил о том, что говорилось на сессии Верховного Совета СССР, президенту США Бушу. А тот, в свою очередь, сразу же связался с Горбачевым, как будто последний не знал о наших выступлениях».

Не трудно понять, замечает Язов, видимость заговора создавали «демократы».

В те же дни была подготовлена информация КГБ СССР «О высказываниях представителя окружения М.С. Горбачева», датированная 20 июня 1991 года. Впервые опубликованная в книге «Кремлевский заговор», вышедшей в 1992 году, Генерального прокурора России В.Г. Степанкова и его заместителя – руководителя бригады по расследованию обстоятельств захвата власти членами ГКЧП в августе 1991 года Е.К. Лисова, эта информация напечатана под названием «Документ без комментария».

По данным из окружения М.С. Горбачева, в ближайшие 2–3 дня им должно быть принято решение, которое существенным образом повлияет на дальнейшее развитие событий в СССР, окончательный выбор основных направлений внутренней и внешней политики. Это связано с шагами, которые были предприняты в последнее время кабинетом министров и его председателем Павловым. М.С. Горбачев расценил эти действия как попытку определенной группы людей, сконцентрированных вокруг Павлова, резко укрепить власть правительства в стране, не допускать радикальных реформ во внутренней политике и экономическом развитии, отодвинув тем самым М.С. Горбачева на второй план, подорвав его личный авторитет в стране и за рубежом.

Особую озабоченность ближайшего окружения М.С. Горбачева вызвал тот факт, что линия Павлова получила активную поддержку у Язова, Крюčkова, а также частично Пуго (позиция последнего не однозначна). М.С. Горбачев также озабочен наметившейся линией Верховного Совета СССР на резкую критику позиций президента на его переговорах по созданию федеративного Союза. В частности, большинство в Верховном Совете резко возражает против линии Горбачева на то, чтобы передать в ведение республик це-

лый ряд важных функций, принадлежащих в настоящее время центральному правительству СССР, в первую очередь, его предварительного согласия на требование некоторых республик о фактическом роспуске министерства внешних экономических связей и передаче прав на внешнеторговую деятельность в ведение республиканских властей.

Ситуация для М.С. Горбачева осложняется тем фактом, что в правительственных кругах США и стран Западной Европы также оценивают сегодняшнее положение в результате действий Павлова и его кабинета министров как реальное ослабление позиций президента СССР и снижение возможности для него влиять на дальнейшее развитие событий, определять выбор основных направлений внутренней и внешней политики СССР. В частности, в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М.С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР. Вместе с тем, с учетом надвигающихся президентских выборов в США, для республиканской администрации было бы крайне нежелательным в данный момент отказываться от поддержки М.С. Горбачева, оказываемой ему в течение длительного времени. Параллельно в администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются определить возможную кандидатуру на замену Горбачева, которая могла бы быть положительно оценена в политических и общественных кругах Запада. На данном этапе такая кандидатура пока не просматривается. Президент Буш и его ближайшее окружение категорически отказываются рассматривать в качестве возможной фигуры для замены Горбачева Б.Н. Ельцина.

В окружении Буша полагают, что приход Ельцина к власти в СССР приведет к «катастрофическому развитию событий и кардинальному пересмотру позиции США и ведущих западных стран по вопросу их политики в отношении СССР». Окружение Буша также считает крайне неправильными действия Горбачева по практической поддержке программы экономического развития СССР, подготовленной Явлинским вместе с американскими учеными. В администрации Буша считают, что этот план абсолютно нереалистичен. В первую очередь, он не учитывает «русских национальных особенностей, которые будут играть существенную роль при выпол-

нении любой программы экономического развития в такой стране, как СССР». По существующему мнению в администрации Буша, лишь отдельные компоненты этого плана могут представить практический интерес и быть реализованы. В этой связи с настороженностью воспринимается линия М.С. Горбачева на то, чтобы «сделать ставку на программу Явлинского и вести дело к тому, чтобы сделать его премьер-министром СССР».

В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьезную попытку начать возможную работу «по замене М.С. Горбачева». Они считают, что Лукьянов во время переговоров в Лондоне пытался «показать себя Западу как возможный преемник Горбачева».

С учетом указанных факторов, как считают в ближайшем окружении Горбачева, у него сейчас существуют следующие варианты выхода из создавшегося положения. Первый из них – начать активную борьбу против Павлова и поддерживающих его Крюкова, Язова и др. С настоятельными рекомендациями действовать именно в этом направлении выступает А.Н. Яковлев. В ближайшем окружении М.С. Горбачева также считают, что он не исключает для себя варианта повторения «действий Ельцина», то есть выйти из КПСС как силы, которая препятствует «дальнейшему демократическому развитию СССР». После этого он должен будет, по логике вещей, пойти на союз с Ельциным и радикальными «демократическими» силами, поддерживающими его.

В настоящее время, по негласному указанию Горбачева, через его пресс-секретариат начата работа по сбору компрометирующих данных на Павлова. В частности, ведется анализ критических публикаций и высказываний ведущих западных политиков и экономистов.

Вместе с тем в ближайшем окружении М.С. Горбачева считают, что он в последнее время практически лишился поддержки ближайших соратников: Шеварднадзе предпринимает усилия по созданию оппозиционной КПСС партии и намерен ее возглавить. Бакатин после президентских выборов в России не выполняет ни одного из указаний Горбачева, абсолютно устранился от всяких дел в Совете безопасности, деятельность которого в значительной мере парализована.

Такие соратники М.С. Горбачева, как Черняев и Болдин, не способны серьезным образом влиять на развитие событий и оказывать реальное содействие президенту.

В ближайшем окружении М.С. Горбачева полагают, что наиболее логичным, разумным и приемлемым для дальнейшей судьбы СССР было бы повторение М.С. Горбачевым варианта действий, связанных с обстановкой в свое время вокруг программы «500 дней», когда Горбачев в самый последний момент отверг эту программу и поддержал линию Рыжкова.

В этой связи в окружении Горбачева отмечают, что было бы важно с учетом внутренних и внешних факторов «не загонять М.С. Горбачева в угол, а попытаться найти компромиссное решение между ним и Павловым и поддерживающими премьер-министра группами и силами». В частности, по словам источника, было бы целесообразно создать ситуацию, когда М.С. Горбачев пошел бы на фактическое согласие с линией Павлова с одновременным предоставлением ему возможности публично «скорректировать некоторые элементы программы Павлова и его политической линии».

По словам источника, в ближайшем окружении М.С. Горбачева считают, что наиболее влиятельной фигурой, которая могла бы согласовать с президентом такую тактику, является В.А. Крючков.

Предгрозовой июль

10 июля состоялась торжественная церемония вступления Ельцина в должность президента России. Тогда еще не вошло в обиход привычное ныне слово «инаугурация».

Процедура проходила в Кремлевском Дворце съездов. Кстати, тогда впервые прозвучал новый гимн, основой которого послужила мелодия «Патриотической песни» М.И. Глинки.

Ельцин принес присягу и получил благословение Патриарха всея Руси. Горбачев первым поздравил Бориса Николаевича.

11 июля – сессия Верховного Совета СССР. Последняя, депутаты разъезжались на каникулы до 16 сентября. Ее своим присутствием почтили Горбачев, вице-президент СССР Г.И. Янаев, премьер-министр В.С. Павлов.

Вопрос наиважнейший: «О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств». Дневниковая запись В.И. Воротникова: «Так в Ново-Огареве сформулировали наименование документа. Не Союзный договор, а Договор о Союзе. Государство – ССГ, а не СССР». В новом названии отсутствовали слова «Советских» и «Социалистических».

С сообщением о проекте выступил Р.Н. Нишанов. Что решили? Воротников записал в своем дневнике: «Его позиция, упрощавшая принципиальные вопросы формирования будущего нашего государства, не понравилась депутатам. Обсуждение было активным и критическим. Горбачев отмолчался. Приняли постановление. В основном проект поддержать, но приложить к нему перечень принципиальных замечаний, основанных на конституционном праве и волеизъявлении народа на референдуме 17 марта с.г. Поручили делегации Верховного Совета в составе Лукьянова, Лаптева, Нишанова эти предложения отстаивать на заседании Подготовительного комитета с руководством республик и страны».

Итоги работы сессии подвел А.И. Лукьянов и закрыл заседание. Но работа над проектом документа продолжалась. В июле в Ново-Огареве шли дискуссии по возникшим разногласиям между руководством отдельных республик. Что вызывало расхождения, понять из путаных и невразумительных сообщений в прессе было трудно. Да и пора летних отпусков подходила.

Наконец Горбачев объявил: 20 августа Договор о Союзе Суверенных Государств (ССГ) будет открыт для подписания. Воротников пишет в дневнике: «А сам 3 августа отбыл на отдых в Крым. Как можно было тогда объяснить этот отчаянный, иначе не скажешь, шаг президента? Ведь было очевидно, что ряд союзных и некоторые автономные республики не согласны с проектом Договора. Более или менее в его поддержку высказались лишь пять-шесть республик».

Удивительно и то, отметил Воротников, что окончательный вариант Договора не был представлен и, естественно, не обсуждался в Верховном Совете СССР: «Казалось, кто-то умышленно подталкивал президента к такому решению, заранее зная, что подписание Договора будет сорвано, а это еще быстрее приблизит страну к распаду».

Воротников приходит к выводу, что на момент принятия решения об открытии Договора для подписания он еще оконча-

тельно не был отработан. Иначе чем можно объяснить, что в печати проект Договора был опубликован лишь 15 августа – за четыре дня до подписания!

И вообще, как возникла идея нового Союзного договора? Кто ее автор? Почему Горбачев и его команда зациклились именно на ней? Была ли нужда в таком документе? Ведь он, по сути, заменял Конституцию СССР...

17 марта 2016 года, в день 25-летия Всесоюзного референдума, неожиданно разоткровенничался Сергей Шахрай, в ту пору народный депутат СССР и РСФСР, в дальнейшем вице-премьер российского правительства и один из разработчиков ныне действующей Конституции РФ.

«Троянского коня подарил Союзу Верховный Совет Эстонской ССР, – сказал он в интервью одной из российских газет. – Эти депутаты первыми предложили вместо новой Конституции подписывать Союзный договор. И все на эту идею купились, бросились обсуждать и одобрять, хотя Союзный договор 1922 года юридически исчез еще в 1936 году, а дальше действовала только Конституция СССР. Новая Конституция была готова: 14 декабря 1990 года академик Кудрявцев представил ее проект на Президентском, а потом на Верховном Совете. Но Конституцию свернули, а Михаил Сергеевич Горбачев взял на вооружение эстонский рецепт, принял личное решение – возглавить процесс подписания Союзного договора и энергию Союзного договора направить на переоформление, перезагрузку власти. В том числе и на отпочкование от КПСС – партии, которая была им недовольна».

Каково, а? Неужели пришло прозрение? По словам Шахрая, если бы вместо проведения референдума и подготовки Союзного договора была принята новая Конституция СССР, из Союза уже никто не мог бы уйти. Референдум же следовало отложить на какое-то время и добиться того, чтобы все республики в нем участвовали. Вот тогда их попытки выйти из состава страны стали бы незаконными.

Действительно, идея заключения нового Союзного договора принадлежала Эстонии. 16 ноября 1988 года Верховный Совет этой республики принял резолюцию «О Союзном договоре», в которой обращался в Президиум Верховного Совета СССР с таким предложением. Однако спустя два года, после

принятия закона о восстановлении независимости, Эстония отказалась от этой идеи.

Между тем сама идея обрела жизнь, попав в поле зрения Горбачева. Он почему-то ухватился за нее и дал ей ход. На основе итогов Всесоюзного референдума о сохранении СССР весной и летом 1991 года в рамках Новоогаревского процесса был разработан проект по заключению нового союза.

Сначала его называли Союзом Советских Суверенных Республик (без слова «Социалистических»), затем и без слова «Советских» – Союзом Суверенных Государств как мягкой, децентрализованной федерации.

23 июля Горбачев приехал в Ново-Огарево. Там собрались руководители Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик. Озабоченно произнес:

– Я чувствую опасные тенденции. Нужно быстрее завершить Договор.

Тогда же обсудили процедуру подписания. Пышное торжество решили устроить в Кремле, в Георгиевском зале, пригласить много гостей, в том числе дипломатический корпус.

Между тем беспокоиться было о чем. Два дня назад, 20 июля, Ельцин подписал указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР».

Против кого был направлен этот указ? КПСС прямо не называлась, но ведь все знали, что она была единственной партией в стране, которая имела свои организации на производстве и в государственных структурах. Стало быть, именно ее попросили на выход.

Как воспринял появление указа, выдворявшего партию, ее Генеральный секретарь?

Его ближайший сподвижник В.А. Медведев вспоминал:

«В конце июля я ушел в отпуск и уехал в супругой в Крым, в санаторий Нижняя Ореанда близ Ялты... В первый же день я позвонил Михаилу Сергеевичу в Москву, чтобы поделиться с ним своими тревогами и соображениями, особенно в связи с практическим отсутствием реакции со стороны партийных и общественных организаций на указ Ельцина.

Горбачева на даче не оказалось. Сказали, что он в Ново-Огареве. Попросил соединить с ним, когда он будет на об-

ратном пути в машине. Звонок раздался в 1.30 ночи. Михаил Сергеевич сообщил, что провел в Ново-Огареве откровенный, нелегкий разговор с Ельциным и Назарбаевым, прежде всего о том, как действовать после подписания Союзного договора.

В разговоре затрагивался и указ о департизации. Ельцин заверил, что никаких насильственных действий в связи с этим указом предприниматься не будет, поэтому надобности в каких-то новых шагах со стороны президента СССР нет. «А в общем надо уходить в отпуск, – добавил Михаил Сергеевич. – Вероятно, четвертого или пятого августа. Там увидимся...»

Судя по словам, приведенным Медведевым, Горбачева успокоило обещание Ельцина не производить насильственных действий в связи с подписанным им указом о департизации. Не выдворили же парткомы из органов внутренних дел сразу после принятия 17 апреля 1991 года Закона РСФСР «О милиции», в котором было записано: «В милиции не допускается создание и деятельность политических партий и их организаций». Впрочем, такую формулировку можно было понять как относившуюся к новым партиям.

К концу июля 1991 года ощущение надвигавшейся опасности обострилось и у патриотически настроенных политиков, общественных деятелей и просто у честных людей. Отражением их настроений стало опубликованное в те тревожные дни в газете «Советская Россия» «Слово к народу». Это был политический манифест, пронизанный глубокой болью за судьбу страны.

Среди тех, кто подписал его, известные имена. Идеолог Компартии РСФСР Г. Зюганов и писатель Ю. Бондарев, руководитель депутатской фракции «Союз» Ю. Блохин и певица Л. Зыкина, генерал Б. Громов и скульптор В. Клыков, будущие члены ГКЧП генерал В. Варенников, аграрий В. Стародубцев, промышленник А. Тизяков и деятели литературы А. Проханов, В. Распутин...

«Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за нашу страну, – призывали они. – Скажем: “Нет!” – губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления». «Сплотимся же... чтобы содействовать укреплению Советской власти». «Советский дом – наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в години нашествий».

Два дня, 25 и 26 июля, проходил пленум ЦК КПСС. Никто тогда не подозревал, что это последний пленум в истории партии, бесславно терявшей свое доминирующее положение в стране. Хотя, конечно, предчувствие надвигавшейся беды было у многих.

Смущала повестка дня пленума – обсуждение проекта новой Программы КПСС. Горбачев теоретизировал, его слова были гладкими и скользкими, а в беломраморном зале собрались люди, ждавшие от генсека конкретных указаний, как жить дальше, как действовать после ельцинского указа о департизации. Паковать чемоданы, уносить ноги из государственных органов?

По словам первого секретаря Ленинградского обкома партии, видного ученого, члена-корреспондента АН СССР Б. Гидаспова, потерялось понятие «коммунизм», а если и употребляется, то «в жанре надгробной эпитафии». Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии А. Малофеев бросал обвинение генсеку, что партия отстранена от выработки государственной политики.

– Да и в самой КПСС, – с горечью говорил он, – критической отметки достигли развал, брожение, несогласованность, угроза явного раскола.

Практически все выступавшие резко критиковали идеологов перестройки, «либералов-шестидесятников», приведших страну к глубокому кризису. Ставили вопрос о необходимости изменений в составе ЦК, Политбюро и Секретариата, о целесообразности совмещения постов президента и генсека.

Пленум принял решение провести внеочередной XXIX съезд КПСС в ноябре – декабре 1991 года и принять на нем новую Программу КПСС.

В рассказе Медведева о его разговоре с Горбачевым по поводу департизации есть упоминание о некоем «откровенном, нелегком» разговоре Горбачева с Ельциным и президентом Казахстана Назарбаевым. Что это был за разговор?

Вокруг этого эпизода создано множество былей и небылиц. По одной из версий, 29 июля 1991 года в Ново-Огареве, где велась работа над Союзным договором, состоялось тайное совещание. Горбачев закончил основное совещание и простился с лидерами республик, а Ельцина и Назарбаева попросил остаться. Мол, именно их разговор и дал повод для создания ГКЧП.

Речь шла об обсуждении конкретных кандидатур на должности руководителей будущего обновленного Союза. Тайное обсуждение якобы было записано подслушивающей аппаратурой КГБ и стало известно лицам, которым не отводилось места в будущем правительстве. Узнав об этом, потрясенные коварством и неблагодарностью Горбачева, они организовали заговор с целью отстранения его от власти.

Биограф Ельцина Борис Минаев в книге, вышедшей в серии «ЖЗЛ», приводит фразу, произнесенную Горбачевым: «Назарбаеву Нурсултану Абишевичу я предлагаю пост премьер-министра, будет заменен также председатель КГБ, предлагаю Бакатина, ты как, Борис Николаевич?»

Фраза закавычена. Значит, так и в распечатке. Не прямая речь, допускающая вольный пересказ, а именно цитата.

Только две фамилии – Назарбаева и Бакатина. Первая вместо премьера Павлова, вторая – вместо председателя КГБ Крючкова. Других нет. Ни того, кто должен заменить вице-президента Янаева, ни председателя Верховного Совета СССР Лукьянова.

О разговоре Горбачева, Ельцина и Назарбаева пишет и такой авторитетный историк, бывший главный государственный архивист России Р.Г. Пихоя. В его книге «Советский Союз. История власти. 1945–1991» круг людей, которых предстояло заметить после подписания Союзного договора, расширен.

«Встреча носила конфиденциальный характер. На ней были достигнуты важнейшие договоренности, – пишет он, – из руководства нового Союза будут убраны вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, министр обороны Язов, руководитель Гостелерадио Кравченко. По предложению Ельцина договорились о том, что новым премьер-министром Союза будет Н.А. Назарбаев. Было также решено выдвинуть на пост президента Союза Суверенных Государств М.С. Горбачева.

В разгар разговора Ельцин забеспокоился: нас “подслушивают”. Его опасение оправдалось. “Записали и этот разговор, может быть, эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года”, – писал он в своих мемуарах».

Р.Г. Пихоя имел в виду книгу Ельцина «Записки президента», вышедшую в 1994 году миллионным тиражом. В ней Борис Николаевич подтверждает дату конфиденциальной встре-

чи – 29 июля 1991 года и место – Ново-Огарево, один из залов особняка.

У Ельцина возникло необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то неотступно подглядывает. Он сказал тогда:

– Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают.

– Да брось ты, – не слишком твердо ответил [Горбачев], но все-таки последовал за Ельциным.

А говорили они вот о чем. «Я стал убеждать президента, – вспоминает Ельцин, – что если он рассчитывает на обновленную федерацию, в нее республики войдут только в том случае, если он сменит хотя бы часть своего самого одиозного окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве. Ни одна республика не захочет войти в такой Союз. Или министр обороны Язов, – разве может быть в новом Содружестве такой “ястреб” из старых, отживших уже времен».

Ельцин отмечает: видно, Горбачев был напряжен, ему нелегко давался этот разговор. «Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: “А какой вице-президент из Янаева?!” Михаил Сергеевич сказал: “Крюčkова и Пуго мы уберем”».

Далее Ельцин, по его словам, стал убеждать Горбачева отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и президента Союза. Борис Николаевич удивился: на этот раз он впервые не отверг его предложение. И даже посоветовался:

– А может быть, мне пойти на всенародные выборы?

Все трое единодушно решили, что после подписания Договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер-министра. Горбачев спросил:

– А кого вы видите на этой должности?

Ельцин предложил Назарбаева. Горбачев сначала удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен.

– Другие кандидатуры мы обсудим после 20 августа, – закончил он разговор.

«Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла бы пойти по другому пути.

Пройдет немного времени, и я своими глазами увижу расшифровку разговора президента СССР, президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток.

Записали и этот разговор, может быть, эта запись и стала спусковым курком августа 91-го года».

Ельцин, допрошенный в качестве свидетеля, примерно так же изложил подробности той встречи. Горбачев тоже подтвердил свидетельские показания Ельцина.

Но вот свидетельство В.И. Болдина:

– Незадолго до отъезда в отпуск Горбачев неожиданно спросил меня: «Ты знаешь о моей встрече с Ельциным и Назарбаевым? Они настаивают на том, что Крючкова и Язова надо убирать с должностей: не тянут больше старики».

Болдин, по его словам, удивился не столько самой встрече, о которой ничего не знал, сколько тому, что сказал Горбачев.

– Я слышал другое – будто вы обсуждаете вопрос о назначении Бакатина на пост председателя КГБ, – сказал Болдин.

– Ни Крючкова, ни Язова этим вождям я не отдам! Скорее вместе уйдем с постов, – быстро заговорил Горбачев.

Болдин понял, что Горбачева очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. «И если нет, – написал Болдин в своей мемуарной книге “Крушение пьедестала”, – то он, видимо, надеялся, что при случае я могу передать Крючкову слова Горбачева о его решимости отвергнуть предложение Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крючкову уже подготовлена замена, заставила Горбачева страстно убеждать меня, что “Володя ему больше, чем друг”, и эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратить гнев».

А далее у Болдина следует забойная, как сейчас бы сказали, короткая фраза: «Лишь спустя два или три года я узнал от Крючкова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачева, Ельцина и Назарбаева, как и не знал вообще, что президент СССР плетет против него интриги».

И если это так, то сам собой напрашивается вопрос: а действительно ли Крючковым при создании ГКЧП двигало стремление удержаться в кресле хозяина Лубянки? И если разговор все же был, можно ли со стопроцентной уверенностью утверждать, что его запись попала в руки Крюčkова?

Касаясь этой темы, он написал в своей книге «Личное дело»: «29–30 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Как потом стало известно, на этой встрече речь шла о широком круге вопросов, касающихся судьбы Советского государства, предстоящего заключения Союзного договора, прекращения деятельности союзных законодательных и исполнительных органов и создания взамен их новых. Обсуждались также кадровые вопросы.

Обо всем этом общественность, советские люди не были тогда информированы. Все это всплыло позже, после августовских событий, когда фатальные перемены, разрушения затронули все стороны жизни государства, когда, как говорят, дело было сделано».

Ну и в заключение откровения на сей счет самого Горбачева. Без них представление о тех временах и нравах было бы неполным.

Михаил Сергеевич уверен, что поводом для открытого выступления консервативного крыла КПСС, «последней каплей», переполнившей чашу терпения, стало опасение утраты личной власти. Подтверждая факт встречи в Ново-Огареве с Ельциным и Назарбаевым, Горбачев признал: да, разговор о кадрах был. Сравните, как описывал тот разговор Ельцин, и как написал Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы». В первую очередь речь, естественно, пошла о президенте Союза суверенных государств: «Ельцин высказался за выдвижение на этот пост Горбачева». О себе – в третьем лице.

«В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы Кабинета». Горбачев не называет, кто конкретно внес это предложение.

Читаем дальше. «Он (Назарбаев. – В.С.) сказал, что готов взять на себя эту ответственность, если союзный Кабинет министров будет иметь возможности для самостоятельной работы. Говорилось о необходимости существенного обновления верхнего эшелона исполнительной власти – заместителей пре-

мьера и особенно руководителей ключевых министерств. Конкретно встал вопрос о Язове и Крючкове – их уходе на пенсию».

По словам Горбачева, Ельцин чувствовал себя неудобно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает. А свидетелей в этом случае не должно было быть. Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдержать беспокойства.

«Сейчас я вижу, что чутье его не обманывало. Плеханов готовил для этой встречи комнату, где я обычно работал над докладами, рядом другую, где можно перекусить и отдохнуть. Так вот, видимо, все было заранее “оборудовано”, сделана запись нашего разговора, и, ознакомившись с ней, Крючков получил аргумент, который заставил и остальных окончательно потерять голову.

Поэтому заявления гэкачепистов о том, что ими двигало одно лишь патриотическое чувство, – демагогия, рассчитанная на простаков. Не хочу сказать, что им вовсе была безразлична судьба государства. Но они отождествляли его с прежней системой, а действовали, исходя в первую очередь из карьерных или даже шкурных интересов, чтобы сохранить за собой должности».

Остается лишь добавить, что на той конфиденциальной встрече была достигнута договоренность о подписании Союзного договора не в сентябре – октябре, как планировалось раньше, а 20 августа. Горбачев поделился своими опасениями, что проект документа может не получить поддержки в Верховном Совете СССР и уж тем более на Съезде народных депутатов.

С тех пор прошла четверть века. Ставшая чуть ли не официальной версия о мотивах выступления ГКЧП за это время многократно подвергалась сомнению. В рядах ее противников оказался даже такой убежденный демократ, как первый мэр Москвы Г.Х. Попов, который провел самую тревожную ночь своей жизни в бункере Дома Советов в ожидании штурма.

В канун 25-й годовщины августовского «путча» Гавриил Харитонович публично не согласился с версией ельцинского времени о подслушанном и переданном Крючкову разговоре Горбачева с Ельциным о необходимости смены ключевых фигур руководства СССР. Мол, ради сохранения своих постов и выступили «путчисты».

«Это были прежде всего люди идеи, государственные люди, – писал Г.Х. Попов в опубликованной “Московским комсомольцем” 26 августа 2016 года статье “Неосмысленный юби-

лей”. – Не могли они пойти на путч, исходя только из своих личных интересов. Я уверен: их обеспокоило не то, что их заменят, а то, кем их заменят. В этом они увидели угрозу интересам страны, как они их понимали.

Каждый из них знал, что, попроси он Б.Н. Ельцина, тот немедленно нашел бы для него пост. И версия “корыстного”, “личностного” путча к ним не подходит».

Тем не менее Ельцин ухватился именно за «личностную» версию узкого круга заговорщиков, чуть ли не кучки старцев. Почему? По словам Попова, Ельцин понимал, что именно такая версия дает ему возможность вывести из-под удара, спасти от «чистки» всю советскую номенклатуру. Ведь он уже решил опираться на нее. Без нее он не мог удержать власть. А версия «узкой и корыстной кучки» снимала проблему «чистки» авгиевых конюшен бюрократического социализма. «Странно, что этого до сих пор не хотят признать иные демократы, поддерживающие и сегодня ельцинскую версию», – удивляется прозревший 80-летний политик.

ДВЕ НЕДЕЛИ ДО «ПУТЧА»: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Августовское предгрозьё

1 августа

Заседание Совета безопасности. Горбачев в двух словах сказал о визите Дж. Буша в Москву. Сообщение было такое краткое, что позднее руководитель его аппарата В.И. Болдин иронично отметил в дневнике, что президент США приезжал посмотреть на Кремль и пройтись с Горбачевым по Красной площади. После заседания члены Совбеза заходили к Болдину или по телефону спрашивали, нет ли дополнительной информации. «Итоги этого визита так и остались тайной для Совета безопасности, не говоря уже о руководстве партии, Верховного Совета», – писал Болдин.

2 августа

Горбачев, собиравшийся в отпуск в Крым, выступил с телеобращением, в котором заявил, что Союзный договор будет открыт к подписанию с 20 августа 1991 года.

Он сообщил, что в тот день первыми, кто подпишет Договор, будут пять республик: Белоруссия, Казахстан, РСФСР, Таджикистан и Узбекистан, а осенью к ним могут присоединиться еще четыре – Азербайджан, Киргизия, Украина и Туркмения.

3 августа

Это был последний день работы Горбачева перед уходом в отпуск. Он провел заседание Кабинета министров, выслушал сообщения премьера Павлова и министров. Они были более чем тревожные.

Горбачев призвал не паниковать. Позднее вице-президент Г.И. Янаев в одном из интервью напомнил его слова: «Мы не позволим развалить Советский Союз, будем принимать все меры вплоть до введения чрезвычайного положения».

Согласился с тем, что в стране «чрезвычайная ситуация». Необходимы «чрезвычайные меры». И «народ поймет это!».

Эти его слова приводит в своей книге «Переворот мнимый и настоящий» его личный друг и однокурсник по МГУ, тогдашний председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов.

А старший прокурор Данилов («Советская Россия», 03.09.1994) утверждал, что располагает стенограммой заседания Кабинета министров СССР от 3 августа 1991 года, которое состоялось за день до отлета Горбачева в Форос. По словам Данилова, в ходе того заседания много говорилось о чрезвычайных мерах как средстве выхода из кризиса: «Поэтому нужны чрезвычайные меры – значит, чрезвычайные... Заставляйте всех... Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры». И дальше: «Я завтра еду в отпуск, с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать...»

В 2011 году в интервью интернет-газете «Фонтанка.ру» О.Д. Бакланов подтвердил:

– Третьего августа, за полмесяца до создания ГКЧП, Горбачев на заседании Кабинета министров говорил почти дословно: мы – как в горах, поэтому должны работать в условиях чрезвычайного положения, иначе лавина обрушится, все погибнет. И добавил: «Я уйду в отпуск, а вы оставайтесь на местах, разруливайте ситуацию».

Демпресса позднее утверждала, что в тот день пограничные корабли блокировали дачу Горбачева с моря. Командир Балаклавской бригады пограничных сторожевых кораблей капитан 1-го ранга И.В. Алферьев разъяснил («Комсомольская правда», 28.08.1991): 3 августа группа из четырех пограничных кораблей и подразделение малых катеров заступили на охрану Государственной границы СССР в районе нахождения президента СССР. Организация службы с использованием такого количества сил и средств была введена четыре года назад, с момента размещения резиденции Горбачева в Форосе. С 3 по 23 августа морские пограничники несли службу в обычном режиме.

4 августа, воскресенье

Горбачев с семьей отправился на отдых в Крым. В аэропорту Внуково-2 его провожали члены Политбюро, руководители Верховного Совета и Кабинета министров.

Сказал вице-президенту Г.И. Янаеву, что тот остается «на хозяйстве». По партийной линии главным будет член Политбю-

ро О.С. Шенин. Согласно иерархии, замещать генсека должен был его штатный заместитель В.А. Ивашко, но он находился в больнице.

Передача полномочий в письменной форме в советские времена среди высшего руководства страны не практиковалась.

По словам О.Д. Бакланова, который в числе ближайших подчиненных Горбачева провожал его в аэропорту, там Михаил Сергеевич еще раз повторил свой запрет выезжать на отдых Язову, Крючкову, Шенину и некоторым другим.

– Оставайтесь на местах, контролируйте ситуацию, – сказал он.

5 августа

Первый рабочий день для оставшихся в Кремле и на Старой площади соратников Горбачева. Вечером в дом приемов КГБ в конце Ленинского проспекта приехали Крючков, Язов, первый заместитель председателя Совета обороны при президенте СССР (председатель Горбачев) О.Н. Бакланов и руководитель аппарата президента СССР В.И. Болдин.

Этот объект назывался еще АБЦ (Архивно-библиотечный центр) и использовался также для приема зарубежных делегаций.

«Подробности того вечернего разговора остались во многом невыясненными, – пишет бывший Генеральный прокурор России В.Г. Степанков в своей книге “ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир”, вышедшей в 2011 году, – так как его участники во время следствия уклонились от ответов на вопросы о характере беседы. “Обсуждали положение дел в стране”, – отвечали они, не вдаваясь в детали. Ничего существенного не смогла рассказать и официантка, сотрудница КГБ, обслуживавшая ужин высокопоставленной четверки. Как только она входила в зал – гости тут же замолкали».

Впоследствии Крючков вспоминал, о чем они говорили. Во исполнение поручения Горбачева договаривались изучить обстановку, подготовить предложения. Перед отъездом на отдых он поручил еще раз проанализировать обстановку, «посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придется пойти на введение чрезвычайного положения».

«Я понимал, что Горбачев боялся исключительно за себя, боялся, что с ним могут рассчитаться те, кому он когда-то, как

он выразился, “насолил”, имея в виду прежде всего Ельцина. В последнем разговоре со мной перед отъездом в отпуск он многозначительно заметил: “Надо смотреть в оба. Все может случиться. Если будет прямая угроза, то придется действовать”».

Они полностью отдавали себе отчет в том, что ситуация ухудшалась с каждым днем. Для уведомления о надвигающейся катастрофе по линии КГБ было использовано все: официальная информация, аналитические записки, личные разговоры с Горбачевым с предупреждениями о грозящей беде. Он вроде бы соглашался, но все оставалось по-прежнему.

6 августа

Язов вызвал к себе командующего ВДВ Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Павла Грачева. Когда он прибыл, Язов сказал ему:

– С вами хочет познакомиться Крючков.

7 августа

По версии следствия, в тот день Комитетом государственной безопасности началась проработка варианта ввода чрезвычайного положения в стране. Крючков назвал это анализом обстановки и мнением о возможных перспективах ее развития.

Сделать это он поручил заместителю начальника 1-го Главного управления (внешняя разведка) В. Жижину и помощнику первого заместителя председателя КГБ СССР Егорову. Оба имели репутацию аналитиков высокого уровня. К ним присоединился командующий ВДВ Грачев, недавно закончивший Академию Генерального штаба.

Времени отводилось крайне мало – всего двое суток. Чтобы не отвлекаться на повседневные дела, Жижин, Егоров и Грачев уединились на конспиративном объекте 2-го Главного управления КГБ в Подмоскowie.

8 августа

Первая полоса «Независимой газеты» открывалась «Обращением к Президенту России Б.Н. Ельцину». Авторы обращения призывали российского президента не подписывать Союзный договор. Подписантов было семеро, но какие это были имена! Список видных демократов открывал Юрий Афанасьев, завершала Елена Боннэр, вдова академика А.Д. Сахарова.

9 августа

Итогом работы Жижина, Егорова и Грачева стали документы, в которых излагался стратегический прогноз и рассматривались возможные пути развития ситуации в связи с введением чрезвычайного положения.

Экс-генпрокурор России Валентин Степанков ничего предосудительного в их наработках не видел: «Союзное законодательство предусматривало введение ЧП. И разговор о возможном переходе к управлению страной в чрезвычайном режиме ЧП не один раз обсуждался на разных уровнях, в том числе и на президентском. И странно было бы, если бы это не делалось в стране, находящейся в тисках экономических и межнациональных противоречий.

Документы по “чрезвычайке” готовились в КГБ и раньше, Жижин, к примеру, в начале года уже сочинял подобные записки. Чтобы не изобретать велосипед дважды, прежние наработки по общему согласию аналитиков были положены в основу отчетных бумаг. Эксклюзивный характер имела лишь одна небольшая четырехстраничная записка о целесообразности введения ЧП в канун подписания Союзного договора».

Всего и делов-то! Но тогда, когда стало ясно, что ГКЧП проигрывал, сколько несправедливых и нелепых обвинений обрушили средства массовой информации на головы тех, кто предпринял отчаянную попытку спасти страну от развала. Неистовые обличители советского строя ни разу не вспомнили, что Горбачев не отрицал возможности введения ЧП и даже отдавал распоряжения готовить соответствующие документы.

Газеты соревновались, кто больше и сенсационнее материалов опубликует на эту тему. Фурор произвели наброски предложений будущего члена ГКЧП Александра Тизякова, найденные у него при обыске. Это были клочки фраз вразброс, не связанные между собой, обозначенные скорее для себя, возможно, записанные после встреч в трудовых коллективах перед апрельским пленумом ЦК.

«...Организовать телеграммы с требованием к ЦК КПСС наведения порядка в экономике...

...В телеграммах должны быть и политические требования. Политическая стабилизация через приостановление деятельности Советов всех уровней и депутатов, наведение порядка в

работе средств массовой информации, оградить советский народ от разгула преступности, разгула демократии...

– Образование ВКУ (Временный комитет управления) с передачей ему всей полноты власти;

– освобождение от обязанностей генсека и избрание и.о.;

– ВКУ образует новое правительство СССР..

Организационные мероприятия:

– Надо, чтобы народ просил КПСС навести порядок в СССР и обращался к ней, как единственной политической силе, способной решить эту задачу. Из этой кампании надо извлечь, получить и огромный политический капитал. Это обеспечит восстановление авторитета КПСС – лучшего момента для восстановления былой славы с 1985 г. не было.

– Надо, чтобы на собраниях выдвигались главные требования: отставки генсека и наведение порядка с введением чрезвычайного положения.

– Надо сыграть на всех трудностях на рынке питания и потребительских товаров. Свалить это на “демократов”, невалифицированные Советы всех уровней с их шоу-программами.

– Выступления на пленуме подготовить тех, кого надо. И у микрофонов.

– Президиум избрать из 3-х человек. Председательствующий абсолютно надежный человек и хорошо ориентирующийся.

– Прессу, кроме “Правды” и “Советской России”, не пускать...»

Пройдет совсем немного времени, и Болдин, руководитель аппарата президента, напишет, что Горбачев лично поручал Тизякову, Бакланову и некоторым хозяйственникам и экономистам из правительства подготовить предложения на случай введения чрезвычайных мер.

Но вернемся к оценке ситуации в стране аналитиков межведомственной группы КГБ и Минобороны – Жижина, Егорова и Грачева. Их выводы совпали с мнениями Крючкова и Язова. Однако в отношении применения мер чрезвычайного характера аналитики были сдержанными. Для более определенных выводов требовалась дополнительная проработка.

9 августа произошли перемены в российском партийном руководстве. Первым секретарем ЦК Компартии РСФСР избран В.А. Купцов. Освобожден от должности И.К. Полозков. Купцов был секретарем ЦК КПСС – заведующим отделом по связям с общественными организациями.

12 августа

Крючков впоследствии отмечал, что после отъезда Горбачева в отпуск они почти каждый день вели телефонные разговоры. Ежедневно с ним связывались также Павлов, Лукьянов, Язов, Болдин, Бакланов, Шенин.

13 августа

Состоялось, как потом стало ясно, последнее заседание Секретариата ЦК КПСС. Председательствовал О.С. Шенин, оставленный Горбачевым «на хозяйстве». Рассматривался один вопрос – об указе Ельцина о департизации.

Надежды на то, что Комитет конституционного надзора СССР (был такой орган, предшественник Конституционного суда) отменит указ Ельцина, было мало. Шенин призывал коллег отказаться от выжидательной позиции, организовывать протесты партийных организаций предприятий, бороться против нарушения своих прав. На словах все были за, но никаких действий не предпринимали.

В тот же день у председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, находившегося с 30 июля в отпуске на Валдае, состоялся телефонный разговор с Горбачевым. Анатолий Иванович назвал его длительным. Речь шла о Договоре, о позиции Ельцина и ситуации в стране.

«Мы договорились, что я раньше приеду, – давал 24 августа 1991 года показания допрошенный в качестве свидетеля Лукьянов, – а он вечером, позднее. Он говорил, что неважно себя чувствует, что у него радикулит...»

Запись в «форосском» дневнике Р.М. Горбачевой от 26 августа 1991 года, понедельник: «13 и 14 августа Анатолий заметил, что на смену стоявшему обычно у входа в бухту “сторожевику” № 026 пришел другой, иного типа “сторожевик”. Это был большой корабль, который раньше можно было видеть только в бинокль на линии горизонта».

14 августа

Крючков пригласил авторов аналитических материалов и сказал им:

– После подписания Союзного договора вводить ЧП будет поздно. Так что поработайте еще. Срок – к завтрашнему вечеру.

В тот же день у Горбачева состоялся телефонный разговор с Ельциным. По словам Михаила Сергеевича, Ельцин чувство-

вал себя неуверенно, колебался. «Спросил, вижу ли я, каким атакам он подвергается. Мой ответ свелся к тому, – передаю наш разговор по смыслу, – что не меньшим нападкам подвергается и президент страны. Меня критикуют за то, что я, подписав Договор, подвергну опасности целостность государства, а президента России – за то, что он, сделав то же самое, продлит жизнь империи. Но раз недовольны и крайне правые, и крайне левые, то это лишь свидетельствует, что мы на правильном пути.

Завершая разговор на эту тему, я сказал:

– Борис Николаевич, мы не должны ни на шаг отступить от согласованных позиций, с какой бы стороны их ни атаковали. Нужно сохранять хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию», – рассказал он об этом эпизоде в своей книге «Жизнь и реформы».

И хотя Михаил Сергеевич пишет, что телефонный разговор закончился на хорошей ноте, обращают на себя внимание слова о том, что у него остался осадок, не ушло ощущение, что Ельцин чего-то не договаривает. Горбачев высказал предположение: он давно, на протяжении нескольких месяцев вел закулисный разговор об альтернативном оглашении «четверки» – России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Разговор то затухал, то возобновлялся, эта идея не покидала Ельцина, и не только его.

В тот же день вице-премьер правительства России О. Лобов заявил: руководство России не согласно с рядом положений Союзного договора и не будет их исполнять.

Эти слова напомнил Лукьянов 20 августа на встрече с народными депутатами СССР, представляющими демократическое крыло.

«Поэтому Михаил Сергеевич просил на 21 августа собрать Совет Федерации, – сказал Лукьянов. – В ответ мы получили издевательский ответ Ельцина, что после подписания Союзного договора никаких Советов Федераций и никаких союзных органов не существует».

15 августа

Жижин, Егоров и Грачев вернулись на объект в Московской области. К вечеру проекты первых документов «Обращение к советскому народу» и «Заявление советского руководства» были готовы. Было решено доложить их Горбачеву для реализации.

Крючков и его единомышленники полагали, что Михаил Сергеевич вот-вот прервет отпуск, прилетит в Москву и вернется к рассмотрению Союзного договора. Но тот, по словам Крюčkова, стал жаловаться на состояние здоровья, на радикулит, который якобы не позволял ему передвигаться и активно работать, говорил, что интенсивно лечится.

Ну а в тот день он позвонил из Фороса и устроил гневный разнос за публикацию в «Московских новостях» проекта Союза Суверенных Государств. По словам Крюčkова, у Горбачева и тех, кто готовил проект, публикация вызвала своего рода шок. Михаил Сергеевич возмущался утечкой, требовал установить виновников. «Его расчет был на то, – утверждал Крючков, – чтобы подписанием договора 20 августа поставить советских людей перед свершившимся фактом».

Публикацию поместили под заголовком «Мы еще не знаем, что надежда уже есть». В редакционном врезе было сказано, что публикуемый документ хранился в секрете, но поскольку подписание произойдет 20-го, до которого оставалось несколько дней, общественное обсуждение определяющего судьбу миллионов людей документа должно начаться как можно раньше.

Крючков называл «Московские новости» прогорбачевской газетой, во всяком случае не враждебной ему, и причина решимости редакции пойти на публикацию так и осталась для него неясной. Кто-то ведь допустил утечку. Кто? Где могла получить редакция секретный документ?

Крючков нашел там и ссылку на себя. К сфере, относившейся к ведению Союза, было причислено и обеспечение его государственной безопасности. Слово «руководство» было выделено жирным шрифтом и помечено звездочкой, отсылавшей к примечанию. Вот оно: «Предложение т. Крюčkова В.А. согласовано с руководством республик».

– Уже после согласования проекта Союзного договора его текст попал ко мне, – вспоминал Крючков. – Я обратил внимание на то, что положение об обеспечении государственной безопасности Союза сформулировано таким образом, что нарушалась сама система, сам механизм безопасности страны со всеми вытекающими отсюда крайне нежелательными последствиями. Роль союзного ведомства по государственной безопасности сводилась лишь к координации деятельности органов безопасности республик.

Речь, по сути, шла о диспетчерских функциях, не обремененных строго определенными правами и обязанностями. Кто хочет, тот координирует, кто не хочет – не координирует.

По словам Крючкова, он собрал коллегия Комитета госбезопасности, на которой обсудили проблему и пришли к заключению, что координации недостаточно, это будет нарушение целостности механизма. Горбачев воспринял это мнение с явным недовольством: мол, союзные республики не согласятся. Их и так приходится уговаривать по каждому пункту.

Крючков проявил настойчивость и заручился согласием Горбачева на проработку этого вопроса с первыми лицами республик. Те были вроде бы не против, но почти все интересовались: а как Ельцин? Крючков дважды вел с ним переговоры, но в итоге убедил. Слово «координация» было заменено другим – «руководство». Но со сноской, что предложение исходит от Крючкова, и что к рассмотрению этой формулировки можно еще раз вернуться.

– Мы впервые узнали о формулировках проекта Союзного договора из «Московских новостей», – рассказывал О.Д. Бакланов. – В Новоогаревском процессе никто из нас не участвовал. Это было как снег на голову в летний день. Выяснилось, что заключение Кабинета министров по проекту было отрицательное, а мнение Верховного Совета вообще не запрашивалось. А по закону оно должно было быть.

В тот же день еще одно событие: Бюро президиума Центральной Контрольной Комиссии КПСС рекомендовало исключить из партии А.Н. Яковлева. Узнав об этом, он на следующий день сам подал заявление о выходе из КПСС.

16 августа

Опубликованный в «Московских новостях» проект Договора появился в «Правде» и в других центральных газетах. Многие знакомились с ним впервые, и его текст вызывал подозрительное недовольство. Перепечатка произошла в пятницу, перед выходными, когда люди собирались на дачи.

Не у всех хватало терпения пробраться через сложный текст статей, параграфов и пунктов до конца документа, где говорилось, что он вступал в силу с момента подписания и с той же даты считался утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года.

Следовательно, 20 августа, в случае подписания нового Договора представителями пусть даже части союзных республик, стало бы последним днем в жизни СССР. И это при том, что действовала никем не отмененная Конституция СССР, никем не опровергнутые итоги Всенародного референдума 17 марта 1991 года!

Между тем к проработке варианта ввода чрезвычайного положения подключились первый заместитель председателя КГБ В. Грушко и заместитель министра обороны генерал-полковник В. Ачалов.

Как свидетельствовал Язов, о создании ГКЧП тогда и речи не было. Этот вопрос был поднят только вечером 18 августа в кабинете Павлова, когда из Фороса вернулась группа, вылетавшая туда для выяснения позиции Горбачева.

В тот же день Ельцин отбыл в столицу Казахстана Алма-Ату. Как сообщалось в прессе, для заключения соглашения об экономическом сотрудничестве между Россией и Казахстаном. Также предполагался обмен ратификационными грамотами договора, подписанного осенью 1990 года. Возвращение Ельцина из Алма-Аты в Москву намечалось на 18 августа.

Отъезд Ельцина к Назарбаеву встревожил Горбачева. Он сразу же позвонил Болдину и на повышенных тонах, раздраженно стал расспрашивать, что это за совещание такое в Алма-Ате, почему туда зачастили и другие руководители республик?

«Ты понимаешь, как это называется?.. – цитирует Болдин слова Горбачева. – Сепаратно, проигнорировав мнение президента СССР, местечковые лидеры решают государственные вопросы. Это заговор. Так не оставлю дело. Надо немедленно принимать меры».

Подозрительность генсека-президента возрастала.

Согласно версии следствия, 17 августа Крючков поставил задачу начальнику одного из управлений КГБ совместно с Минобороны спланировать операцию по задержанию и доставке на объект «Завидово» Ельцина, который должен был вернуться вечером 18-го, если он откажется поддержать меры чрезвычайного характера.

17 августа, суббота.

Звонок Горбачева из Фороса «заговорщикам»

Объект АБЦ в конце Ленинского проспекта. Приехали Павлов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин и Крючков. Во встрече принимали участие также заместители министра обороны СССР В.А. Ачалов и В.И. Варенников, заместитель председателя КГБ В.Ф. Грушко.

Из показаний свидетеля А.Г. Егорова на допросе (Обвинительное заключение по делу ГКЧП, т. 47, л. д. 89 –90): «Все приехавшие собрались в отдельно стоящей беседке, где был накрыт стол с легкой закуской, водкой и виски... Крючков высказал предложение следовать к президенту СССР и убедить его временно передать свои полномочия Комитету по чрезвычайному положению, а самому отдохнуть в отпуске. Болдин одобрил это предложение, заявив, что Горбачев находится на пределе моральных и физических сил».

Далее Егоров сказал, что, выйдя из беседки за водкой, он вернулся примерно минут через двадцать, и в это время собравшиеся обсуждали кандидатуры на поездку к Горбачеву в Крым. По ходу разговора он понял, что Шенин и Бакланов уже дали свое согласие.

«Павлов сказал, что лететь надо людям, представляющим реальную власть – армию, КГБ, и предложил войти в состав группы Крючкову или Грушко, на что Крючков возразил, сославшись на необходимость находиться в Москве и контролировать обстановку, а Грушко не был знаком с Горбачевым. Решили послать Плеханова, как начальника Службы охраны и лицо, хорошо знакомое с Горбачевым. Язов также сослался на невозможность его личного участия в вылете и предложил Варенникова, с чем все согласились...

...В этот момент появился охранник и сообщил, что звонит из Крыма Горбачев и вызывает Крючкова...»

Бывает же такое! Прямо как в крутом зарубежном детективе.

Экс-генпрокурор России Валентин Степанков приводит в своей книге «ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир» потрясающую подробность. Охранник подошел к Крючкову и сообщил о звонке Горбачева как раз в тот момент, когда председатель КГБ начал зачитывать проекты первоочередных документов, подготовленных аналитической группой.

«Крючков передал документы своему заместителю Грушко, – пишет Степанков. – Тот в установившейся нервной тишине начал зачитывать постановление ГКЧП № 1. Лишь Павлов, демонстрируя, что звонок президента его нисколько не выбил из колеи, по ходу чтения сделал замечание: в отношении тех, кто будет выступать против ГКЧП, надо принимать самые жесткие меры. Зато у Грушко от волнения перехватило горло. Он передал постановление ГКЧП, как эстафетную палочку, Егорову. Но в этот момент в беседе объявился Крючков».

Небольшой абзац есть в воспоминаниях «Неповторимое» участника той встречи Варенникова. «Крючков вернулся, на мой взгляд, несколько озабоченный, – поделился своими впечатлениями генерал. – Но сказал, что с Горбачевым шел общий разговор, ничего конкретного. На прямой вопрос Бакланова: “Вы сказали, что мы здесь беседуем?” – Крючков ответил отрицательно».

Степанков опубликовал и фрагмент из показаний Крюčkова: «Претензий президенту я каких-либо не предъявлял, иначе говоря, с требованиями или просьбами не обращался. Наверное, потому, что претензии еще не были четко сформулированы собравшимися. Обсуждение документов только началось. Не был я уполномочен товарищами на то, чтобы информировать Горбачева о нашей встрече. По этой причине не считал возможным уведомлять президента о намечавшейся поездке».

Рассказывая о встрече, которая состоялась на объекте АБЦ 17 августа, Крючков, перечисляя ее участников, отметил, что отсутствовали вице-президент СССР Янаев и находившийся в отпуске на Валдае председатель Верховного Совета СССР Лукьянов. Но, замечает Крючков, зная их принципиальную патриотическую позицию, никто не выражал беспокойства.

Что решили участники встречи? Еще раз обратиться к Горбачеву с призывом верно оценить ситуацию и принять меры к спасению Отечества, отказаться от подписания Союзного договора в том виде, в каком он был представлен, потому что развал Советского Союза в этом случае был очевиден.

В книге «Личное дело» Крючков сухо перечисляет состав группы для поездки в Форос – Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов. Пятеро. Подробности выдвижения кандидатур на поездку не приводит, кроме кандидатуры Плеханова.

«Плеханов должен был выехать как начальник 9-го управления КГБ, ответственный за безопасность президента СССР, –

пояснил Крючков. – Исходили из того, что, возможно, Горбачев вылетит в Москву, и тогда присутствие Плеханова будет тем более необходимо. Я дал поручение Плеханову сопровождать товарищей, не посвятив его в детали вопроса. Тянуть было нельзя, и договорились о том, что группа вылетит в Форос на следующий день – 18 августа 1991 года».

Окончательно определили цель – доложить Горбачеву обстановку, посоветоваться с ним и попытаться получить от него конкретные соображения относительно того, какие меры он намерен предпринять для спасения государства. Решили, что сразу по возвращении группы из Крыма встретятся в Кремле, чтобы окончательно определиться.

Договорились, что надо создать какой-то орган или комитет. Названия его тогда еще не было. Предположительно имелась в виду какая-либо форма президентского правления. Но потом сочли нужным повременить с названием – сделать это лучше после возвращения делегации из Фороса. А вот идею подготовки проекта постановления от предполагавшегося органа с определением неотложных мер по выходу из кризиса одобрили.

Никто из собравшихся на объекте АБЦ не представлял, какое решение примет Горбачев. Чего от него ожидали? Предполагали, что возможны несколько вариантов:

- даст согласие на введение чрезвычайных мер, то есть на реализацию своего же предложения, даже пойти на президентское правление;

- пойдет на репрессивные меры в отношении выезжавших к нему лиц;

- как всегда, не скажет ни «да», ни «нет», то есть сохранит за собой возможность принять окончательное решение в зависимости от того, как будут развиваться дальнейшие события;

- откажется вылететь в Москву, предпочтет остаться в Форосе, сославшись на какие-нибудь причины, для того, чтобы выждать и не проиграть лично в принятии окончательного решения.

Крючков признается: им казалось важным дать ему возможность остаться как бы в стороне. И в то же время были опасения, что он попытается выйти на своего «друга» Буша, чтобы на всякий случай заручиться его поддержкой.

Исходя из этих соображений, еще до прибытия группы в Форос Крючков дал указание отключить связь у Горбачева и тем самым предупредить развитие ситуации в резиденции в не-

желательном направлении. «В соответствии с моим распоряжением, – признавался Крючков, – все виды правительственной связи были отключены за несколько минут до встречи с Горбачевым приехавших из Москвы».

Некоторые исследователи тех событий назвали отключение правительственной связи ошибкой. Мол, разве можно живого, дееспособного главу ядерного государства лишить средств связи? Это же изоляция, если не больше.

Именно так и интерпретировали приезд в Форос делегации из Кремля оппозиционные политики и СМИ. Мол, она повезла законному президенту Горбачеву ультиматум! Иные даже утверждали, что группа поехала в Форос, чтобы в случае отказа Горбачева сложить свои полномочия арестовать его.

Что же на самом деле представлял собой «ультиматум»?

Парадоксально, но даже сторонники Ельцина впоследствии отмечали, что многие документы в своей содержательной части не были написаны специально для ГКЧП. «Это были распоряжения, – сказано в книге “Ельцин” из серии “ЖЗЛ”, – которые писались в различных советских ведомствах как бы “на всякий случай”, без какой-либо связи с реальными политическими планами. И уж тем более никто не связывал их с моментом насильственного отторжения от власти Горбачева».

Автор книги Борис Минаев приводит такой пример: «Пакет неотложных экономических мер был хорошо знаком Михаилу Сергеевичу – он готовился группой его экономических советников, и его должны были принять соответствующие органы (Верховный Совет и правительство) вне всякой связи с ГКЧП или чем-то подобным. Меры, кстати, совершенно реалистические и даже с некоторым уклоном в сторону рыночной экономики».

Положение о чрезвычайном режиме, продолжает Минаев, включая пункт о временном введении комендантского часа в крупных городах, также не было написано специально для ГКЧП. Такие меры были разработаны юристами и специалистами правоохранительных органов в связи с участвовавшими кровавыми столкновениями на окраинах Союза, и, конечно же, при этом имелись в виду московские и ленинградские митинги, непредсказуемое развитие событий на улицах обеих столиц.

«Короче говоря, – заключает Минаев, – эти чрезвычайные меры уже готовились Горбачевым на случай резкой смены политического курса. Люди, которые вошли в ГКЧП, были его людьми, его соратниками, они были призваны им специально

для этой цели – ужесточить политику, остановить “развал”, пресечь “раскол”, подморозить политическую ситуацию и укрепить властный ресурс».

В общем, что за «ультиматум» возили в Форос, теперь мы знаем. «Парламентерами» были четверо: Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников. Функция пятого посланца – начальника «девятки» Плеханова – была техническая и заключалась в сопровождении группы.

8 октября 1991 года на допросе в качестве свидетеля супруга Горбачева Раиса Максимовна сказала, что ее поразил Плеханов: «Раньше без разрешения даже в дом не заходил. А на сей раз не только их на территорию дачи провел, но и в дом...»

В дневнике Черняева, помощника Горбачева, есть такая запись реплики Михаила Сергеевича о прилете группы из Москвы: «Явилась вот эта публика – сволочи. Особенно этот мой Болдин. От него я никак не ожидал».

Впоследствии Болдин задавал вопрос: мог ли он не лететь в Форос? И отвечал: конечно, мог. Более недели он находился в больнице и чувствовал себя скверно. Уже по этой причине имел полное право отказаться от поездки, да и вообще от участия в замышляемой затее. Но полетел, потому что, по его словам, обстановка в стране накалилась докрасна.

К тому же, признавался он, полетел еще и потому, что был уверен: визит не будет неожиданностью для Горбачева, который неоднократно говорил о необходимости введения чрезвычайного положения.

Что касается Шенина, то он оставался за главного в ЦК КПСС и должен был представлять партию.

Самолет для полета в Форос выделило Министерство обороны. Вылет назначили на воскресенье, 18 августа.

18 августа. Полет в Форос и обратно

В. Степанков: «Два сюрприза в самолете»

Самолет Ту-154, на котором предстояло лететь в Крым к Горбачеву, принадлежал министру обороны СССР Д.Т. Язову. Для поездки в Форос он поступил в распоряжение замминистра обороны, главкома Сухопутных войск В.И. Варенникова. Он прибыл на аэродром первым. Затем в самолет поднялась группа офицеров из управления правительственной связи КГБ.

После них – Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов. И перед самым отлетом – шесть вооруженных людей.

Самолет взлетел в 13.02 и взял курс на военный аэродром Бельбек в районе Севастополя.

«В полете Варенникову, – пишет экс-генпрокурор Степанков, – открылись две неожиданности. Сначала сотоварищи сообщили, что везут на подпись Горбачеву “его” заявление об отречении от власти и передаче полномочий “на время болезни” вице-президенту Янаеву. Этот документ извлек из своей папки секретарь ЦК КПСС Олег Шенин.

Второй сюрприз преподнес начальник Службы охраны Плеханов. Когда на подлете к Бельбеку обсуждались детали предстоящей встречи, он неожиданно, как бы между прочим, сообщил, что имеет задание “временно” отключить связь у президента СССР. Это позволит, объяснил Плеханов, создать “соответствующую” обстановку для разговора. Связисты отключат президента от внешнего мира в тот самый момент, когда посланцы ГКЧП подъедут к “Заре”».

Плеханов еще сказал, что на отключение телефонов понадобится около получаса, поэтому после приземления следует не сразу ехать к президенту, а переждать на аэродроме, чтобы прибыть на дачу ровно в 16.30.

Так и поступили. Самолет в Бельбеке приземлился в 14.57. Пообедали. В 16.00 на огромной скорости помчались к президентской даче.

«Через пять минут они беспрепятственно прошли на строго охраняемый объект, – пишет Степанков. – И повели себя там по-хозяйски. Не дожидаясь приглашения, прошли в кают-компанию гостевого дома, а затем переместились в холл Главного дома, в котором обычно отдыхала семья Горбачевых».

В Форосе Михаила Сергеевича охраняли около 500 вооруженных людей. Непосредственно на территории дачи были три рубежа охраны. Он вышел к приехавшим через 45 минут после их появления на объекте. О том, как происходила встреча, свидетельствуют ее участники.

М. Горбачев: «Что это за визит, не согласованный со мной?»

«Я сидел над выступлением на церемонии подписания Союзного договора, – давал он показания следствию в качестве

свидетеля по делу ГКЧП. – Самолет на завтра (19 августа. – В.С.) был уже заказан, договорились, кто полетит. Раиса Максимовна тоже решила лететь со мной. Днем, примерно в 11–12, разговаривал с вице-президентом Янаевым. Он спросил меня, когда я завтра точно прилетаю. Я ответил, что вечером. Он пообещал меня встретить.

От работы меня оторвал начальник личной охраны Медведев. Он зашел ко мне с известием, что приехала группа товарищей. Я спросил, что это за визит, не согласованный со мной? Как эти люди здесь оказались, ведь охрана не имеет права их пропускать? Говорит, что с ними Плеханов и Болдин, руководитель аппарата президента. Вижу, что состояние самого Медведева необычное. Ну, хорошо, говорю, пусть подождут. Беру трубку, чтобы позвонить Крючкову, узнать, что это за миссия. Странно: уезжаю завтра, и вдруг какая-то группа. Телефон не работает, беру другой – то же самое. Снял трубку внутреннего телефона – не работает. Все проверил – беру красный телефон – и он “мертв”. Посмотрел на часы – 16.50...»

На вопрос следствия, как проходила встреча с представителями ГКЧП, ответил: «Они поднялись на второй этаж сами – сидят, ходят весьма бесцеремонно...»

В. Болдин: «...Принимать нас не спешили...»

«Подъехали к гостевому дому, – делился он впечатлениями в своих воспоминаниях. – Зашли в него. Двухэтажное здание, хорошо спланированное и основательно построенное. С просторным холлом, широкой лестницей, ведущей на второй этаж. Начальник 9-го управления КГБ Ю.С. Плеханов пошел доложить о нашем прибытии. Однако в доме никого не было, или принимать нас не спешили. Лишь через полчаса мы прошли в холл и стали ждать...»

Ждали почти 45 минут. Где был Горбачев? Он пошел к супруге на веранду.

М. Горбачев: «Что это за визит, не согласованный со мной» (продолжение)

«Сначала жене, а потом дочери, зятю сказал, что, вот, произошло такое событие, – рассказывал он позднее в книге “Августовский путч”. – Для меня ясно: речь идет об очень серьезном. Не исключаю попытки шантажа, или ареста, или чего-то другого. В общем, все, что угодно, может быть».

В. Болдин: «...Принимать нас не спешили...» (продолжение)

Наконец, появился Горбачев. Болдину сразу бросилось в глаза, что вид президента болезненный. Лицо отображало мучивший его радикулит или остеохондроз и общее недомогание. Тем не менее он со всеми поздоровался за руку и с гневом спросил, ни к кому не обращаясь:

– Что случилось? Почему без предупреждения? Почему не работают телефоны?

– Надо, Михаил Сергеевич, обсудить ряд вопросов.

– Каких вопросов?

Первые фразы прозвучали по пути в кабинет. Когда они вошли, Горбачев сел в кресло за маленьким столом, Шенин и Варенников – на стулья, стоявшие у стены. Остальные, кроме Плеханова, которого он довольно некорректно попросил выйти, разместились на подоконниках и около окон.

Разговор в кабинете попытался начать Шенин:

– Мы приехали, чтобы обсудить ряд вопросов о положении в стране.

Горбачев прервал его:

– Кого вы представляете, от чьего имени говорите?

С этой минуты начинается самое интересное – ход беседы. Здесь важна каждая деталь, каждый оттенок интонации. Наиболее полно разговор отобразил Болдин, пожалуй, самый наблюдательный из участников – он ведь был журналистом да еще работал в «Правде» – главной советской газете.

Болдин честно признался – такой реакции Горбачева вряд ли кто мог ожидать, когда вчера оговаривалась тема доклада президенту. Все рассчитывали на взаимозаинтересованное обсуждение вопроса в духе аналогичных встреч в прошлом и поручений, которые давал Горбачев о готовности введения чрезвычайного положения в стране. И вот теперь с самого начала разговор не складывался.

– Кого вы представляете? – повторил он снова свой вопрос, – и от чьего имени говорите?

Услышав, что речь идет о людях, большинство которых и раньше привлекалось им, кроме Варенникова, для выработки мер в случае неблагоприятного стечения обстоятельств, Горбачев смягчился:

– И это все? – спросил он.

– Да, это все.

«Мне показалось, – отмечает Болдин, – он боялся услышать, что прибывшие представляют руководство России. Больше всего его волновала встреча глав союзных республик и, как он полагал, некий заговор..

– Ну и что вы хотите сказать? – спросил он уже спокойнее.

– Я хотел бы начать с обстановки в стране, – начал О.Д. Бакланов. – Вы знаете, в каком трудном положении находится сельское хозяйство и промышленность, а мы занимаемся сегодня не тем.

– Что ты мне говоришь? Я все это знаю, я знаю лучше вас».

Согласно записи Болдина, говорить Бакланову он не давал. Прервал и Варенникова, который пытался было доложить о положении в стране и армии, о необходимости чрезвычайных мер. Не стал слушать Шенина, потребовавшего отменить указ Ельцина о департизации.

– Надо дождаться заключения Комитета конституционного надзора, – произнес Горбачев. – Чтобы все шло цивилизованно, демократическим путем.

Шенин не выдержал:

– С вами все давно ясно.

Горбачев остановил и Болдина, пытавшегося довести до сведения президента, что правительство и Верховный Совет против принятия не обсужденного ими нового Договора, нетерпеливо потребовал:

– Конкретнее давайте.

Болдин, по его словам, начал выдавать конкретику. Он ведь окончил Тимирязевскую сельхозакадемию, был редактором «Правды» по отделу аграрно-промышленного комплекса. Начал говорить о необходимости принятия чрезвычайных мер в ряде районов во время уборки урожая и для стабилизации экономики – те самые варианты, которые по поручению Горбачева готовились на случай критического состояния дел.

Однако его реакции не последовало. Он думал о чем-то другом и неожиданно спросил, распространяются ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства. Когда услышал «нет», успокоился.

– Все, что вы предлагаете, лучше осуществить демократическим путем, поэтому я советую как можно сделать то, что намечается.

«Дальше пошел спокойный и деловой разговор, – отмечает Болдин, – смену тональности которого я не сразу понял.

Михаил Сергеевич деловито говорил о том, как нужно решать предлагаемые вопросы, пояснял, почему он занимает такую позицию.

– Вы подумайте и передайте товарищам, – говорит он.

Пожимая на прощание руки, добавляет:

– Черт с вами, действуйте».

Сказал, как истинный атеист: «Черт с вами...» Вообще-то в таких случаях в народе принято говорить: «Бог с вами...» Но это в народе, а сказала-то власть.

Что на самом деле стояло за этой напутственной фразой? Как ее нужно было понимать? Как одобрение или пренебрежение?

Впрочем, есть и другая формулировка сказанного им: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». И всем пожал руки.

Она в том же ряду, что и другая произнесенная им после возвращения загадочная фраза:

«А всего вам я никогда не расскажу».

М. Горбачев: «Что это за визит, не согласованный со мной?» (продолжение)

Протокол допроса Горбачева в качестве свидетеля зафиксировал иную тональность разговора. Ее приводит в своей книге экс-генпрокурор Степанков. На вопрос следователя: «Они документов никаких не представили?». Горбачев ответил отрицательно.

«Нет, документы мне не предъявлялись. Чувствовали они себя неуютно. Я определился – это же предатели. Разговор с моей стороны шел с ними жесткий, эмоциональный. Начали уговаривать, что я устал, у меня много работы, заговорили о здоровье, эту тему продолжил Бакланов. Я напомнил, что на 20 августа назначено подписание Союзного договора. Последовал ответ: “Подписания не будет”».

Следователь задал уточняющий вопрос:

– Это сказал Бакланов?

«Да, Бакланов, – подтвердил Горбачев. – Он же сказал: “Ельцин арестован”. Потом поправился: “Будет арестован в пути”. Это был, наверное, элемент шантажа, давления. Бакланов заявил мне примерно следующее: “Михаил Сергеевич, да от вас ничего не потребуется. Побудьте здесь. Мы за вас сделаем всю грязную работу”. Молчал долго Болдин. Стоял у окна,

у меня за спиной, а затем тоже вышел вперед, высказался. Вижу: договоренность была – все должны сказать, все должны быть повязаны. Я еще раз повторил, что ни на какие авантюры не пойду, никому полномочий не передам, никакого указа не подпишу».

О.Д. Бакланов: «Полчаса рассказывает про свою ногу...»

Из интервью интернет-газете «Фонтанка. ру», 2011 год:

– Мы хотели убедить его, что подписывать такой договор втихую нельзя, что надо обсудить его с товарищами, хоть у него в Форосе, хоть в Москве. Но Горбачев сразу заявил: «Даже если мне ногу отрежут, все равно поеду подписывать». А потом начинает ныть, как он плохо себя чувствует. Полчаса рассказывает про свою ногу. Как он шел, как его вдруг кольнуло. «Вы же видите, я еле сижу. Никуда с вами ехать я не в состоянии». Хорошо, если еле сидишь, предложи нам остаться, вызови остальных – поговорим. Так нет же.

Тем не менее каждый доложил состояние дел в вверенном ему направлении. Везде – бедственное. Особенно в партии. Короче, приперли Горбачева. Он и сказал: «Черт с вами! Делайте, что хотите! Но знайте мое мнение... А если нужен Верховный Совет, собирайте Верховный Совет». И заседание Верховного Совета было назначено на 26 августа. Конечно, это была глупость с нашей стороны. Надо было его собирать немедленно. Но Лукьянов заявил, что не сможет обеспечить явку депутатов. Хотя Ельцин в этой ситуации сумел моментально собрать Верховный Совет РСФСР, а потом с его помощью высек Горбачева.

Раиса Максимовна Горбачева на вопрос следователя, не говорил ли ей Михаил Сергеевич, кто из участников ГКЧП был самым активным, ответила: «Он сказал, что вел себя наиболее бесцеремонно Варенников».

В. Варенников: «Он допускал непарламентские выражения...»

«Беседа с нашей стороны проходила корректно... Михаил Сергеевич же допускал непарламентские выражения. Для меня это было странным. Но затем я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено».

По словам Варенникова, первоначально он решил отсидеться и отмолчаться. «Тем более что никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил. Но беседа сложилась так, что я вынужден был подать реплику, а затем и предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава.

Офицеры, в частности, спрашивали, почему проект Союзного договора не отражает результаты референдума, а также требования Съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему сепаратистским, экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всем ущемлены? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

Горбачеву ничего не оставалось, как сказать: “Я все это уже слышал...”»

На вопрос следователя: «Уточните, при каких обстоятельствах закончилась встреча в Форосе?». Варенников ответил: «Когда встреча закончилась, Горбачев сказал, и эта фраза была обращена ко всем членам группы, что “работа вместе с вами после того, что случилось, невозможна...”»

Из особняка в Форосе они вышли, удивленные ходом разговора. Бакланов не скрывал растерянности:

– Но ведь он еще недавно считал введение чрезвычайного положения единственным выходом. Что же произошло?

– А вы что хотите, чтобы политик такого масштаба сказал прилюдно «да»?

«Даже не по столь щекотливому вопросу Горбачев ни “да”, ни “нет” никогда не говорил, – пытается понять Горбачева Болдин. – Он обходился обычно междометиями, молчанием или переводил разговор на другую тему, чтобы сковывать инициативу».

На какой все-таки ноте они расстались? Действительно ли Горбачев пожал каждому руку?

М. Горбачев: «Что это за визит, не согласованный со мной» (окончание)

«Мое итоговое суждение было таким, – сказал он на допросе. – “Возвращайтесь и доложите мою точку зрения. И передайте, что если возникла такая ситуация, то немедленно надо собирать Верховный Совет или съезд”. Они поняли, что заду-

манное не проходит. Стали прощаться. Я еще раз повторил: “Уезжайте и доложите немедленно мою точку зрения”».

Уточняющий вопрос следователя: «Вы попрощались с ними за руку?»

«Да, – ответил Горбачев. – Я все же считал, что после такой встречи, после этого “душа”, доложат все и взвесят, обдумают. Потому что разговор мой с ними был очень резкий...»

В. Степанков: «Вторую половину фразы Горбачева они дружно “забывали”...»

По мнению экс-генпрокурора, Горбачев протянул руку чисто автоматически. Он находился, как пишет Степанков, в шоке. Причиной такого состояния был список членов ГКЧП, который Бакланов продиктовал ему во время тяжелого разговора в кабинете. Горбачев был настолько ошеломлен, что фамилию Пуго записал как «Буго».

«Болдин, подобно утопающему, хватаящемуся за соломинку, будет настаивать на допросе, что Горбачев в сердцах бросил: “Черт с вами, действуйте!” – пишет Степанков. – Это станут утверждать и другие, столь же дружно “забывая”, что президент следом добавил: “...но после этого нам уже вместе не работать”».

В подтверждение того, что вторая часть прощальной фразы звучала именно так, Степанков приводит свидетельство генерала Варенникова. Он говорил об этом не только на допросе. И в мемуарах Варенникова написано: «Пожимая нам руки, Горбачев как бы между прочим сказал: “Теперь, после таких объяснений, нам, очевидно, не придется вместе работать”».

Р. Горбачева: «Руки им не подала и не встала...»

Из мемуаров В. Болдина. «В холле (после разговора приехавшей группы с Горбачевым. – В.С.) сидит Раиса Максимовна с детьми и внуками. “С хорошей ли вестью вы приехали?” – спрашивает она Бакланова. Он подходит и говорит, что приехали с добрыми намерениями и все будет хорошо. Ничего, кроме положения в стране, мы не обсуждали и, как ваши друзья, желаем, чтобы в вашем доме все было благополучно».

Из показаний Р. Горбачевой. «Понимая, что все очень серьезно и это может вылиться в еще более серьезное, – у меня даже была мысль, что его арестуют сейчас, – я взяла своих

детей Анатолия и Иру, и мы пошли к кабинету, чтобы видеть, что будет дальше».

Дальше было вот что. «Первым (после переговоров) шел Варенников... Он вышел, на нас не обратил внимание. Пошел по лестнице со второго этажа. Вторым шел Болдин. Ко мне подошли Бакланов и Шенин и сказали: “Здравствуйте”. Бакланов протянул мне руку, Шенин тоже сделал попытку, но я на их “здравствуйте” не ответила, руки им не подала и не встала».

Из показаний Ирины Вирганской – дочери Горбачева, допрошенной в качестве свидетеля. «На выходе мама спросила у Бакланова: “Зачем вы сюда приехали?” “Мы ваши друзья”, – не вдаваясь в подробности, ответил Бакланов и протянул на прощанье руку. Мама руки ему не подала».

О том, что на выходе из кабинета Горбачева разговор с его супругой не получился, свидетельствовал и Варенников. По его словам, она сидела в кресле в окружении детей. «Естественно, я на ходу слегка поклонился и пошел к выходу, – рассказывал Варенников. – Мои товарищи подошли к жене Горбачева. Видно, близко были знакомы, особенно Валерий Иванович Болдин. Однако они меня не заставили долго ждать – видимо, разговор с супругой генсека-президента не получился».

Из дневника Р. Горбачевой, опубликованного 20 декабря 1991 года в «Комсомольской правде». Запись от 18 августа, воскресенье: «Днем по телефону Янаев спрашивал у Михаила Сергеевича, когда завтра он прилетает в Москву. Выяснял точное время прилета 19-го. Он, мол, будет встречать президента в аэропорту».

По ассоциации в сознании всплывают кадры недавно виденной кинохроники: празднуется 70-летие Хрущева. Георгиевский зал заставлен столами... Брежнев вручает награду... Сладкоречивые слова... Через несколько месяцев будут убирать Хрущева».

Г.Х. Попов: «Неужели Горбачев не понимал, что вернется только стреноженный?»

В 2016 году, в 25-ю годовщину августовских событий, первый мэр Москвы Г.Х. Попов в статье «Неосмысленный юбилей» («Московский комсомолец», 26.08.1991) размышлял:

«Он отверг их предложение – это несомненно. Но он не стал снимать их с постов. Черт с вами! Если у вас получится –

вы без меня не обойдетесь. А если не получится – у меня будет повод с вами всеми расстаться.

Я не понимаю: неужели Михаил Сергеевич не понимал, что в случае победы путча он может вернуться только “стреноженный” и – наверняка – только на очень короткий срок? Пока лидеры ГКЧП не изберут себе вождя».

Есть еще одно свидетельство того, что такой план у гэкачепистов мог быть. В интервью «Комсомольской правде» (19.08.2016) Горбачев подтвердил: «Все-таки они ему предложили сотрудничество, но он отказался. Для меня самое важное, что Ельцин на компромисс не пошел... Хотя авантюрист, конечно».

Ошибкой ГКЧП аналитики называли делегирование в Форос для переговоров не тех лиц. Это обстоятельство особенно подчеркивал Варенников: «Одно дело, когда вопросы перед Горбачевым поставили бы такие фигуры, как Павлов, Крючков, Язов, Ивашко и, возможно, Лукьянов. И совсем другое дело, когда с визитом приехали Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников и Плеханов». И еще ошибка – не надо было вводить в Москву тяжелую военную технику.

18 августа. Третий рейс: с Ельциным на борту

18 августа, кроме рейсов в Форос и возвращения в Москву, был и третий рейс. Тоже важный и даже судьбоносный. Он следовал из Алма-Аты с Ельциным на борту. Российский президент возвращался в Москву после трехдневного пребывания в Казахстане.

Об этом визите и особенно о рейсе тоже сложено немало мифов. Один из них возник на основе его слов о том, что вылет его самолета из Алма-Аты 18 августа был задержан на четыре часа. Тут же поползли слухи: это происки гэкачепистов! Мол, они приказали сбить самолет Ельцина, а для этого потребовалось время, вот отлет и задерживали.

Но когда в «Записках президента» Ельцин поведал причину задержки, стало ясно, что дело не в злых намерениях ГКЧП.

Вот как описывает Ельцин последние часы пребывания в Алма-Ате. «Визит закончился. Пора улетать. Назарбаев нас не отпускает, уговаривает остаться еще на час.

После большого торжественного обеда – концерт казахской народной музыки, потом выступает хор, потом еще хор, еще... Потом танцевальные коллективы, звучат национальные инструменты, пляшут ярко одетые девушки. И, честно говоря, уже в глазах рябит от всего этого.

Вылет отложили на час. Потом еще на час. У Нурсултана Абишевича восточное гостеприимство – не навязчивое, а мягкое, деликатное. Но хватка та же».

И вот тут Ельцин почувствовал, как он пишет, неладное, какой-то перебор, пережим.

Но, не глядя на это, искупался в горной речке. Его клонило в сон. А внутри – неясная, безотчетная тревога.

Что в народе говорят в таких случаях? «Пить надо меньше!» Но разве признается Борис Николаевич в этом грехе? Это сейчас и в России, и в Казахстане вышло изрядное количество книг с живописным описанием четырехчасового времяпрепровождения Бориса Николаевича перед вылетом из Алма-Аты в Москву. А тогда ведь еще жили в Советском Союзе. Правда, последние месяцы.

В «Записках президента» Ельцин отмечает, что он не думает, будто тогдашняя задержка с вылетом была случайной. И приводит такую деталь. Дескать, один из путчистов, находясь в «Матросской Тишине», составил инструкцию своим подельникам. В ней, цитировал Ельцин, говорилось: «Необходимо воспроизвести в ходе следственного и судебного разбирательства... что в беседе с Горбачевым предусматривался также вариант, накануне принятия окончательного решения о введении ЧП, уничтожить 18 августа ночью самолет в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана...»

«Быть может, что-то прояснится в процессе над ГКЧП», – выразил надежду Борис Николаевич, не особенно веря в некую «инструкцию подельникам». Да и не логично все это. Зачем «одному из путчистов» было брать на себя еще и подготовку теракта? Им и без того было предъявлено достаточно обвинений.

В общем, жизнь той, скорее всего, фальшивки, оказалась короткой. Но ведь Ельцин писал, что он сам читал этот документ. Правда, тут же заметил, что узнать, был ли действительно такой план, вряд ли удастся. И оказался прав.

Как бы там ни было, но возвращение Ельцина от Назарбаева из Алма-Аты по времени практически совпало с возвращением группы от Горбачева из Фороса. Самолет Ту-154, на котором возвращались посланники Крючкова, совершил посадку в Чкаловском в 21.20. Самолет с Ельциным на борту – во Внуково почти в то же самое время, в 21.30.

Ельцин поехал к себе на дачу в Архангельское, группа, прилетевшая из Фороса – в Кремль.

Здесь следует отметить, что в самолете Ту-154 находились также операторы «ядерного чемоданчика» и начальник личной охраны Горбачева генерал В.Т. Медведев, которому Плеханов приказал возвращаться в Москву этим же рейсом.

Генерал Медведев оторопел от неожиданности. Но Плеханов был его начальником, и он, недоумевая, подчинился. Но на всякий случай попросил, чтобы этот приказ был оформлен в письменной форме. Плеханов просьбу выполнил. И это сильно помогло Медведеву – он не самовольно оставил охраняемое лицо, потакая гэкачепистам, а подчинился приказу своего начальника.

Тогда много говорили и писали о том, почему Горбачев не распорядился об аресте посланцев «инициативной группы»? В.Ф. Медведев дал ответ в своих мемуарах. «Для меня как начальника охраны главный вопрос: угрожало ли что-нибудь в тот момент жизни президента, его личной безопасности? Смешно, хотя и грустно: об угрозе жизни не могло быть и речи. Прощаясь, обменялись рукопожатиями».

И дальше, говоря об охране Горбачева: «Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении был резервный самолет Ту-134 и вертолет. Технически – пара пустяков: взять их и в наручниках привезти в Москву. В столице бы заявили, и там еще можно было накрыть кого угодно».

Варенников в Москву не полетел. Ему предстояло ехать в Киев. Он провел совещание с командующими войсками трех военных округов – Киевского, Прикарпатского и Северо-Кавказского, командующим Черноморским флотом и начальником ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск СССР. Сказал им, что Горбачев очень болен: «Что-то у него не в порядке внутри».

Миссия невыполнима

Итак, мы выяснили, как проходило формирование группы для поездки в Форос, как ее встретил Горбачев, о чем и в какой тональности шел разговор и на какой ноте они расстались.

А теперь перенесемся в Кремль, где возвращавшуюся из Фороса группу ждали главные действующие лица, которые, по мнению Варенникова, сами должны были ехать к Горбачеву. Они уже были ознакомлены с результатами поездки: на пути следования из Фороса на аэродром Бельбек и потом, после того как самолет взлетел, Плеханов связывался с Крючковым и докладывал о результатах.

В Кремле, в кабинете премьер-министра, ждали Павлов, Язов, Крючков, Пуго, Янаев и Лукьянов. За Лукьяновым отправляли военный вертолет на Валдай, где он с 30 июля проводил отпуск. В Крыму отдыхал министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго. Его тоже вызвали в Москву.

Вообще-то они должны были собраться в кабинете у вице-президента Янаева, но он задерживался у своих друзей в доме отдыха «Рублево». Тогда Павлов пригласил собиравшихся в свой кабинет.

О чем говорили в ожидании приезда делегации? Экс-генпрокурор Степанков пишет: Крючков сообщил пришедшим, что Горбачев отказался принять предложение «группы товарищей», летавших в Крым. И добавил: президент не может исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Он болен...

Степанков приводит слова Лукьянова: «Если болен, то должно быть медицинское заключение. Или заявление самого президента». «Заключение врачей будет позже, – ответил Крючков. – А своими личными впечатлениями товарищи, когда вернутся, поделятся».

Они вошли вчетвером – Шенин, Бакланов, Болдин, Плеханов. Варенникова с ними не было, он улетел в Киев.

Первым о результатах поездки стал докладывать Шенин. Затем выступил Бакланов. По словам Язова, обрисовали обстановку в стране, сказали, что катимся в пропасть. Ну и что неплохо бы вам, Михаил Сергеевич, уйти в отставку или временно поболеть. Что-то этом роде...

«Он их выгнал, подписывать документы не стал, – сказал на допросе Язов, пытаясь вспомнить, что же поведали Шенин и Бакланов о встрече с Горбачевым в Форосе. – В общем, мы,

дескать, “засветились”. И если сейчас расходимся ни с чем, то мы на плаху, а вы чистенькие...»

Степанков, анализируя показания членов группы, летавших в Форос, приводит слова Болдина в интерпретации Павлова: «Вы не думайте, если мы летали, то вы здесь ни при чем, – говорил он. – Мы назвали ему всех. Все мосты сожжены... Я могу об этом вам сказать совершенно точно, так как хорошо знаю президента. Мы теперь все повязаны».

Однако в своей книге Болдин пишет, что, вернувшись из Фороса, он рассказал членам ГКЧП о том, как Горбачев сначала хотел избежать встречи с прибывшими, ссылаясь на радикулит. Но когда понял, что они без разговора с ним не уедут, через час объявился. И что Болдин настаивал на отказе от подписания Договора.

На том совещании образовали Государственный комитет по чрезвычайному положению. Он состоял из 10 человек. Этот список показали Лукьянову. Но он твердо заявил, что участвовать в деятельности Комитета не намерен и не будет, так как представляет законодательную власть.

– Единственное, что я могу сделать, – сказал он, – это опубликовать заявление о нарушении действующей Конституции в связи с подписанием новоогаревского Союзного договора.

Язов в своей мемуарной книге «Удары судьбы» вспомнил и реакцию министра иностранных дел А.А. Бессмертных: «Если вы меня включите в список членов Комитета, то для меня будут закрыты все столицы мира – и Вашингтон, и Париж, и Рим, и Лондон...» Взял фломастер и вычеркнул свою фамилию.

Крючков передал на подпись Янаеву заранее подготовленный указ о вступлении с 19 августа в исполнение обязанностей президента СССР в связи с невозможностью исполнения их Горбачевым.

И вдруг осечка! Вице-президент, прибывший прямо с веселой встречи с друзьями в доме отдыха «Рублево», заартачился: этот указ подписывать не будет. Заявил во всеуслышание, что не чувствует себя ни морально, ни по квалификации готовым к выполнению президентских обязанностей. И вообще, что с Горбачевым? Он и в самом деле болен?

Янаева начали успокаивать: не волнуйся, Михаил Сергеевич отдохнет, подлечится и вернется к исполнению своих обязанностей. Янаев упирался, настаивал на достоверной информации о его здоровье.

Накалившуюся атмосферу передал на допросе Павлов. «Ему (Янаеву. – В.С.) ответили: “А тебе-то что? Мы же не врачи... Сказано же – он болен!” Тогда Янаев стал говорить: “А как же тогда объяснить, почему я беру на себя исполнение обязанностей президента? Почему именно я? Пусть Лукьянов берет это на себя...” В ответ Лукьянов заявил: “По Конституции ты должен исполнять обязанности президента, а не я. Мое дело собрать Верховный Совет СССР”. Они стали спорить между собой, откуда-то появилась Конституция СССР и Закон о правовом режиме чрезвычайного положения. Обсуждали этот вопрос довольно энергично».

Решающим было слово Крючкова. Он нарисовал такую картину, что Янаев дрогнул и указ подписал. Но с условием: исполнять обязанности президента будет не более двух недель.

После чего все дружно принялись за чтение документов и стали вносить в них некоторые правки, возникшие в ходе совещания. Это были «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу» и «Постановление ГКЧП № 1». Затем все также дружно их подписали.

Участники встречи разъехались в первом часу ночи. На шесть часов утра назначили обнародование по телевидению и радио документов, которые рассматривались в кабинете Павлова. На Старую площадь были вызваны руководители Гостелерадио СССР и ТАСС, где секретарь ЦК КПСС Ю. Манаенков передал им документы ГКЧП. Для охраны телецентра в Останкине туда направили подразделение десантников.

Болдин вернулся в ЦКБ, где проходил курс лечения и откуда его вытащили для поездки в Форос.

Из КГБ СССР ушла шифротелеграмма: «Степень секретности – секретно. Гриф срочности – срочно. Председателям КГБ республик. Начальникам УКГБ СССР по краям и областям. Начальникам Управлений Особых отделов КГБ СССР и Особых отделов КГБ СССР по округам, флотам, объединениям и соединениям центрального подчинения. Начальникам войск пограничных округов КГБ СССР. Начальникам главных управлений, самостоятельных управлений и отделов КГБ СССР. Командирам соединений и отдельных частей войск КГБ СССР»

С получением данной телеграммы органы и войска КГБ СССР перевести в состояние повышенной боевой готовности.

Председатель КГБ СССР генерал армии В. Крючков».

19 АВГУСТА. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ «ПУТЧА»

Ночь с 18-го и утро 19-го. Ельцин

Описывая события 19 августа, почти все авторы начинают с Ельцина. Это и понятно: он становился главным действующим лицом.

«Папа, вставай! – разбудила его дочь Таня. – Переворот!» Так описывает пробуждение российского президента его биограф Борис Минаев. И продолжает: «Сонный, раздраженный, он садится на кровать. Его прошибает холодный пот».

Было от чего. 18-го поздним вечером он вернулся из Алматы. Проводы московского гостя были долгими и обильными. Радужие казахстанского президента Нурсултана Назарбаева известно всем.

На совместной пресс-конференции по итогам визита Ельцина они сообщили журналистам, что вместе вылетают в Москву на подписание Союзного договора. Но полетел только один Ельцин, а Назарбаев остался в Алма-Ате. Он собирался вылететь в Москву 19-го, перед самым подписанием Договора.

Ельцин, вернувшись из Алма-Аты в Архангельское, завалился спать. Позднее в своих «Записках президента» он пишет: «В четыре часа утра (19 августа. – В.С.) небольшое подразделение группы “Альфа” во главе с ее командиром Карпухиным прибыло в Архангельское. Еще не зная цели операции, люди в пятнистой форме проложили от шоссе просеку через лес, а затем выслушали по радиации бредовую формулировку: по особому сигналу доставить Ельцина “с целью обеспечения безопасности переговоров с советским руководством”. Никто ничего не понял. Но пояснений не последовало: приказ о нападении на дачу был к тому времени (в пять утра) отменен лично Крючковым. Он решил не торопить события. Сначала поставить Ельцина вне закона. А потом уже решать, что с ним делать».

Возникает вопрос: отдавался ли приказ о «нападении на дачу» и задержании Ельцина? Читаем у В. Степанкова: «Начальник 7-го управления Расщепов должен был обследовать

обстановку вокруг дачи Ельцина, куда тот, судя по имеющейся в КГБ информации, собирался прибыть после прилета из Алматы». Расцепов получил от Крючкова это указание 18 августа.

Крючков подтверждает: да, такое поручение он давал. Действительно, «Альфа» должна была осмотреть дачный поселок в Архангельском. Но на предмет обеспечения безопасности встречи с президентом России. Возможность подобной встречи тогда не исключалась. И она, наверное, состоялась бы, если бы Павлова не свалил тяжелый гипертонический криз, что сделало невозможным его участие в дальнейших действиях ГКЧП.

На встречу с Ельциным планировалось направить Павлова, Бакланова и Язова. Она должна была состояться или в Архангельском, или в здании Верховного Совета – в зависимости от обстоятельств.

Крючков впоследствии возмущался спекуляциями по поводу обстановки вокруг Ельцина вечером 18-го и утром 19 августа. Даже сосчитал их. Первый слух, запущенный в Москве: якобы группа «Альфа» намеревалась арестовать Ельцина на пути следования из аэропорта Внуково в Архангельское. Вторая легенда: самолет намеревались посадить не во Внуково, а на военном аэродроме Чкалово – мол, там легче было бы арестовать Ельцина. Третий миф: Ельцина предполагалось уничтожить в Архангельском – иначе для чего было посылать туда «Альфу»? Четвертый: Ельцина должны были арестовать 19-го, чтобы не допустить его прибытия в здание Верховного Совета.

Эти и другие версии распространялись с одной целью – преподнести доверчивому населению выезд Ельцина из Архангельского утром 19-го и прибытие в «Белый дом» как героический поступок. Мол, обыграл КГБ!

«На самом деле, – объяснял Крючков, – все обстояло иначе. Сотрудники Комитета госбезопасности в ночь на 19 августа вступили в контакт с личной охраной президента Российской Федерации и сказали им, что имеют поручение обеспечить безопасные условия проведения встречи на высоком уровне между руководством Союза и России. Это делалось в открытую, ни от кого не скрывалось. Естественно, в ГКЧП и в КГБ испытывали серьезные опасения по поводу возможности провокации с нежелательными последствиями, и на этот случай приняли необходимые меры безопасности. Кстати, в этом не было ни-

чего необычного, поскольку полностью укладывалось в рамки служебной деятельности при решении охранных задач».

Крючков много раз в своих интервью подтверждал: когда Ельцин в сопровождении нескольких машин решил проследовать в «Белый дом», ему никто не мешал и не препятствовал, никакого риска для его личной безопасности не было. Как только стало ясно, что из-за болезни Павлова встреча с Ельциным не состоится, вся комитетская охрана, включая группу «Альфа», была снята.

«Конечно, – полагал по прошествии некоторого времени Крючков, – никаких трудов не составляло бы задержать Ельцина, сопроводить его, как утверждалось некоторыми, в другое место, не допустить приезда в Москву и вообще сделать все что угодно. Но таких намерений не было, а всякие слухи на этот счет были чистой воды провокацией, дабы представить ГКЧП в виде какого-то монстра, готового совершить любое злодеяние, а Ельцина и его приближенных – как героев».

Можно ли упрекнуть Крючкова в нерешительности? Наверное, можно. Да он и сам признавал, что его за это даже осуждали. Он не отметал критику, наоборот, говорил, что понимает настроения людей после всего случившегося со страной. «А в те дни в наши планы не входили жесткие меры по отношению к Горбачеву и Ельцину», – подчеркивал он.

Но вот в упоминавшейся уже книге Р. Пихои «Советский Союз. История власти. 1917–1991» есть любопытный абзац со ссылкой на статью командира группы «Альфа» генерала В.Ф. Карпухина, опубликованную в газете «Советский спорт» в сентябре 1991 года под заголовком: «По радиотелефону я получил приказ арестовать Ельцина».

Этот генерал утверждал, что ранним утром 19 августа получил приказ следить за дачей Ельцина, а позже – распоряжение по радиотелефону арестовать Ельцина и интернировать его в Завидово, одну из дальних правительственных резиденций. Но он приказ не выполнил. Сам он объяснял свои действия тем, что не захотел.

Пихоя же думает, что причины были иные: не случайно Карпухин обратил внимание на то, что приказ он получил в устной форме. «Это значило, – полагает историк, – что в случае неудачи он, Карпухин, будет отвечать за все. Брать на себя ответственность он не хотел. Возможно и другое: спецгруппа

просто прозевала кортеж правительственных автомобилей, на предельной скорости вырвавшихся из Архангельского и стремительно ушедших в Москву. Колонна из четырех машин шла на такой скорости, что у машин сопровождения были разбиты фары мелкими камешками, вырвавшимися из-под колес летевших впереди автомобилей».

Ельцин, после того как дочь разбудила его словами «Папа, вставай! Переворот!», в своих «Записках президента» продолжил их диалог. Еще не проснувшись, он проговорил: «Это же незаконно». Она начала рассказывать о ГКЧП, о Янаеве, Крючкове. Он не поверил: «Вы что, меня разыгрываете?»

Одним из первых, кому Ельцин позвонил утром 19-го, был командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Их знакомство состоялось незадолго до августовских событий в Тульской воздушно-десантной дивизии, куда неожиданно прибыл Ельцин. И вот он позвонил ему и напомнил об их разговоре.

Тогда он спросил, можно ли положиться на него, если России будет угрожать опасность – какой-то террор, заговор, попытка ареста... Грачев ответил: «Да, можно».

Когда Ельцин напомнил ему тот разговор, Грачев смутился. Последовала долгая пауза. Ельцин сказал, что не хочет подставлять его под удар, но Грачев неожиданно сказал, что придет в Архангельское свою разведроту. Закончив разговор, Ельцин положил трубку и сказал жене: «Грачев наш».

И действительно, Грачев сыграл одну из ключевых ролей в начинавшемся поединке Ельцин – ГКЧП. Дальнейшее развитие событий показало, что Павел Сергеевич играл одновременно на обоих полях. Обещанная им разведрота в Архангельском не появилась.

На допросе в прокуратуре после провала ГКЧП Грачев дал такие свидетельские показания: «19.08.91 мне позвонил Ельцин и спросил меня, что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение и что войска идет в Москву. Я его спросил, что мне делать. Он ответил, чтобы я выделил личный состав воздушно-десантных войск для охраны “Белого дома”. Я пообещал. В 8 часов ко мне приехал советник президента Портнов, и мы договорились о взаимодействии. Я поставил задачу Лебедею выделить батальон для охраны “Белого дома”, лично его вывести и доложить президенту России. Лебедь при-

вел один батальон к “Белому дому”, где поставил танки кормой вплотную к зданию, обеспечив тем самым его охрану».

Часы показывали 9.30 утра, когда Ельцин покинул Архангельское. До отъезда он звонил не только Грачеву. Благо телефоны работали, их не отключили.

На следствии Ельцин показал, что вел переговоры с лидерами республик. Позвонил Кравчуку в Киев, Назарбаеву в Алма-Ату, Дементеву в Минск. Их реакция была спокойная, что несколько огорчило Ельцина. Они ссылались на недостаточность информации, поэтому не могли сразу определить свою позицию. «Я же им говорил, что информация у меня есть и что это переворот», – убеждал их Ельцин.

В начале восьмого часа позвонил Янаеву. Там сообщили: он всю ночь работал и сейчас отдыхает. Пока правительственная связь работала, стал требовать соединить с Горбачевым. «Через некоторое время, после настойчивых просьб, мне сообщили, – сказано в свидетельских показаниях Ельцина, – что там, в Форосе, решили со мной не соединяться. Это было сказано после некоторой паузы, в связи с чем у меня сложилось впечатление, что телефонистка ходила с кем-то советоваться, как отвечать».

Впрочем, о попытке связаться по телефону с Горбачевым ни в одной из мемуарных книг Ельцина не упоминается. Как и в его наиболее полной биографии, вышедшей в серии «ЖЗЛ».

Чем он еще занимался? Слово министру обороны в дни путча, генерал-полковнику Константину Кобецу:

– Утром ко мне приехал начальник охраны президента России Коржаков, сообщивший о перевороте. Он передал просьбу Ельцина прибыть к нему на дачу. Там уже были Хасбулатов, Руцкой. Подъехали Силаев и другие. Готовилось обращение «К гражданам России». Одновременно Ельцин вел переговоры с главами союзных республик. Суть их сводилась к оценке событий и выработке позиций. Все собравшиеся поддерживали решимость президента дать отпор заговорщикам, устроившим государственный переворот.

В восемь утра в дачном доме Ельцина началось совещание. Собрать его участников было не так уж и трудно: многие ночевали на госдачах в Архангельском. По словам участника совещания, тогда и.о. председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова, все однозначно сошлись на том, что про-

изошел переворот. Сначала решили вступить в переговоры с заговорщиками, но потом пришли к единому мнению: никаких переговоров с незаконным ГКЧП быть не может.

Потом стали сочинять «Воззвание к народу». «Записывал его от руки я, – объяснял на следствии Хасбулатов, – но творчество было коллективное: подсказывали Ельцин, Силаев и другие. Отпечатать “Воззвание” было не на чем. Подписали рукописный текст. На ксероксе размножили его, и каждый получил по несколько экземпляров».

В канун пятой годовщины августовских событий, 17 августа 1996 года, в «Независимой газете» появились воспоминания торгпреда России во Франции Виктора Ярошенко, принимавшего участие в утреннем совещании на даче Ельцина в качестве депутата Верховного Совета РСФСР.

«Когда обращение было, наконец, закончено, – делился подробностями Ярошенко, – Ельцин предложил подписать его в черновом варианте, так как не был уверен, успеем ли мы его отпечатать. В комнате становилось все теснее. Подходили члены правительства, Госсовета, депутаты: Собчак, Лужков, Полторанин, Воцанов, Шахрай, Илюшин и другие. Кто-то из охраны принес механическую пишущую машинку, и дочери Ельцина в соседней комнате начали перепечатывать “Обращение к гражданам России”, которое явилось первым актом организованно-сопротивления заговорщикам.

Действовали мы в условиях жесткого цейтнота, поэтому в оригинале обращения встречаются опечатки, а некоторые слова пропущены»...

Когда стали вслух зачитывать обращение, Собчак и Шахрай начали предлагать другие формулировки.

«Но это потребовало бы перепечатки, а значит, потери времени, – уточнял Ярошенко. – Я сказал, что фактор времени сейчас решающий, и в размножение отдали уже имеющийся текст. Его подписали Ельцин, Силаев и Хасбулатов.

После этого большинство министров и депутатов разъехались. Было решено, что они на местах будут организовывать сопротивление путчистам и по своим каналам связи распространять обращение. На даче Ельцина остался он сам с семьей, я, Собчак, Бурбулис, Коржаков и охрана. Борис Николаевич не хотел уезжать, он считал, что центром сопротивления может стать Архангельское.

Я выступил против этого решения, считая, что президент не должен оставаться на даче, которая могла обернуться мышеловкой. Я настаивал на немедленном отъезде в “Белый дом”, где легче было организовать оборону. А главное, “Белый дом” был символом российского суверенитета, в нем расположены парламент, резиденция президента и правительство России. Кроме того, он находился в моем избирательном округе и на его защиту я смог бы призвать моих избирателей».

Ярошенко поддержал Собчак, и тогда Борис Николаевич заколебался. «К нам присоединились члены его семьи. Подумаем, Ельцин согласился. Коржаков надел на него пуленепробиваемый жилет, единственный, который у нас был. Мы сели в автомобили, и кортеж из семи или восьми машин на бешеной скорости, примерно 160 километров в час, помчался к Москве. Договорились не останавливаться и на огонь не отвечать, за исключением случая, если пострадает машина президента».

В это время “Альфа” уже окружала Архангельское, но в стане путчистов, очевидно, царила некоторая растерянность, и нам удалось проскочить. Через 15–20 минут мы уже подъезжали к “Белому дому”. По дороге мы обгоняли танковые колонны, и вскоре одна из них уже окружала “Белый дом”. Ход событий показал, что наше решение было правильным, без президента “Белый дом” вряд ли стал бы тем, чем он стал – то есть символом сопротивления, который уже самим фактом своего существования деморализовывал путчистов и поднимал дух его защитников».

Долго еще историки, публицисты, политологи бились над разгадкой, почему путчисты дали Ельцину возможность уехать из Архангельского в «Белый дом». На даче задержать его не составляло бы особого труда. Тем более «Альфе».

В августе 2010 года, в девятую годовщину ГКЧП, в телепрограмме «Суд времени» на пятом канале известный политолог Сергей Кургинян изложил версию, согласно которой в ГКЧП должен был войти... Ельцин.

По словам Кургиняна, председатель КГБ Владимир Крючков после выхода из «Матросской Тишины» рассказывал ему, что накануне создания ГКЧП он несколько раз встречался с Ельциным. Состав ГКЧП был неоднороден. Некоторые его члены были за то, чтобы заменить Горбачева Ельциным на посту

президента СССР. Ельцин не говорил ни «да», ни «нет». Он выжидал, не зная, как развернутся события.

Та часть членов ГКЧП, которая готова была видеть Ельцина президентом СССР, якобы и настояла на том, чтобы дать ему возможность беспрепятственно прибыть из Архангельского в «Белый дом». Говорили, что сторонником выдвижения Ельцина на пост союзного главы государства был премьер-министр В. Павлов. Этим, мол, и объяснялось поведение «Альфы», а вовсе не ее растерянностью. А вот дальше события развернулись таким образом, что Ельцин принял другое решение и отверг саму мысль о вхождении в ГКЧП. Ему пришлось соответствовать своему образу российского лидера.

В августе 2016 года, в 25-ю годовщину создания ГКЧП, первый мэр Москвы Г.Х. Попов опубликовал в газете «Московский комсомолец» статью «Неосознанный юбилей», где местами прямо, а местами предположительно поведал о том, что Крючков, судя по всему, хотел не сохранения Горбачева, а остановил свой выбор на Ельцине.

«Он, вероятно, предложил Ельцину возглавить СССР вместо Горбачева, – пишет Г.Х. Попов. – Он был уверен: сработаемся. Скорее всего, у них был серьезный разговор. И не один.

О наличии какой-то договоренности между Ельциным и Крючковым я понял из их телефонного разговора в ночь с 20 на 21 августа (сидя вдвоем с Ельциным в бункере “Белого дома”). Я понимаю, что ссылаться на разговор без “свидетелей” нельзя. Но в данном случае я уверен, что все телефонные разговоры где-то записаны и все можно установить».

По утверждению Попова, Ельцин первые часы после известия о путче чего-то ждал. «Все утро. Похоже, ждал приглашения Крюčkова. А вместо этого он узнал, что и.о. президента СССР становится не президент РСФСР, а вице-президент из горбачевской свиты.

И Ельцин понял, что он вовсе не единственный кандидат на место Горбачева, а какой-то “запасной вариант” для ГКЧП. И он, блестяще все просчитав, принял решение выступить против ГКЧП, за “законного” Горбачева. Приняв это решение, он был, как всегда, исключительно последователен и вел себя твердо. Именно он – я был рядом – принял мужественное решение не уезжать в американское посольство (которое было в двух ша-

гах), а остаться в «Белом доме» в ожидании штурма и всех его последствий лично для себя».

Но вернемся к моменту, когда Ельцин со своим ближним кругом прибыл в «Белый дом». В 10.30 Ельцин и Силаев уже разъясняли ситуацию приглашенным представителям дипломатического корпуса, иностранным и российским журналистам. Ельцинское окружение сыграло на опережение: ГКЧП провел свою пресс-конференцию только во второй половине дня.

Противостоящие гэкачепистам силы наращивали темпы. Почти одновременно со встречей с дипкорпусом и представителями СМИ – заседание Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета министров СССР. Оба высших органа власти поддержали обращение Ельцина, Хасбулатова и Силаева «К гражданам России» и указ Ельцина № 59. Создание ГКЧП квалифицировали как государственный переворот.

Оперативности российских руководителей можно было только позавидовать. На 21 августа они назначили внеочередную сессию Верховного Совета. Против проголосовали только двое. Совет министров призвал ответить на действия ГКЧП массовыми забастовками протеста. Правда, не забастовал ни один трудовой коллектив.

В 12 часов 10 минут Ельцин поднялся на танк № 110 Таманской дивизии и зачитал обращение «К гражданам России». Объявил, что в ночь с 18 на 19 августа совершен антиконституционный переворот, в результате которого отстранен от власти законно избранный президент страны. «Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом».

Осудив создание ГКЧП, Ельцин призвал граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Тогда же он подписал знаменитый указ № 59. Его подготовили пресс-секретарь Ельцина П. Вощанов, спичрайтер Л. Пихоя, госсекретарь Г. Бурбулис, советник по правовым вопросам С. Шахрай.

Указ состоял из трех пунктов:

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти в управлении РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного Комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. Ельцин.

Это означало, что российское руководство не только не подчинилось ГКЧП, но и вступило с ним в открытое противоборство.

Здесь самое время рассказать о танке № 110, с которого выступал Ельцин. Того танка давно уже нет – его отправили в утиль. Так что напрасно искать в музеях.

4 августа 2006 года газета «Комсомольская правда» опубликовала тот самый исторический снимок 15-летней давности, и корреспондент полковник В. Баранец попросил откликнуться всех, кто узнает себя на нем.

21 августа того же года Баранец опубликовал материал «Это я стою на танке у Ельцина за спиной». Это были слова, которые произнес первый позвонивший читатель – бывший адъютант Ельцина Алексей Березкин.

«Затем после выступления перед депутатами, – рассказал Березкин, – Ельцин вдруг решил выйти на улицу к народу. Взбирается на танк. А экипаж-то был внутри! Кто-то постучал по броне: “Ребята, вылезайте!” Из люка и появился солдатик, тот самый, который изображен на снимке. Он, по-моему, совершенно не понимал, что происходит. А когда Борис Николаевич зачитывал обращение, до этого танкиста, наверное, стал доходить смысл событий, в которые была втянута армия. Мне думается, что этот мальчишка потому и закрыл лицо руками – от стыда...»

Ночь с 18-го и утро 19-го. ГКЧП

После окончания встречи с прибывшей из Фороса группы Крючков в четвертом часу ночи собрал руководителей центрального аппарата КГБ СССР. Обсудили текущие задачи.

(По свидетельству зампреда КГБ – начальника ПГУ Л.В. Шебаршина, в четвертом часу дня 18-го ему позвонил первый зампред Крючкова В.Ф. Грушко и передал его распоряжение привести в боевую готовность к 21.00 две группы сотрудников отдельного учебного центра – спецподразделения разведки, по 50 человек каждая, с транспортом, и направить их с подмосковной базы в Клуб им. Дзержинского на Лубянку.

Шебаршин, по его словам, распоряжение выполнил. Но, когда командир доложил ему, что их могут задействовать против «Белого дома», приказал: никаких распоряжений, приказов без согласования с ним не выполнять, а вечером 20-го категорически запретил выполнять какие-либо приказы, связанные с наступлением на «Белый дом», а если ему такой приказ отдадут, чтобы немедленно ставил в известность.)

В шесть утра Язов тоже собрал руководство Минобороны. Выступил коротко. Объявил о создании ГКЧП, о том, что исполняющим обязанности президента назначен Янаев. Поставил задачи командующим военными округами.

27 августа в российской прессе была опубликована рассекреченная к тому времени шифротелеграмма № 8825, отправленная в войска рано утром 19 августа.

Адресована она была заместителям министра обороны СССР (всем), главнокомандующим войсками направлений и Дальнего Востока (всем), командующему Воздушно-десантными войсками, командующим группами войск, войсками округов и флотов (всем), начальникам главных и центральных управлений Министерства обороны СССР.

В связи с обострившейся внутривнутриполитической обстановкой в стране приказываю:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных Сил СССР на территории СССР привести в боевую готовность повышенной.

Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать.

Усилить охрану позиций РВСН, арсеналов, баз и складов хранения ядерных и обычных боеприпасов, вооружения и боевой техники, парков, аэродромов, позиций, военных городков, штабов и важных военных и административных объектов.

Ограничить командировки, выезды автотранспорта и полеты авиации. Особое внимание обратить на соблюдение уставного порядка и воинской дисциплины. Организовать действенный контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Принять все необходимые меры по розыску военнослужащих, самовольно оставивших части и учреждения.

Руководящему составу объединений, соединений, частей и учреждений, военно-политическим органам постоянно вести разъяснительную работу среди военнослужащих, служащих Советской Армии и ВМФ и местного населения о необходимости консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза.

Принять все меры по уборке урожая, заготовке всех видов материально-технических средств и всесторонней подготовке к зиме.

В штабах соединений и выше установить круглосуточное дежурство руководящего состава. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, с органами КГБ и МВД СССР.

О всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действий немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных.

В городах Москва и Ленинград комендантами гарнизонов назначить командующих войсками военных округов, в остальных гарнизонах – начальников гарнизонов.

Д. ЯЗОВ.

В семь часов утра войска появились на улицах Москвы. Потом следователи по делу ГКЧП скрупулезно подсчитали количество личного состава и техники.

Таманская мотострелковая дивизия прибыла в составе разведбатальона, трех мотострелковых и танкового полков.

Личного состава в них насчитывалось 2107 человек, техники – 127 танков, 15 БМП, 144 БТР, 216 автомобилей.

Кантемировская танковая дивизия – в составе разведбатальона, мотострелкового и трех танковых полков, в которых насчитывалось 1702 человека личного состава, 235 танков, 125 БМП, 4 БТР, 214 автомобилей.

В половине десятого утра за подписью Язова ушла шифрограмма о приведении всех Вооруженных сил в боевую готовность.

На это же время Крючков собрал совещание. Как потом рассказывал его участник Л.В. Шебаршин, речь шла о катастрофическом положении в стране. Все это надо каким-то образом приводить в порядок. Сказал, что войска будут осуществлять демонстративное патрулирование только в Москве. К рынку пойдем, но не к «дикому». Союзный Договор надо обсуждать, но не спешить с его подписанием.

Детализация выступления Крюčkова – в рабочих записях Л.В. Шебаршина. Это к вопросу о том, какие задачи на самом деле ставил председатель КГБ перед «заговорщиками».

Назначен Калинин комендантом г. Москвы.

Как прекратить кровопролитие в НКАО (1300 убитых).

Из Узбекистана уехали 176 т. русских.

Патриотизм, интернационализм.

Не допускать ущемления русских.

Россия – оплот русских, и СССР – оплот России.

Обновляться на базе стабилизации.

Поднять добычу нефти (упала на 106 млн т).

Промышленность – упала на 20%.

Мобготовность.

Белоруссия, Украина – спокойно.

Назарбаев. В Ср. Азии ЧП вводить нет смысла. В Москву не едет.

Казахстан – положительно.

Акаев – в Москву не едет.

В областях нормально.

Кавказ – идут тяжелые бои, участвуют сотни людей с бронетехникой и артиллерией.

– Призывы к забастовкам.

– Прессу защитим.

– ТВ – 2 канала.

Уборка урожая – главное, надо помочь.

Прибалтика – неясно.

Молдавия – заседают СМ.

ЧП в отдельных областях.

Кравчук: не сдают хлеб государству, вывозят из республики.

Росс. руководство: идут призывы к всеобщей забастовке.

Патрулирование (демонстративное) Москвы.

Эконом. указы.

Задача – сохранить единую денежно-финансовую систему.

Возвращаемся к Конституции.

Договор обсуждать и не спешить.

К рынку пойдем, но не к дикому.

Законов поменьше, но получше.

Не допускать вмешательства извне.

М. б., удастся найти общий язык с российским руководством.

Задача разведки – видеть и корректировать.

Уборка урожая в Мос. области (Язов дает 50 тыс.).

Жить Конституцией.

Усиленные дежурства.

Подписание Договора не состоится. Сразу перейти из одного состояния в другое невозможно.

С раннего утра по радио и телевидению зачитывалось «Заявление Советского руководства», в котором сообщалось, что в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127(7) Конституции СССР полномочий Президента СССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу осуществлен ряд мер.

Среди них: введение чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР сроком на 6 месяцев с 4 часов утра по московскому времени 19 августа 1991 года.

Объявлялось также, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

Далее следовал поименный состав образованного нового органа – Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР): Бакланов О.Д. – первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В.А. – председатель КГБ СССР, Павлов В.С. – премьер-министр СССР,

Пуго Б.К. – министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. – председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. – председатель Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. – министр обороны СССР, Янаев Г.И. – и.о. президента СССР.

Отмечалось, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Под «Заявлением» стояли подписи Г. Янаева, В. Павлова и О. Бакланова.

Зачитывалось также постановление № 2 ГКЧП. В нем сообщалось, что в связи с введением с 19 августа 1991 года в Москве и на некоторых других территориях СССР чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» ГКЧП временно ограничивал перечень выпускаемых центральных, московских городских и общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.

Зачитывался указ исполняющего обязанности Президента СССР Г. Янаева от 19 августа «О введении чрезвычайного положения в городе Москве». В указе было два пункта.

В связи с обострением обстановки в г. Москве – столице Союза Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 (3) Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н.В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

Передавалось также заявление ГКЧП.

«Уже первый день действия чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР показал, что люди вздохнули с некоторым облегчением. Сколько-нибудь серьезных эксцессов нигде не отмечалось. В ГКЧП СССР поступают многочисленные обращения граждан в поддержку принимаемых мер по выводу страны из тяжелейшего кризиса. Первая реакция из-за рубежа на события в нашей стране также характеризуется определенным пониманием, потому что худший из мыслимых сценариев развития, который больше всего беспокоит иностранные государства, – это хаос и анархия в нашей ядерной стране. Разумеется, и внутри нашего общества, и за границей в связи с введением чрезвычайного положения высказываются и недоверие и опасения. Что ж, они имеют под собой основания: ведь в последние годы, к сожалению, очень часто реальные дела в нашем государстве не имели ничего общего с провозглашенными целями. Надежды народа неоднократно оказывались обманутыми. На этот раз мы сделаем все, чтобы деятельность советского руководства заслужила доверие.

В большинстве союзных и автономных республик нашей Родины поддерживают принятые меры, вызванные исключительно острой ситуацией. Народы понимают, что ГКЧП СССР никоим образом не намерен посягать на их конституционные суверенные права.

Диссонансом в этот критический момент, когда требуется общенациональное согласие, прозвучало обращение, подписанное утром 19 августа сего года руководителями РСФСР Б. Ельциным, И. Силаевым и Р. Хасбулатовым. Оно выдержано в конфронтационном духе. Есть в этом обращении и прямое подстрекательство к противоправным действиям, несовместимое с установленным законом режимом чрезвычайного положения.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, проявляя терпение и стремление к конструктивному сотрудничеству, считает возможным ограничиться на этот счет

предупреждением против безответственных, неразумных шагов. В очередной раз в российском руководстве возобладала амбициозность, а ведь народ ждет вынесения таких коррективов в политику, которые отвечали бы коренным интересам россиян.

Хотели бы еще раз подчеркнуть, что на всей территории Союза ССР отныне и впредь восстановлен принцип верховенства Конституции СССР и Законов СССР. Заверяем, что наша практика в отличие от набивших оскомину пустых обещаний будет безусловно подкрепляться реализацией принятых решений».

В 10 часов 50 минут из ЦК КПСС в адрес первых секретарей ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов и обкомов партии была отправлена короткая шифротелеграмма: «В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. В практической деятельности руководствоваться Конституцией Союза ССР. О Пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно. Секретариат ЦК КПСС».

С мест поступали ответные шифрограммы. Их было более полутора сотен, и во всех поддерживалось введение чрезвычайного положения и передача полноты власти ГКЧП.

Еще один документ – высшая правительственная телеграмма.

Только по РСФСР. Председателю Совета Министров... автономной республики (РСФСР). Председателю краевого (областного) исполнительного комитета Совета народных депутатов (РСФСР)

В целях формирования временной структуры по руководству осуществления мер по чрезвычайному положению в СССР, организации связи региона с ГКЧП СССР и контроля за ходом выполнения мероприятий, намечаемых ГКЧП СССР, образуйте в суточный срок под своим председательством республиканский, краевой (областной) Комитет по чрезвычайному положению (РКЧП, ККЧП, ОКЧП), аналогичный ГКЧП СССР.

ГКЧП СССР возлагает ответственность за выполнение мероприятий по осуществлению чрезвычайных мер в вашей республике, крае (области) на РКЧП, ККЧП (ОКЧП) и лично Вас.

Примите все необходимые меры по обеспечению нормальной жизнедеятельности региона. Об исполнении доложите в течение 24 часов по получении данной телеграммы.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР.

Накануне в Москву начали прибывать делегации Верховных Советов автономных республик для подписания Союзного договора, которое намечалось на 20 августа. Известие о создании ГКЧП вызвало у них удивление. Руководители делегаций обратились к Янаеву и Лукьянову за разъяснениями. Исполняющий обязанности президента и спикер парламента заверили: ГКЧП будет действовать в рамках Конституции СССР, демократические процессы прекращаться не будут.

Откликнулся на события и Комитет конституционного надзора СССР. Его председатель С. Алексеев, а также члены комитета С. Босхолов, С. Мирзоев, М. Пискотин, В. Филимонов выступили с заявлением. Ознакомившись с официальными актами, сообщающими о невозможности исполнения Горбачевым по состоянию здоровья обязанностей Президента СССР, о принятии на себя Янаевым обязанностей Президента СССР, а также о введении в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения, о создании ГКЧП и переходе к нему функций высшего органа государственной власти СССР, члены Комитета конституционного надзора СССР подчеркнули, что подобные меры могут быть юридически оправданы лишь при условии строжайшего соблюдения требований Конституции и других законов СССР.

В заявлении отмечалось, что, прежде чем решить вопрос о принятии этих актов к своему рассмотрению и их юридической оценке, члены комитета обращаются к Верховному Совету СССР как постоянно действующему законодательному и контрольному органу государственной власти СССР с вопросом: намерен ли Верховный Совет СССР в соответствии с п. 15 статьи 127(3) Конституции СССР рассмотреть вопрос об утверждении указа исполняющего обязанности Президента СССР о введении в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения?

В связи с образованием ГКЧП Комитет конституционного надзора СССР обратил внимание на то, что, согласно п. 13 статьи 113 Конституции СССР и ч. 13 статьи 2 Закона СССР «О

правовом режиме чрезвычайного положения», введение чрезвычайного положения во всей стране может быть осуществлено только Верховным Советом СССР.

Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов подписал постановление о созыве внеочередной сессии в Кремле в связи с внесением на утверждение Верховного Совета СССР решения о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР. Дата проведения сессии – 26 августа текущего года.

Вечер, ночь с 18-го и утро 19-го. Форос

«Мы улетели, – отметил в своих воспоминаниях начальник охраны Горбачева В.Т. Медведев, – а он отправился на пляж, загорал, купался. А вечером, как обычно, в кино».

Все, кто входил в группу, посетившую в Форосе Горбачева, рассказывали, что Михаил Сергеевич, прощаясь, пожал каждому из них руку. А по рассказу самого Горбачева выходило, что обозвал он их преступниками и пригрозил ответственностью за авантюру.

«Когда они уходили, не сдержался и обругал их “по-русски”», – детализировал он в воспоминаниях «Жизнь и реформы». И добавил: «Ночь для них была не простой, как теперь известно».

Многие исследователи задаются вопросом: а для него? Неужели у него не возникала мысль: а может, он не прав?

Из приговора, вынесенного по делу Варенникова, впоследствии оправданного судом: «Проанализировав доказательства, суд пришел к выводу, что, несмотря на высказывания Горбачева об антиконституционности и авантюризме предложений прибывших, неприятие им мер к их задержанию, его предложение созвать Съезд народных депутатов или сессию Верховного Совета для обсуждения вопроса о введении чрезвычайного положения, рукопожатия при расставании давали В. Варенникову основание понять, что президент СССР если не одобряет, то и не возражает против попытки спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения».

«Если не одобряет, то и не возражает...» Эта фраза из официального документа давала повод многим мемуаристам и

историкам объяснять причину хорошего настроения Горбачева после отъезда посланцев ГКЧП.

Известно даже название кинофильма, который Михаил Сергеевич безмятежно смотрел в окружении своей семьи в тот роковой поздний вечер. И это в изоляции, когда умолкли все телефоны?

А что он должен был делать? – возмущались его сторонники. Пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев приводит слова дочери Михаила Сергеевича Ирины: «Как бы выглядел прорыв на волю? Карабкаться через горы с женой и двумя малолетними детьми? Или оставить нас с мамой и детьми заложниками, а самому ринуться в расставленную почти наверняка на этот случай ловушку?»

Да и сам Михаил Сергеевич не мог представить себя висющим на заборе.

«Не могу не отреагировать на спекулятивные утверждения, будто я чуть ли не добровольно “отсиживался в теплом местечке”, когда в стране разворачивались драматические события, – рассказывал он о своих мучениях. – В следственных материалах по делу ГКЧП перечисляются меры, принятые заговорщиками в целях полной изоляции президента: полностью отключена связь всех видов; заблокирована вся территория – для чего представителю ГКЧП Генералову дополнительно были подчинены 79-й пограничный отряд и 5-я отдельная бригада пограничных сторожевых кораблей; взяты под арест и круглосуточную охрану автоматчиков все транспортные средства; самолет Ту-134 и вертолет, находившиеся в распоряжении президента в Бельбеке, угнаны; на вертолетной площадке на территории дачи поставлены транспортные средства и пост охраны; то же самое сделано при въездах на дачу; отключена связь службы охраны на территории дачи с подразделениями погранвойск, несущих ее внешнюю охрану! Никто не смог пробиться на дачу и выбраться из нее.

Три дня заточения были для меня самым тяжелым испытанием в жизни, имели серьезные последствия для близких».

А вот несколько строк Крючкова: «После отлета группы настроение у Горбачева было нормальное, на вечер он заказал приключенческий фильм. На просмотре фильма был со всей семьей, затем – ужин с винами по его заказу. В общем, все как обычно. Видимых перемен в настроении Горбачева, в распо-

рядке его отдыха и режима в последующие дни охранявшие его сотрудники также не заметили».

И еще: «К отключению телефонной связи он отнесся довольно спокойно, как к шагу, продиктованному заботой о его “имидже”, желанием предоставить ему возможность побыть как бы в стороне до того дня, когда в стране воцарится элементарный порядок и людям будет предложена программа выхода из губительного кризиса. Вся его личная охрана осталась при нем, никаких ограничений в передвижении не было. О своих дальнейших планах он не распространялся. Тот факт, что к нему приехали из Москвы посоветоваться, говорил о многом, ничто не угрожало его личной безопасности. Последнее для него было определяющим».

Не могу не привести и ответ бывшего председателя КГБ РСФСР В. Иваненко на вопрос: «Вы считаете, что Горбачев действительно был в изоляции, без связи?» «Думаю, если бы он захотел, он бы связался, – сказал генерал. – В Форосе множество видов связи, в конце концов – с нарочным. Охранники бы его послушали. Он просто выжидал, чья возьмет. Уверен, когда с ним 18 августа велась “беседа”, это был разговор товарищей по партии с критикуемым, “заблудшим товарищем”. Разговор в своем узком кругу. У него ситуация была беспроигрышная: победят эти – он сохраняет шанс вернуться, и Ельцина уже не будет, победят другие – он жертва».

Но есть и другие мнения. Из дневника Р. Горбачевой, опубликованного 20 декабря 1991 года в «Комсомольской правде». «19 августа, понедельник. Около 7 часов утра Анатолий и Ирина по транзистору (волна не “Маяка”, кажется, “Всемирной службы новостей” или Би-би-си) уловили сообщение: создан Государственный комитет по чрезвычайному положению, в отдельных регионах страны введено чрезвычайное положение. Передают призыв комитета к соотечественникам, обращение к государствам мира, содержание указа о выделении 15 соток земли на каждого человека... И “в связи с болезнью Президента СССР и невозможностью выполнять им свои функции его полномочия берет на себя вице-президент Янаев”. Значит, все документы были уже готовы...»

Возможно, были и готовы. Но на допросе он утверждал, что их ему не предъявляли, он их не видел, разговор велся в устной форме. В общем, кому что и как запомнилось. Или что и как хотелось запомнить...

Здесь уместно привести отрывок из интервью командира Балаклавской бригады пограничных сторожевых кораблей капитана 1-го ранга И.В. Алферьева «Комсомольской правде» (28.08.1991): «Откровенно говоря, ночь выдалась для нас беспокойной. Некоторое облегчение я почувствовал лишь 19 августа, когда в 11.30 получил донесение от капитана третьего ранга Михаила Крикунова, командира корабля, который стоял в непосредственной близости от берега, что президент вышел на пляж. Действовал сигнал: пляж в рабочем состоянии».

Полдень 19-го и после него. ГКЧП

В 17 часов в пресс-центре МИД СССР началась пресс-конференция Г.И. Янаева, О.Д. Бакланова, Б.К. Пуго, В.А. Стародубцева, А.И. Тизякова.

Первым слово предоставили Янаеву. Он объявил, что приступил к временному исполнению обязанностей Президента в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым обязанностей Президента СССР – на основании статьи 127 (7) Конституции СССР.

(Здесь следует отметить, что к началу пресс-конференции ГКЧП располагал документом, подтверждавшим состояние здоровья Горбачева. Вот что он пишет в своей книге «Жизнь и реформы»: «Все-таки медики пошли на сделку с совестью и выдали текст, который вроде бы свидетельствовал об ухудшении моего здоровья в связи с обострением болезни 16 августа 1991 года. Пакет был направлен Плеханову в 17.00 19 августа 1991 года. Словом, вооружили заговорщиков “аргументами” перед печально знаменитой пресс-конференцией».)

Сказал, что страна оказалась перед глубоким кризисом, дальнейшее развитие которого может поставить под вопрос как сам курс реформ, так и привести к серьезным катаклизмам в международной жизни. Создалась реальная угроза дальнейшего существования Советского Союза.

Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения принято решение образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению.

ГКЧП СССР полностью отдает себе отчет о глубине поразившего страну кризиса, принимает на себя ответственность за

судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Призвал всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

После вступительного слова Янаев и остальные участники пресс-конференции ответили на вопросы. Их и ответы на них можно сгруппировать по блокам.

1. На прямо заданный вопрос, где сейчас Горбачев, ответил Янаев. Михаил Сергеевич находится на отдыхе и лечении в Крыму. За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время для того, чтобы поправить здоровье. Янаев выразил надежду, что Горбачев, поправившись, вернется к исполнению своих обязанностей.

– Мы будем следовать курсу, который он начинал в 1985 году, – подчеркнул и.о. Президента.

2. О чрезвычайном положении. Оно вводится в очень трудный для страны период для того, чтобы избежать каких-либо эксцессов. Поэтому вынуждены были принять некоторые меры по безопасности граждан.

3. Ельцин, Силаев и Хасбулатов назвали события минувшей ночи реакционным антиконституционным переворотом. Они призвали граждан России к всеобщей бессрочной забастовке. Какими могут быть конкретные действия ГКЧП в этой связи?

Янаев ответил, что имел контакты с руководителями всех девяти республик, которые заявили о своей готовности войти в состав обновленной союзной Федерации, а также с руководством многих краев и областей Союза. В целом создание ГКЧП и его стремление вывести страну из того кризисного положения, в котором она находится, поддержаны. Сегодня он также имел разговор с Ельциным. Янаеву известно заявление Бориса Николаевича, Хасбулатова и Силаева.

Назвал их призыв к всеобщей бессрочной забастовке безответственным. Когда страна находится в хаосе, нельзя играть в политические игры.

4. Есть ли намерение немедленно созвать сессию Верховного Совета СССР для подтверждения полномочий на введение чрезвычайного положения? – Сессия будет созвана 26 августа.

5. Кто будет исполнять обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС? – Это партийный вопрос и входит в компетенцию ЦК.

6. Верно ли, что ряд изданий, в том числе «Аргументы и факты», «Московские новости», «Куранты», «Столица» и ряд других закрыты? Если это так, на какой срок их закрыли?

Если уж ввели режим чрезвычайного положения, то должны перерегистрировать некоторые массовые издания. Именно перерегистрировать. Речь не идет о закрытии газет, а об их перерегистрации, потому что в том хаосе, в котором оказалась страна, в значительной степени повинны и некоторые средства массовой информации.

7. Какие отклики получены на обращение комитета к руководителям государств мира и Генеральному секретарю ООН?

Реакция, в общем-то, достаточно сдержанная, поскольку, видимо, сейчас еще слишком мало фактического материала, чтобы занять какую-то аргументированную позицию. Дж. Буш в своем заявлении выразил надежду, что те внешнеполитические обязательства, которые взял на себя Советский Союз, будут выполняться. Это подтверждено в заявлении ГКЧП сразу же вслед за его формированием.

8. Что нового предполагается внести в борьбу с преступностью?

Министр внутренних дел Б.К. Пуго откровенно сказал, что не следует полагать, будто будут найдены и предложены какие-то принципиально новые меры, которые раньше не применялись. Надо, прежде всего, исходить из того, что правоохранительные органы должны значительно улучшить свою обычную работу, повысить требовательность к сотрудникам, дать возможность лучше проявлять себя истинным профессионалам.

9. Поддержат ли крестьянские массы ГКЧП?

Да, они, по словам председателя Крестьянского союза СССР А.В. Стародубцева, несут самые тяжелые потери в ходе перестройки, большинство колхозов и совхозов находятся на грани катастрофы, а потому надеются, что им помогут встать на ноги, возродиться.

10. Когда журналисты смогут встретиться с Горбачевым? – Как только состояние здоровья Михаила Сергеевича позволит это.

11. Как руководство союзного государства относится к указу Ельцина о департизации?

Все принимаемые указы и постановления будут рассматриваться с точки зрения чрезвычайного положения в стране. То, чем сейчас занято руководство Российской Федерации, и в частности его призывы к неповиновению, – это очень опасная политика. Она может привести к эксцессам и даже вооруженной провокации. ГКЧП считает своим долгом предупредить об этом всех советских людей. Спокойствие и порядок должны быть обеспечены повсюду.

Янаев всячески подчеркивал роль Горбачева в жизни общества в последние годы. Мол, он сделал неизмеримо много для того, чтобы демократические процессы широко начались в стране в 1985 году. Этот человек заслуживает всяческого уважения, он сделал все для того, чтобы страна встала на демократический путь.

12. Вопрос Янаеву: собираетесь ли вы стать президентом?

Ответ: «Я принял обязанности временно. По мере нормализации пойдем на прямые выборы в соответствии с демократическими принципами».

Информационные агентства, радио и телевидение сразу же передали о «дрожящих руках» Янаева. Открыто говорили, что вице-президент питает слабость к тому, о чем в истории болезни пишут в разделе «вредные привычки».

Пресс-конференцию вечером показали по Центральному телевидению, и вся страна имела возможность ее видеть и слышать. Позднее историк Р. Пихоя напишет: на экранах телевизоров предстала группа людей, которых «не знали в лицо» граждане страны, которой они собирались руководить: «Янаев говорил журналистам какие-то неубедительные слова, волновался, руки его ходили ходуном». По мнению этого историка, «если бы надо было организовать акцию по компрометации руководства ГКЧП, то это невозможно было сделать лучше, чем это проделали сами руководители ГКЧП на своей пресс-конференции».

Мнение, безусловно, спорное, в чем-то даже не совсем справедливое, но в плане психологического, эмоционального воздействия на массового телезрителя показ скучноватого, весьма заурядного мероприятия ГКЧП проигрывал неизвестно как появившемуся в тот же вечер, в той же новостной программе репортажу журналиста С. Медведева – будущего пресс-секретаря Ельцина.

Российский президент предстал перед телезрителями в образе бунтаря на танке перед «Белым домом»! Сюжет, смонтированный из съемок зарубежных телекомпаний и картинок, резко контрастировал с унылом залом, где проходила пресс-конференция ГКЧП. Не говоря уже о яркой тональности выступления Ельцина и обыденном лексиконе руководства ГКЧП.

К негативному восприятию телезрителями членов ГКЧП приложили руки (в прямом смысле!) и на телевидении. Тогдашний главный редактор студии информационных программ «Время» Ольвар Какучая в воспоминаниях, опубликованных в сборнике «В августе 91-го. Россия глазами очевидцев», изданном в 1993 году, рассказал, где и как они проясняли обстановку.

«Получили материал Си-эн-эн, информацию из республик и регионов, из-за рубежа. Готовили программу “Время”. Я передал режиссеру программы Елене Поздняк указание, переданное из аппарата Янаева – смонтировать пресс-конференцию так, чтобы убрать трясущиеся руки, растерянный взгляд, бегающие глаза, платок, смех в зале и прочее. Она – мастер своего дела и могла бы так отретушировать кадры, чтобы никто и ничего не заметил. Она ответила: “Вот им, пусть все видят”, – и показала известную комбинацию из трех пальцев. В эфир пошли все перлы новоявленного советского руководителя».

Ну а если к сказанному еще добавить, каким образом Центральное телевидение добыло уникальные кадры выступавшего с танка Ельцина, то редкий читатель огорченно не воскликнет: «А мы-то думали!» Съемку, оказывается, делал вовсе не С. Медведев, а иностранцы.

Вот что написал в своих воспоминаниях, опубликованных все в том же сборнике первый заместитель председателя Всесоюзной государственной теле- и радиовещательной компании Валентин Лазуткин: «К вечеру Сергей Медведев привез отснятый материал, но в нем не хватало изюминки. Он не успел попасть к “Белому дому”, когда там выступал Ельцин. Решили взять эти кадры у зарубежных коллег».

Лазуткин прямо говорит, что вся программа «Время» была дистанцирована от ГКЧП: «Готовя материал, мы понимали, что нас могут просто вырубить. Поэтому мы дали несколько фраз Ельцина, а потом Медведев в хорошем темпе изложил содержание выступления Ельцина... От нас же требовали и ожидали,

что мы подготовим материал о поддержке народом действий ГКЧП и о должном понимании за рубежом».

Комендант Москвы генерал-полковник Калинин издал распоряжение в введении в городе комендантского часа с 23.00 до 5.00 утра. Генерал-полковник Константин Кобец, только что назначенный Ельциным министром обороны, отдал приказ об отмене распоряжения Калинина.

Янаев отменил все три указа Ельцина – № 59, 61 и 63, поскольку они «противоречат законам и Конституции СССР». В указе Янаева было сказано: в ельцинских указах выражено негативное отношение к заявлению советского руководства и постановлению № 1 ГКЧП. Ельцин «пытается присвоить полномочия высших органов государственной власти и управления СССР и наделить исполнительные органы республик компетенцией органов Союза ССР, призывает органы власти РСФСР и их должностных лиц к неисполнению решений ГКЧП. В указах содержатся грубые выпады против членов ГКЧП, угроза привлечения к уголовной ответственности в адрес должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих в случае выполнения ими решений ГКЧП».

В новостях по радио короткое сообщение Секретариата ЦК КПСС о том, что заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко поставил вопрос о встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым.

Секретариат ЦК ВЛКСМ заявил о непризнании ГКЧП.

Полдень 19-го и после него. Ельцин

Ельцин принял на себя командование Вооруженными силами СССР на территории РСФСР с 17 часов 00 минут московского времени и приказал всем частям вернуться в места постоянной дислокации, не принимать к исполнению приказы Язова и Крючкова, вице-президенту РСФСР Руцкому подготовить предложения по созданию национальной гвардии, Совмину России поставить войска, дислоцированные на ее территории, на дежурное и вещевое довольствие.

О том, какое настроение в это время было в штабе обороны «Белого дома», рассказал два года спустя в интервью газете «Россия» председатель КГБ РСФСР В.В. Иваненко:

– Много суеты, запарки. Возбуждение было бойцовским – пусть попробуют сунуться. Все идеи максимально быстро подхватывались: поднять рабочих заводов, организовать кормежку, привлечь коммерческие службы безопасности, «афганцев» с оружием для защиты «Белого дома». Баранников с Дунаевым предложили поднять немногочисленные силы курсантов МВД России. К исходу дня 19 августа такая команда была дана. В избытке было противоречивой информации, неопределенности. Например, окружившие здание танки: то ли они нас охраняют, то ли совсем наоборот. Четкого плана обороны не было.

На уточняющий вопрос интервьюера, чем конкретно занимался он, Виктор Валентинович ответил:

– Мне поставили задачу собирать максимально полную информацию о происходящем внутри КГБ, особенно по территориям. Я «сел» на телефоны, благо в кабинете Бурбулиса были все виды связи.

– И какие вы давали установки, к чему призывали?

– Главное – подчиняться законно избранной власти, не выполнять требований ГКЧП... Реагировали по-разному. Одни – с явным неприятием, это в основном бывший партнабор. Отвечали, что «надо разобраться», а после разговора звонили Крючкову.

По словам Иваненко, он вскоре почувствовал бесплодность попыток охватить все регионы и поручил своему помощнику подготовить телеграмму. Однако союзный КГБ дал распоряжение принимать только шифротелеграммы, исходящие от ГКЧП. Пришлось воспользоваться милицейскими телетайпами.

Александр Коржаков в своих мемуарах «От рассвета до заката» написал, что люди Ельцина поддерживали очень тесные связи с американским посольством в Москве. Мемуары вышли уже после того, как Ельцин уволил Коржакова с должности руководителя Службы безопасности президента, и его признания можно было бы объяснить обидой на бывшего шефа.

Но вот свидетельства человека, которого никак нельзя заподозрить в желании бросить тень на Ельцина.

Исполняющий обязанности посла США в СССР Джеймс Коллинз в интервью, которое он дал накануне 20-летия ГКЧП корреспонденту «Интерфакса» в Вашингтоне П. Черемушкину и опубликованному в газете «Совершенно секретно» 2 августа 2011 года, на вопрос, правда ли, что американское посольство

в Москве в те дни поддерживало очень тесные связи с Ельциным и его людьми, ответил:

– Да, это верно. Я был приглашен встретиться с людьми Ельцина в «Белом доме» во второй половине дня 19 августа. И я сам отправился туда. Встретился с его сотрудниками, но самого Ельцина не видел – он был занят. Но наше послание ему было таковым, что мы (правительство США) не примем ГКЧП.

По словам Коллинза, он приехал в «Белый дом» по просьбе Ельцина:

– Заехал туда на автомобиле с флагом. Толпа у «Белого дома» собралась уже очень большая. Вокруг было уже несколько тысяч человек. Все приветствовали меня, что мне показалось хорошим знаком. Я провел в «Белом доме» примерно три четверти часа.

– С кем вы встречались? Это был Бурбулис или Коржаков? – спросил корреспондент.

– Сейчас я не помню. Нет, это был не Бурбулис. Честно говоря, уже не помню. В тот момент, когда я вернулся в посольство, мне сказали, что звонит президент Буш и хочет поговорить со мной. Я объяснил ему, где был. Передал ему послание от Ельцина. И сказал, что, с моей точки зрения, не известно, удастся ли попытка переворота, потому что все не выглядит уж очень хорошо спланированным, и что попытка переворота столкнулась с сильным сопротивлением. Президент Буш поблагодарил меня и пожелал нам быть осторожными. Это уже было 3.30 по московскому времени.

Дж. Колинз подтвердил также, что в «Белом доме» находилось несколько американских дипломатов, которые поддерживали связь с посольством:

– Они докладывали нам постоянно о происходящем. Это было сложно – в то время еще не было мобильных телефонов. Нужно было выйти оттуда и прийти в посольство. В «Белом доме» были очень довольны, что с ними есть люди из американского посольства. Мы собрались всем коллективом посольства и договорились, что не будем предпринимать ничего, что могло бы узаконить действия путчистов. Мы не отвечали на их звонки. МИД СССР тоже пытался выйти на связь с нами.

Дж. Коллинз отметил, что сотрудники посольства работали и на улицах. Тогда американская дипмиссия в Москве насчитывала 250 человек.

Вечер и ночь 19-го. ГКЧП

Из Киева от Варенникова в адрес ГКЧП поступило несколько шифрограмм. В самой первой после обращения Ельцина с танка у «Белого дома» сообщал, что подавляющее большинство населения и военнослужащие гарнизонов отрицательно отнеслись к этому шагу, возмущаются возможностью Ельцина свободно деструктивно действовать в отношении решений ГКЧП.

В следующей шифрограмме просил срочно дать распоряжение по линии МВД и КГБ о принятии упреждающих мер. Сообщал о готовности военных округов на Украине к действиям по оказанию помощи.

Третья шифрограмма Варенникова – наиболее решительная и требовательная. Она заслуживает того, чтобы быть воспроизведенной полностью.

Докладываю:

Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действует крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы фактически вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжелыми итогами.

Совершенно необъяснимо бездействие в отношении деструктивных сил, хотя накануне все было оговорено. На местах мы не можем ничем объяснить гражданским руководителям и военнослужащим причины аморфного состояния в Москве. Идеалистические рассуждения о «демократии» и о «законности действий» могут привести все к краху с вытекающими тяжелыми последствиями лично для каждого члена ГКЧП и лиц, активно их поддерживающих. Но самое главное даже не в том, что каждого ждет тяжелая участь (лишение жизни и презрение народа), а максимальное дальнейшее ухудшение событий для страны. Реально государство будет ввергнуто в катастрофу. Мы не можем это допустить!

Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н. Задание правительства РСФСР необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т.д.

Сегодня судьба государства именно в разрешении этой проблемы, поэтому ничто и никто не должно остановить нас при достижении намеченной цели. Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям.

Главнокомандующий Сухопутными войсками
генерал армии Варенников.

Вечер и ночь 19-го. Ельцин

К «Белому дому» подтягивались люди. Принялись за сооружение заграждений из железных прутьев и камней. Рядом находился «долгострой» – незаконченная теплотрасса. Оттуда брали арматуру, плиты, короба.

Ельцин подписал третий за день указ. Обвинил гэкачепистов в нарушении статей Конституции и Уголовного кодекса РСФСР, измене народу и Отечеству.

Постановил: сотрудникам прокуратуры, госбезопасности, внутренних дел Союза и России, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбу народа, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Пообещал им правовую защиту и поддержку.

Председатель КГБ РСФСР В.В. Иваненко:

– Было состояние неопределенности. Народу вокруг здания собралось совсем не так много, как сейчас кажется. Я чувствовал, что с той стороны нет четкого плана действий. Слухов противоречивых, дурацких было в избытке. Например, Константин Иванович Кобец «задвинул» про 103-ю десантную дивизию КГБ: «У меня радиоперехват, дивизия вошла в Москву!» Это же 10 тысяч штыков – страшное дело. Звоню, проверяю. Два крупных начальника в КГБ СССР в один голос уверяют, что дивизия с места не снималась, находится в Витебске.

Два народных депутата РСФСР – журналисты Б. Куркова и А. Любимов – вели радиопередачи из «Белого дома» на площадь перед зданием. Народу там становилось все больше и больше.

20 АВГУСТА. ВТОРОЙ ДЕНЬ «ПУТЧА»

Утро и полдень 20-го. ГКЧП

По словам Крючкова, утром он, Язов и Пуго договорились разработать возможные меры по локализации возникшей напряженности в районе «Белого дома».

Там скопилось несколько тысяч человек. Их щедро угощали, в том числе и спиртным. Откуда-то возникли люди с оружием. В толпе распространялись слухи о якобы готовившемся штурме «Белого дома».

– Никакой команды на проведение штурма не давалось, – говорил впоследствии Крючков. – Никаких попыток взять «Белый дом» силой не предпринималось. Однако всевозможных спекуляций на этот счет тогда и в последующее время было в избытке.

Крючков приводил такой пример. В 1993 году Ельцин в одном из выступлений даже сказал, что якобы было предпринято восемь попыток штурма.

– Не было предпринято даже одной! – восклицал он.

«Тем не менее было инспирировано движение “защитников” “Белого дома”. Им воздавали должное за героизм и мужество, проявленные при отражении мифического штурма, наградили медалями. Были проведены торжественные мероприятия по вручению этих наград. И все это делалось совершенно серьезно!»

Члены ГКЧП продолжали обзванивать руководителей всех союзных республик, многих российских краев и областей. Все отмечали сложность ситуации, но осуждения по поводу ввода чрезвычайного положения не высказывали. Наоборот, некоторые просили согласия на такие меры из-за серьезной криминальной обстановки.

В целом в стране было спокойно. Тревожно было лишь в Москве, да и то не во всей, а только около здания Верховного Совета. Не остановило работу ни одно предприятие, ни один коллектив не вышел в поддержку российского правительства.

Крючков подписал шифротелеграмму председателям КГБ республик и начальникам УКГБ по краям и областям РСФСР «О мерах по усилению контроля за политической и оперативной обстановкой».

В соответствии с заявлением советского руководства о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР Указом и.о. Президента СССР, постановлениями Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) в стране начато осуществление решительных мер, направленных на преодоление глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости Родины.

В ГКЧП разработаны и вводятся в действие программы, смысл которых – достижение скорейшей стабилизации положения в СССР, нормализации социально-экономической жизни, проведение необходимых реформ и создание условий для всестороннего развития государства и общества. Предстоит в сжатые сроки осуществить настойчивые целенаправленные шаги для повышения организованности и дисциплины во всех сферах жизни общества, восстановления законности и правопорядка, нормального функционирования всех отраслей народного хозяйства, неукоснительного выполнения установленных объемов производства, улучшения социального положения трудящихся, защиты чести и достоинства граждан.

ГКЧП функционирует менее двух суток, в связи с чем было бы, разумеется, преждевременным ожидать немедленных результатов осуществления провозглашенных программных целей. Приняты лишь первоначальные меры для их реализации.

Судя по поступающей информации, в ряде мест предпринимаемые ГКЧП экстраординарные и твердые действия воспринимаются неоднозначно. Подавляющее большинство трудящихся, как видно из полученных писем, телеграмм, телефонных звонков, поддерживают ГКЧП, выражают надежду на стабилизацию ситуации, скорейший вывод страны из тяжелейшего кризиса.

Наряду с этим среди некоторых слоев населения высказываются недоверие и опасения по поводу введения чрезвычайного положения. ГКЧП, к сожалению, пришлось столкнуться и с серьезным противодействием, прежде всего со стороны высшего звена российского руководства. Оно распространяет призывы, обращения и лозунги, ориентированные на конфронтацию и затягивание политической игры, но не содержащие ни одного слова, проникнутого заботой об участии трудящихся, о выводе страны из состояния разрухи.

В этой связи нельзя не обратить внимания на изданные Президентом РСФСР указы №№ 59, 61, 63, в которых руководство РСФСР ставит под республиканскую юрисдикцию все союзные органы исполнительной власти, включая КГБ, МВД и Минобороны СССР.

Претендуя на роль «верховного арбитра», лидеры России, таким образом, намерены в обход Конституции СССР сломать сложившиеся общегосударственные структуры органов власти и управления, подменить общесоюзный закон российскими нормативными актами.

Разумеется, такой подход не может квалифицироваться как правомерный. Положения упомянутых указов Президента РСФСР не могут рассматриваться как законные, они не имеют юридической силы и поэтому не подлежат исполнению. Следует довести эту оценку до всего личного состава подразделений.

Особо подчеркнуть, что положения, касающиеся деятельности органов госбезопасности всей страны, выходят за рамки полномочий Президента РСФСР. В соответствии с Законом СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» все органы госбезопасности на территории Союза, в том числе и КГБ РСФСР, УКГБ по краям и областям России, подчиняются высшим органам государственной власти республик и КГБ СССР.

С учетом изложенного органам госбезопасности в нынешней обстановке необходимо принять все исчерпывающие меры по безусловному выполнению решений ГКЧП, обеспечивающие полный контроль за развитием ситуации на местах. Надлежит, максимально расширив связи с трудящимися, опираться на поддержку людей, трудовых коллективов, всех здоровых сил, заинтересованных в спокойствии и стабильности. Весьма важно глубоко знать заботы и нуж-

ды населения, чутко реагировать на настроения, своевременно создавать заслон попыткам манипулировать общественным мнением.

Необходимо обеспечить полное, непрерывное и объективное информирование Комитета госбезопасности по всем аспектам складывающегося положения, прогнозировать вероятный поворот событий и своевременно выходить с обоснованными предложениями.

Исключительно важно сохранить единство и сплоченность чекистских коллективов, объединенных общностью задач и интересов, действовать с полным пониманием своей высокой ответственности перед народом.

Со Старой площади ушла шифротелеграмма первым секретарям ЦК компартий союзных республик, по должности входившим в состав Политбюро, с проектом заявления Политбюро ЦК КПСС. К тому времени они одновременно являлись президентами своих республик, и от их позиции зависело отношение к ГКЧП.

В проекте этого заявления, которое должны были рассмотреть главы республик и прислать свое заключение, давался краткий анализ причин кризисной ситуации в стране, после чего объяснялась необходимость введения чрезвычайного положения в ряде районов СССР. Эта мера была крайне нежелательной, но вынужденной. «Политбюро, – отмечалось в проекте, – принимает к сведению заявление о том, что М.С. Горбачев находится в условиях полной безопасности».

Проект одобрили главы компартий Украины, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Литвы. Хотя и с некоторыми поправками.

Крючкову, Янаеву и Язову не переставая звонили члены руководства России, спрашивали насчет штурма. Несмотря на опровержения слухов, звонили снова и снова.

Утро и полдень 20-го. Ельцин

Председатель КГБ РСФСР В. Иваненко вспоминал:

– В первой половине дня 20 августа возникла угроза штурма. Кажется, Юрий Скоков добыл информацию, что прорабатывается план захвата «Белого дома». Время «ч» – вечер 20 августа...

Собравшихся возле здания Верховного Совета людей разделяли на десятки. Мужчины вооружались палками. Женщин просили выйти к солдатам и уговаривать, чтобы они не стреляли в народ.

В 12 часов дня Ельцин с балкона «Белого дома» выступил перед собравшимися на многотысячный митинг москвичами. Сказал, что можно построить трон из штыков. Но долго ли на нем усидишь?

– Дни заговорщиков сочтены! – убеждал он толпу. – Возврата к прошлому нет и не будет. Закон и порядок восторжествуют. Россия будет свободной!

Выступили также Силаев, Хасбулатов, Руцкой, мэр Москвы Г. Попов, «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев, экс-министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе. Митинг продолжался несколько часов.

Ельцин издал указ о переподчинении себе Вооруженных сил СССР на территории РСФСР. Начиная с 17 часов 20 августа и до восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов государственной власти и управления Союза ССР командовать войсками будет он. Отдал приказ командующему Московским военным округом вернуть их в места прежней дислокации.

Министр иностранных дел России Андрей Козырев вылетел в Париж с полномочиями представителя президента Ельцина. Провел пресс-конференцию. Заявил, что если ситуация в СССР будет ухудшаться, не исключена возможность создания российского правительства в изгнании.

После отпуска ГКЧП вернулся в Москву и рассказал журналистам, как он обманул бдительность гэкачепистов. Его якобы должны были задержать в зале для особо важных персон в Шереметьеве-2. Мол, номенклатурное сознание не допускало мысли о том, что министр иностранных дел может идти через таможню, как обычный пассажир.

По его словам, большинство советских послов за рубежом поддержали ГКЧП. В МИД приходили от них соответствующие телеграммы.

В Свердловск, в «вотчину» Ельцина, с секретной миссией направили вице-преьера российского правительства О.И. Лобова.

– О том, куда он убыл, знали Ельцин, Силаев и я, – говорил впоследствии Р. Хасбулатов.

Миссия Лобова заключалась в создании запасного пункта управления Россией. Резервное правительство расположилось в бункере, оборудованном для военных целей.

Нашлась работа и для министра внутренних дел В.П. Баранникова. От него потребовали доставить для обороны «Белого дома» курсантов учебных заведений МВД.

Министр печати и информации РСФСР М.Н. Полторанин с редакторами ряда проельцинских изданий, закрытых ГКЧП, договорился о выпуске «Общей газеты». Ее первые экземпляры распространялись в «Белом доме» в ночь с 21 на 22 августа.

Руцкой, Силаев и Хасбулатов прибыли к Лукьянову в Кремль. С ультиматумом. Потребовали провести экстренное заседание Президиума Верховного Совета, в течение 24 часов предоставить возможность встретиться с Горбачевым, провести независимое обследование его здоровья с участием специалистов Всемирной организации здравоохранения, отменить действие чрезвычайного положения, распустили незаконно созданный ГКЧП.

Кстати, Ельцин в ходе телефонного разговора с экс-премьером Великобритании Маргарет Тэтчер просил ее возглавить международную медицинскую комиссию для освидетельствования здоровья Горбачева.

Уместно привести и выдержку из публикации в журнале «Пари-матч»: «Если катар верхних дыхательных путей в августе 1986 г. помешал Михаилу Горбачеву принять генерального секретаря компартии Японии, то простуда в июне 1990 г. имела все признаки “дипломатического гриппа”: так или иначе во время политического кризиса в Прибалтике президент СССР не смог встретиться с литовским премьером Казимерой Прунскене.

По нашим сведениям, Михаил Горбачев не страдает никакими хроническими заболеваниями. Но у него имеется выраженная предрасположенность к диабету. Поэтому ему приходится соблюдать режим, исключая не только употребление сахара, но также избыточное количество мяса и жира. Он питается в основном овощами и фруктами. Он совсем не пьет спиртного».

Встреча Руцкого, Силаева и Хасбулатова с Лукьяновым проходила и закончилась в мирной обстановке. Но консенсуса, как любил говорить Горбачев, не достигли. Каждая сторона осталась на своих позициях.

Между тем в Форосе начал проявлять активность Горбачев. Через генерала КГБ Генералова направлял свои заявления в Кремль. 20 августа передал требование восстановить связь, прислать за ним президентский самолет, срочно созвать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов, немедленно приостановить действия ГКЧП.

В 23 часа в Москве ввели комендантский час. В «Белом доме» перед депутатами РСФСР выступил министр обороны К. Кобец. Предупредил, что на час ночи намечено блокирование здания спецназом. Охрану будут обеспечивать около 2000 организованных защитников, среди которых 300 вооруженных профессионалов. Кобец предупредил о возможном применении спецназом так называемых психотропных генераторов.

Вечер и ночь с 20-го на 21-е. Ельцин

О том, что тогда происходило в «Белом доме», написано много. Как очевидцами, так и исследователями. В концентрированном виде основные версии изложены в книге «Ельцин».

«Охрана Ельцина составляла планы спасения Б.Н. в случае начала штурма. Через систему подземных люков и коридоров можно было выйти на другую сторону Москвы-реки к гостинице “Украина”. На этот случай ему приготовили парик и бутафорскую одежду. Другой вариант – подземный бункер, настолько хорошо оборудованный и автономный, настолько прочный (на случай ядерной атаки), что продержаться в нем можно было много дней, до прихода “наших”. В ночь с 20-го на 21-е Ельцин согласился туда пойти. Хотя понимал, что “наши” скорее всего не придут. Все “наши” были в здании и вокруг него (остальные сидели по домам и тихо ждали).

Наконец начальнику службы безопасности пришла в голову идея: вывезти Ельцина в американское посольство, задний двор которого находился через улицу, в 200 метрах от “Белого дома”. Коржаков немедленно связался с дежурным в посольстве, и американцы приняли эту идею с воодушевлением.

Но Ельцин ехать в посольство отказался наотрез!»

«Подробности!» – жаждут в таких случаях нетерпеливые читатели. Еще бы: парик, бутафорская одежда... Сразу в памяти всплывает образ Владимира Ильича.

Подробности? Пожалуйста. Притом первого лица.

Б.Н. Ельцин, книга «Записки президента», год издания 1994. Раздел «Операция “Посольство”»: «Примерно в два тридцать ночи я посмотрел на часы, закрыл глаза и мгновенно отключился. Когда снова началась стрельба, меня растолкали помощники. Повели вниз, прямо в гараже надели бронезилет, усадили на заднее сиденье машины, сказали: “Поехали!”

Когда двигатель “ЗИЛа” заработал, я окончательно проснулся и спросил: “Куда?” Первая, еще полусонная моя реакция – все, начался штурм.

“Белый дом” – огромное здание, одно его крыло выходит на одну улицу, второе – на другую. И в том числе на тот переулок, где американцы выстроили незадолго перед этим новое жилое здание для своего посольства. Добраться туда – пятнадцать секунд. Связались с посольством, американцы сразу же согласились нас принять в экстренном случае. И затем сами звонили, даже приходили, предлагая свою помощь.

Были предусмотрены и другие способы эвакуации. Ни об одном из вариантов мне не докладывали».

Не докладывали? Читаем в воспоминаниях Хасбулатова: «“Жизнь Президента России слишком дорога, чтобы ею рисковать... Считаю, вы сделаете правильно, если прорветесь в посольство, расположенное рядом. Я же должен быть с депутатами и остаюсь с ними”. Повернулся и пошел к лифту».

И все же, пишет Ельцин, узнав, куда они собирались ехать, он категорически отказался покидать «Белый дом»: «С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным. А с точки зрения политики – стопроцентно провальным... Это фактически эмиграция в миниатюре...»

Кроме того, замечает он, у нас не любят, когда иностранцы принимают слишком активное участие в наших делах.

Как же тогда понимать ту радость, которую испытал Ельцин от телефонного звонка президента США Дж. Буша, выразившего слова поддержки? Неспроста, наверное, приходили и визитеры из американского посольства в Москве, о которых Ельцин упомянул в своих «Записках».

И еще любопытная деталь. 12 сентября 1991 года в «Правде» было опубликовано письмо народного депутата РСФСР С. Перуанского под заголовком «Кто же спас Россию?».

«Мало кто знает такой факт: в ночь с 20 на 21 августа сотрудники американского посольства припарковали свои маши-

ны так, что проезжая часть одной из улиц, ведущей к “Белому дому”, была перекрыта, хотя танк прошел бы по ним, как по спичечным коробкам. Скажем же наше русское спасибо иностранным дипломатам за их трогательную солидарность. Россию спасали не одни москвичи. Россию спасла Россия при поддержке мирового сообщества наций».

В итоге Ельцина эвакуировали в бункер – подземное бомбоубежище, где он провел несколько томительных часов в ожидании штурма. Прислушиваясь к доносившимся звукам стрельбы, понимал, что выйти из бункера незамеченным уже вряд ли возможно.

Но штурм не было. Не планировался или отменили?

Ельцин утверждал: все источники информации говорили о том, что ГКЧП к исходу 20 августа принял решение идти на штурм. Сначала он якобы был назначен на вечер 20-го, а затем перенесен на два часа ночи из-за недостатка сил и необходимости новых, свежих соединений, не подвергшихся агитации со стороны москвичей.

Ельцин приводит план этой операции. В нем девять пунктов.

1. Десантники под руководством генерала Александра Лебеда, взаимодействуя с мотострелковой дивизией особого назначения МВД (ОМСДОН), блокируют здание Верховного Совета со стороны посольства США и Краснопресненской набережной, взяв «Белый дом» в кольцо и перекрыв к нему тем самым доступ.

2. ОМОН и десантники вклиниваются в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к «Белому дому» продвигается «Альфа», за ней – группа «Б», а потом – «Волна», подразделение КГБ Москвы и Московской области, в которое входят наиболее физически подготовленные сотрудники.

3. «Альфа» гранатометами вышибает двери, пробивается на пятый этаж и захватывает Ельцина.

4. Группа «Б» подавляет очаги сопротивления.

5. «Волна», разбитая на «десятки», совместно с другими силами УКГБ по Москве и Московской области осуществляет «фильтрацию»: выяснение личности и задержание подлежащих аресту, в числе которых – все руководство России.

6. Включенные в «десятки» фотографы запечатлевают ответный огонь защищающихся, чтобы можно потом сказать, будто те начали стрельбу первыми.

7. Спецназ КГБ блокирует все выходы из здания.

8. Проход в баррикадах проделывают специальные машины. Три танковые роты оглушают защитников пальбой из пушек.

9. С воздуха атаку поддерживает эскадрилья боевых вертолетов.

План был хорош, да случилось непредвиденное. Когда Ельцин поднялся из бункера, ему доложили: есть убитые, 3 человека.

«Во всех интервью и воспоминаниях военных, – излагает свою версию Ельцин, – почему-то упорно называют перемещение колонн бронемашин по Садовому кольцу, от улицы Чайковского к Смоленской площади, “патрулированием” московских улиц. Но это было не просто патрулирование, а последняя, отчаянная попытка какими-то перемещениями техники напугать, расшатать, разбросать толпу у “Белого дома”.

Так или иначе, но в подземном тоннеле на одну из машин набросили брезент, человек прыгнул на броню, раздались предупредительные выстрелы из люка – парень упал. Броневику рванул назад, волоча за собой по асфальту беспомощное тело. Еще двое, бросившихся на помощь упавшему, были застрелены... Ушли из жизни трое молодых ребят: Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов... Случилось то, чего в ту ночь, кажется, не хотел никто – ни военные, ни мы».

Несколько иная трактовка этого трагического происшествия дается в книге «Ельцин», появившейся в 2010 году – спустя шесть лет после выхода «Записок» самого Ельцина: «Три БМП двинулись в туннель под Садовым кольцом, чтобы перебраться на ту сторону Нового Арбата. Молодой защитник “Белого дома” влез на броню и попытался открыть люк, чтобы переговорить с экипажем. Офицер, который решил, что в руках у парня бутылка с зажигательной смесью и он сейчас заживо спалит экипаж, выстрелил в него. Двое других парней, подбежавших, чтобы оттащить упавшее тело, были задавлены машиной, которая неожиданно дала задний ход. Так трагически погибли Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов».

По словам Ельцина, это были жертвы, которые отрезвили всех. Уже наутро под давлением своих заместителей маршал Язов отдал приказ о выводе войск из Москвы.

Вечер и ночь с 20-го на 21-е. ГКЧП

Вечернее заседание ГКЧП, 20 часов. Янаев:

– Москва полна слухов о предстоящем штурме «Белого дома». Может, дать по телевидению официальное опровержение, чтобы успокоить людей. А то уже говорят, что на крышу «Белого дома» высадим десант...

Крючков:

– Не стоит. Это может породить новую волну слухов.

Все согласились: достаточно тех разъяснений, которые члены ГКЧП давали по телефону звонившим российским руководителям.

Крючков заявлял, что больше на заседаниях ГКЧП вопрос о штурме не поднимался и не обсуждался. На заседаниях ГКЧП – да, наверное, так и было. Но в его мемуарах есть туманная фраза о мерах «по локализации возникшей напряженности в районе “Белого дома”».

Некоторые исследователи полагают, что обсуждение этих мер проходило на совещании у заместителя министра обороны В.А. Ачалова. Некоторые историки называют имена участников того совещания, которое якобы проходило в здании Генштаба. Читаем у Р. Пихои: «В совещании у заместителя министра В.А. Ачалова участвовали начальник Генерального штаба М.А. Моисеев, личный советник Президента СССР по военным вопросам маршал С.Ф. Ахромеев, главнокомандующий Сухопутными войсками В.И. Варенников, вернувшийся из Киева в Москву, командующий Воздушно-десантными войсками П.С. Грачев, начальник группы “Альфа” В.Ф. Карпухин, начальник группы “Б” Б. Бесков, заместитель министра внутренних дел Б.В. Громов, первый заместитель председателя КГБ Г. Агеев – всего человек 20–25. Туда же прибыл и А.И. Лебедь».

Среди них, действительно, членов ГКЧП не было.

Но вернемся к тому, с чего начали – вечернему заседанию ГКЧП 20 августа. На том заседании приняли решение об отмене указов Ельцина. Потом вдруг Бакланов заявил, что он выходит из состава ГКЧП. При обыске у него было обнаружено неподписанное заявление, официально адресованное и.о. Президенту СССР Янаеву:

«Уважаемый Геннадий Иванович! В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране считаю дальнейшее

участие в его работе невозможным. Надо признать, что...» На этом заявление обрывалось.

Будучи допрошенным, Тизяков показал: такое заявление было. Он, Тизяков, тоже сделал официальное заявление, что выйдет из ГКЧП, так как не видит смысла быть в нем:

– Нет ничего, кроме говорильни...

Ночью Крючкову позвонил Ельцин, тоже спрашивал насчет штурма. Крючков отвечал ему: никакого штурма не намечается. Согласился: да, надо искать выход из создавшегося положения.

Ельцин предложил ему вместе съездить в Форос к Горбачеву, чтобы обсудить ситуацию. А также выступить с объяснением обстановки на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР.

Крючков посоветовался с Янаевым. Тот был не против поездки Крюčkова с Ельциным в Форос и выступления перед российскими депутатами. Была назначена дата вылета – утро 21 августа.

Крючков впоследствии возмущался интерпретацией цели предполагаемой поездки, содержащейся в книге «Технология переворота» Руслана Хасбулатова. Якобы Крючков решил устранить Ельцина. «Оказывается... “путчисты, конечно, начали готовиться к тому, чтобы сбить самолет, на котором будет лететь Ельцин. Тем более, что они планировали сбить и тот самолет, который должен был привезти из Алма-Аты Ельцина еще 18 августа после подписания договора о сотрудничестве России и Казахстана”».

Между часом и двумя ночи на 21 августа произошло трагическое происшествие, которому Крючков дал совсем иную трактовку, чем Ельцин. Речь идет о трех погибших москвичах – Комаре, Кричевском и Усове.

Взвод БТР, патрулировавший улицы, двигался по Садовому кольцу от площади Восстания. Подойдя к Калининскому проспекту, по тоннелю намеревался проследовать дальше, в сторону Смоленской площади. По словам Крюčkова, никаких мыслей повернуть на Калининский проспект в сторону «Белого дома» у экипажей не было, поскольку выполнялось совершенно другое задание.

«Но, тем не менее, в тоннеле под Калининским проспектом несколько БТР были заблокированы троллейбусами, – пишет Крючков в книге “Личное дело”, – грузовыми машинами, причем

с обеих сторон. Не было возможности ни повернуть обратно, ни продолжать движение вперед. На машины посыпался град камней, тяжелых предметов, полетели бутылки с зажигательной смесью. Машины загорелись, на них лезли возбужденные, а некоторые явно нетрезвые молодчики. Попытки экипажей образумить людей не увенчались успехом. В результате провокации трое из числа нападавших погибли.

Следствие установило, что гибель людей произошла не в результате выстрелов на прямое поражение, а в сутолоке; двое из них были задавлены машинами, одного сразила пуля, которая срикошетила от стен тоннеля. Несколько человек получили ранения, были раненые и среди военнослужащих».

Московская городская прокуратура, проводившая следствие, прекратила уголовное дело, посчитав, что не было состава преступления ни со стороны нападавших, ни со стороны военнослужащих, которые подверглись нападению.

Но это стало ясно впоследствии, а тогда, сразу после трагической гибели трех гражданских лиц, этот эпизод ставился в вину ГКЧП. Понадобилось время, чтобы эйфория от победы над гэкачепистами прошла, и изумленные люди узнали изложенную юридическим языком прокурорского расследования правду об обстоятельствах гибели Д. Комаря, И. Кричевского и В. Усова.

Думаю, что есть смысл привести здесь фрагменты обвинительного заключения по уголовному делу № 18/6214-91. Действительно, нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным.

В ночь на 21 августа 1991 г. в тоннеле на пересечении ул. Новый Арбат с Садовым кольцом, в условиях комендантского часа, в результате столкновения военнослужащих и гражданских лиц погибли Д. Комарь, В. Усов, И. Кричевский, были причинены телесные повреждения другим гражданам.

По этому факту 21 августа прокурором Москвы по признакам ст. 252 УК РСФСР было возбуждено уголовное дело.

12 августа 1992 года уголовное дело о гибели Кричевского, Усова, Комаря соединено в одном производстве с уголовным делом о заговоре с целью захвата власти в стране.

Основанием для этого послужило то, что происшедшее 21 августа 1991 года в районе Садового кольца г. Москвы столкновение гражданских лиц и военнослужащих непо-

средственно связано с преступной деятельностью участников заговора, использовавших вооруженные силы для захвата власти.

Проведенным расследованием установлено следующее.

После ввода войск в Москву, объявления чрезвычайного положения и комендантского часа 20 августа 1991 г. министр обороны СССР Язов приказал коменданту города Калинину для его обеспечения организовать силами войск патрулирование.

Калинин, выполняя это указание, отдал соответствующее распоряжение командирам Кантемировской и Таманской дивизий войск МВО.

Это распоряжение было оформлено шифротелеграммами №№ 5756-281 и 3\345\41-43 от 21.08.91 г. за подписью начальника штаба МВО Золотова.

В частности, командиру Таманской дивизии Марченкову приказывалось организовать патрулирование на выездах с Садового кольца в центр города, выделив для этой цели 760 человек личного состава и 76 единиц бронетехники.

Патрулирование проводилось силами 15 полка, командир которого Налетов довел приказ до командиров батальонов, а они – до личного состава.

В 23 часа колонна БМП выдвинулась на патрулирование, при этом сопровождения колонны автомашинами ГАИ обеспечено не было.

На площади Маяковского был выстроен первый пост, где остался командир полка Налетов, батальон № 1 двинулся направо, а батальон № 2 – налево по Садовому кольцу.

Выставив по ходу движения три поста, командир батальона № 1 Суровикин с 14 БМП подошел к пересечению Садового кольца с проспектом Калинина, где неожиданно обнаружил баррикаду. Об этом Суровикин доложил по рации Налетову. Последний, уяснив из рассказа Суровикина, что препятствие можно обойти, дал согласие на продолжение движения.

При въезде в тоннель БМП и военнослужащие собравшимися гражданами были забросаны камнями, палками, бутылками, другими предметами.

За тоннелем военные обнаружили еще одну, более мощную, чем первая, линию заграждений.

Поскольку путь назад был отрезан, перестроиться в тоннеле БМП технической возможности не имели, а связь

с командиром полка была прервана, Сурувикин принял решение продолжить выполнение стоящей перед ним задачи.

Колонне БМП, двигавшейся по правой стороне Садового кольца, удалось пробить в преграде брешь и пройти через нее.

Из БМП, двигавшихся по левой стороне, не удалось пройти ни одной машине: БМП 601 провалилась в яму, БМП 602 при маневрировании сбросила гусеницу, БМП 535 была зажата между троллейбусами, а другие машины не могли двигаться из-за преграды, созданной ими.

БМП 536, экипаж которой состоял из военнослужащих срочной службы: командира БМП сержанта Семеняги Ю.А., механика-водителя рядового Бульчева, наводчика-оператора рядового Нурбаева Ш.Д., а также командира отделения десанта младшего сержанта Вахрушева П.А. и рядового Баймуратова К.Т., в числе других боевых машин не смогла преодолеть преграды.

Увидев, что БМП, в которой находился командир их роты, прошла преграду, экипаж БМП 536 решил, что они остались одни.

Поскольку из-за повреждения антенного ввода на БМП оборвалась связь с командиром, экипаж самостоятельно принял решение выполнять приказ и продолжать движение вперед.

В то время, когда БМП выходили из тоннеля, находившиеся там граждане бросали в них камни, палки, другие предметы, вставляли в траки арматуру. Сотрудник редакции военного журнала «Морской сборник» Головкин М.А., бросив плащ-палатку на смотровую щель двигавшейся БМП, предложил гражданским лицам последовать его примеру.

Люди стали запрыгивать на БМП, расстегивали брезентовые тенты и закрывали ими обзор экипажу.

Одну из машин накрыли Комарь и Чурин, но она прошла заграждение. Тогда они накрыли БМП 536, однако закрепить брезент не смогли, т.к. механик-водитель Бульчев, маневрируя, сбросил их с машины, а оператор-наводчик Нурбаев, вращая башню, сорвал брезент. Но и после этого у механика-водителя видимость не появилась, поскольку были разбиты смотровые приборы (тримплексы), а смотровая щель накрыта одеждой.

При маневрировании от удара о колонну тоннеля открылся правый люк десанта. Догнавший БМП Комарь проник в десантное отделение.

Автоматчик Баймуратов, находившийся в левом десантном отсеке, полагая, что Комарь старается захватить боекомплект, потребовал от него покинуть БМП, но Комарь, имея в руках ломик, попытался им нанести удар Баймуратову.

На предупреждение последнего о возможном применении оружия он не реагировал, и Баймуратов, не имея намерения поразить Комаря, произвел выстрел.

При движении БМП Комарь выпал из машины в открытый люк, ударился головой об асфальтовое покрытие дороги и получил черепно-мозговую травму, повлекшую его смерть.

Опасаясь проникновения в БМП других лиц, Баймуратов сделал через открытый люк несколько предупредительных выстрелов в воздух. При этом пуля попала в незафиксированную кормовую дверь, и в результате этого осколками оболочки пули получили огнестрельные ранения Хрюнов, Эстров, Веретильный, Чурин, Рыбач, а Усов получил смертельное ранение в голову и уже мертвым был раздавлен гусеницами БМП.

Граждане, оказавшиеся очевидцами гибели Усова, стали наполнять бутылки бензином и бросать их в БМП, которая загорелась. Когда огонь прорвался во внутренние отсеки машины, в сержанта, открывшего люк, бросили камень, а затем – вылили ведро бензина, и он загорелся, получив ожог рук. Отдельные лица препятствовали выходу экипажа из загоревшейся БМП. Не выдержав натиска, военнослужащие переместились к стоящим с другой стороны дороги БМП 520 и БМП 521.

Во время посадки в БМП 521 члены экипажа горевшей машины Баймуратов, Вахрушев и Нурбаев продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. Найдя здесь Кричевский, бросив в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был не установленным лицом убит выстрелом в голову.

Гибель Кричевского остановила проявление активных действий гражданских лиц в отношении военнослужащих. Последние прекратили стрельбу и отошли в тоннель, а затем – к зданию Дома Советов России.

Изложенные выше обстоятельства объективно подтверждаются приобщенными к делу:

– телеграммой ЗАС № 5756-281 от 21.08.91 г. за подписью начальника штаба МВО Золотова, которой командиру 4-й танковой дивизии предписывалось организовать патрулирование территории г. Москвы с привлечением конкретных лиц и средств личного состава (т. 107, л.д. 138–141);

– телеграммой № 31545-43 от 21.08.91 г., которой командиру 2-й мотострелковой дивизии приказывалось организовать патрулирование на выездах с Садового кольца в центр г. Москвы (т. 107, л.д. 194–196).

Свидетель Марченков В.И., бывший командир Таманской дивизии, допрошенный по обстоятельствам организации патрульной службы в г. Москве, показал, что дивизия выполняет особые задачи и в случае объявления повышенной боевой готовности обязана выходить из места постоянной дислокации с боеприпасами. Так было сделано и 20 августа, когда поступил приказ начать патрулирование в условиях комендантского часа. Времени на его организацию не было... ГАИ не обеспечило проезд техники, безопасность движения. Никто не предполагал возможности столкнуться с баррикадами, поэтому инструкций личному составу на преодоление баррикад не давалось. Посты надлежало выставить на Садовом кольце при пересечении его радиальными улицами. На каждый пост выделялись 2 боевые машины и 12 военнослужащих... Ситуация, в которую попали военнослужащие батальона Сурувикина, была непредсказуема, условия экстремальные. Нужно учитывать и то, что солдаты и офицеры выполняли приказ (т. 134, л.д. 76).

Командир полка Налетов А.Г. и врио командира батальона Сурувикин С.В. на допросе показали, что, выполняя приказ командира дивизии о патрулировании в связи с вводом комендантского часа в г. Москве, они должны были выставить 21 пост в районе Садового кольца. На патрулирование вышли на БМП, имея задачу обеспечить порядок и не допускать прохода граждан большими группами. О наличии баррикад на маршруте их движения и как следовало поступать в этой ситуации не знали. Опыта патрулирования в городах, тем более в таких условиях, не имели.

Сурувикин также пояснил, что, пройдя с 14 БМП к Новому Арбату, он увидел перед собой баррикаду из стоявших автомобилей, о чем доложил Налетову. Обойдя по его требованию это препятствие, проследовал дальше. Однако при

выходе БМП из-под моста собравшиеся там граждане стали бросать в них камни, палки, бутылки с зажигательной смесью. Впереди оказалась другая линия заграждения, состоявшая из троллейбусов. Пройти ее смогли 6 БМП, остальные 8 были заблокированы в тоннеле и не имели возможности двигаться ни назад, ни вперед. Приказав экипажам этих БМП закрыть все люки, не покидать машин и докладывать ему обо всем по радиации, он прошел к прорвавшимся БМП и продолжил выполнение поставленной задачи. Об обстоятельствах гибели гражданских лиц в результате столкновения с подчиненными ему военнослужащими ничего не знает (т. 134, л.д. 93–95).

Картину событий, их динамику подробно изложил при допросе свидетель Зуев, показав, что 20 августа 1991 года, в двенадцатом часу ночи он направлялся домой по Калининскому проспекту от здания СЭВ. Когда находился в районе Садового кольца, то услышал автоматные очереди, которые раздавались в районе американского посольства.

Подойдя ближе, увидел колонну БМП, которая следовала в тоннель по Садовому кольцу. Он обратил внимание на то, что в тоннеле несколько машин-водовозов перегораживали проезжую часть. После того как БМП проехали первую баррикаду, они направились в сторону Смоленской площади. Он тоже направился вслед за машинами. Когда подошел, то БМП уже стояли перед баррикадой, сооруженной из троллейбусов. Ему известно, что на Б. Ордынке находится троллейбусный парк, и все троллейбусы были из него. Было примерно три ряда троллейбусов, которые перегораживали Садовое кольцо. Сначала БМП находились в одной колонне посередине Садового кольца. К ним подошли граждане, которые окружили передние машины и стали разговаривать с военнослужащими.

Затем военнослужащие закрыли люки, раздался сильный рев моторов. Он видел, как с БМП 536 упал парень.

Эта машина передней частью стала пробивать баррикаду с правой стороны. В то же время другая БМП с левой стороны тоже пыталась прорваться сквозь баррикаду. Остальные БМП стояли на месте. Подбежали несколько человек, которые накрыли БМП тентом.

После этого БМП, потеряв видимость, отошла назад.

БМП, находившаяся с левой стороны, пробила баррикаду и ей удалось пройти через нее вперед.

БМП 536 проследовала задним ходом и остановилась в тоннеле. Вслед за ней побежали три человека. Затем машина на приличной скорости двинулась вперед.

По ходу движения один из парней догнал и на ходу смог открыть руками заднюю дверь, проникнув вовнутрь.

Он сам находился на расстоянии 10 метров, когда услышал одиночный выстрел и вспышку внутри БМП.

Парень, проникший в машину, выпал, его голова и руки свисали с БМП таким образом, что практически доставали до проезжей части.

Водитель протащил его в таком положении метров 10 и остановился. Он вместе с другими побежал к БМП, но из нее раздалась автоматная очередь.

Когда стрельба прекратилась, то он увидел, что один из окружавших машину парней остался лежать на асфальте.

В это время БМП стала давать назад и корпусом задела еще одного человека, который упал на асфальт.

В БМП стали кидать различные предметы. Это были камни, железки, бревна. В это время увидел, как со стороны Калининского проспекта подъехала автомашина – водовозка. Молодые ребята принесли ящик пустых бутылок. Он и другие лица стали из бака заполнять их бензином. После их закрывали тряпкой и поджигали, а затем бросали в БМП 536. Несколько бутылок разбились и загорелись. В это время с БМП стали стрелять вверх из автоматов, на противоположной стороне, у другой машины, тоже раздавались автоматные очереди (т. 132, л.д. 20–24).

Свидетель Лементуев, дав аналогичные показания, добавил, что отдельные граждане кидали в машины камни, палки сразу после появления техники из тоннеля, а он лично предпринимал попытки разбить экипажу БМП 536 смотровые приборы, чтобы ограничить видимость (т. 132, л.д. 46–48).

Свидетели Семеняга, Нурбаев, Вахрушев, Баймуратов, Булычев – экипаж БМП 536 – показали, что 20 августа в 22–23 часа на построении командир батальона капитан Сурувикин объявил личному составу приказ о патрулировании в г. Москве в связи с введением комендантского часа. Поэтому должны были быть выставлены посты в различных точках Садового кольца.

После расстановки части постов и движения колонны БМП в сторону Смоленской площади, при подходе к тоннелю, они встретили баррикады и большое скопление людей.

Пройдя первую линию баррикад, стали выходить из тоннеля, и в этот момент в них полетели камни, палки, различные предметы.

Гражданские лица брезентом закрывали смотровые щели, палками и камнями пытались разбить смотровые приборы, кидали в машину бутылки с бензином. После возгорания БМП им пришлось из нее эвакуироваться.

При эвакуации Булычева чем-то облили, и на нем загорелся плавжилет.

Среди присутствовавших раздавались крики, призывы отобрать оружие, физически расправиться.

Строительство баррикад на проезжей части Садового кольца, использование для этого подвижного состава общественного транспорта, забрасывание военнослужащих различными предметами, препятствование продвижению боевой техники и повреждение смотровых оптических приборов БМП, проникновение посторонних в десантное отделение БМП 536, поджог этой машины и троллейбусов подтверждаются, кроме приведенных выше доказательств, также:

– показаниями свидетелей Кирсанова, Чубарова, Синева, Яванова, Папиша, Крамзина, Данилова, Зиновьева, Сафонова.

В процессе следствия была обнаружена и приобщена к делу видеопленка, на которой зафиксированы события в ночь с 20 на 21 августа в районе Смоленской площади г. Москвы.

Осмотром видеопленки установлено, что запечатленные на ней события объективно подтверждают показания многочисленных свидетелей об обстоятельствах столкновения военнослужащих с гражданами.

При осмотре военной техники (БТР, БМП) на ней обнаружены повреждения.

В частности, при осмотре БМП 536 зафиксированы вмятины, царапины, деформация, частичное или полное разрушение, а также отсутствие отдельных наружных узлов и агрегатов, смотровых приборов, следы возгорания в виде оплавления металла и вспучивания краски.

Согласно заключениям судебно-медицинских экспертиз военнослужащим Суровикину, Лапину, Буфетскому, Осауленко, Шаньгину причинены поверхностные раны и ссадины на различных частях тела. Булычеву причинен ожог 2-й степени правой кисти. Все повреждения относятся к легким те-

лесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья.

На основе собранных доказательств, оценивая действия гражданских лиц, соорудивших в районе Смоленской площади на пути движения колонны БМП баррикады и оказавших сопротивление, следствие пришло к выводу, что состава преступления они не образуют.

Противодействуя ГКЧП, незаконному вводу войск в город и объявлению комендантского часа, люди вышли на защиту конституционного строя, выполняя свой гражданский долг по ликвидации опасности, угрожавшей законно избранным органам власти, считая, что устранить эту опасность иными средствами нельзя, т.е. действовали в состоянии крайней необходимости (ст. 14 УК РСФСР) (т. 138, л.д. 226–238).

Что касается действий военнослужащих, то оценка им должна быть дана с учетом анализа обстоятельств гибели Комаря, Усова и Кричевского.

Согласно показаниям свидетеля Баймуратова, автоматчика БМП 536, Комарь проник в правый десант автомашины, и появилась угроза захвата боекомплекта. На его предложение покинуть БМП Комарь ответил угрозами и пытался нанести удар ломиком. И лишь после неоднократных предупреждений он выстрелил в направлении Комаря (т. 136, л.д. 23–24).

Аналогичные показания дал свидетель Вахрушев (т. 136, л.д. 17–18).

Изложенные обстоятельства подтвердили члены экипажа БМП 536 свидетели Семеняга, Нурбаев и Булычев, которые узнали о происшедшем со слов Баймуратова (т. 136, л.д. 10–12, 14–15, 20–22).

Кроме свидетеля Зуева, чьи показания подробно изложены выше, проникновение Комаря в БМП 536 и обстоятельства его гибели описали в своих показаниях и другие свидетели происходивших событий.

Потерпевший Чурин С.В. по этому поводу показал следующее: «...Я и Комарь запрыгнули на БМП 536, отстегнули ремни тента и стали распускать его на машине, чтобы закрыть ее. Однако машина переместилась назад к тоннелю, затем вперед, и тент сполз под гусеницы. Спрыгнув с машины, мы стали догонять ее. У БМП от удара о столб тоннеля открылся задний люк, и Комарь прыгнул с него. Раздался

выстрел, и Комарь откинулся назад. Ноги его находились в люке, руки свисали вниз, касались земли и безжизненно болтались...» (т. 137, л.д. 222–224).

Свидетель Андрианов пояснил:

«...Один мужчина ловко вскочил на БМП сзади, сбоку, но это был не тот БМП, на который набрасывали брезент.

В это же время задние двери этого БМП открылись. Кто открыл дверь, он сам или военнослужащие, я не видел. Этот парень как бы ногами стоял в раскрытых дверях БМП, и в это время раздается вспышка изнутри машины. Выстрел был не слышен, так как стрельба шла непрерывно. Затем тот БМП, у которого по пояс свисает труп человека головой наружу, стал делать хаотичные движения...» (т. 132, л.д. 6–7).

Приведенное выше подтвердили также свидетели Черногуз, Ткачев, Дмитриенко и другие (т. 132, л.д. 54–57, 145–147, 150–152).

По заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, смерть Комаря наступила от черепно-мозговой травмы сразу после ее получения. Повреждения могли образоваться при падении головой книзу с движущегося транспортного средства и последующим волочением тела в положении головой книзу. Об этом свидетельствуют характер, расположение и механизм повреждений: отсутствие каких-либо повреждений на нижней половине тела, наличие признаков ударных воздействий и действий по касательной к поверхности тела, характер включения в раны на лице и особенности повреждений одежды, в частности, наличие дефектов ткани рукава, свитера, расположение и характер повреждений на левом полуботинке. Признаков огнестрельного ранения (пулевого, осколочного) при исследовании трупа Комаря и его одежды не обнаружено (т. 137, л.д. 122–140).

Вывод экспертов о механизме травмы, повлекшей смерть Комаря, подтверждается показаниями очевидца событий Вострякова, который по этому поводу пояснил: «..БМП ушел в тоннель... Я увидел, что задний люк открыт, Комарь находится в салоне, держится за поручень... Танк качнулся назад, Комарь свесился с него. В момент падения он ударился об асфальт, и мозги брызнули из головы...» (т. 132, л.д. 93–94).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что причиной смерти Комаря является не выстрел Баймуратова, а его падение с БМП.

Видя, что за БМП продолжают бежать люди и желая воспрепятствовать их проникновению в десантный отсек, Баймуратов, убедившись, что в проеме двери никого нет, произвел через нее предупредительные выстрелы в воздух.

В этот момент был смертельно травмирован Усов, получили огнестрельные ранения Чурин, Хрюнов, Рыбач, Веретильный, Эстров.

При осмотре БМП 536 на задней правой дверце обнаружены огнестрельные повреждения (т. 133, л.д. 106–115).

Из заключения судебно-баллистической экспертизы следует, что одно из этих повреждений образовано при выстреле оболочечной пули 5,45 мм калибра, другое – оболочечной пулей 5,45 мм или 7,62 мм калибра (т. 135, л.д. 16–17).

По показаниям свидетеля Зиновьева, в тот момент, когда люди подошли к БМП, чтобы снять труп Комаря, из десантного отсека раздался выстрел (т. 131, л.д. 149–150, 153).

Нахождение Усова в момент выстрела возле БМП 536 подтверждается показаниями свидетелей Данилова, Крамзина и других (т. 131, л.д. 129–132, 146–147, 142–143).

По заключению судебно-медицинской и комплексной медико-криминалистической экспертизы смерть Усова наступила от сквозного огнестрельного ранения в голову, которое могло быть причинено пулей 5,45 мм из автомата Калашникова (АК-74).

Огнестрельное ранение Усову причинено в тот период времени, когда он находился около двери правого десантного отсека БМП 536. При этом стрелявший находился спереди и слева от головы Усова в зоне траектории полета пуль, причинивших огнестрельные повреждения на внутренней стороне двери десантного отсека БМП 536 (т. 137, л.д. 82–89).

Судебно-медицинскими экспертизами установлены: огнестрельные ранения осколками оболочки пули – у Чурина и Хрюнова, осколочные ранения у Рыбача, сквозное пулевое огнестрельное ранение у Веретильного, пулевое ранение у Эстрова (т. 137, л.д. 229–230, 196–297, 308–309, 262–263).

Из показаний эксперта-баллиста Сониса следует, что при попадании в кормовую дверь возможно разрушение оболочки автоматных пуль. Учитывая крайне малое расстояние выстрела, фрагменты пуль обладают достаточным количеством кинетической энергии. При попадании в тело человека этих фрагментов они могут причинить повреждения различной степени тяжести (т. 135, л.д. 90–91).

Анализ приведенных доказательств позволяет следствию прийти к выводу о том, что в условиях нападения на БМП Баймуратов, обеспечивая собственную безопасность и безопасность экипажа, произведя через открытую дверь предупредительные выстрелы вверх, не мог и не должен был предвидеть, что незафиксированная поврежденная дверь в результате маневрирования БМП в момент выстрела пересечется с трассой пули, в результате чего будет смертельно травмирован Усов, а части оболочки ранят Чурина и других, поэтому в его действиях состав преступления отсутствует.

Смерть Кричевского наступила от одиночного огнестрельного пулевого сквозного ранения головы. Выстрел мог быть произведен от БМП 520.

Ввиду отсутствия в трупe пули идентифицировать оружие и установить, кем конкретно был произведен выстрел в Кричевского, не представилось возможным.

Не удалось восполнить этот пробел и путем допросов очевидцев происшедшего.

Против Калинина Н.В., Марченкова В.И., Налетова А.Т., Сурувикина С.В., Семеняги Ю.А., Нурбаева Ш.Д., Захрушева Г.А., Баймуратова К.Т., Булычева Н.И. дело прекращено.

Думаю, небезынтересно привести мнение генерала армии Варенникова об этом ключевом эпизоде трехдневного «путча».

– Упреки в адрес ГКЧП, конечно, справедливы: он не довел дело до конца. По обе стороны баррикад была молодежь. Ее и на провокацию подтолкнули: засаду сделать в полутора километрах от «Белого дома», на Садовом кольце. Там заблаговременно посадили американских и других кино- и телерепортеров, чтобы они снимали эпизод, о котором никто не знал: ни милиция, ни, конечно, войска, осуществлявшие патрулирование и попавшие в засаду...

Так это была преднамеренная провокация? Слова Варенникова подтвердил генерал-майор КГБ В. Широнин:

– В те дни сотрудники КГБ, контролировавшие действия ряда иностранных разведчиков, прикрывавшихся журналистскими удостоверениями, предугадывали по их перемещениям «горячие точки» Москвы, которые могли стать эпицентром событий. Срочная их передислокация от «Белого дома» к Садовому кольцу вначале была для контрразведки непонятной. Но когда там произошла трагедия с поджогом БМП и гибелью трех молодых людей, все встало на свои места.

Глава 7

21 АВГУСТА. ТРЕТИЙ ДЕНЬ «ПУТЧА»

Утро 21-го. ГКЧП

В 8 часов утра началось заседание коллегии Министерства обороны. Историк Р. Пихоя пишет, что на том заседании большинство генералов высказалось за необходимость вывода войск из Москвы, перевода Вооруженных сил из повышенной боеготовности в постоянную.

Так и было.

Коллегия Министерства обороны СССР 21.8.91 г. в 08.00 рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введенного в отдельных местностях СССР 19 августа с.г. решением Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Для реализации мер, предусмотренных Конституцией СССР и Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», привлечены отдельные подразделения и части Советской Армии. Перед ними поставлены задачи по обеспечению стабильности обстановки, предотвращению возможных провокаций экстремистских сил, охране важнейших государственных учреждений, коммуникаций.

Воины этих подразделений и частей с достоинством и честью выполняют свой конституционный долг, добросовестно решают поставленные перед ним задачи. Они, как и весь личный состав армии и флота, отчетливо осознают, что их участие в реализации мер чрезвычайного положения направлено на претворение в жизнь воли советских людей, выраженной в итогах всенародного референдума, на сохранение и упрочение единой для всех народов страны многонациональной Родины – Союза ССР.

Время, прошедшее с момента введения чрезвычайного положения, показало, что личный состав в основном выполнил задачи, поставленные перед ним руководством страны.

Ввиду этого коллегия Министерства обороны СССР считает целесообразным осуществить планомерный вывод воинских подразделений и частей из мест, где они находились для стабилизации обстановки, в ППД.

Коллегия Министерства обороны СССР заявляет, что Советские Вооруженные Силы были, есть и будут частью народа, верным защитником его коренных жизненных интересов. Они твердо поддерживают политику перестройки, обновления советского общества, сохранения и упрочения международного мира и всеобщей безопасности и всегда готовы обеспечить достаточную и надежную оборону нашей страны.

МОИСЕЕВ, 21.8.91 г.

КОЧЕТКОВ, 21.8.91 г.

Министру обороны Язову рекомендовалось выйти из состава ГКЧП. Язов согласился со всем предложениями, кроме одного: выхода из ГКЧП.

– Это мой крест, – заявил он. – Буду нести его до конца. Я попал в состав ГКЧП по должности, выйти уже не могу. И добавил: – Я не мальчишка: сегодня одно, а завтра – другое.

После чего подписал шифрограмму: «Войскам, привлеченным для решения задач по охране важнейших военных и административных объектов и стабилизации обстановки в городах Москва, Ленинград и некоторых других местах, 21 августа 1991 года начать возвращение в исходные пункты. Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных сил СССР, приведенные ранее в повышенную боевую готовность, привести в состояние постоянной готовности».

Язов не явился на утреннее заседание ГКЧП. Вместо него поехал Варенников. Когда он сообщил о решении Язова, все возмутились:

– По какому праву он единолично отменил решение ГКЧП о вводе войск?

Тогда они решили ехать к нему сами.

В 10 часов утра Крючков и несколько членов ГКЧП, а также Шенин, первый секретарь МГК КПСС Прокофьев и Плеханов были уже в кабинете Язова на Фрунзенской набережной.

Министр обороны встретил их внешне спокойно, но потом дал волю своим эмоциям. Высказал недовольство бездействи-

ем ГКЧП. Подтвердил свой приказ о выводе войск из Москвы и отмене комендантского часа, введенного 20-го вечером.

Что там происходило? Крючков описал совещание в общих чертах. «Обсудили обстановку, ночное кровопролитие и пришли к выводу, что далее рисковать нельзя, и потому решили прекратить деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, выехать в Форос к Горбачеву, еще раз доложить ему обстановку, попытаться убедить принять какие-то шаги для спасения государства от развала».

«Подробности!» – наверняка потребуют любознательные читатели. Подробности кроются в словах: «Язов, вы предали нас...»

Позднее заместитель министра обороны генерал-полковник В. Ачалов рассказывал: «Перед коллегией министерства обороны, назначенной на 8 утра Язовым, я стал свидетелем его разговора с Крючковым. Разговор был жесткий. Язов говорил в трубку: “Я выхожу из игры. Сейчас собирается коллегия, которая примет решение о выводе войск из Москвы. Ни на какие совещания к вам я не поеду!” Оторопевшие руководители ГКЧП поспешили к нему сами».

Ачалов подтвердил, что приехавшие в течение полутора часов уговаривали Язова не выводить войска и не отстраняться от участия в начатом деле. Но переживания от гибели трех человек на Садовом кольце были настолько велики, что Язов упорно стоял на своем: он не будет отменять приказ:

– Если не убрать армейские подразделения, вряд ли удастся избежать новых столкновений. Достаточно поджечь один танк с боекомплектом, и быть большой беде.

Атмосферу, в которой происходил разговор, передает протокол допроса Язова после его ареста. Бакланов, теряя терпение, нервно спросил:

– Зачем тогда надо было начинать?

– Что ж, мы начали, чтобы стрелять? – ответил он. – Умели напасть, надо уметь и отвечать.

– Как они реагировали на это? – спросил следователь.

– Бурно. Все реагировали очень бурно.

На вопрос, в чем заключалась миссия приехавших, Язов ответил:

– Уговорить меня продолжать действовать.

– Кто конкретно призывал к этому?

– Крючков призывал, говорил, что не все потеряно, что нужно вести какую-то «вязкую борьбу». Тизяков, несколько нервничая, высказал в мой адрес целую тираду: «Я... воевал, прошел фронт. У меня нет никого. Только приемный сын. Он один проживет. Я готов на плаху. Но то, что вы, Дмитрий Тимофеевич, сделали, – это подлость...» Прокофьев начал: «Я провел совещание, обнадежил людей, а вы предаете...» Спрашиваю: «Ну хорошо, скажи, что делать? Стрелять?»

Из дальнейших показаний Язова: «Предложил лететь к Горбачеву, включить связь, сказать правду народу. “Другого выхода нет, не понимаете, что ли?” – спрашиваю их. Кто-то вспомнил о Лукьянове, дескать, надо с ним обсудить обстановку. Я Крючкову говорю: “Вы все знаете, кто где находится. Звоните ему”. Крючков пригласил Лукьянова. Когда приехал Лукьянов, я сказал ему, что решил ехать к Михаилу Сергеевичу.

Крючков вдруг стал говорить, что он договорился с Ельциным выступить на сессии Верховного Совета России. Я ему говорю: “Ты можешь выступить, а мы полетим. Только напиши записку, кто там дает распоряжение, чтобы Горбачеву связь включили”.

Крючков сказал, что тоже полетит. По времени было часов двенадцать. Решили лететь: Лукьянов, Бакланов, Тизяков, Крючков... Все были такие возбужденные, ходили, нервничали, курили. Ну, в общем, переругались. Здесь бы я подтвердил слова Ельцина: “Пауки в банке перегрызлись”».

Утро 21-го. Ельцин

В 10 часов утра и.о. председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов открыл чрезвычайную сессию российского парламента. Повестка дня: «О политической ситуации в РСФСР, сложившейся в результате государственного переворота».

Хасбулатов назвал ГКЧП самозванной хунтой, отстранившей от власти законного президента страны, осуществившей контрреволюционный государственный переворот. Заговорщики ставили своей стратегической задачей отстранение от власти российского руководства, захват и интернирование президента России, прогрессивных деятелей Верховного Совета и правительства.

Затем слово было предоставлено Ельцину. Он сообщил о тех указаниях, которые были приняты им как российским президентом и попросил их утвердить, поскольку такие решения требовали согласия парламента.

Выступил советник Горбачева Г.Х. Шахназаров. Сказал, что отдыхал в санатории на южном берегу Крыма.

– Михаил Сергеевич несколько раз связывался со мной по телефону, – сообщил он. – Как обычно, он продолжает интенсивно работать и на отдыхе. Мы обсудили ряд предстоящих мероприятий, в частности, его выступление при подписании Союзного договора 20 августа. В последний раз президент позвонил мне 18-го числа в 16.00. Я запомнил это время, потому что только что вернулся с прогулки и механически взглянул на часы. Он сказал: «Ну как, завтра едем?» Был назначен отъезд на вечер 19-го числа.

Далее Шахназаров пересказал разговор с Горбачевым.

– Он спросил, какие новости. Поделится своими оценками некоторых выступлений в печати. В разговоре я поинтересовался, как он себя чувствует, как его здоровье, потому что знал о его радикулите. Он сказал: «Все хорошо, меня подлечили, все нормально».

Беззаконными и неприемлемыми назвал решения ГКЧП член Совета безопасности СССР В. Бакатин.

Депутаты поддержали все действия и одобрили все указы Ельцина, предпринятые им в отношении ГКЧП. Проголосовали также за смещение с должностей всех руководителей регионов, заявлявших о поддержке ГКЧП.

Сессия приняла решение для установления контактов с Горбачевым направить в Форос делегацию в составе вице-президента А. Руцкого, главы Совета министров И. Силаева и группы народных депутатов России.

Но гэкачеписты их опередили. В 14.15 из аэропорта Внуково вылетел президентский самолет Ил-62 с членами ГКЧП Крючковым, Язовым, Баклановым и Тизяковым на борту. Тем же самолетом выразили желание лететь Лукьянов и Ивашко.

По словам главкома ВВС Е.И. Шапошникова, Борис Николаевич позвонил ему и спросил, нельзя ли воспрепятствовать их полету? На что Евгений Иванович ответил, что, кроме того как сбить самолет, другой возможности не имеется. Однако Ельцин отверг такой вариант.

Этот эпизод можно было бы принять за шутку или за очередную миф, которых тогда ходило множество, но он имеется в показаниях Шапошникова по делу ГКЧП. Евгений Иванович признавался, что он позвонил начальнику Генштаба М.А. Моисееву и высказал ему мнение о том, чтобы приземлить самолет на каком-нибудь другом аэродроме. Однако Моисеев категорически отказался от этой идеи и посоветовал Шапошникову, чтобы тот не занимался не своим делом. Самолет ведь президентский, и менять его маршрут никто не имеет права.

Президентский самолет, на котором летели члены ГКЧП, был оборудован надежными средствами связи, а на земле у ГКЧП остались надежные люди. В 15.20 Лукьянову стало известно о попытке воспрепятствовать полету, и, как потом скажет на следствии, он поверил этому.

После полудня 21-го. ГКЧП

Узнав, что гэкачеписты выехали в аэропорт Внуково и могут прилететь Форос раньше, чем делегация российского руководства, Ельцин, находившийся на сессии Верховного Совета, снова взял слово и сообщил депутатам, что намерения Крюкова и его сообщников не известны и надо обязать «Аэрофлот» блокировать их вылет.

Но было уже поздно – самолет с членами ГКЧП находился в воздухе.

Еще из машины по пути во Внуково Крюков связался с Янаевым. Сообщил, что они отправляются в Форос, и спросил, не хочет ли присоединиться и он. Янаев ответил: надо же кому-то остаться в Москве.

Потом Крюков признавался: у обоих возникло предчувствие, что это, возможно, их последний разговор по телефону.

В самолете большую часть пути молчали, изредка созванивались с Москвой, узнавали обстановку. Линию поведения на встрече с Горбачевым не вырабатывали. На понимание с его стороны надеялись слабо.

После полудня 21-го. Ельцин

В 16.52 из Внуково вылетел в Форос Ту-134. На борту – Руцкой, Силаев, министр юстиции РСФСР Н. Федоров, члены Совета безопасности СССР Бакатин и Примаков, председатель ЦКК Компартии РСФСР Н. Столяров и 10 народных депутатов РСФСР.

Слово Силаеву: «Мы торопились, – давал он свидетельские показания по делу ГКЧП, – так как у нас было предположение, что они (члены ГКЧП, вылетевшие в Форос раньше. – В.С.) хотят что-то сделать с Горбачевым или куда-то его увезти. Чтобы обезопасить себя, мы обратились в четыре посольства, поставив их в известность о целях нашей поездки, а также предложив им по возможности выделить нам в подмогу кого-нибудь из дипломатов. Но так как мы вылетали в срочном порядке, то успели взять только французского дипломата. Я приглашал также Яковлева и Шеварднадзе, но они по какой-то причине не смогли полететь. Согласились с нами отправиться члены Совета безопасности Примаков и Бакатин, а также министр юстиции РСФСР Н. Федоров».

Делегация хотела лететь на свободном самолете Ту-134, который находился во Внуково. Но его охраняли люди из КГБ. Пройти в салон помог заместитель министра внутренних дел РСФСР А. Дунаев.

С российской делегацией в самолет прошли помощник Руцкого полковник А. Стерлигов и более 30 офицеров МВД и Службы безопасности Ельцина, а также журналисты, собравшиеся в аэропорту. В 19.15 Ту-134 совершил посадку в Бельбеке. Милиционеры остались в самолете – на всякий «пожарный» случай.

«Мне дали команду выйти на Московский округ ПВО и отслеживать полет, – делился своими заслугами председатель КГБ РСФСР, член коллегии КГБ СССР В.В. Иваненко, – чтобы в пути ничего не случилось».

Я связался с командующим Московским округом ПВО, установили самый прямой контакт и отслеживали весь полет. Он докладывал каждые 20 минут. Мы знали, что их не приняли в Симферополе, в Бельбеке дважды сесть не смогли...

Удалось связаться с председателем Верховного Совета Крыма Николаем Багровым. Договорились, что он выезжает в Форос и будет отслеживать развитие событий со стороны. Об этом «источнике» не знал никто. Именно от него стало известно,

кто в какой самолет садится, какой самолет раньше вылетает. Это было очень важно».

Помощник Горбачева А. Черняев красочно описал встречу российской группы с Горбачевым: «Руцкой, Силаев, Бакатин, Примаков, российские министры и парламентарии бросились к Горбачеву за балюстрадой на втором этаже дачи. И потом разговор вразной – кто во что горазд, один другого перебивает, каждый хочет поскорее сообщить “самое важное”...»

Горбачеву о вылете гэкачепистов, а вслед за ними российского руководства стало известно из сообщений по радио. Раиса Максимовна подумала, что надо спрятать Михаила Сергеевича: мол, они летят, чтобы реализовать наконец-то то, что они задумали. Ей стало плохо, и, по словам Михаила Сергеевича, она потеряла речь, отказала левая рука...

После отъезда российской делегации в Форос в кабинете у Ельцина собрались люди из его ближнего круга. Обсуждали, что делать с членами ГКЧП.

По словам Генпрокурора РСФСР Степанкова, прежде всего нужно было заручиться поддержкой Генерального прокурора СССР Трубина. Среди заговорщиков были депутаты союзного парламента. Российская прокуратура не имела права не то что их арестовать, она не могла даже возбудить против них уголовного дела. Кроме того, неясно было, чем закончится форосский рейс Руцкого.

«И на том совещании у Ельцина я стал добиваться, чтобы президент воздействовал на Генерального прокурора СССР, – делился своими воспоминаниями Степанков. – Только Трубин мог придать предстоящим арестам легитимность. Только он мог получить от Верховного Совета СССР согласие на лишение депутатского иммунитета подлежащих аресту лиц. В итоге трудных телефонных переговоров российского президента с Генеральным прокурором СССР была достигнутая принципиальная договоренность о сотрудничестве прокуратур России и Союза».

Ситуация прояснилась около 18 часов, когда Горбачев из Фороса позвонил Ельцину. Степанков, по его словам, убедился, что Михаил Сергеевич здоров, был насильно изолирован, а ГКЧП действовал, не получив от него никаких полномочий.

«После телефонного разговора с Горбачевым, – описывает дальнейшие события Степанков, – Трубин объявил о возбуждении уголовного дела против организаторов антиконституци-

онного переворота. На аресты он пока не решался. Но зато дал понять, что не против того, чтобы дать карт-бланш прокуратуре России. Теперь я имел и основания, и возможности для принятия правовых решений: о возбуждении уголовного дела, задержании и арестах. Времени было в обрез. А дел – невпроворот. Я, Лисов и несколько следователей срочно готовили необходимые документы. Компьютеров у нас тогда не было. Печатали на пишущих машинках прямо у меня в кабинете. Я быстро вычитывал, подписывал, ставил печать...»

На вечернем заседании чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР Хасбулатов предоставил слово Ельцину для срочного сообщения. Слово – стенограмме заседания.

«На сегодняшний час, – пафосом в голосе объявил он, – задержаны и находятся в соответствующих определенных местах бывший министр обороны Язов (*аплодисменты*), бывший председатель Комитета госбезопасности Крючков (*аплодисменты*). В связи с тем, что председатель Кабинета министров Павлов находится в больнице, к нему приставлена соответствующая охрана (*аплодисменты*). Взят под стражу Янаев (*аплодисменты*). Взят под стражу генеральный директор завода имени Калинина Тизяков (*аплодисменты*). И сейчас группа поехала домой к министру внутренних дел, бывшему министру Пуго (*аплодисменты*).

Едва умолкли аплодисменты, как раздался громкий, привыкший повелевать, голос. Это был председатель российского правительства Иван Силаев: «Я хочу сказать о том, чего пока не знают многие члены Верховного Совета о Лукьянове. По существу, он был главным идеологом всего происшествия (*аплодисменты*). Он был главным идеологом этой хунты (*аплодисменты*)”».

Позднее Ельцин напишет в своих «Записках президента» такие строки о Силаеве: «Вечером 19 августа ко мне в кабинет в “Белом доме” зашел Председатель Совета Министров Иван Степанович Силаев и сказал: “Борис Николаевич, простите, но я уйду домой. Хочу быть с семьей в эту ночь”. И в его глазах я прочитал: “Поражение неизбежно, я старый человек, хочу в последний раз увидеть жену и детей”».

Первой моей реакцией была какая-то растерянность... В конце концов политики – не самураи, клятву кровью они не подписывали. Я Ивана Степановича прекрасно понимал. И все же

это был уход одного из лидеров. А значит – тяжелый моральный удар по оставшимся. Поэтому этот эпизод постарались обставить как необходимую меру предосторожности – один из руководителей России должен был оставаться вне стен “Белого дома”».

Вечер 21-го. ГКЧП

Самолет с членами ГКЧП через два часа полета совершил посадку на аэродроме Бельбек. Оттуда на машинах – в Форос. Горбачеву, естественно, доложили об их прибытии, но он не торопился принимать. В томительном ожидании провели почти четыре часа.

«Прибывшие сразу потребовали встречи, – описывал ситуацию Горбачев. – Я велел охране, уже зная, что они едут, занять позиции в доме и около него, быть готовыми открыть огонь, если будут предприниматься попытки войти на дачу без моего разрешения. Такая попытка была со стороны Лукьянова и Ивашко, которые говорили охране, что они не имеют ничего общего с путчистами, и повторяли это мне, когда я в конце концов все-таки их принял».

От имени Горбачева прибывшим передали, что в Форос вылетела российская группа, ее ждет Михаил Сергеевич и примет раньше. А уж потом – их, гэкачепистов. Так что, ждите...

Им стало ясно, к чему клонилось дело. Могли ли они немедленно выехать на аэродром и возвратиться в Москву? Крючков впоследствии говорил: такая возможность была. Но они не воспользовались ею, потому что прилетели в Форос с добрыми намерениями

«Можно было бы обратиться к местным военным, – вспоминал он, – и наверняка получить у них поддержку. Однако в наши намерения входило совсем другое. Мы прибыли доложить обстановку, объяснить наши действия, рассказать, что произошло в стране за истекшие двое суток и какие выводы из всего этого напрашиваются. Мы вовсе не собирались просить у Горбачева о каком-то снисхождении или милосердии лично для себя».

Лукьянов и Ивашко действительно проследовали к Горбачеву. Они вернулись к остальным и сказали, что разговор был относительно спокойный. Михаил Сергеевич примет Крючкова

и других, но только после встречи с делегацией российского руководства. Она уже на подъезде к Форосу.

Делегация прибыла около 18 часов и сразу же проследовала к Горбачеву. Они беседовали около двух часов, и все это время Крючков и приехавшие с ним терпеливо ждали.

В комнате, в которой они сидели, работал телевизор. Тональность новостей изменилась. Она стала откровенно осуждающей, а к вечеру – клеймящей ГКЧП. Звучали призывы строго покарать гзачепистов.

Тизяков, сидевший рядом с товарищами, узнал из теленовостей, что его освободили от должности президента Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, а в Свердловске, где он возглавлял научно-производственное объединение «Машиностроительный завод им. М.И. Калинина», требуют снятия его с должности.

Из дневника Р.М. Горбачевой: «...В 17.45 связь была включена. Через 73 часа. Изоляция кончилась! Арест тоже!»

О включении связи. А была ли она выключена? Историк Р. Пихоя в своей книге «Советский Союз: История власти. 1945–1991» (с. 684) после фразы «Сейчас же были восстановлены средства связи» сделал следующую сноску:

«Вопрос о том, были ли эти средства связи полностью выключены, до сих пор остается неясным. Есть свидетельства, что телефонная связь у Горбачева была и ею пользовались сотрудники охраны Горбачева с его ведома, как и специальное средство связи Президента СССР, которое КГБ не мог отключить».

После возвращения Горбачева из Фороса и ареста членов ГКЧП в общем хоре обличений и разоблачений, которыми была полна пресса, осталось мало замеченным мнение Валентина Занина, генерального директора ленинградского производственного объединения «Сигнал».

«Ознакомившись с версией М.С. Горбачева, – заявил он, – изложенной письменно в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать Президента СССР от связи невозможно. Я являюсь одним из производителей различных средств связи, и изоляция живого и несвязанного президента возможна только при демонтаже основного оборудования, изъятии его и вывозе, чего не было сделано, как явствует из сообщения. Это многие

тонны. То есть был случай добровольного невыхода на связь... 24.08.91. Занин».

К письменной информации Валентин Занин добавил устно: «Вы должны отдавать себе отчет в том, что это не дача или, во всяком случае, не только дача. Это один из основных пунктов управления страной, на котором расположены многочисленные системы связи, не зависящие друг от друга. Можно отключить электричество, тогда будет действовать местная динамомашина, если выйдет из строя она, можно включить аккумулятор. Если выйдет из строя аккумулятор, то питание для системы связи можно обеспечить от ручного устройства. Если этого нельзя сделать, то есть еще одна система связи, о которой я не могу сказать. Для этого президенту достаточно иметь только авто-ручку и лист бумаги, чтобы обеспечить себе связь со страной».

Горбачев назвал это откровенной белибердой: «Все виды связи были отключены раз и навсегда». Что ж, у него своя правда.

Кстати, а у Лукьянова – тоже своя. 16 февраля 1993 года в телепрограмме Андрея Караулова «Момент истины» Лукьянов поведал немало интересного об августовских днях 1991 года. В частности, утверждал, что на даче в Форосе у Горбачева было два работавших телефона, по которым, по словам Лукьянова, не составляло труда связаться с Москвой. Кроме того, охрана Михаила Сергеевича подчинялась лично ему, а вовсе не руководству КГБ. А это означало, что она не препятствовала его свободе.

Из дневника Р.М. Горбачевой (продолжение): «Вошла Иринка: “В дом пытались пройти Плеханов и Ивашко. Остановил у входа Борис Иванович: «Приказ – никого не впускать. Будем стрелять!» Плеханов сказал: «Я так и знал... эти будут стрелять». Развернулись и ушли назад. Папа продолжает говорить по телефону”.

Зашел Михаил Сергеевич. Спросил, как я себя чувствую. Сказал, что не стал разговаривать (несмотря на неоднократные попытки с их стороны) ни с кем из заговорщиков.

Сразу переговорил с Борисом Николаевичем Ельциным: “Михаил Сергеевич, дорогой, вы живы? Мы 48 часов стоим на-смерть!” Переговорил с другими руководителями республик. Джордж Буш и Барбара передали мне привет, сказали, что три дня молились за нас.

Показал записку, подписанную Лукьяновым и Ивашко: “Уважаемый Михаил Сергеевич! Большая просьба по возможности принять нас сейчас. У нас есть что доложить вам”. Сказал: “Вообще я не буду принимать Крючкова, Бакланова, Язова. Не о чем мне теперь с ними говорить. Лукьянов и Ивашко... Может быть, приму – потом. Жду российскую делегацию”.

...Прибыла делегация. Руцкой, Силаев, Бакатин, Примаков, Столяров, Федоров, депутаты, пресса. Все в доме. Снизу, с первого этажа, доносятся радостные, возбужденные голоса...

Попросила Ирину, чтобы ко мне пришли женщины, кто в эти дни был здесь, в доме с нами. Мы обнялись, всплакнули. Я поблагодарила их за все, что они сделали для нас и что поделили с нами.

Вошел Анатолий: “Михаил Сергеевич дал команду – собираться. Улетаем. Вещи пусть остаются. Их упакуют и отправят следующим рейсом, на котором вылетят все “наши москвичи”».

«Связался с Бушем, – говорится дальше в воспоминаниях Горбачева. – Начал отдавать распоряжения. Прежде всего отстранил Язова от должности, возложил обязанности министра обороны на Моисеева (начальник Генерального штаба. – В.С.) и обязал его обеспечить посадку в Бельбеке самолета, которым летели Руцкой и другие товарищи. Дал указание начальнику правительственной связи отключить все телефоны у членов ГКЧП. Коменданту Кремля – взять под охрану Кремль и изолировать всех оставшихся там путчистов».

Перед вылетом отделили Крючкова от группы, ожидавшей аудиенции у Горбачева, под предлогом того, что Горбачев с ним побеседует в самолете по пути в Москву.

Его усадили в отдельную машину в общий кортеж, который двинулся из Фороса в аэропорт Бельбек. Там провели в самолет, на котором в Форос прилетел Руцкой. Почему разместили именно в тот самолет? По словам Руцкого, «с ним на борту точно не соьбют».

В самолете Крючкова встретил помощник Руцкого А. Стерлигов. Он сказал: ему приказано сопровождать, поэтому хотел бы сесть рядом.

Самолет взлетел в 23 часа. Ждал ли Крючков, что его во время полета позовет Горбачев? И да, и нет. Надежда, хотя и маленькая, все же была. Но когда передали, что в самолете переговорить не удастся и что Михаил Сергеевич перенес встречу

на 22-е, Крючков все понял. И все же спросил: в какое время? Ему ответили:

– Об этом будет сообщено дополнительно.

Горбачева с семьей расположили в отдельном маленьком салоне. Михаил Сергеевич пригласил Руцкого, Силаева, Бакатина, Примакова, Черняева и сотрудников своей личной охраны. Праздновали освобождение из форосского «плена», рассказывали Михаилу Сергеевичу, как они поднимали народ на борьбу против ГКЧП.

Не скрывали радостного возбуждения и Бакатин с Примаковым. Они предусмотрительно прихватили с собой текст своего заявления, с которым выступили 20 августа, и он пошел по рукам. Раиса Максимовна настолько расчувствовалась, что оставила его у себя.

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц, – говорилось в нем. – По имеющимся у нас данным, Президент СССР М.С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас, как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

В Форосе оставались Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов и Тизяков. Их усадили в Ил-62, который взлетел с аэродрома Бельбек минут через 15–20 после взлета Ту-134 с Горбачевым на борту. Там же в отдельном отсеке под присмотром Стерлигова находился и Крючков.

Между тем в Москве происходили важные события. Собрался Президиум Верховного Совета СССР – в отсутствие Лукьянова, который улетел в Форос. Заседание вел председатель Совета Союза И.Д. Лаптев.

Лукьянов поручил ему и председателю Совета национальностей Р. Нишанову назначить заседание на 22 августа, к моменту возвращения из Фороса. Однако они собрались 21-го.

Признали незаконным фактическое отстранение Горбачева от исполнения его конституционных обязанностей президента СССР и передачу их вице-президенту Янаеву. Потребовали от Янаева немедленной отмены его указов и основанных на них постановлений о чрезвычайном положении как юридически не-

действительных с момента их подписания. Решили внести на рассмотрение внеочередной сессии Верховного Совета СССР предложение о создании депутатской комиссии для осуществления контроля за ходом расследования действий должностных лиц, нарушивших Конституцию СССР.

Получив это постановление, Янаев немедленно подписал указ о прекращении деятельности ГКЧП. А Лукьянов? Он услышал текст этого постановления по телевизору, сидя в Форосе в ожидании встречи с Горбачевым.

Она все же состоялась. В трактовке Горбачева это выглядело так. «Я принял Лукьянова и Ивашко в присутствии Руцкого и Силаева. Я спросил, почему они бездействовали оба, особенно Лукьянов. Почему он ничего не сделал? Лукьянов стал несвязно оправдываться. Я задал вопрос, почему он сессию на неделю отложил. Ведь было же достаточно одного слова, чтобы эта затея рухнула. В общем, никаких вразумительных объяснений я от него не услышал. После моего возвращения в Москву Лукьянов добивался встречи. Но она так и не состоялась. Откровенно говоря, я пришел впоследствии к мысли, что встречаться мне с ним не имеет смысла. Хотя попытки были добиться со мной встречи – настоятельнейшие».

Примаков о той встрече рассказывал так:

– Горбачев сказал Лукьянову, что он предатель, в резкой форме спросив его, почему тот не собрал Верховный Совет, не встал рядом с Ельциным? Лукьянов стал представлять дело так, что он чуть ли не организовывал сопротивление ГКЧП, но Горбачев, указав на дверь, оборвал его: «Иди, посиди там. Тебе скажут, в каком самолете ты полетишь!»

Их дружба продолжалась 40 лет – со студенческих времен.

В тот же день информационные агентства передали короткое сообщение: «В Прокуратуре СССР. В связи с наличием в действиях членов незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению признаков государственного преступления Генеральным прокурором СССР возбуждено уголовное дело. Расследование поручено группе следователей».

О том, как и кем решалось, где размещать арестованных, тогда не сообщалось. О подробностях читающая публика впервые узнала в сентябре 1993 года из газеты «Россия».

«До прилета оставалось минут 40, а где содержать задержанных, еще не решили, – рассказывал председатель КГБ РСФСР В.В. Иваненко в интервью журналисту Андрею Жданкину. – Следственный изолятор КГБ в Лефортове сняли сразу. Недоверие к КГБ огромное, и если люди узнают, что путчисты находится там, в цитадели КГБ, завтра же Лефортово разнесут по кирпичику. Кто-то предложил объект 100 под Белым Домом, где ночью 3 часа находился Ельцин. Степанков сходил туда и отказался: температура плюс 26, высокая влажность, а путчисты люди пожилые, не дай Бог, что случится».

И тогда Иваненко позвонил заместителю начальника ХОЗУ Совмина России Прошину и спросил, нет ли у него пустующей базы отдыха или пансионата. Прошин предложил «Сенеж» под Солнечногорском.

«Всех рассадили между автоматчиками, – продолжает Иваненко. – Из Внукова-2 кавалькада машин медленно, со скоростью 40 километров в час, двинулась по кольцевой в сторону Ленинградского шоссе. В “Сенеже” все было готово. Арестованных развели по комнатам, Дунаев расставил охрану. Степанков дал команду завести видеоаппаратуру и начать допросы. Те записи допросов, которые попали в “Шпигель”, были сделаны именно там. По ним видно, что плана следствия не было, следователи не готовы, в вопросах сумбур. Но психологически важно было начать сразу, по горячим следам, чтобы люди начали выговариваться».

Глава 8

ДВА «ПОСЛЕПУТЧЕВЫХ» ДНЯ (22–23 августа)

Возвращение из Фороса

Вернувшийся в ночь с 21-го на 22-е (в два часа ночи) из Фороса Горбачев прямо у трапа самолета сделал заявление для телевидения и радиовещания. По трапу спускался в вязанной кофте.

В аэропорту Внуково-2 было много встречавших. Некоторые журналисты в своих репортажах сравнивали возвращение Михаила Сергеевича с приездом Владимира Ильича в 1917 году в Петроград и его выступлением на площади Финского вокзала.

Горбачев в прямом эфире заявил, что полностью владеет ситуацией, восстановил связь со страной, прерванную в результате авантюрных действий группы государственных лиц. В ближайшие сутки приступит к полному исполнению своих обязанностей.

Он имел телефонные беседы с Ельциным, Назарбаевым, Кравчуком, Дементеем, Каримовым. Все они единодушно осудили политику антигосударственного переворота, сорванную в результате решительных действий демократических сил страны. Руководители республик сообщили, что эти антиконституционные действия не поддержаны ни высшими властями, ни народами республик.

Подчеркнул, что авантюристы понесут полную ответственность за свои противозаконные действия. Дал указание начальнику Генерального штаба Министерства обороны СССР Моисееву отвести все войска в места их постоянной дислокации. И впредь выполнять только распоряжения президента СССР.

Отменил все антиконституционные акты и.о. президента Янаева. Произнес загадочную фразу:

«Всего, что я знаю, я вам не скажу никогда».

22 августа Горбачев издал указ «Об отмене антиконституционных актов организаторов государственного переворота». В нем было сказано, что в ночь на 19 августа группа заговорщиков

захватила власть с намерением осуществить государственный переворот. Это преступление было пресечено благодаря решительным действиям руководства России, принципиальной позиции других республик, выступлениям москвичей, ленинградцев, населения других регионов в защиту демократии и конституционного порядка. Заговорщикам не удалось направить армию против народа.

Указом отменялись все решения, изданные ГКЧП или отдельными его членами, отстранялись все члены ГКЧП от занимаемых постов. Принималось к сведению, что Генеральным прокурором СССР возбуждено уголовное дело в отношении лиц, участвовавших в заговоре, и следствие велось совместно с компетентными органами Союза ССР и РСФСР.

В 15 часов Горбачев провел первую после возвращения из Фороса пресс-конференцию. Речь путаная, сбивчивая. С одной стороны, будет верным социалистическому выбору: «КПСС не виновата в случившемся». И тут же: «Я вернулся в другую страну», «Мы знаем, кто есть ху».

В.И. Воротников отметил в своем дневнике: «В народе возникают недоуменные вопросы. Они касались как действий “заговорщиков”, так и поведения президента. И заговор, и реакция на него Горбачева выглядели наивными, наигранными, а действия ГКЧП – неорганизованными, спонтанными. Создавалось впечатление, что многое недоговаривается».

22 августа было опубликовано заявление Секретариата ЦК КПСС, в которой подтверждалась приверженность курсу на демократическое обновление советского общества, начатое в апреле 1985 года, и объявлялось недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий при установлении авторитарного режима, создание антиконституционных органов власти, попыток использования силы. Секретариат ЦК КПСС выступил за безотлагательное рассмотрение сложившегося положения Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР.

В тот же день было опубликовано и заявление Секретариата ЦК КП РСФСР. Он также выступил за созыв высших представительных органов СССР.

Секретариат ЦК КПСС принял постановление, согласно которому рекомендации шифрограммы, отправленной 19 августа, были признаны недействительными. Основанием послужило

постановление прокуратуры о прекращении уголовного дела, возбужденного в отношении всех членов Секретариата ЦК, за исключением О.С. Шенина.

В прокурорском документе говорилось: «Участники Секретариата ЦК при обсуждении вопросов, связанных с образованием ГКЧП, были введены в заблуждение Шениным и дезинформированы им о состоянии здоровья Президента СССР, об истинных обстоятельствах отстранения его от власти. Текст шифрограммы, направленный местным парторганизациям, на Секретариате не голосовался. Решение о ее направлении фактически было принято одним Шениным. При получении объективной информации 22 августа 1991 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС рекомендации шифрограммы от 19 августа 1991 г. признаны недействительными».

Во второй половине дня продолжилось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Вел Р.Н. Нишанов. Слова попросил А.И. Лукьянов. Сообщил, что решение об образовании ГКЧП застало его врасплох, он не согласился войти в его состав. Настоял на том, чтобы коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из Москвы. Только вчера ему предоставили возможность встретиться с Горбачевым. Так что совесть его чиста.

Затем выступил председатель Комитета Верховного Совета по законодательству Ю.Х. Калмыков.

– В Президиум Верховного Совета, – объявил он, – поступило представление Генерального прокурора СССР о том, что им 21 августа возбуждено уголовное дело по факту заговора с целью захвата власти в стране.

С учетом изложенного и руководствуясь статьей 37 Закона о статусе народного депутата СССР, Генпрокурор просил согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Бакланова, Стародубцева, Болдина, Варенникова, Шенина.

Нишанов спросил, дает ли Президиум Верховного Совета согласие. Ему ответили: «Да».

– Тогда принимаем решение, – произнес Нишанов.

Объявлена информация: с санкции прокурора РСФСР Степанкова арестованы Крючков, Язов, Янаев и Тизяков. Павлов находится в лечебном учреждении.

На Лубянке – первое после «путча» заседание коллегии КГБ СССР. По словам тогдашнего председателя КГБ РСФСР В. Иваненко, заместитель Крючкова Агеев сказал: надо дать «телеграммку», что подчиняемся закону, прекращаем деятельность КПСС.

Рассказывая о том заседании два года спустя, Иваненко сказал: он уже не помнит точно, что сам говорил, но начал осторожно. Его заместитель Владимир Поделякин взорвался:

– Да о чем мы говорим! Первый вопрос, который надо решить, – отставка всех членов коллегии, потом – об ответственности каждого!

В этот момент Иваненко отозвали к телефону.

«Звонил Силаев, – вспоминал Иваненко. – “Ты что там сидишь с этой недобитой бандой!” Я ответил, что обсуждаем вопрос, как им уйти в отставку и реформировать эту систему. “Приезжай немедленно, мы и с тобой сейчас разберемся”. Меня возмутило – в ответственный момент сбежал, а сейчас осмелел».

Иваненко имел в виду известный случай, когда в ночь с 20 на 21 августа ожидался штурм «Белого дома», Силаев покинул его. А остальные остались.

Как их арестовывали

Крючкова...

Из Фороса он летел в самолете Горбачева. Борт совершил посадку в аэропорту Внуково-2 в два часа ночи с 21 на 22 августа.

«И тогда нам по радиации сообщили, – пишут в своей книге “Кремлевский заговор” В. Степанков и Е. Лисов, – что Крючков находится в этом же самолете, но во втором салоне, и, следовательно, нет никакой нужды куда-то его водить, можно провести арест прямо у трапа. Когда мы с Баранниковым, Иваненко и двумя оперативниками подошли к самолету, там уже встречали президента, но нам некогда было смотреть, как это происходит, мы торопились к выходу из второго салона.

Оттуда спустили запасной трап, узенькую такую лесенку с перилами. И вот по ней, поддерживаемый сопровождающим, появился Крючков. Он был в очень подавленном состоянии. Даже наше сообщение о том, что против него российской прокуратурой возбуждено уголовное дело, не вызвало с его сторо-

ны какой-нибудь сильной ответной реакции. Он только спросил: “А почему Россия?” – и когда ему объяснили, что так решено в соответствии с законом, он ничего не возразил, кивнул и сказал: “Ну, хорошо”».

Степанков и Лисов упоминают о сопровождавшем Крючкова человеке, который поддерживал его, когда он спускался по узкому трапу. Это был бывший сотрудник КГБ Александр Стерлигов, на тот момент помощник по экономическим вопросам, заместитель руководителя секретариата вице-президента России А.В. Руцкого.

Стерлигов довольно долго служил в структурах КГБ СССР, затем три года возглавлял Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности ГУВД Мосгорисполкома, в 1986–1990 годах – начальник сектора, начальник хозяйственного управления Совета министров СССР. Оттуда перешел в российские структуры, был управляющим делами Совета министров РСФСР (первое правительство Силаева).

По словам Стерлигова, ему было поручено отвечать за жизнь Крючкова. У того в руках была пухлая папка, которую он крепко держал. Лицо выражало тревогу, страха не было. Его мысль все время работала, он пытался уснуть, но это не удавалось.

Когда Крючков попытался вместе со всеми выйти из самолета, Стерлигов сказал:

– Посидите еще, надо подождать.

Когда Крючков попытался встать второй раз, Стерлигов повторил свою просьбу. Крючков сказал:

– Я все понял.

Стерлигов ответил:

– Вы поняли правильно.

Вышли из самолета, к Крючкову подошел Генеральный прокурор России Степанков, объявил об аресте.

Стерлигов признавал: в момент, когда он принимал участие в аресте недавнего главного начальника Лубянки, ощущение было неприятным.

О том, как проходило задержание, рассказал и сам Крючков. В целом картина та же, как ее описали Степанков с Лисовым и Стерлигов. Крючков отметил только, что Стерлигов в разговоре с ним был сдержан, корректен.

«Уже во время посадки я спросил у Стерлигова, – вспоминал позднее Крючков, – сразу ли будет проведено задержание. Он ответил, что я верно оцениваю ситуацию. Никаких сколько-нибудь значащих разговоров я с ним не вел, не хотел подвергать его и себя искушению, ставить в неловкое положение, да и зачем? Было большое желание попросить передать слова утешения жене, семье. Воздержался».

Из самолета вывели не сразу, подождали, пока завершилась церемония, связанная со встречей Горбачева. «Провели к машине санитарного типа и там заявили о моем задержании. Сделал это Степанков – Генеральный прокурор России».

Момент спуска Крюčkова из самолета зафиксировал председатель КГБ РСФСР В.В. Иваненко. Ему это запомнилось так. «Полностью потерянный – меня не узнает. Привели к Степанкову, тот объявил о задержании, составил протокол. Я спросил Крюčkова: “Владимир Александрович, это ваши вещи?” – показав на два его чемоданчика, которые принес его охранник. “Нет, не мои”».

Конечно, в тот момент он испытал сильнейшее потрясение. А кто бы, оказавшись в его положении, не испытал?

«Личный обыск, протокол, другие формальности, связанные с задержанием, понимание разумом своего состояния – все сливалось вместе в какую-то огромную давящую тяжесть», – делился он своими тогдашними ощущениями.

О первом в жизни допросе, который, по его словам, «оставляет глубокий след, а точнее, рану, на всю жизнь»: «Дело не в следователе, он выполнял свой служебный долг. Первый допрос врывается в душу, в сердце как совершенно противоестественное событие, задевает твое человеческое достоинство, не считается с тобой как с личностью, ломает привычный ритм жизни и, словно непомерный гнет, заставляет согнуться, ввергает в состояние беспомощности, бессилия».

Как проходил этот первый в его жизни допрос? «Начинается откровенно жесткий теледопрос, с неудобными, даже садистскими вопросами. Следователь явно работает на публику, по крайней мере, на социальный заказ руководства. Понимание этого приходит уже в ходе допроса. А голова от усталости и напряжения гудит, временами даже отключается сознание; отвечать надо с ходу, подумать некогда, на тебя смотрит камера, и ты чувствуешь себя вынужденным говорить, давать показания».

В тот день он обратился с письмом к Горбачеву, еще на что-то надеясь. Передал через Степанкова.

Вверху сделал пометку: «Лично!»

Уважаемый Михаил Сергеевич! Пока числюсь в задержанных по подозрению в измене Родине, выразившейся в заговоре с целью захвата власти и осуществлении его. Завтра может быть арест и тюремное задержание и далее по логике.

Очень надеялся на обещанный Вами разговор, но он не состоялся. А сказать есть чего!

Какой позор – измена Родине! Не буду сейчас писать Вам более подробное письмо, в нем ведь не скажешь, что надо. Прошу разговора краткого, но важного, поверьте.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме? Одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно!

Вчера прослушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили!

По-прежнему с глубоким человеческим уважением.

22.8.91. В. Крючков.

Четверть века спустя первый мэр Москвы Гавриил Попов, анализируя телепередачи, посвященные «путчу», в статье «Неосмысленный юбилей» написал: «Меня удивляет позиция ведущих, которые цитировали покаянные письма М.С. Горбачеву от В.А. Крюčkова или Д.Т. Язова. Как можно принимать за истину такие письма после того, что мы узнали о письмах Сталину из тюрьмы от того же Бухарина! Тюрьма – место, где думают не об истине, а о своей судьбе».

Из дневниковых записей от 22 августа и.о. председателя КГБ СССР Л.В. Шебаршина, назначенного на эту должность Горбачевым несколько часов назад:

«Звонок из Прокуратуры Союза, В.И. Кравцев:

– Мы высылаем бригаду следователей для проведения обыска в кабинете Крюčkова.

– Хорошо, высылайте.

Звонок из Прокуратуры РСФСР, В.Г. Степанков:

– Мы высылаем бригаду следователей для обыска кабинета Крючкова. С бригадой приедет Молчанов от Центрального телевидения.

– Ради Бога, присылайте, но сюда уже направляются люди из Прокуратуры Союза!

– Ничего, мы с ними договоримся.

Через десяток минут в кабинете оказываются человек пятнадцать служителей правосудия, из которых запомнился лишь Генеральный прокурор РСФСР Степанков. К моему удивлению, обе группы моментально договорились, нашли понятых – девушек из секретариата – и двинули в крючковский кабинет. Группа отправилась обыскивать дачу Крючкова, где уже с утра горько рыдала Екатерина Петровна, другая группа – на городскую квартиру».

...Язова

Он летел из Фороса во Внуково-2 на самолете Ил-62 вместе с Лукьяновым, Ивашко, Баклановым и Тизяковым. Приземлились в 2 часа 15 минут ночи с 21-го на 22 августа. Перед ними совершил посадку Ту-134 с Горбачевым, Руцким, Силаевым, Бакатиным. Там же, но в отдельном отсеке, находился Крючков.

Обратимся к записям Степанкова и Лисова: «Язов держался очень спокойно. Выслушав нас, он спросил: “Что я должен делать?” Узнав, что ему надо пройти в здание аэропорта, он ответил: “Есть!” – привычным жестом вскинул руку к козырьку парадной маршальской фуражки и двинулся вперед четким, солдатским шагом. Чувствовалось, что внутренне он уже подготовился к такому исходу».

Председатель КГБ РСФСР В.В. Иваненко тоже отметил: «Язов, хоть и нервничал, но держался мужественно».

Сам Язов описывал картину своего задержания так: «Предчувствуя недоброе, я всматривался в иллюминатор на ярко освещенную прожекторами площадку перед Внуково-2, где уже суетились какие-то люди в камуфлированной форме, бегали солдаты. “Ну что же, – подумал я, – освещают, значит, вот-вот грянет политический театр. Статисты уже под “юпитерами”».

И вот поданы трапы. Я обратил внимание, что к каждому трапу поспешили крепыши из соответствующих спецслужб. Они приняли устрашающую стойку, пытаясь припугнуть кое-кого из

именитых пассажиров. Первым к трапу направился В. Баранников. Оценив все эти маневры, я сказал сопровождающему меня полковнику П. Акимову, что мы подоспели к аресту.

– Не может быть, – воскликнул он. – От президента передали: вам назначена встреча в Кремле в 10 часов утра.

Спустившись по трапу, мы направились к зданию аэропорта. При входе в зал Баранников сказал Акимову: “Вы свободны”, – а затем мне: “А вас прошу пройти в следующий зал”.

Вошли в небольшую комнату, где обычно размещалась охрана. Здесь к нам поспешил незнакомый человек с копной нестриженных волос на голове. Он довольно бойко представился: “Прокурор Российской Федерации Степанков Валентин Георгиевич!” – и спросил, есть ли у меня оружие. Затем объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине в соответствии со статьей 64 УПК.

За дверями рычали автомобили. Люди из ведомства Баранникова выстраивали машины. Меня подвели к “Волге”, толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками».

Язова, Крюčkова и Тизякова в разных машинах одной колонной повезли в санаторий «Сенеж» под Солнечногорском. Там в финских домиках обыскали и приступили к первым допросам.

Следователь начал уговаривать Язова обратиться с покаянной речью к Горбачеву: якобы это нужно для защиты от статьи, которую ему инкриминировали.

– Все средства хороши, Дмитрий Тимофеевич, особенно выбирать-то вам и не приходится.

И он под влиянием усталости поддался на их уговоры. «“Покаянное письмо” потом подали как часть допроса, – рассказывал об этом эпизоде Язов в своей книге “Удары судьбы”. – И “Шпигель”, и прокурор посчитали его доказательством “совершенного преступления” по расстрельной статье – измена Родине...»

23 августа в первом часу ночи ему приказали собираться. Привезли в Кашин. Оттуда – в Москву, в СИЗО «Матросская Тишина».

В тот же день постановлением Бюро Президиума ЦКК КПСС «О партийной ответственности членов КПСС, входивших в антиконституционный ГКЧП» исключен из КПСС «за организацию государственного переворота»

...Тизякова

В. Степанков и Е. Лисов: «С ним пришлось беседовать довольно долго, минут, наверное, пятнадцать. Он не переставал возмущаться: “Какое преступление?! При чем тут я?..” Но потом все-таки понял, видимо, что препираться бесполезно и отправился к машине».

В.В. Иваненко: «Тизяков хотел сбежать. Тихонько направился к углу здания, вот-вот рванет. Я подбежал: “Гражданин Тизяков, разрешите вас пригласить!” “А в чем дело, в чем дело?” – и пытается вырвать рукав, за который я его держу».

...Бакланова

С ним было сложнее. «Особых надежд на то, что его удастся арестовать прямо здесь, – пишут В. Степанков и Е. Лисов, – мы не имели. Бакланов как народный депутат СССР обладал статусом неприкосновенности, поэтому был нам, как говорится, не по зубам и прекрасно сознавал это... Пришлось ему объяснить, что все беседы с ним у нас впереди, еще наговоримся. Он дал слово явиться завтра к полудню в прокуратуру, и мы с ним распрощались».

По словам председателя КГБ РСФСР В.В. Иваненко, вид у Бакланова был совсем удрученный.

За Баклановым пришли 23 августа. Задержание производила союзная прокуратура.

26 августа Президиум Верховного Совета СССР по ходатайству Прокуратуры СССР дал согласие на привлечение Бакланова к уголовной ответственности. К тому времени он находился под стражей трое суток.

Бакланов занимал пост первого заместителя председателя Совета обороны при президенте СССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. До создания ГКЧП Бакланов проходил курс лечения в санатории «Барвиха», и, когда попытка сохранить Союз закончилась неудачей, он вернулся в санаторий, где и был задержан.

При этом известии у его супруги случился инфаркт, и она четыре месяца провела на больничной койке. Сына вынудили покинуть службу в МВД, где он занимался борьбой с наркобизнесом.

Позднее Ельцин писал, что «на роль первого лица гэкачепистам следовало выдвинуть какую-то новую для людей фигу-

ру – например, Бакланова. Но путчисты, побоявшись нарушить Конституцию, выпихнули вперед вице-президента Янаева, надеясь на его напор и самуверенность».

...Янаева

Арестован в своем рабочем кабинете в Кремле 22 августа в 7 часов утра и доставлен в следственный изолятор г. Кашина Тверской области.

Когда читаешь о том, как это происходило, на память приходят сцены заламывания рук Степану Разину, Емельяну Пугачеву и прочим бунтовщикам из исторических романов. Связывали веревками свои же сподвижники.

Нечто подобное происходило 21 августа 1991 года и в Кремле. Своими словами это не пересказать. В книге «Кремлевский заговор» приводится фрагмент протокола допроса Вениамина Ярина, сотрудника аппарата президента Горбачева, от 16 сентября 1991 года.

В. Степанков и Е. Лисов предварили отрывок из протокола таким вот вступлением: «У коменданта Кремля, уже предупрежденного, наше появление никаких вопросов не вызвало, он лично проводил нас на второй этаж к кабинету Янаева. В коридоре мы встретили Карасева и Ярина, сотрудников аппарата президента. Как выяснилось, эти двое по собственной инициативе еще накануне взяли Янаева, что называется, под стражу и не спускали с него глаз до нашего прихода».

«21 августа, во второй половине дня, – показал допрошенный в качестве свидетеля Ярин, – примерно в 17 часов, Янаев появился в Кремле. Я предложил изолировать его и пошел к нему в кабинет... В приемной я попросил секретаршу доложить обо мне. Когда она пошла докладывать, я пошел следом за ней и вошел в кабинет. В кабинете находился Янаев, причем он был без пиджака, в рубашке, а пиджак его висел на спинке стула.

Янаев протянул мне руку для приветствия. Я взял его за руку и на всякий случай насильственно отодвинул Янаева ближе к двери и подальше от пиджака, в котором, как я предполагал, могло находиться оружие. После этого я высказал Янаеву все, что я о нем думаю. Янаев пытался оправдываться, говорил, что пошел с “ними”, чтобы меньше было крови, что иначе он бы оказался в Лефортове (тюрьма в Москве. – *Прим. авт.*), на что я ему ответил, что если бы он был в Лефортове, я бы его освобо-

ждал. В конце разговора я предупредил Янаева, что вся его свобода – стены этого помещения, что отсюда он не выйдет, и ушел.

Вечером мы с Карасевым прошли по Кремлю, а вернувшись на второй этаж первого корпуса, застали там пять или шесть парней, видимо, из личной охраны... Я предупредил их, что если они попытаются вывезти Янаева, он умрет первым...

Всю ночь мы не спали, а утром, примерно в 7 часов, я решил разбудить Янаева. Мы с Карасевым прошли в его кабинет, причем не через приемную, а через другой вход. Янаев спал на диване, укрытый коричневым пледом. Мы его долго будили, наконец он проснулся, но все не мог сообразить, где он находится, кто перед ним. Одеваясь, он не мог попасть в брюки, пришлось помочь ему одеться. Я не могу сказать, трезвым был Янаев или нет. По его поведению можно было сказать, что он пропьянствовал всю ночь. Однако запаха спиртного я не чувствовал, да и вряд ли мог почувствовать, т.к. в течение ночи выкурил огромное количество сигарет и сильно устал...»

Степанков и Лисов подтверждают: вид у Янаева действительно был неважный. И заметно было, что он сильно нервничал. Но все-таки он старался держать себя в руках, был с вошедшими прокурорами вежлив, усадил их за стол, сам тоже сел.

«Мы ему представились, – продолжают Степанков и Лисов, – предъявили санкцию на обыск и арест. Крыть ему было нечем, статусом неприкосновенности он как вице-президент не обладал, законом это не было предусмотрено.

Покончив с формальностями, мы приступили к обыску. Кабинет у Янаева был большой – из трех комнат. В свое время его занимал Лаврентий Берия, политическая карьера которого тоже закончилась арестом...

...Когда обыск был закончен, мы поручили Янаева заботам следственно-оперативной бригады и уехали из Кремля».

О версии Ярина критически отозвался А. Хамзаев – адвокат Янаева. По его словам, разговоры о том, что Янаев злоупотреблял спиртным и в день ареста был пьян – досужие вымыслы. Он не был таким: весь день 22 августа давал показания, а пьяного допрашивать не стали бы.

– Поговорив с Генеральным прокурором РСФСР Валентином Степанковым и следователем прокуратуры Щукиным, которые лично задерживали Янаева, ознакомившись с материалами дела, – рассказывал журналистам Хамзаев, – я убедился,

что эта версия, выдвинутая консультантом Президента СССР Вениамином Яриным, является вымыслом чистой воды. Надо отметить, что он не потерял человеческого достоинства. Очень беспокоится о судьбе семьи, возможных нападках на нее...

Из протокола допроса Г.И. Янаева от 22 августа 1991 года:

«Вопрос: Что вам известно о мерах, предпринятых по блокированию Горбачева?»

Ответ: Мне абсолютно об этом не было известно. Я не знал, что Горбачев и его окружение лишены связи и свободы передвижения. Это лишний раз говорит о том, что я нужен был как легальная рубашка при нелегальной игре.

Создание ГКЧП, на мой взгляд, было инсценировано руководителями трех основных ведомств – КГБ СССР, Министерства обороны СССР, МВД СССР. Премьер-министр Павлов являлся сторонником жесткой линии, и поэтому создание ГКЧП отвечало его воззрениям».

...Стародубцева

Его тоже не удалось задержать 22 августа. По словам Степанкова и Лисова, его долго пришлось разыскивать, поскольку 21 августа он исчез. Ведомство председателя КГБ РСФСР В. Иваненко обнаружило местонахождение Стародубцева в Москве, в одной из квартир.

23 августа его привезли в прокуратуру. Против беседы со следователем не возражал. Согласился отвечать на его вопросы без адвоката.

Там ему и предъявили постановление об аресте.

Стародубцева не посвящали заранее в замысел создания ГКЧП. Он поставил свою подпись под всеми документами, как только его пригласили из Тульской области, где он возглавлял колхоз им. Ленина.

Позднее В.И. Варенников объяснил, почему Стародубцева включили в состав ГКЧП, даже предварительно не переговорив с ним. «Знали, что он разделяет линию, изложенную комитетом... Авторитет В.А. Стародубцева для создателей ГКЧП был очень важен!»

По словам Варенникова, самое главное, что в корне отличало Стародубцева от многих политиков-популистов, так это то, что его позиция основывалась на живых примерах жизни, на его собственной деятельности. «А если уж он сказал, что будет что-то сделано, то в этом ни у кого не было сомнений».

...Павлова

22 августа Горбачев издал указ об освобождении В.С. Павлова от должности премьера и внес вопрос на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР. 28 сентября союзный парламент дал согласие.

Павлов, в отличие от остальных организаторов ГКЧП, 21-го не летал в Форос за Горбачевым. По причине болезни возложил свои обязанности на первого вице-премьера В. Догужиева. В лечебном учреждении к нему была приставлена охрана.

22-го о нем говорили, что он в больнице. Но на следующее утро прокурорам стало известно, что Павлов на даче и здоровье его не вызывает опасений. На его задержание в Архангельское отправили следственно-оперативную бригаду, а процедуру ареста провели в прокуратуре.

«Вел он себя очень спокойно, даже не без достоинства, – отмечали Степанков и Лисов. – Мы поинтересовались его самочувствием. Он ответил, что сейчас здоровье у него более-менее хорошее, а вот 20 и 21 августа он был настолько болен, что не мог принимать никакого участия в деятельности ГКЧП...

...Валентин Сергеевич был не против беседы со следователем. Правда, их общение мало походило на беседу. Валентин Сергеевич превратил ее в свой довольно продолжительный монолог, но ему не препятствовали: пусть человек, что называется, выговорится. Потом он в соответствии с законом просматривал видеозапись своих показаний, что-то в них корректировал».

Ближе к полуночи в кабинете Степанкова Павлову было предъявлено постановление об аресте.

...Варенникова

Он был народным депутатом СССР, и на его привлечение к уголовной ответственности и задержание требовалось согласие Верховного Совета СССР. 22 августа оно было получено, и назавтра утром он подвергся аресту на своей даче.

...Шенина

22 августа Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение его к уголовной ответственности. В ночь на 24 августа был арестован и помещен в СИЗО «Матросская Тишина».

...Болдина

22 августа Горбачев освободил его от должности руководителя администрации президента СССР. Постановление об аресте ему объявили в ночь на 24 августа. Вот как это происходило.

«Еще сегодня я лежал в больнице и под утро проснулся, услышав в коридоре сдавленный шепот, – пишет он в своей книге “Крушение пьедестала”. – Затем дверь отворилась, и заглянула сестра. “К вам врачи”, – сказала она, и на лице был столь явный испуг, что я все понял: это за мной. Халаты сброшены, мне протягивают ордер на арест, подписанный Трубиным, Генеральным прокурором СССР. Человек, показавший мне эту бумагу, удивительно похож на майора Томина из телевизионного сериала “Следствие ведут знатоки”. У этого “знатока” то же интеллигентное лицо, хорошие манеры. Одеваюсь и скоро оказываюсь в “Жигуленке”, который колесит по кривым переулкам. Водители они, как говорят, аховые. Москву знают плохо, поиски нужного дома отнимают немало времени, мы то и дело попадаем в какие-то тупики. Впрочем, улицы Москвы в этом районе сильно перекопаны, идет ремонт домов и коммуникаций. Наконец добираемся: “Матросская Тишина”, СИЗО-4».

...Грушко

22 августа в 11 часов утра в кабинете первого заместителя председателя КГБ СССР В.Ф. Грушко раздался телефонный звонок. Вернувшийся из Фороса Горбачев на вопрос Виктора Федоровича, какие будут указания, успокоил:

– Всем работать как обычно.

Спустя три дня он был освобожден от должности, вызван в прокуратуру и там задержан по обвинению в заговоре и измене Родине.

«Пока только задержан, – сделал запись в своем дневнике его коллега Л.В. Шебаршин. – Трудно представить себе этого чрезвычайно осторожного, не любящего всякой ответственности человека в роли заговорщика. В роли исполнителя при Крючкове – вполне возможно».

Сам Грушко приводит подробности своего задержания. Его пригласил прибыть в Генпрокуратуру заместитель генпрокурора В. Кравцев, с которым он, естественно, был знаком, в качестве свидетеля по событиям последних дней. После полутора-часовой беседы Кравцев объявил:

– Виктор Федорович, я вынужден вас задержать...

Отобрал удостоверения члена ЦК КПСС и первого заместителя председателя КГБ СССР. После обыска Грушко усадили в машину и повезли в «Матросскую Тишину».

...Генералова

Генерал-майор Вячеслав Владимирович Генералов прослужил в органах КГБ СССР 24 года, с 1967-го по 1991-й. Был заместителем начальника 9-го управления КГБ, начальником специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР.

18 августа 1991 года председатель КГБ В.А. Крючков назначил его начальником охраны резиденции М.С. Горбачева в Форосе.

Генерал армии, Герой Советского Союза В.И. Варенников дал ему высочайшую оценку, назвав его и Ю.С. Плеханова «олицетворением генералов КГБ, преданных своему народу»: «Это глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти...»

...Плеханова

Начальник Службы охраны КГБ, член коллегии КГБ СССР Ю.С. Плеханов в начале августа 1991 года проводил Горбачева в Форос, возвратился в Москву и 13 августа ушел в отпуск. 18 августа он получил приказ Крюčkова выйти на службу и вместе с группой будущих членов ГКЧП отправился в Форос к Горбачеву.

22 августа указом Горбачева освобожден от должности и лишен воинского звания генерал-лейтенанта.

Ю.С. Плеханов в молодости находился на комсомольской работе, затем в аппарате ЦК КПСС, был секретарем секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. С 1967 года в органах госбезопасности: старший офицер приемной председателя КГБ Ю.В. Андропова, начальник 12-го отдела КГБ СССР. С 1983 года – начальник 9-го управления (с 1990 – Служба охраны) КГБ СССР.

Был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», 11 медалями.

Его задержала Прокуратура СССР в ночь на 24 августа. Обвинялся по делу ГКЧП. Содержался в следственном изоляторе «Матросская Тишина». Защиту согласился осуществлять известный адвокат Генри Резник.

По словам Резника, Плеханов был крайне озабочен судьбой своих подчиненных. Претензий к следствию не высказывал. В показаниях был искренен.

Генри Резник сразу же привлек внимание общественности профессионализмом и смелостью. Прочитав в СМИ мнение генпрокурора Степанкова о членах ГКЧП, заявил протест. Особенно покорило следующее высказывание: «Каждый из них в своих показаниях пытается откровенно рассказать о действиях своих товарищей и всячески “пригладить” свою роль в путче».

...Лукьянова

Его задержали позже всех. 28 августа главы союзной прокуратуры Трубин и российской – Степанков направили в Верховный Совет СССР ходатайство о согласии на привлечение Лукьянова к уголовной ответственности.

Верховный Совет, к удивлению Степанкова и Лисова, быстро «сдал» своего председателя. Заслушав ходатайство обеих прокуратур, депутаты на другой день, 29 августа, удовлетворили его почти единогласно.

Лукьянов заявил, что он не был членом ГКЧП. Возмутился словами Горбачева, который назвал его «идейным руководителем заговора» и «спасавшим шкурные интересы». Свою вину признал только в том, что не созвал своевременно сессию Верховного Совета, а российские власти свою сессию собрали.

Его задержали в 20 часов на даче. «Его задержание, – писали Степанков и Лисов, – проводили всего два человека – первый заместитель министра внутренних дел России Виктор Ерин и один из наших следователей. Охрана ждала в машине. И, конечно же, вели себя очень тактично. Лукьянов поинтересовался их полномочиями, они его законное любопытство удовлетворили. Анатолий Иванович сказал, что ожидал такого поворота событий и подготовился. Действительно, у него была уже собрана сумка, в которой лежали личные вещи, кое-какие документы и книги. Он оделся попроще, не как в Верховный Совет, попрощался с домашними и спокойно прошел к ожидавшей машине».

Ему предъявили обвинение в измене Родине и поместили в следственный изолятор «Матросская Тишина».

По словам самого Лукьянова, арестовали потому, что «Горбачев и Ельцин боялись, что, если V Съезд народных депутатов СССР проведет он, депутаты могут свести на нет все результаты августовской победы демократии».

Был четырнадцатым по счету арестованным по делу ГКЧП. Отказался давать показания без адвокатов. Для его защиты родственники пригласили известных юристов Генриха Падву и Александра Гофштейна.

Падва заявил, что следователи выбрали неправильные основания для заключения Лукьянова под стражу, и направил Степанкову ходатайство о немедленном освобождении Лукьянова.

Расправа с «Железным Феликсом», захват зданий ЦК КПСС

22 августа Ельцин своим указом приостановил выпуск шести газет – «Правды», «Советской России», «Рабочей трибуны» и других изданий ЦК КПСС. Отстранил от должности генерального директора ТАСС и председателя правления информационного агентства «Новости». Упразднил военно-политические органы в Вооруженных Силах, КГБ и МВД на территории РСФСР.

12 часов дня. У «Белого дома» – митинг победителей. На флагштоке впервые поднят российский флаг.

Выступил Ельцин. Поздравил защитников демократии, выразил признательность гражданам за поддержку.

На Красной площади – такой же митинг под антикоммунистическими лозунгами. Участники двинулись на Старую площадь, к комплексу зданий ЦК КПСС. Разбили вывески. Назвтра помещения были опечатаны.

О событиях на Старой площади глазами тогдашнего и.о. посла США в Москве Дж. Коллинза: «Не менее драматично было, когда несколько десятков молодых людей (я видел это по телевизору) пришли на Старую площадь. И постучали в дверь Центрального Комитета КПСС и сказали всем, кто там был: “Идите домой”. И они пошли. Никто не возражал. Все подчинились. Во всяком случае, такое впечатление сложилось. И это казалось

очень, очень странным. Мое основное наблюдение сводилось к тому, что Советский Союз был отменен из-за отсутствия интереса к его существованию. И никто не хотел выступить в его защиту».

Спустя 25 лет будущий руководитель Управления КГБ по Москве и Московской области, в те дни директор департамента мэра Москвы Е.В. Савостьянов рассказал подробности захвата зданий ЦК КПСС.

«Шел второй день после подавления путча, – делился он воспоминаниями с “Московским комсомольцем” (23.08.2016). – Мы собрались, чтобы обсудить, как вернуться к будничной жизни и какие возможности и задачи стоят перед нами в создавшейся ситуации. Были мэр Москвы Попов, председатель московского правительства Лужков и я. В кабинет с довольно хитрой улыбкой, держа в руках листочек бумаги, вошел управляющий делами правительства Москвы Василий Шахновский. Отдал листочек Попову. Попов его прочел, хмыкнул и отдал Лужкову. Лужков прочитал, хмыкнул и отдал его мне».

Савостьянов взял бумажку. «Это была известная записка о том, – продолжает Савостьянов, – что идет уничтожение документов в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади и что надо приостановить работу зданий. Стоит подпись – Бурбулис печатными буквами и сверху отчетливая резолюция Горбачева: “Согласен”. Попов мне говорит: “Идите, выполняйте”. Задача не вполне тривиальная – закрыть здания ЦК КПСС».

«Я позвонил начальнику московской милиции, – продолжает Савостьянов, – и попросил выделить мне две роты ОМОНа, чтобы окружить комплекс зданий, заблокировать ходы и выходы. Позвонил начальнику московского КГБ и сообщил коллегам, охранявшим комплекс зданий, что я приеду с письмом генсека, подлежащим исполнению».

Когда он с Шахновским приехал, руководитель охраны проводил их к управляющему делами ЦК Кручине.

«Я его спрашиваю: “Вы почерк своего генсека знаете?” Он несколько опешил и говорит: “Знаю”. Прочитал записку, сначала стал красным, потом пунцовым.

Начался долгий разговор, я видел, что никакого желания выполнять команду нет. Когда я понял, что Кручина успокоился, – резко ударил кулаком по столу и заорал: “Не валяй дурака, делай, что тебе говорят”. Меня проводили в будку транс-

ляции системы гражданской обороны ЦК, чтобы я оттуда смог сделать объявление. Там мне сказали, что ключи неизвестно у кого и открыть будку не могут. Я говорю: “Сейчас 14.15, в 15.00 я арестую всех, кто останется в здании”. Сразу нашелся радист с ключами.

Я страшно боялся, что, когда буду делать объявление, горло перехватит, ведь я понимал историческую значимость момента. Меня попросили повторить объявление и назвать свое им. Я думаю: “Вот дурак, исторический момент, а я даже не представился и не вписал себя в анналы”».

Далее он сказал следующее: «В тот момент шло собрание партактива ЦК КПСС, из динамика прозвучало объявление, собрание сразу закрылось, и они побежали».

Когда, по его словам, на выходе их обыскивал народ, Савостьянов проявил гуманность. Узнав, что они с собой тащат колбасу и копченую рыбу, проявил сочувствие: «Вы им не мешайте, они в последний раз».

И сравнил захват зданий ЦК КПСС с закрытием Учредительного собрания матросом Железняком. А также назвал комплекс тех зданий «символом самой кровопролитной в истории человечества диктатуры».

Впоследствии первый мэр Москвы Г.Х. Попов, начальник Савостьянова, писал, что захват зданий ЦК КПСС по важности был аналогичен взятию Бастилии в Париже, штурму Зимнего дворца. Но в 25-летний юбилей выступления ГКЧП телеканалы обошли этот эпизод своим вниманием. «А.И. Муzyкантский тоже мог бы многое рассказать», – заметил Попов.

В сентябре 1991 года Бакатин по представлению мэра Москвы Г.Х. Попова назначил Савостьянова новым руководителем столичного управления госбезопасности. 39-летний горный инженер-физик по образованию, он был одним из руководителей избирательной кампании по выдвижению академика А.Д. Сахарова в народные депутаты СССР, Г.Х. Попова – в мэры Москвы. Входил в состав координационного совета движения «Демократическая Россия», оргкомитета «Движение за демократические реформы». Работал младшим научным сотрудником Института физики Земли АН СССР, затем научным сотрудником Института проблем комплексного освоения недр АН СССР. В 1989–1990 годах – один из сопредседателей Клуба избирателей АН СССР. По его словам, планировал превратить КГБ из органа,

защищающего государство от его граждан, в орган, защищающий безопасность граждан этого государства.

Но вернемся к событиям на площади Дзержинского.

Со Старой площади людской поток бурно понесся в сторону Лубянки, к зданию КГБ. Звучали призывы взять его штурмом. Разбушевавшаяся толпа пыталась сбросить памятник Дзержинскому.

По толпе пронесся слух: внутри памятника хранится «золото партии». Наивные, легковверные люди.

Подзуживаемые закоперщиками, они выбили стекла в дверях Центра общественных связей КГБ. На мемориальной доске в память Ю.В. Андропова намалевали свастику. Надписи на здании КГБ: «Павлов монстр», «Язова под суд», «Свободу В. Новодворской». Экстремистки настроенные люди призывали захватить здание КГБ.

Из дневниковых записей Л.В. Шебаршина, которого Горбачев несколько часов назад назначил и.о. председателя КГБ СССР:

«Начальник комендантской службы В.Г. Опанасенко докладывает, что толпа на площади собирается идти на штурм КГБ. На стенах зданий пишут обидные лозунги, окружили памятник Дзержинскому.

– Что делать?

– Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не применять оружия. Закрыть все ворота и двери, проверить решетки. Будем обращаться к московским властям и милиции. (Момент унижения, затянувшийся на два дня!)

Отыскиваем милицию, но она на выручку не спешит».

Шебаршин отметил в своем дневнике: «Всем командует С.Б. Станкевич, а милиция приглядывает за порядком». (Станкевич был народным депутатом СССР, заместителем председателя Моссовета.)

Из рассказа председателя КГБ РСФСР В. Иваненко:

– Прибежал комендант здания: «Что делать, какие команды в случае прорыва?» Решили с Шебаршиным – стрелять ни в коем случае нельзя, максимально усилить запоры. Я позвонил Ельцину – он на митингах. Нашел Бурбулиса, сказал, что прорыва в здание ни в коем случае допустить нельзя: тут документы, архивы, может пролиться кровь. Бурбулис переговорил с Ельциным, и тот приехал к памятнику. В итоге главная задача – не допустить разгрома – была выполнена.

Генерал КГБ В. Широнин:

– На плечи памятника «Железному Феликсу» забрались опытные скалолазы, набросили металлические тросы на его шею. Взревев, толпа ошалело потянула тросы в разные стороны, но 11-тонный памятник даже не шелохнулся. Тогда сквозь беснующихся людей к постаменту протиснулись грузовик и машина скорой помощи. Пока к грузовику цепляли тросы, из «скорой» раздавали бутылки водки – все было продумано! Наконец, грузовик рванул, от натуги приподнялись его передние колеса. Но памятник даже не качнулся.

По словам Широнина, «Железный Феликс» в тот день совершил еще один подвиг – он устоял на своих чугунных ногах, не рухнул в толпу, не задавил десятки людей и не дал пролиться крови на Лубянской площади.

Отрезвляюще подействовали на разгоряченную дармовой водкой толпу слова трезвомыслящего неизвестного гражданина, который, представившись архитектором, объяснил в микрофон:

– Господа, обратите внимание, памятник круглый, он весит около сотни тонн. Если он покатится на нас, то многие могут погибнуть, могут обрушиться и конструкции находящегося под ним метро...

И толпа расступилась, отпрянула от памятника, а затем вообще отодвинулась от него. Памятник демонтировали автокранами ночью, когда поредевшая толпа уже не имела сил для того, чтобы варварски излить свой «восторг».

«Железного Феликса» вывезли на пустырь неподалеку от нового здания Третьяковской галереи, а в октябре 1991 года в числе других памятников, свергнутых с пьедесталов, поместили в парк искусств «Музеон».

В 2002 году мэр Москвы Юрий Лужков выступил с инициативой вернуть памятник на Лубянскую площадь, для чего провести референдум. Однако вскоре отказался от этого замысла.

А 25 лет спустя телеканалы, рассказывая о событиях 19–21 августа 1991 года, по словам тогдашнего мэра Москвы Г.Х. Попова, «потеряли» этот эпизод. «Хотя тот же С.Б. Станкевич мог многое рассказать», – намекал Гавриил Харитонович.

Ну что тут сказать? Меняются времена, меняется и их осмысление.

«Долг» платежом красен

23 августа утром Горбачев приехал в Верховный Совет РСФСР. То, как с ним там обращались, напоминало октябрьскую «молотилку», устроенную Горбачевым в отношении Ельцина на пленуме ЦК КПСС 1988 года, когда его сняли с должности первого секретаря МГК КПСС, а вскоре и вывели из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС.

И вот спустя несколько лет такая же «молотилка» была запушена снова, только уже по отношению к обессилевшему Михаилу Сергеевичу со стороны обиженного тогда им, а теперь набравшего силу Бориса Николаевича. Как говорится, долг платежом красен.

Открыл встречу Ельцин. Поздравил депутатов с победой над организаторами государственного переворота. Напомнил, что все его главные участники арестованы и предстанут перед судом.

Затем выступил Горбачев. Особо выделил «выдающуюся роль президента России Бориса Николаевича Ельцина» в подавлении путча.

Ельцин театрально прижал ладонь к груди:

– Благодарю вас!

Горбачев призвал идти, и быстрее, к Союзному договору:

– Ведь, в общем-то, именно подписание нового Союзного договора при всей его критике с разных сторон подстегнуло все реакционные силы предпринять этот путч, потому что они знают, что такое новый договор и его последствия.

Сообщил о произведенных им назначениях, о снятии с постов участников заговора.

Посыпались вопросы. Многие из них были трудными для него. Пришлось отвечать, преодолевая и гордость, и самолюбие.

Ельцин предложил Горбачеву утвердить указы, подписанные президентом России 19–21 августа, в которых он брал на себя функции союзного президента.

Горбачев ответил: да, он согласен, с этими указами ознакомлен. Все, что делало российское руководство в те дни, было продиктовано обстоятельствами и правомерно.

Под аплодисменты и смех в зале Ельцин сказал:

– Тогда я прошу это оформить указом президента страны!

Горбачев с укоризной в голосе:

– Борис Николаевич, мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты!

– Это не секрет, это серьезно, – под смех в зале заметил Ельцин. – Специально подготовлен целый блок, Михаил Сергеевич. «Указы и постановления, принятые в осажденном Доме Советов». Так и называется. Мы вам вручаем!

В зале бурные аплодисменты, шум, свист, выкрики.

Депутат В. Новиков задал провокационный вопрос:

– Не считаете ли вы, как это считает фракция беспартийных депутатов РСФСР, что Коммунистическая партия Советского Союза должна быть расформирована как преступная организация?

Горбачев начал отвечать, как всегда, многословно и витиевато, что-то насчет свободы убеждений и плюрализма мнений. Шум в зале нарастал, и это выводило Михаила Сергеевича из равновесия. Он явно сердился.

– Нет, вы уж послушайте, вы сами хотели, чтобы я ответил откровенно. Как вы ставите вопрос, так я и отвечаю, как я думаю... Тогда не задавайте вопросов, по которым я доклад должен делать. Задачу изгнания социализма с территории СССР никто не вправе ставить, и это вообще очередная утопия, больше того, это есть самая настоящая ловля ведьм. Человек имеет право на взгляды, выбирает движение, партию или вообще стоит вне партии. «Запретить как преступную организацию»... Я отвечаю: есть люди, которые оказались у руководства и в Секретариате ЦК, у которых не хватило даже мужества, и там шла драка три дня, чтобы выступить в защиту своего генсека и добиться встречи с ним. Есть комитеты, которые приняли решение сделать все для того, чтобы помочь этому так называемому комитету, эти люди должны отвечать, каждый в меру своих «заслуг». Но объявить преступниками миллионы рабочих и крестьян, на это я никогда не соглашусь...

В зале шум, выкрики, свист. Горбачева явно не хотят слушать. К удовольствию Ельцина.

Слово предоставляется депутату Г. Задонскому. Просит Горбачева сформулировать позицию по отношению к роспуску центральных руководящих структур КПСС и РКП – ЦК, в том числе Политбюро, региональным территориальным партийным комитетам, политорганам в КГБ, МВД, в армии и на флоте.

Предложил Горбачеву также высказать мнение о немедленной национализации имущества КПСС и РКП, направить финансовые ресурсы, в том числе и валюту, на социальные нужды. Распустить КГБ, создав новые органы безопасности за счет объединения соответствующих органов республик. Пограничные войска подчинить непосредственно президенту.

Горбачев начал с последнего вопроса.

– Утвердив товарища Бакатина председателем Комитета госбезопасности, вторым пунктом мы записали: представить предложения по реорганизации этой службы. Что касается других вопросов, все они заслуживают того, чтобы быть рассмотренными в ближайшее время. Кстати, эти мысли в приближенном виде, охватывающем темы, которые вы поднимаете, обсуждались на встрече с руководителями всех республик. Так что эти вопросы мы будем рассматривать безотлагательно и будем вырабатывать меры и подходы. Но опять-таки надо сделать так, чтобы все это шло законным путем.

Вопрос из зала:

– Такая организация, как КПСС, изначально создавалась на уголовных принципах и является партией государственной измены. Так вот, не пора ли вам как президенту издать указ о том, чтобы опечатать все здания, принадлежащие этой организации? По моим сведениям, ЦК КПСС снимает со счетов гигантские суммы, в том числе и валютные, и, мне кажется, это нужно немедленно прекратить.

Горбачев:

– Я в принципе ответил на этот вопрос. Практические действия, которые из этого вытекают, будут решаться в ближайшие дни. Поэтому не буду я начинать сначала разворачивать свою аргументацию по этому вопросу. Что касается поступившей информации, товарищ Бурбулис писал записку, что там, в здании ЦК, нечто происходит такое, что надо остановить, и попросил согласия, чтобы принять меры. Я написал «согласен», передали ли, не знаю, приняты меры там...

Улыбающийся Ельцин прерывает Горбачева:

– Меры приняты, здание ЦК КПСС опечатано...

Его слова потонули в шквале бурных аплодисментов. Горбачев пытался что-то сказать. Беспомощно взмахнул правой рукой, чтобы привлечь к себе внимание и едва слышно произнес:

– Но в эмоциях не расходитесь. Особенно сейчас должна быть ясная голова...

Ельцин нанес сокрушительный удар:

– Одну минуточку. Я хочу напомнить вам, Михаил Сергеевич, что мы с вами до всех этих событий договаривались, что, если не будет принято вами решения о передаче собственности на территории России в юрисдикцию России, это сделает президент России своим указом. Я такой указ двадцатого числа этого месяца подписал: все имущество, вся собственность на территории Российской Федерации, кроме функций, переданных Союзу, находятся в собственности народов России, в собственности России. А вы сегодня сказали, что подпишете указ, подтверждающий все мои указы, изданные в этот период...

Зал сотрясли бурные, долго не смолкавшие аплодисменты, переходящие в овации.

Горбачев растерялся. У него был жалкий вид. Ельцин явно загнал его в ловушку. Михаил Сергеевич что-то лепетал в свое оправдание, просил дождаться подписания Союзного договора, после которого будет подписан указ президента по вопросам собственности. Но Горбачева уже никто не слушал.

И тут Ельцин раскрыл свой главный козырь.

– Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности Российской компартии...

В стенограмме, по которой описана вся эта сцена, после прозвучавших только что слов Ельцина, ремарка: «*В зале масловый психоз, овации, крики "Браво!", "Ура!"*».

Стенограмма зафиксировала реакцию Горбачева: «*Горбачев (испуганно). Борис Николаевич... Борис Николаевич...*» И дальнейшие слова Ельцина: «*Ельцин (куражась): Я подписываю... Указ подписан!.. (В зале неистовство, крики "Ура!", овации.)*»

Горбачев, пытаясь овладеть собой, пробовал сказать, что это ошибка со стороны Ельцина и Верховного Совета России:

– Не все коммунисты России участвовали в заговоре...

Договорить ему не дали. Свист, улюлюканье, выкрики.

Ельцин разъяснил потрясенному Горбачеву:

– Михаил Сергеевич, речь идет не о запрещении, а о приостановлении деятельности Российской компартии до выяснения судебными органами ее причастности ко всем этим событиям. Это совершенно законно.

Похоже, слова Ельцина успокоили Горбачева.

– Это другое дело, – удовлетворенно произнес он.

Снова грянули аплодисменты. На этот раз насмешливые.

Депутат В. Петренко, представлявшая Ростовскую область:

– Михаил Сергеевич, сейчас люди ждут от вас только решительных шагов. Я прошу вас просто как женщина: поступите решительно в этот тяжелый момент.

В ответ послышались заверения в приверженности демократии, идеям перестройки. И тогда Ельцин сказал то, что хотела услышать Валентина Петренко и что вызвало бурные аплодисменты, выкрики «браво!»:

– Я могу подтвердить: сегодня в полуторачасовой беседе один на один твердо было сказано Михаилом Сергеевичем, что ко всем, кто причастен был прямо или косвенно к этому перевороту, будут применены соответствующие меры по закону – резко, решительно, и никакой пощады здесь не должно быть.

После заседания Ельцин потребовал от Горбачева впредь согласовывать с ним все ключевые назначения.

Американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» поместила карикатуру: крошечный Горбачев стоит перед исполином Ельциным, который говорит:

– Добро пожаловать опять к власти, Михаил!

В 15 часов сотрудники аппарата ЦК КПСС начали покидать комплекс зданий на Старой площади.

Одни сутки генерала Шебаршина

Леонид Васильевич Шебаршин – единственный за всю историю Лубянки ее глава, продержавшийся в этой должности только одни сутки. В своем дневнике он подробно описал, как это происходило. Запись от 22 августа.

«В девять ноль-ноль звонок. Женский голос.

– Вас просят быть в приемной Михаила Сергеевича в двенадцать часов.

– А где это? (Дурацкий, но искренний вопрос.)

Разъясняют».

Дальше Шебаршин пишет, что он поехал на Лубянку, чтобы быть поближе к Кремлю. А там Грушко срочно собрал коллегия.

«Коллективно посыпая голову пеплом, – передает Шебаршин царившую там атмосферу, – принимаем заявление коллегии с осуждением заговора...

...Коллегия расходится, захожу к Грушко, докладываю о вызове в приемную президента. Грушко говорит, что утром Михаил Сергеевич позвонил ему из машины и сказал, чтобы мы все работали спокойно (примерно так). И Грушко спокоен, хотя глаза у него запали и лицо потемнело».

В приемной Горбачева полно народу. Шебаршин перечисляет их имена: Силаев, председатель Верховного суда Смоленцев, Баранников, глава МИД СССР Бессмертных, начальник Генштаба Моисеев, председатель Комитета конституционного надзора СССР Алексеев, Примаков, пресс-секретарь Горбачева Игнатенко, Бакатин.

«Вошел президент. Здороваясь, я представился, и он сразу же позвал меня в соседний пустующий зал заседаний.

Разговор очень короткий. “Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?” Отвечаю как на духу. Коротко рассказываю о совещании 19-го. “Вот подлец. Я больше всех ему верил, ему и Язову. Вы же это знаете”. Согласно киваю.

– А кто у вас начальник пограничников?

– Калиниченко Илья Яковлевич.

– Как они меня окружили, стерегли. Был приказ стрелять, если кто-то попытается пройти через окружение.

Пытаюсь сказать словечко в защиту Ильи, человека, на мой взгляд, не способного на злодейство. Ведь уже известно, что пограничникам на месте отдавал приказы кто-то из службы охраны».

Горбачев сказал, чтобы Шебаршин написал справку о своих действиях 19–21 августа.

– Пусть такие же справки подготовят и другие зампреды комитета, – добавил президент.

Он произвел на Шебаршина хорошее впечатление. Выглядит великолепно. Оживлен, энергичен, глаза ясные, никаких признаков усталости. Так близко Шебаршин видел его второй раз. Первый был в 1989 году, когда Крючков представил его Горбачеву перед назначением на должность. Тогда он был несколько сумрачен и сух.

«Президент распорядился, чтобы я созвал заместителей председателя КГБ и объявил им, что на меня временно возлагаются обязанности руководителя комитета». Аудиенция длилась от трех до пяти минут. Выходя из комнаты, увидел друже-

любные, даже ласковые улыбки, символические рукопожатия из дальних углов. «На всякий случай», – отмечает Шебаршин в дневнике.

«Собираю заместителей председателя, объявляю указание президента. И здесь сразу же засияли сдержанно-радостные улыбки, по меньшей мере, одна запомнилась отчетливо – открытое лицо Г.Ф. Титова, который ни в каких событиях участия не принимал, так как был в отпуске». Ему и поручили возглавить комитетскую комиссию по расследованию действий руководства 19–21 августа.

В пятнадцать часов – звонок Горбачева:

– Я подписал указ о вашем назначении временно исполняющим обязанности председателя КГБ. Работайте».

Это назначение многие связывали тогда с тем немаловажным обстоятельством, что Шебаршин не участвовал в действиях ГКЧП. Более того, Крючков даже не посвятил его, в отличие от других своих заместителей, в план готовившейся акции. Почему?

Непонятно еще и потому, что Крючков давал ему блестящую оценку: вел себя мужественно в острых ситуациях, не терялся, отличался здравомыслием и интеллектом. Уже тот факт, что Крючков, став председателем КГБ, назначил именно его вместо себя начальником разведки, тоже о многом говорит. Кстати, Шебаршин был первым и единственным профессиональным разведчиком из всех 14 человек, занимавших эту должность в истории советского КГБ.

11 октября 1991 года в интервью газете «Известия» Шебаршин пытался ответить на этот сложный вопрос. «Об этом можно только догадываться, – сказал он. – Я думаю, по каким-то признакам я не внушал ему доверия. У меня возникали, а в последнее время довольно часто, расхождения с нашим бывшим председателем по оценке ситуации в Советском Союзе, по оценке роли и перспектив КПСС. Наверное, все это Крючков учитывал. Мне кажется, что некоторые мои выступления на совещаниях руководства КГБ не соответствовали концепциям Крюčkова. Возможно, этим объясняется, что я не был осведомлен».

Утром 23 августа Шебаршин перебрался в теперь уже бывший кабинет Крюčkова. Вчера он понял, что без председательского пульта прямой связи в огромном комплексе зданий обойтись невозможно. Поручил зампреду В.Ф. Лебедеву вылететь в

Вильнюс, где сложилась угрожающая обстановка. Отдал распоряжение освободить из Лефортовского следственного изолятора активистку «Демсоюза» Валерию Новодворскую. Толпа требовала выпустить.

На 10.30 назначил совещание руководящего состава. Главный вопрос: как жить дальше? Сразу же пришли к согласию, что надо департизироваться. «Ни одного голоса против, и секретарь парткома Н.И. Назаров – за. Тут же готовится приказ по КГБ – конец партийной организации». В скобках Шебаршин пометил: «“Органы КГБ – это вооруженный отряд партии”, – долбили мы десятками лет, пытались последние три-четыре года делать вид, что и лозунга такого не было, а теперь распрощались с некогда руководящей и организующей силой нашего общества».

Совещание продолжалось. Говорили о необходимости структурной реорганизации, о защите дел и агентуры, об обременительности войск КГБ, вредности резкого сокращения штатов. Между тем не прекращала поступать информация о том, что в городе опечатывают райкомы КПСС и райотделы КГБ, а милиции по-прежнему не видно.

Наконец подошли к наиболее болезненной теме: ответственности руководства КГБ за события 19–21 августа. Решили создать комиссию.

Шебаршин в своих дневниковых записях заключает в скобки большой абзац: «Быка за рога, а точнее, присутствующих за горло берет заместитель председателя КГБ СССР В.А. Поделякин. Напористо, с чувством огромной внутренней убежденности он говорит, что совещание уходит в сторону от самого главного вопроса – о кадрах. Надо вывести из состава коллегии тех, кто активно участвовал в деятельности ГКЧП. Известно, что первый заместитель председателя Г.Е. Агеев давал указание шифроорганам не пропускать телеграммы КГБ РСФСР. Возразить нечего, Агеев не только это указание давал. Да и многие другие чувствуют, что виноваты не виноваты, а отвечать придется. В нашем государстве распространена презумпция, что рыло в пуху у каждого».

Пересказав суть дискуссии, Шебаршин заметил: «Поделякин внес в нее тревожную персональную нотку, проявил открытую принципиальность революционных времен. Пахнуло холодком, как из подвальной двери».

Решили выступить с заявлением, в котором коллегия КГБ отмежевывалась от действий своих руководителей и осуждала их соучастие в путче.

Получив информацию снаружи, что обстановка накаляется и горячие головы не отказались от сумасбродной идеи штурмовать КГБ, решили разойтись. Личный состав получил приказ покинуть здание, опечатав сейфы и двери, остаться на местах лишь начальникам подразделений и заместителям; искать поддержки у московских властей и милиции, оперативную картотеку вывезти на временное хранение за город.

И тут звонок Горбачева:

– Появитесь у меня через полчаса!..

Шебаршин прибыл в Кремль в 14 часов. В приемной сидели Моисеев, Силаев и Бакатин.

Первым вызвали Моисеева. Через полминуты вышел:

– Я больше не заместитель министра обороны и не начальник Генерального штаба.

Пригласили Шебаршина. В комнате, где раньше заседало Политбюро, – Горбачев, Ельцин, главы республик. Горбачев:

– Я назначаю председателем КГБ товарища Бакатина. Отправляйтесь сейчас в комитет и представьте его.

По словам Шебаршина, он испытал такое облегчение, что начал улыбаться:

– Большое спасибо! Сегодня ночью буду спать спокойно.

Горбачев:

– Ну, спать спокойно еще рано.

В дневнике снова скобки, и в них запись: «Пропускаю это мимо ушей и лишь потом начинаю улавливать в этом зловещий оттенок».

В 15 часов Бакатин прибыл на Лубянку. По правую руку усадил Шебаршина. Сделал жест в его сторону:

– Вот и первый заместитель у нас есть..

О себе:

– Я человек не военный. Вот даже воротничок как-то не так застегнут.

И далее:

– Вы, наверное, знаете, что час назад состоялось решение президента СССР и Госсовета о моем назначении председателем КГБ. Кто-нибудь – против? Молчание. Тогда будем считать, что я приступил к своим обязанностям.

«Я попросил собравшихся не поддаваться панике, – вспоминал Бакатин свои первые минуты в председательском кресле на Лубянке, – продолжать работать и вместе с тем провести служебное расследование относительно участия конкретных лиц и подразделений в событиях начала этой недели, не устраивая при этом тотальной чистки. Ответственность должны понести только первые руководители, которые принимали непосредственное участие в подготовке и проведении путча».

О чем говорил еще в своем первом выступлении после назначения на должность председателя КГБ СССР (тезисы по записям Л.В. Шебаршина):

Разведка – это святая святых, на это никто не посягает. Не политизировать, не пугать граждан.

Не нужны общие рассуждения о мохнатой руке империализма. Идеологическая война нас не касается.

Полная департизация. Переход от партийно-государственной к государственной системе. Партий не должно быть ни в одном учреждении. Никаких парткомов.

Самостоятельность отдельных ведомств: погранвойска. Должны профессионалы заниматься своими делами.

Нам обещана защита, чтобы мы могли спокойно реорганизоваться.

Автономность и координация.

Борьбу с коррупцией надо взять на себя, видимо.

М.б., служба антикоррупции?

Войска КГБ: расследование на уровне руководящего состава.

Нужна концепция работы КГБ на республики – информацию каждому президенту.

Уйдет Литва, только лучше будет.

Не втягиваться не в свои дела.

Давать информацию без идеологии.

Наладить инфо для всех президентов.

Заканчивая совещание, сообщил, что в самое ближайшее время встретится с каждым членом коллеги отдельно. Это было последнее заседание коллегии КГБ СССР.

25 августа, в воскресенье, Шебаршин подал Бакатину рапорт. В нем говорилось: «19–21 августа с.г. я оказался не в состоянии дать правильную оценку действий Крючкова и дру-

гих участников заговора и не сумел правильно ориентировать личный состав Первого главного управления – людей честных, дисциплинированных, преданных Родине...» И далее: «Прошу освободить меня... и уволить...»

Однако его рапорт Бакатин оставил без внимания.

Генерал-лейтенант Шебаршин, глубочайший интеллеktуал, руководивший внешней разведкой СССР, кроме английского языка, знал еще урду, фарси, хинди, писал остроумные философские сентенции, был полным антиподом сугубому «внутреннику» Бакатину. Они не могли работать в одной команде, слишком разными были. Впечатления от первых разговоров с новым начальником Шебаршин изложил так: «Абсолютно компетентен даже в тех вопросах, в которых имеет приблизительное представление, абсолютно категоричен, привычно груб».

Впрочем, истины ради, следует отметить, что Бакатин самокритично признавал: да, у него скверный характер. В интервью «Литературной газете» он объяснял, откуда это у него: «Конечно, от обкома у меня осталась нетерпимость к другой точке зрения, неумение выслушать. Ну а грубость – это от стройки».

Жизнь Шебаршина в разведке закончилась 18 сентября 1991 года. 17-го его пригласили на заседание Государственной комиссии по расследованию деятельности КГБ в период так называемого «путча» 19–21 августа. Хотели услышать, чтобы он сказал слово о своей службе.

И он сказал. В постановление комиссии надо записать: «Рекомендовать руководству КГБ СССР в течение переходного периода воздерживаться от структурных изменений и кадровых перемещений». И еще: в недавние времена разведке приходилось отбиваться от партаппарата, теперь же происходят назначения лишь по принципу личного знакомства, иными словами, по протекции.

Он имел в виду случай с выдвижением протее нового первого зампреда КГБ. Шебаршина задело, что выдвижение осуществлялось без согласования с ним. «Председатель уже побеседовал и остался беседой доволен. Он – за», – сказали Шебаршину.

18-го, узнав, что тот назначен, Шебаршин с огромным трудом пробился по телефону к Бакатину.

– А где же вы были раньше? Я уже приказ подписал, – ответил Бакатин.

Шебаршин ему в ответ: дальше он работать не может и просит его уволить. Бакатин согласился, и Шебаршин сел за новый рапорт.

В нем он написал: «Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен Н. Решение об этом назначении было принято в обход Первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли возможным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. Н.

В прошлом, как Вам известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в ПГУ КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме – на основе личных связей, без учета деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые хорошие преобразования.

Судя по тону Вашего разговора со мной по телефону 18 сентября с.г., Вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Шебаршин направил рапорт Бакатину, копии – Горбачеву, Ельцину и Степашину.

«Новой эпохе мы не нужны», – с горечью сделал он запись в своем дневнике.

Бакатин объяснил уход Шебаршина тем, что, будучи умным человеком, захотел уйти. В его интервью газете «Комсомольская правда» есть такие строки: «Но заодно решил проверить, сможет ли мне диктовать. Хотя, наверное, заранее догадывался, что не сможет. И зная, чем это кончится, хотел разыграть маленькую сцену: кто начальник разведки и почему без его ведома ему назначают заместителей. Я не обязательно должен спрашивать, кого и куда назначать. Разведке свойственна корпоративность. Чужих она не любит. Это мне понятно. Но я специально назначил туда человека со стороны. Честного человека. Шебаршин должен это понять, если хотел остаться, а он попробовал сделать маленький демарш... Плохо или хорошо, но я никогда не останавливался перед теми, кто устраивает демарши. "Не могу работать". Не можешь, не работай. И без обид».

Впрочем, тогда ходили разговоры, что Шебаршин подал в отставку, зная, что она неизбежна и уже готовилась. На прямой

вопрос, заданный ему корреспондентом «Комсомольской правды» (2.10.1991), правда ли это, ответил:

– Не знаю. Может, готовилась, а может, и нет. Во всяком случае, я был поставлен в такую ситуацию, в которой, я считаю, сделал единственно правильный выбор. Со мной обошлись недопустимо грубо, даже оскорбительно. Так с начальником разведки поступать нельзя...

Об отставке ему сказали по телефону:

– Бакатин, видимо, не нашел времени, чтобы позвонить и объявить о своем решении. Кто-то из его секретариата сказал, что есть указ об отставке.

Позднее Бакатин объяснял, что столь быстрый уход Шебаршина не входил в его планы, но и не был трагедией. Шум, который тогда поднялся в прессе, по словам Бакатина, «приближенной к разведчикам», был реакцией на первый демарш старых кадров шефу-непрофессионалу.

Как сложилась жизнь Шебаршина дальше? Был учредителем и президентом АО «Российская национальная служба экономической безопасности», членом совета директоров ОАО «Мотовилихинские заводы».

С возрастом у него обострились проблемы со здоровьем. 29 марта 2012 года он сделал последнюю запись в дневнике: «17.15 – отказал левый глаз. 19.00 полностью ослеп». Назавтра покончил жизнь самоубийством в своей московской квартире, выстрелив в себя из наградного пистолета. Похоронили его на Троекуровском кладбище в Москве.

Как проходили назначения

23 августа Горбачев своим указом назначил В.В. Бакатина председателем КГБ СССР – министром СССР. 29 августа Верховный Совет СССР дал согласие на это назначение.

В 1992 году вышла его книга «Избавление от КГБ». Там есть фраза о Союзе: «О нем жалеть не стоит». Пробыл в этой должности 107 дней. Отказался от предложенного Горбачевым звания генерал-полковника.

Почему Горбачев и Ельцин остановили свой выбор именно на нем? Он ведь ни одного дня не работал в КГБ. Родился в Кемеровской области, инженер-строитель, затем в партийных

органах Кемеровской области, инспектор ЦК КПСС, в 1985 году выдвинут первым секретарем Кировского обкома КПСС.

В 1988 году неожиданно был назначен министром внутренних дел СССР, в 1990-м столь же неожиданно освобожден от этой должности, которую получил председатель ЦКК КПСС, будущий член ГКЧП Б.К. Пуго.

Бакатин после ухода с поста главы МВД с марта 1990 года был членом Президентского совета СССР, с марта 1991 года – членом Совета безопасности СССР. Занимался вопросами внутренней политики.

В июне 1991 года потерпел поражение на выборах президента РСФСР – занял среди кандидатов последнее место, получив 3,42% голосов. Был приверженцем либеральных тенденций Горбачева, считал свои воззрения «философией здравого смысла». В период 19–21 августа выступил против ГКЧП, летал в составе российской делегации в Форос за Горбачевым.

Когда Бакатина назначали председателем КГБ, сказал:

– Вы направляете меня в такую организацию, которую, на мой взгляд, вообще надо расформировать.

– Так вот мы вам это и поручим, – отозвался Ельцин, который, как и руководители других республик, присутствовал при назначении.

По словам Бакатина, российский президент предложил включить это в указ. И Горбачев на решении о назначении приписал от руки второй пункт, в котором значилось, что Бакатин должен представить предложения по коренной реорганизации КГБ.

Горбачев обратил на него внимание еще в 1989 году. В декабре, накануне открытия II Съезда народных депутатов СССР, проходил пленум ЦК КПСС. Бакатин тогда был членом ЦК КПСС, министром внутренних дел СССР.

Не сомневаясь, что его «затопают», как признавался он впоследствии, тем не менее, решил выступить с предложением по 6-й статье Конституции СССР. Этот эпизод из его партийно-милицейского прошлого стал для него, как сейчас бы сказали, «минутой славы».

– За все, что происходит, всю ответственность продолжает нести КПСС, – сказал он. – Мне кажется, отсюда надо взглянуть на корни борьбы за отмену статьи шестой. Статья сегодня мешает узаконить реально сложившуюся многопартийность. А мы упорно говорим: нет!..

Зал зашумел, загудел. Выступавший замолчал. Горбачев, ведший пленум, попросил Бакатина продолжать:

– Вы же свое мнение высказываете...

– Да, я высказываю свое мнение, – продолжил Бакатин. – И я считаю, что вопросы не в том, что надо отдавать кому-то политическую власть. Политическая партия, которая не стремится к власти, это – нонсенс, нелепость какая-то. Это не партия. Такого не бывает. Но надо все-таки увидеть, что эта статья и борьба ЦК за ее сохранение работают сегодня не на партию, а против партии. Дает лишние очки нашим политическим противникам. И партия должна была (может быть, здесь мы уже опоздали) давно выступить с такой инициативой – не нужна партии шестая статья! Мы потеряли время. Но все равно сегодня должны рассмотреть этот вопрос. Хуже будет, если его рассмотрит съезд. Хуже будет.

Однако предложение Бакатина принято не было. Но уже через четыре месяца, в марте 1990 года, пленум ЦК все-таки согласился с отменой 6-й статьи Конституции.

«Партия проиграла», – бесстрастно констатировал в 1999 году Бакатин, тогда член ее высшего коллегиального органа.

Был в его биографии и случай, благодаря которому на министра обратил внимание Ельцин. Речь идет о знаменитом происшествии с Борисом Николаевичем в подмосковном дачном поселке в сентябре 1989 года.

В дневнике члена Политбюро В.И. Воротникова от 28 сентября 1989 года есть такая запись: «Информация Горбачева. В дачном поселке “Успенское” на пост милиции пришел Б.Н. Ельцин, около полуночи, весь мокрый. Согрели его, дали коньяку, вызвали дочь и зятя. Они приехали и увезли его. Б.Н. Ельцин просил не придавать этому факту огласку. Милиция сообщила в МВД. Надо разобраться».

По версии самого Ельцина, он ехал к старому свердловскому другу. «Недалеко от дома отпустил машину. Прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке. Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него несколько метров. От холода меня трясло».

Короче, он добрался до поста охраны и заявил, что это было покушение на его жизнь. Однако уже на другой день позвонил

Бакатину и попросил не проводить расследования. Сказал, что отозвал устное заявление.

Поскольку поручение о проведении расследования исходило от Горбачева, Бакатин доложил ему следующее: «В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б.Н. докладываю.

6 октября заместитель начальника следственного управления ГУВД Мособлсполкома т. Ануфриев А.Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б.Н. по телефону. Тов. Ельцин заявил: «Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т.к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле.

С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело подлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б.Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения».

Тем не менее Горбачев решил не скрывать информацию о происшедшем инциденте. О нем Бакатин рассказал на заседании Президиума и на сессии Верховного Совета СССР. Присутствовал и Ельцин.

По словам Бакатина, не найдено подтверждения того, что на Бориса Николаевича было совершено нападение («отпустил машину, шел пешком, его нагнали, надели мешок на голову и сбросили с моста в реку»). Ельцин, которого Горбачев попросил дать объяснение, сказал, что это была шутка: «Это моя частная жизнь. Претензий к МВД у меня нет. Никакого нападения не было. Никаких заявлений я не делал».

Подробностей того, что все-таки там произошло, от Бакатина не дождалось. Ни перед выборами Ельцина на президентский пост, когда Бакатин тоже баллотировался в президенты, ни после того, как Ельцин освободил его от должности председателя КГБ.

В августе 1991 года Бакатин отказался входить в состав ГКЧП. Перед первым его заседанием 19 августа в 10 часов

утра зашел к Янаеву, чтобы спросить, действительно ли Горбачев болен.

Экс-генпрокурор России В. Степанков приводит в своих воспоминаниях фрагмент из показаний Бакатина на допросе в качестве свидетеля после ареста членов ГКЧП:

«В разговоре Янаев был очень возбужден, курил, ходил по кабинету. Янаев объяснил, что его привезли ночью, два часа уговаривали и он вынужден был подписать документы. С президентом, как он выразился, “полный трибунал”. Когда спросил, как это понимать, он сказал, что президент в полной прострации, не отдает отчета своим действиям, страшно болен. Я еще раз сказал, что не верю этому, что лучше прекратить это безобразие, что я в этом участвовать не буду. Он просил меня остаться, не уходить. Но я ушел, написал заявление о своем отношении к созданию ГКЧП и передал его в тот же день через секретаря в приемную Янаева».

На заседании Конституционного суда России 12 октября 1992 года, будучи допрошенным в качестве свидетеля по «делу КПСС», сказал, что после августа 1991 года стал председателем КГБ «волею какой-то странной судьбы». Ему было поручено осуществить три задачи в этом ведомстве: дезинтеграцию, децентрализацию и деидеологизацию.

– Вы назвали события августа 1991 года авантюрой... Они не имели оснований на успех или по другой причине? – спросил судья Б.С. Эбзеев.

– Не имели оснований на успех, – ответил Бакатин.

– Вы разделяли или разделяете марксистско-ленинскую идеологию? – задал вопрос профессор В.С. Мартемьянов.

Бакатин:

– Я думаю, что могу не отвечать на этот вопрос.

В тот же день, 23 августа 1991 года, Горбачев, кроме Бакатина, произвел еще несколько назначений.

Рассказывает маршал авиации Е.И. Шапошников, назначенный министром обороны СССР:

– 23 августа меня пригласили в Кремль. К Горбачеву. Вхожу. Там, значит, вся «девятка», «9+1». Горбачев довольно сдержанно приказывает: доложите, что вы делали 19–21 августа. Коротко рассказал. «Мы так и думали, – говорит Горбачев. – Предлагаем вам пост министра обороны».

По словам Шапошникова, это было как снег на голову. В общем, немая сцена. Прошло несколько секунд.

– Горбачев повернулся к «девятке»: «Какое мнение?» Ельцин говорит: «Назначить министром!» Горбачев тут же пригласил Моисеева. Говорит: «Шапошников назначен министром обороны, вы поступаете в его распоряжение, должность начальника Генерального штаба передайте генералу Лобову». Моисеев сказал: «Михаил Сергеевич, я подлостей не совершал...» Но Горбачев тут же прекратил разговор. На другой день Моисеев подал рапорт об увольнении из вооруженных сил. Я подписал этот рапорт на имя президента, и президент его уволил...

В день, когда состоялось назначение, Шапошников получил звание маршала авиации (был генерал-полковником авиации) и вышел из КПСС (был членом ЦК КПСС).

Во время августовских событий Шапошников не поддержал ГКЧП, выступил на стороне Ельцина. Заявлял, что готов направить на Кремль эскадрилью бомбардировщиков, чтобы уничтожить засевших там гэкачепистов.

Начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев тоже, как и Шебаршин, пробыл в должности и.о. министра обороны одни сутки. Тщетно пытался доказать Горбачеву, что не совершил никаких противоправных действий. Наоборот, успокаивал звонивших ему Руцкого, Лубенченко, что никакого штурма не будет.

– Я ведь предлагал Кобецу: мы – выводим войска, вы – разбираете баррикады, – рассказывал он журналистам. – Еще не было решения коллегии министерства, а Калинин и Золотов получили команду убрать с площадей технику. Да ведь и трагическая гибель трех молодых москвичей произошла, когда была блокирована колонна техники, которая шла к месту сосредоточения, чтобы покинуть город. Если бы она не была блокирована, вообще бы не было никакого кровопролития...

Моисеева сняли не только с должности и.о. министра обороны, но и с должности начальника Генштаба – первого заместителя министра обороны. Ее он занимал с 1988 года.

Заявлял, что его совесть перед народом чиста. Шифротелеграммы, которые отправлялись в войска, содержали лишь требование сохранить и поддержать порядок, усилить оборону объектов.

В военных кругах тогда ходили слухи о том, что инициатором отстранения Шебаршина и Моисеева был Ельцин. Якобы назвал их в беседе с Горбачевым соучастниками путча. В итоге вроде бы убедил Горбачева, что эти назначения – ошибка, и на следующий день она была исправлена.

Подробности привел сам Ельцин в своей книге «Записки президента». Он позвонил Горбачеву ночью, когда информационные агентства сообщили об этих назначениях и сказал:

– Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев – один из организаторов путча. Шебаршин – ближайший человек Крючкова.

Горбачев стал говорить, что, возможно, он не сориентировался, но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению.

В конце этого телефонного разговора Ельцин сказал:

– Утром буду у вас.

«Утром я приехал к нему, – описал он встречу в книге. – Первое, что я потребовал – сразу же отправить в отставку Моисеева. Горбачев сопротивлялся, но в конце концов был вынужден согласиться, что совершил ошибку. Сказал: “Я подумаю, как это исправить”. “Нет, – говорю, – я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку”».

И тут разыгралась сцена, которой, наверное, позавидовал бы любой драматург. Как раз в тот день Моисеев дал команду своим сотрудникам уничтожить шифрограммы, подписанные им самим, которые касались путча.

«К счастью, – повествует Ельцин, – один из офицеров, старший лейтенант, которому было дано непосредственное задание уничтожить шифровки, вышел на нашу службу безопасности и сообщил об этом. Мне передали записку с фамилией и номером телефона этого старшего лейтенанта».

Ельцин дал эту записку Горбачеву и сказал:

– Позвоните по этому телефону и просто спросите, чем он занимается в настоящий момент.

«Горбачев в присутствии Моисеева звонит, там отвечают: старший лейтенант такой-то слушает. Горбачев представился и спросил: “Какое указание вы получили сегодня?” – “Я получил указание от Моисеева уничтожить все шифровки, касающиеся августовского путча”. Горбачев повернулся к Моисееву: “Вам еще что-то неясно?”»

Ельцин признался: это он предложил кандидатуру главнокомандующего ВВС Шапошникова на пост министра обороны: «Сколько ни давили на него Язов и его окружение, он не поддался на провокации и сделал все, чтобы военная авиация не принимала участия в перевороте». И кандидатуру Бакатина на пост председателя КГБ предложил тоже Ельцин: «Тем более, перед ним стояла задача разрушить эту страшную систему подавления, которая сохранялась еще со сталинских времен. Это было достаточно неожиданно, но Горбачев согласился».

Когда дошли до МИДа, Ельцин сказал, что Бессмертных выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в поддержку ГКЧП. Ельцин позднее писал, что Козырева тогда сложно было назначать на пост министра иностранных дел Союза, он был к этому не готов. Остановились на фигуре Бориса Панкина, посла в ЧССР. Он был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную оценку путчу.

28 августа Горбачев своим указом назначил Б.Д. Панкина министром иностранных дел СССР. Это назначение подлежало утверждению Верховным Советом СССР, но он не утвердил кандидатуру Панкина, и тот фактически исполнял обязанности министра до 19 ноября 1991 года, когда Горбачев своим указом освободил его от этой должности.

Б.Д. Панкин, работая в газете «Комсомольская правда», прошел путь от стажера до главного редактора, затем возглавлял Всесоюзное агентство по охране авторских прав (ВААП), советские дипломатические представительства в Стокгольме и Праге.

Находясь в Праге в должности совпосла, утром 22 августа Панкин сказал коллективу посольства, что ему стыдно за ЦК КПСС, который не поддержал своего генсека в трудные минуты. Поэтому он и его жена выходят из рядов КПСС.

А 28 августа в 11.40 по местному времени позвонил Горбачев и предложил срочно прилететь в Москву, стать министром иностранных дел. Пришлось задержать единственный рейсовый самолет «Аэрофлота», который уже готовился подняться в небо.

В тот же день указом Горбачева министром внутренних дел СССР был назначен В.П. Баранников. 29 августа Верховный Совет СССР дал согласие на это назначение. Баранников сменил в этой должности Б.К. Пуго, покончившего жизнь самоубийством.

Первые самоубийства

...Пуго

По официальной версии, утром 22 августа в своей квартире покончил жизнь самоубийством член ГКЧП, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго. Бывший председатель КГБ Латвийской ССР. Сначала выстрелил в жену, потом в себя. Накануне, 22 августа, предполагался его арест.

По версии О.Д. Бакланова, Пуго застрелили:

– Во всяком случае, 50 на 50 процентов это так...

В.Г. Степанков в своей книге «ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир» пишет, что он поручил арестовать министра своему первому заместителю Евгению Лисову. «По рассказам Лисова, в спальне на одной из кроватей он увидел навзничь лежавшего Пуго. Руки его были вытянуты вдоль тела, глаза закрыты, рот и правый висок окровавлены. На прикроватной тумбочке лежал пистолет “вальтер”. Возле другой кровати на полу сидела жена Пуго, Валентина Ивановна. Она была вся залита кровью, лицо багровое, опухшее. Впечатление было такое, что она страшно избита. Экспертиза потом показала, что впечатление это было ошибочным.

Валентина Ивановна ко времени появления группы была еще жива и в сознании. Она реагировала на вопросы, но отвечать не могла и все время делала какие-то жутко медленные, произвольные движения головой, руками – словно силилась встать.

Очень быстро приехавшие по нашему вызову врачи констатировали смерть Пуго и, оказав срочную помощь Валентине Ивановне, увезли ее в больницу, где она скончалась после операции».

Степанков завершает эту трагическую историю двумя короткими абзацами: «Следствие установило, что утром 22 августа из пистолета “вальтер”, принадлежавшего Борису Карловичу Пуго, были произведены два выстрела. Оба раза стрелял Пуго: сначала в жену, потом в себя. Медицинские эксперты заключили, что после выстрела он еще жил в течение десяти – двадцати минут».

Из предсмертной записки Пуго:

«Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению.

Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманул-ся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственное оправдание происшедшему могло бы быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элинка, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Все это ошибка! Жил я честно – всю жизнь...»

Из записки Валентины Ивановны Пуго, супруги Б.К. Пуго: «Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде. Мама».

Слово очевидцу, тогдашнему председателю КГБ РСФСР В. Иваненко, который ездил на задержание:

– Позвонил Баранников: «Мы тут со Степанковым решили, что поедем Янаева брать. Ты поезжай к Ерину, он Пуго занимается, мне неудобно – бывший шеф все-таки...»

Баранников был министром, Ерин – его заместителем.

По словам Иваненко, адрес Пуго был не совсем верный. Сначала проскочили не на тот этаж. После долгих звонков дверь открыл отец жены Пуго, глубокий старик. Ерин зашел первым: «Ребята, здесь кровью пахнет!»

– Та страшная картина мне до сих пор снится, – признавался в 1993 году Иваненко. – Пуго лежит на кровати, подушка и спортивный костюм на груди залиты кровью. Он выстрелил в рот буквально перед нашим приходом. Еще полчаса легкие работали. У жены в голове пулевые отверстия, торчат куски мозга. Она в бессознательном состоянии сидит на полу, размазывает руками кровь по полу. Через соседку вызвали их лечащего врача, «скорую», которая фактически была не нужна.

Вернувшись в «Белый дом», Иваненко пошел докладывать Ельцину. Он уже знал, сидел с недовольным видом, мол, упустили.

– Потом я узнал, что кто-то вместо меня успел доложить: в результате неумелых действий Иваненко Пуго застрелился, – возмущался Иваненко.

Прах Пуго и его супруги, кремированных 26 августа, долго не был захоронен. В некоторых публикациях сообщалось, что родственникам на кладбищах отказывали в захоронении урн. Бывшие сослуживцы отвернулись от своего министра.

Из показаний Вадима Борисовича Пуго, сына Б.К. Пуго: «Утром, перед уходом на работу, я зашел к отцу и увидел, что он что-то пишет, сидя за столом. Судя по всему, это была предсмертная записка. Я спросил у отца, увижу ли его сегодня, он ответил: “Да, вечером увидимся”. В коридоре я встретил мать. Она была в подавленном состоянии, заплаканная...

...Они очень любили друг друга, и я знаю, что мать не смогла бы жить без отца...»

Из воспоминаний Вадима Пуго, сына Б.К. Пуго, опубликованных в газете «День» в августе 1993 года.

«19 августа, – рассказывал он, – у отца по плану заканчивался отпуск – это было известно давно, и все разговоры, будто его специально вызвали в Москву, просто нелепы! Никто его не вызывал. Перед окончанием отпуска он собирался слетать на один день в Ригу – повидаться со своей матерью и братом. Но моя мать, Валентина Ивановна, его отговорила.

Кроме того, и, может, это было решающим, 17 августа произошла загадочная сцена. Кто-то из украинских знакомых родителей устроил на природе небольшой сабантуйчик. Там было 3–4 человека. И все сильно отравились, хотя у каждого было по десять человек охраны. И, тем не менее, слегли. Никто не знал, что и подумать! Мать не могла встать с постели. И они не поехали в Ригу. В результате мать отца и брат приехали в Москву.

Когда они вернулись 18 августа, в воскресенье, в Москву, я встретил их у самолета. Они сошли с трапа – загорелые, радостные. “Поехали на дачу?” – “Поехали!” И все, с охраной, поехали на дачу. Мы в машине сзади: я, жена, дочка, мать и отец, а спереди – охрана.

Отец повернулся ко мне и говорит: “Послезавтра подписание Союзного договора... Какую роль нам Мишель устроит, не знаю”. Все это было сказано в таком доброжелательном, шутовском тоне. Я знал отца – обыгрывать тут глубокий смысл не приходилось.

Приехали на дачу. Занесли чемоданы. Распаковали. Сели ужинать. Я говорю: “Давай, что ли, по рюмке?” И тут телефонный звонок. Звонил Крючков. Отец потом сказал мне: “В Карабахе началась война – двинули танки! Надо быть на работе”.

Я говорю: “Стол накрыт!” А он: “Нет. Все!” – у нас всегда жестко было. “Так по рюмке – и все!” Выпили, и он говорит:

“Все! Вечером увидимся!” И уехал. Больше я его в этот день не видел. Увидел я его только в день перед смертью, потому что он из этих трех дней две ночи ночевал на работе. Обстановка была, сами знаете, какая – то ли полное бездействие, то ли наоборот...»

Из показаний Инны – невестки Б.К. Пуго, жены его сына Вадима:

«В воскресенье, 18 августа, мы прилетели в Москву и сразу поехали на госдачу в поселке “Усово”, куда прибыли около 16 часов. Пуго собирался оставшиеся у него свободные дни провести на даче вместе с приехавшими родственниками.

Однако примерно через десять минут после нашего приезда зазвонил один из телефонов закрытой связи. Я в шутку предложила подойти к телефону и сказать, что Борис Карлович еще не приехал, т.к. мы собирались пообедать и я не хотела, чтобы он уезжал от нас. Он улыбнулся и подошел к телефону.

Я ушла на кухню и не слышала разговор, но через некоторое время он сообщил мне, что обедать не будет, т.к. его срочно вызывают в связи с начавшейся в НКО гражданской войной. Впоследствии мне мой муж сказал, что звонил будто бы Крючков.

Борис Карлович вместе с Валентиной Ивановной быстро собрались и уехали, пообещав вернуться около 20 часов. Однако вечером они не вернулись. 19 августа утром мы уехали с дачи в Москву. В то же утро мы все узнали о государственном перевороте и о том, что в состав ГКЧП входит и наш отец...»

Еще из показаний Инны Пуго:

«21 августа около 22 часов Пуго вместе с женой пришел к нам домой. У нас у всех было плохое настроение, но он своим поведением старался нас развлечь и приободрить. Он смеялся, шутил и очень много рассказывал о своей встрече с Питиримом. Пуго был очень доволен этой встречей. Они разговаривали с Питиримом об иконах, их живописцах, об их создании.

В этот вечер Пуго сказал нам: “...умный у вас папочка, но оказался дураком, купили за пять копеек”. Кроме того, он сказал, что в Риге жить было лучше, и еще посоветовал нам, чтобы мы не совершали ошибок таких, как он, и не доверяли людям. Валентине Ивановне он сказал: “Валюш, не расстраивайся. Будет у нас другая жизнь, но будем жить”. А она ему ответила: “Ничего мне в мире не надо, только прижаться к тебе”. Днем Валентина Ивановна несколько раз звонила на работу Борису

Карловичу и все спрашивала у него, есть ли в доме оружие. Как я поняла, она думала, что его арестуют на работе, и намеревалась в случае, если с ним что-нибудь случится, покончить с собой. Она так ему по телефону и сказала: “Я без тебя жить не буду, не буду ни минуты”.

Мы в тот вечер все думали, что Пуго придут арестовывать ночью, и мой муж пошел к ним ночевать, чтобы быть в трудную минуту рядом с отцом...»

Из интервью В.Б. Пуго редакции приложения «Досье» к газете «Гласность» (№ 8, 2000):

«У меня нет сомнений, что они это сделали сами. Но у меня есть уверенность, что их к этому принудили.

Отец прилетел в Москву вечером 18 августа из Крыма. Он отдыхал в санатории “Южный” рядом с Форосом, где якобы в заточении находился в период чрезвычайного положения Горбачев. Сейчас известно, что он сам себя полностью изолировал, ожидая, как развернутся события. А в 91-м это была страшная тайна.

Сразу по приезде отец выехал по звонку Крючкова. Я его не видел до 21 августа, когда вечером пришел к нему на работу. Стал спрашивать, что происходит. Он мне сказал:

– Пошли домой. Мне здесь сегодня уже делать нечего.

Дома ему было несколько звонков. А ночью отключили оперативную связь, ВЧ и еще один специальный телефон, защищенный даже от ядерного воздействия. Утром не работал и городской телефон. Не смогли отключить только телефон внутренней милицмейской связи. По этому телефону утром были звонки. Звонили его замы, в том числе Ерин, который стал потом министром внутренних дел, еще несколько людей. Кто из них своими словами подвел его к самоубийству, я сказать не могу. О содержании этих разговоров знают только в оперативно-техническом управлении КГБ, которое наверняка тогда прослушивало его разговоры.

Утром 22 августа я ушел на работу. Трагические события произошли без меня. Все случилось с 8 до 10 утра, когда дома были только отец, мать и дед.

Почему с самого начала возникли сомнения в самоубийстве? Отца нашли мертвым на кровати, а пистолет лежал на тумбочке довольно далеко от него. Засвидетельствовавшая это фотография обошла весь мир. Степанков и его команда

выдвигали тогда разные версии, но все они выглядели неправдоподобно. Я тоже не мог найти объяснение. И только потом 89-летний дед, который после происшедшего на год попал в неврологическую больницу, сказал мне, как было дело. Услышав выстрелы, он вошел в комнату. “Очень испугался, взял из руки Бориса пистолет и положил на тумбочку”.

Все следственные действия тогда проводились без меня. Меня просто не пустили в квартиру. Думаю, что сейчас еще можно восстановить множество важных деталей, объясняющих происшествие. По своему историческому масштабу события августа 1991 года можно приравнять к революции или к развалу Римской империи. Надо это сделать».

В конце интервью имеется сноска: «Мы получили от одного из читателей устную информацию о том, что спецслужбы Украины располагают видеозаписью пребывания Горбачева в Форосе в августе 1991 года. Запись свидетельствует, что “изоляция” бывшего президента СССР на самом деле не было: он пользовался связью, свободно передвигался, плавал в море, общался с моряками и пограничниками и вообще со всеми, кем хотел».

...Ахромеев

Утром 24 августа тело бывшего начальника Генштаба, советника президента СССР Горбачева, Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева нашли в его служебном кабинете в Кремле.

Д.Т. Язова эта весть достигла в «Матросской Тишине». Назвал смерть Ахромеева нелепой и не поверил в нее:

– Степень участия Ахромеева в августовских событиях была символической. Слишком много здесь загадочного, Сергея Федоровича отличали мужество и кристальная порядочность.

О.Д. Бакланов тоже в эту версию не верил с самого начала.

– Повесился? И мысли такой не допускаю. Ну и что, если нашли его предсмертную записку? Маршал. Прошел войну. И повесился? Причем вешался два раза. Это нормально? Я знаю его жену, знаю его детей, хорошо знал его самого.

Из материалов следствия:

24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 «а» в корпусе I Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Марша-

ла Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спина труп опирался на деревянную решетку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеящей лентой типа "Скотч". Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено.

Обстановка в кабинете во время осмотра нарушена не была, следов какой-либо борьбы не найдено. На рабочем столе в кабинете обнаружены шесть записок, написанных от имени Ахромеева. Все записки рукописные.

В первой, от 24 августа, Ахромеев просит передать записки его семье, а также Маршалу Советского Союза С. Соколову. В письме на имя Соколова излагается просьба к нему и генералу армии Лобову помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни. Письмо датировано 23 августа. В письме своей семье Ахромеев сообщает, что принял решение покончить жизнь самоубийством. Письмо написано 23 августа. В безадресной, датированной 24 августа, записке Ахромеев объясняет мотивы самоубийства: «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь мне дают право из жизни уйти. Я боролся до конца».

Записка, в которой Ахромеев просит уплатить долг в столовой и к которой подколота денежная купюра в 50 рублей, также от 24 августа.

И последняя записка: «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась – порвался тросик. Собираюсь с силами все повторить вновь».

В пластмассовой урне под столом обнаружены куски синтетического шпагата, схожего с материалом петли.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы от 25.08.91 г. признаков, которые могли бы свидетель-

ствовать об убийстве Ахромеева путем удушения петлей, при исследовании трупа не обнаружено, как не обнаружено каких-либо телесных повреждений, помимо странгуляционной борозды. Установлено, что Ахромеев незадолго до смерти алкоголь не принимал. Почерковедческая экспертиза от 13.09.91 г. подтвердила, что все шесть записок, обнаруженных на столе в кабинете, написаны Ахромеевым...

1 сентября 1991 года газета «Московские новости» опубликовала несколько строк российского генпрокурора Степанкова об Ахромееве: «У нас были к нему вопросы. Но пока не сегодня и не завтра, то есть он не самый “горячий” человек, кто был в нашем списке».

Новость о создании ГКЧП застала Ахромеева в отпуске. Он сразу же вылетел в Москву. Поскольку и.о. президента был Янаев, по собственной инициативе явился к нему и спросил, чем может быть полезен.

Впоследствии Янаев на допросе показал, что он попросил Ахромеева подготовить проект его выступления на Президиуме, а затем на сессии Верховного Совета СССР. «Тема ему была задана следующая: обоснование необходимости всех тех мер, которые были приняты ГКЧП. Он принес мне свой проект в таком виде, какой он имеет сейчас, т.е. машинописный текст и правка от руки. Правка эта самого же Ахромеева. Хочу заметить, что в таком виде я не стал бы использовать этот проект для своего выступления...»

В книге В. Степанкова и Е. Лисова «Кремлевский заговор. Версия следствия» приводится начало представленного Ахромеевым проекта. Конечно же, маршал никогда не был спичрайтером, и это сказалось на качестве текста.

Интерес представляет другое: правки, внесенные самим Ахромеевым. Он вычеркнул первоначально написанные абзацы. В книге приведены три. Вот они. Их должен был произнести Янаев.

«Сейчас все страшно возбуждены – не случилось ли чего плохого с Михаилом Сергеевичем. Хочу успокоить – с ним все в порядке».

«Еще раз подчеркиваю – это мой друг!»

«Задачи, стоящие перед страной, надо решить любыми, даже жесткими мерами. Как только эти задачи будут решены,

я уступлю штурвал корабля любому, кого сочтет достойным страна. В том числе и, еще раз повторю, своему другу Михаилу Сергеевичу».

Когда в ночь на 22 августа 1991 года Горбачев возвратился из Фороса, то потребовал от всех своих помощников и советников подготовить объяснительные записки, чем они занимались в период с 19 по 21 августа.

Ахромеев тоже взял ручку и придвинул к себе несколько чистых листков писчей бумаги. Вывел: «Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву». Далее следовал такой текст.

Докладываю о степени моего участия в преступных действиях так называемого «Государственного комитета по чрезвычайному положению» (Янаев Г.И., Язов Д.Т. и другие).

6 августа с.г. по Вашему разрешению я убыл в очередной отпуск в военный санаторий в г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто, даже намеком, мне не говорил о его организации и организаторах, то есть в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал.

Утром 19 августа, услышав по телевидению документы указанного «Комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 4 часа дня на рейсовом самолете. В 6 часов прибыл в Кремль на свое рабочее место. В 8 часов я встретился с Янаевым Г.И. Сказал ему, что согласен с программой, изложенной «Комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с ним в качестве советника и.о. Президента СССР. Янаев Г.И. согласился с этим, но, сославшись на занятость, определил время следующей встречи примерно в 12 часов 20 августа. Он сказал, что у «Комитета» не организована информация об обстановке, и хорошо если бы я занялся этим. Утром 20 августа я встретился с Баклановым О.Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно.

В середине дня Бакланов О.Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организовали сбор и анализ обстановки. Практически эта группа подготовила два доклада к 9 вечера 20 августа и к утру 21 августа, которые были рассмотрены на заседании «Комитета».

Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г.И. на Президиуме Верховного Совета СССР. Вечером 20 и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «Комитета», точнее, в той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Кроме того, 20 августа примерно в 3 часа дня я встречался в Министерстве обороны с Язовым Д.Т. по его просьбе. Он сказал, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он просил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генерал-полковнику Ачалову В.А., где шла работа над планом захвата здания Верховного Совета РСФСР. Он заслушал Ачалова в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе – никто из Сочи меня не вызывал, и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, еще раз убедился в этом.

Дело в том, что начиная с 1990 года я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ прямо заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «Комитета» и последующее, связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было.

Мне понятно, что как Маршал Советского Союза, я нарушил военную присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР.

Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза Ахромеев С.Ф.
22.08.1991 года.

Нельзя не привести и его письмо, адресованное жене, детям и внукам. Оно дает представление о нравственном облике этого мужественного и честного человека.

Дорогая моя Томуся! Дорогие мои дочери Наташа и Таня! Милые и дорогие Оксана, Сергуня и Ленушка.

Дорогой Георгий!

Пришло время нам расстаться. Я убежден, что так для вас будет легче. Придется пережить две-три страшные недели. Но если мне остаться жить – впереди у нас страшные годы. Не осуждайте меня. Первые дни вы со мной не согласитесь, но позже поймете – я прав.

На Отечество и наш народ я не обижаюсь. Горжусь ими. Всю свою жизнь до последнего вздоха служил им честно. Прошу вас простить меня за все. Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Но в эти тяжкие дни вы мне оказали такую любовь, уважение и преданность, что я понял могучую силу любви семьи. Сегодня я впервые ставлю долг на первое место перед вами. «Мертвые сраму не имут».

Прошу вас мужественно пережить эти дни. Подбадривайте друг друга. Не дайте повода для злорадства недругам. Помогите матери. Она всю свою жизнь без остатка отдала нам с вами.

Прости меня, дорогая Томуся, что тебя не дождался. Остаюсь твоим, Томуся, мужем; вашим, мои дорогие, отцом и дедушкой.

Прощайте. С.Ф. Ахромеев. 23.8.91 г.

Последняя просьба – письмо передать моей семье.

Ахромеев. 9-30 24.08.91 г.

Его хоронили дважды. Тихо, скромно, без воинских почестей. А ведь он был еще и Героем Советского Союза. Первый раз – в парадной форме Маршала Советского Союза. А после того, как в ночь на 2 сентября кто-то раскопал захоронение, похитил маршальский мундир и фуражку, перезахоронили повторно – в обычном темном костюме.

«ПОСЛЕПУТЧЕВАЯ» НЕДЕЛЯ (24–31 августа)

Отречение от партии

24 августа Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря и призвал ЦК, Секретариат и Политбюро самораспуститься. Его заявление заслуживает того, чтобы его назвали «историческим».

Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота. Центральный Комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности. Среди заговорщиков оказались члены партийного руководства, ряд партийных комитетов и средств массовой информации поддержали действия государственных преступников. Это поставило миллионы коммунистов в ложное положение.

Многие члены партии отказались сотрудничать с заговорщиками, осудили переворот и включились в борьбу против него. Никто не имеет морального права огульно обвинять всех коммунистов, и я, как Президент, считаю себя обязанным защитить их как граждан от необоснованных обвинений.

В этой обстановке ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске. Судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами.

Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия. Верю, что демократически настроенные коммунисты, сохранившие верность конституционной законности, курсу на обновление общества, выступят за создание на новой основе партии, способной вместе со всеми прогрессивными силами активно включиться в

продолжение коренных демократических преобразований в интересах людей труда.

М. Горбачев.

«Отказ Горбачева от двадцатимиллионного отряда товарищей по партии, единомышленников поразил не только коммунистов, но и большинство народа, – прокомментировал В.И. Воротников. – Такое предательство невозможно было представить даже в страшном сне.

Так Горбачев лишился главной своей опоры – партии.

Все, что происходило потом – его призывы, заявления, обращения – у большинства народа вызывало резко отрицательную реакцию. Крепли сомнения в реальности его форосской изоляции. Так ли он, как представляет, вел себя в Форосе с прибывшей 18 августа делегацией? Не было ли провокации с его стороны? Если так подвел партию, то, тем более, мог подвести и этих близких ему людей. Говорил, обещал одно, а сделал...»

Отставка Горбачева прокомментировал и Бакатин: «Могу свидетельствовать, что президент, он же генсек, долго не хотел этого. Даже вернувшись из Фороса, преданный своими ближайшими оппонентами – однопартийцами, он не мыслил для себя разрыва с партией. Он вынужден был сделать это вопреки своему желанию. Партийная элита была против реформатора-генсека, а надежда на поддержку “партийных масс” – иллюзорна. Как политик Горбачев не мог не понимать, что государственная власть (президент), не опирающаяся на партию или партии, обречена. Но такой опоры в КПСС у него не было уже давно. Он тянул, сколько мог. Но, наконец, фактический разрыв был оформлен юридически».

В тот же день Кабинету министров СССР было объявлено о его роспуске. Горбачев своим указом упразднил ряд союзных министерств и учреждений.

25 августа Ельцин издал свой указ «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР». Объявил государственной собственностью РСФСР все принадлежавшее КПСС и КП РСФСР недвижимое и движимое имущество, включая денежные средства в рублях и иностранной валюте. Архивы КПСС и КГБ передавались в ведение РСФСР – в том числе и в областях, краях и республиках.

Верховный Совет РСФСР одобрил ельцинские указы.

4 ноября 1991 года начальник управления Прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности В.И. Илюхин возбудил уголовное дело в отношении президента СССР Горбачева по обвинению в измене Родине.

После развала СССР эти материалы Илюхин дважды направлял в Прокуратуру России для возбуждения дела, но безрезультатно. И тогда в феврале 1993 года по требованию Всенародного вече был созван народный трибунал, который обратился в Верховный суд РФ с просьбой возбудить уголовное дело в отношении Горбачева. Тогда же в Международный комитет по Нобелевским премиям ушло ходатайство о лишении Горбачева Нобелевской премии мира.

Заседание трибунала проходило в помещении Ленинградского райсовета, возле станции метро «Речной вокзал». Картонный плакат на дверях призывал: «Изменника Родины Горбачева – к высшей мере!». Ему посылали повестку, но он в суд не приехал.

В состав трибунала, утвержденный Думой Всенародного вече, входили известные ученые, юристы, публицисты, народные депутаты СССР, работники культуры, священнослужители.

Горбачева обвиняли в лицемерии, лжи, предательстве и обмане народа, в разрушении Отечества, отданного им Западу; в умышленном неисполнении Конституции СССР и других законов, преднамеренном нарушении Ялтинских, Потсдамских, Хельсинкских договоренностей, чем создал условия для пересмотра итогов Второй мировой войны.

Народный трибунал приговорил его к вечному позору и проклятию.

Последние герои

24 августа на Ваганьковском кладбище похоронили трех погибших москвичей – Комаря, Кричевского и Усова. Горбачев подписал указ о присвоении им звания Героя Советского Союза посмертно.

Они стали последними Героями страны. Больше такое звание никому не присваивалось. Правда, Горбачев предлагал

присвоить Героя Ельцину за особые заслуги в деле подавления «путча», но Борис Николаевич гордо отказался.

У «Белого дома» прошел траурный митинг в память погибших. Ельцин произнес душещипательную речь, назвал погибших спасителями, а их имена – святыми и, обратившись к их родителям, сказал:

– Простите меня, вашего президента, что я не смог защитить, не смог уберечь ваших сыновей.

Горбачев в своем выступлении назвал их «настоящими гражданами своего Отечества».

– Те, кто пошел на путч, получают по заслугам, прощения не будет, – пообещал он.

Самым молодым из них был 23-летний Дмитрий Комарь. Родился в семье кадрового военного, майора. В детстве мечтал связать свою жизнь с армией, как и отец. Срочную военную службу проходил в десантных войсках. «Афганец», награжден медалью «За боевые заслуги».

Работал водителем автопогрузчика на мебельной фабрике «Интерьер» у метро «Полежаевская». Жил с родителями в военном городке в Истринском районе.

Илье Кричевскому было 28 лет. Архитектор. Родился в семье архитектора. Гордился дедом – старым большевиком, членом партии с 1918 года. Служил в армии танкистом-наводчиком. После демобилизации устроился в проектный институт. Писал стихи, рисовал, любил театр. Жениться не успел.

Старшим был 37-летний Владимир Усов. Отец, контр-адмирал в отставке, в прошлом штурман, командир подлодки, потом командир соединения на Тихом океане, перед отставкой служил в Главном штабе ВМФ. Владимир отслужил срочную на флоте, затем работал экономистом в совместном предприятии. Был женат, дочь-девятиклассница осталась без отца.

Такие вот подробности о людях, гибель которых в тоннеле на Садовом кольце, по сути, повлекла прекращение действий ГКЧП.

Нет, это не все подробности. Прошло совсем немного времени, и о них... забыли. В прямом смысле этого слова. Только спустя полгода (!) родителям Комаря, Кричевского и Усова вручили Золотые Звезды Героев уже не существующей страны, которых были удостоены их сыновья – «защитники демократии и конституционного строя», как было сказано в указе и в траурных речах на их похоронах. Вспомнили лишь после того, как

в одной из московских газет появилась статья «Кто присвоил Звезды Героев?».

Сегодня практически никто не помнит обещания властей установить памятник на месте гибели тех ребят. Сначала, вроде бы, рьяно взялись за это дело, даже конкурс объявили на лучший проект. И победитель был. Но не нашлось денег на его возведение. Да и разговоры пошли: зря ребята погибли...

Что касается их родителей, то еще в 1993 году они получали за своих погибших сыновей 250 пенсионных рублей. Это была цена пяти буханок хлеба...

В августе 2016 года, в 25-ю годовщину событий 19–21 августа 1991 года, редакция «Комсомольской правды» решила посмотреть, стоит ли стела погибшим за «Белый дом». Корреспондент поехал и с трудом отыскал. У кого бы он ни спрашивал, никто не знал, что это за памятник и где он находится.

Первое, что журналист увидел, это... баррикады. Только не те, а другие, из строительного мусора. Валялись дорожные знаки, столбы, окурки... Ни портретов, ни цветов. Даже в юбилейные дни. И журналист был единственным, кто пришел туда.

И это все о них

24 августа 1991 года газета «Московские новости» опубликовала материал под названием «Экспертиза: состав преступления».

Группа сотрудников Института государства и права АН СССР пришла к заключению, что ГКЧП совершил тягчайшее преступление – предпринял попытку устранить президента СССР. Этот акт, названный учеными подлым, по их мнению, не имел под собой никаких юридических оснований, грубо нарушал Конституцию СССР и все другие действующие законы. Для них, специалистов-правоведов, совершенно ясно, что организаторы переворота должны нести уголовную ответственность.

«Преступления Янаева, Павлова, Бакланова, Пуго, Язова, Крючкова, Стародубцева, Тизякова и иже с ними, – говорилось в экспертизе правоведов, – состоят в следующем:

1. На основании статьи 127/6 Конституции СССР «Президент СССР обладает правом неприкосновенности и может быть смещен только Съездом народных депутатов СССР и законов

СССР". Но никто не обвиняет Горбачева в нарушении Конституции и законов, а если бы даже и обвиняли, то вопрос о виновности может быть решен только приговором суда. Следовательно, решение Янаева и его клики о смещении и фактическом аресте президента без ведома и согласия Съезда народных депутатов СССР – грубейшее нарушение Конституции СССР.

2. На основании статьи 127/4 Конституции СССР вице-президент вправе замещать Президента СССР в случае невозможности осуществления им своих полномочий (например, отъезда, болезни, смерти). Клика выдвинула мотив: Горбачев болен. Но это утверждение ничем не подтверждено. Единственным доказательством болезни может быть заключение авторитетной и независимой комиссии врачей. Наглая ложь, использованная кликой, лишает всякой правовой основы ее действия по отстранению Горбачева от власти. За тягчайший должностной подлог виновные должны нести уголовную ответственность по статье 175 Уголовного кодекса РСФСР.

3. Незаконное вступление Янаева в должность исполняющего обязанности Президента СССР – еще одно преступление. Оно предусмотрено статьей 171 Уголовного кодекса РСФСР, которая так и называется “Превышение власти или служебных полномочий”. В ней сказано, что “совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам, – наказывается лишением свободы на срок до 10 лет”.

4. У преступной хунты не было никаких правовых оснований и для объявления чрезвычайного положения. В законе “О правовом режиме чрезвычайного положения” точно и исчерпывающе перечислены условия, когда такое положение может быть объявлено: а) стихийные бедствия, б) крупные аварии или катастрофы, в) эпидемии, г) эпизоотии, д) массовые беспорядки. Ни одного из этих условий в момент издания Янаевым указа не было. Следовательно, указ незаконен, и те, кто его исполнял, тоже действовали незаконно со всеми вытекающими из этого последствиями.

В конечном счете, все то, что предпринято хунтой в эти тревожные дни (незаконные указы, распоряжения, призывы и т.д.), образует состав наиболее тяжкого уголовного преступления, которое статья 64 Уголовного кодекса РСФСР именует “Изме-

ной Родине”. Конкретно это формулируется как “заговор с целью захвата власти” и карается лишением свободы сроком до 15 лет или смертной казнью”».

Экспертизу подписали сотрудники Института государства и права АН СССР: 7 докторов юридических наук, профессоров и 5 кандидатов юридических наук.

Но есть и другие мнения. 1994 году в одном из московских издательств вышла книга «Москва. Кремль. Охрана». Автор – М.С. Докучаев, в течение 14 лет служил заместителем начальника 9-го управления КГБ СССР. До этой должности была служба начальником отдела контрразведки в ПГУ. Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР.

По словам Докучаева, «путчисты являются национальными героями, и об этом еще скажет свое слово история. Сейчас же можно только посочувствовать им за их непоследовательность и нерешительность в доведении дела до конечной цели».

Третья годовщина ГКЧП, год 1994-й. Новостная лента информационного агентства ИТАР-ТАСС. Интервью командующего 14-й армией, дислоцированной в Приднестровье, генерал-лейтенанта Александра Лебедея. В августовские дни 1991 года он сыграл одну из ключевых ролей в обороне «Белого дома».

В интервью он как ни в чем не бывало утверждает: августовские события считает «позорной страницей в истории Российского государства», «не причисляет себя к защитникам “Белого дома” и активным участникам того, что произошло в августе 1991 года».

Тех, кого интересуют подробности, отсылает к своей книге «Спектакль назывался путч». Что же там написано? «Путча как такого не было – была гениально спланированная, блестяще осуществленная крупномасштабная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, сознательно или бессознательно, свои роли выполнили».

По словам генерала, эта провокация «позволила одним махом решить массу колоссальных проблем: разметать КПСС, разгромить силовые министерства и ликвидировать, в конечном счете, великую страну, 73% граждан которой на референдуме в марте 1991 года однозначно сказали: “Союзу быть”».

Но есть и другая книга – «Записки президента». Ее автор Борис Ельцин рассказал, как он познакомился с отважным ге-

нералом в те августовские дни. Называет его «интересной личностью, генералом, прошедшим Афганистан, выполнявшим солдатские нормативы десантника лучше любого солдата».

Кто бы с этим стал спорить? Но ведь не кто иной, а именно генерал Лебедь ночью 19 августа предложил Ельцину принять статус Верховного главнокомандующего на территории России. В ельцинской книге прямо сказано: «Я не мог сразу решиться на такой шаг, и указ по этому поводу был подписан только на следующий день».

Третье самоубийство

26 августа в пять часов утра с балкона своей квартиры выбросился управляющий делами ЦК КПСС Н.Е. Кручина. Оставил две посмертные записки. В одной было написано: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу».

Вторая записка: «Я не преступник и заговорщик, мне это подло и мерзко со стороны зачинщиков и предателей. Но я трус... Позаботьтесь, пожалуйста, о семье, особенно вдове.

Никто здесь не виноват. Виноват я, что подписал бумагу по поводу охраны этих секретарей. Больше моей вины перед Вами, Михаил Сергеевич, нет. Служил я честно и преданно. 5.15 мин. 26 августа. Кручина».

В.Г. Степанков приводит в своей книге «ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир» два фрагмента из показаний жены Кручины Зои Ивановны и показаний офицера охраны КГБ Евланова.

З.И. Кручина: «В пятницу 23 августа муж вернулся со службы примерно в 18.45. Я спросила его: “Почему так рано?” Он ответил: “Я уже отработал”».

Евланов: «В воскресенье 25 августа Кручина возвратился домой в 21.30. Обычно он человек приветливый, всегда здоровается. В этот раз был какой-то чудной.

Я находился у входа в дом, на улице, когда подъехала его машина. Он вышел из машины, не поздоровался, ни на что не реагировал, поднялся к себе. Чувствовалось, что он чем-то расстроен. С утра вышел один человек, а возвратился совсем другой...

В тот последний свой вечер Николай Ефимович никуда из дома не отлучался, и никто, кроме старшего сына, Сергея Нико-

лаевича, его не посещал. В полночь дежурный офицер охраны, как всегда, закрыл дверь в дом».

З.И. Кручина: «После 22 часов он велел мне идти спать, а сам собирался еще поработать. Около 22.30 он прилег на диван в своем кабинете и уснул. Я пошла к себе. Однако заснуть мне не удалось, так как на душе было беспокойно. Я не спала практически всю ночь. В 4.30 я посмотрела на часы и мгновенно уснула. Проснулась я от сильного стука в дверь. Когда я вышла из спальни, меня встретил сын Сергей и работники милиции».

Евланов: «В 5.25, находясь внутри здания, я услышал сильный хлопок снаружи. Впечатление было такое, как будто бросили взрывпакет. Выйдя на улицу, я увидел лежащего на земле лицом вниз мужчину... Немного поодаль валялся сложенный лист бумаги...

Это была одна из двух оставленных Николаем Ефимовичем записок».

Кручине было 63 года. По образованию аграрник. Сначала комсомольская, затем партийная карьера – от первого секретаря Новочеркасского горкома ВЛКСМ Ростовской области до заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС. С 1983 года – управляющий делами ЦК КПСС. В этой должности работал при Андропове, Черненко и Горбачеве.

Официальная версия: самоубийство. Но с первых дней говорили, что в ней немало странного. Например, какие мотивы? К ГКЧП он не имел отношения. Следствие сразу это установило. Из-за опечатывания зданий ЦК КПСС?

Позднее О.Д. Бакланов удивлялся:

– Чего ему было выбрасываться? Он, грубо говоря, был бухгалтером. Я его тоже знал. Поэтому не вижу мотивов.

Вскоре появились подробности. В квартире, с балкона которой он выбросился, спали жена и младший сын. Они не слышали ни шума, ни крика. При обыске, произведенном следователями по особо важным делам Прокуратуры СССР, следов уничтожения каких-либо документов не обнаружено.

За день до трагедии с Кручиной беседовал заместитель председателя правительства Москвы А. Музыкантский, который рассказывал, что Кручина был спокоен и охотно рассуждал о партийной собственности, обсуждал способы ее сохранения и наилучшего использования. Он знал все русла, по которым

текли деньги в КПСС и из нее. Правда, когда разговор зашел о финансовых средствах, Кручина стал заметно волноваться. На следующее утро жизнь его оборвалась.

Следствие идет по следу

25 августа Генеральный прокурор СССР Н. Трубин объединил следственные группы прокуратур СССР и РСФСР по делу ГКЧП в одну. Ее руководителем назначен заместитель Генерального прокурора РСФСР Е. Лисов, заместителем – сотрудник Прокуратуры СССР А. Фролов.

Надзор за расследованием дела в пределах российской компетенции возложен на Генерального прокурора РСФСР В. Степанкова. Надзор за расследованием преступлений, связанных с путчем, на территории других суверенных республик возложен на генеральных прокуроров этих республик. Решение надзорных вопросов, относящихся к исключительной компетенции Генерального прокурора СССР, Н. Трубин оставил за собой.

Объединение следственных групп вызвано тем, что было возбуждено два уголовных дела: Прокуратурой СССР и Прокуратурой РСФСР. Одни участники заговора арестованы Генеральным прокурором СССР, другие – Генеральным прокурором РСФСР. Поэтому работа по делам велась разрозненно, что осложняло расследование.

Допрошен народный депутат РСФСР заместитель министра обороны СССР генерал-полковник В. Ачалов. 19 августа он по приказу министра обороны Язова силами войск специального назначения ВДВ взял под контроль телецентр «Останкино».

Дважды, в декабре 1991-го и в феврале 1992 года, Генпрокуратура России просила российский парламент лишить В. Ачалова депутатской неприкосновенности, но оба раза получала отказ.

Власть отрекается от своих

26 августа открылась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Председательствовал глава Совета Союза И.Д. Лаптев, поскольку Президиум Верховного Совета отстранил Лукья-

нова от занимаемой им должности. Но он – депутат, на сессии присутствовал, сидел в зале.

Во вступительном слове Лаптев назвал действия ГКЧП политическим злодейством, а попытку переворота – антиконституционной и антинародной, от которой сжимаются возмущенные сердца.

– Мы испытываем чувство жгучего стыда, – калялся он, – что Верховный Совет страны, его Президиум – первые гаранты законности, творцы законов – делали вид, что их это касается мало.

Выступил Горбачев. Сообщил о ситуации, возникшей в стране в связи с имевшим место государственным переворотом. Обвинил себя в сохранении структур, приведших к путчу. Одной из своих ошибок назвал промедление с ликвидацией партийной монополии на власть. Старая система мешала ему двигаться вперед. Благодарил за поддержку всех – москвичей, российский парламент, лично Ельцина.

– Я приехал не только в другую страну, – отметил Михаил Сергеевич, – но приехал также и другой человек.

Сессия приняла решение открыть чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР 2 сентября. Приняли также решение приостановить деятельность КПСС на всей территории СССР. По представлению Генерального прокурора дали согласие на привлечение к уголовной ответственности бывшего председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова.

В конце августа – начале сентября проводились опросы общественного мнения. Рейтинг Ельцина превысил 80%. Более половины опрошенных россиян требовали для участников ГКЧП смертной казни или пожизненного заключения.

Прошло четыре года. И вот результаты опроса москвичей, проведенного Институтом социологии парламентаризма и обнародованные директором института Нугзаром Бетанели в газете «Известия» в номере за 19 августа 1995 года.

Вопрос № 1. «Являются ли праздником лично для вас торжества “Виват, Россия!”, посвященные победе над ГКЧП?» В августе 1992 года ответили «да», скорее “да”» 26% опрошенных, в августе 1995 года – 15%.

Вопрос № 2. «На чьей стороне были ваши симпатии в августе 1991 года?» С 8% в 1992 году до 18% в 1995-м увеличилось число тех, кто «не помнит», на чьей стороне были его симпатии.

Вопрос № 3. «Оправдались ли ваши надежды и ожидания от победы над ГКЧП?» В 1992 году положительный ответ дали 26% опрошенных, в 1995-м – только 7%.

Вопрос № 4. «Были ли вы среди защитников Белого дома в августе 1991 года?» Полная противоположность «ленинского бревна на субботнике»: число тех, кто лично защищал демократию, сократилось с 9% в 1992 году до 6% в 1995-м.

Вопрос № 5. «Если бы ситуация с ГКЧП произошла сегодня, вышли ли бы вы на защиту Белого дома?» Число желающих защищать цитадель демократии сократилось в два раза.

Ответы на другие вопросы показали, что среди населения усиливалась ностальгия по СССР. Сожалели о распаде Союза 74% москвичей (в 1992 году – 69%), не сожалели – 18% (в 1992 году – 25%).

Через четыре года после победы Ельцина на президентских выборах в 1991 году его рейтинг заметно снизился. Даже в Москве, традиционно поддерживавшей президента, общее число избирателей, относившихся к его деятельности положительно или с некоторым позитивным интересом, уменьшилось с 55% в мае 1991 года до 16% в августе 1995 года.

А вот данные опроса, проведенного в августе 1995 года фондом «Общественное мнение». В развале СССР россияне меньше всего винили ГКЧП, а больше всего – Горбачева.

Вину на экс-президента СССР возлагали 44% опрошенных, и лишь 5% считали виновными в развале СССР руководителей ГКЧП. Согласно этому опросу, 21% респондентов сожалел о провале ГКЧП, 27% удовлетворены тем, что попытка путча была сорвана, а 26% сказали, что им это безразлично.

ЭХО АВГУСТОВСКОГО «ПУТЧА». СЕНТЯБРЬ

КГБ и Бакатин. Новый курс

В книге заместителя начальника разведки В.А. Кирпиченко «Разведка: лица и личности» приводятся запомнившиеся автору слова Бакатина, которые он произнес 23 августа на первой встрече с руководящим составом КГБ СССР.

«У меня есть один недостаток – я излишне многословен и, я, очевидно, буду вас перебивать», – процитировал Кирпиченко слова нового хозяина Лубянки.

Присмотревшись к нему, Кирпиченко сделал остроумное заключение: «Другие начальники тоже имеют привычку перебивать подчиненных, когда им что-нибудь непонятно или когда они хотят что-то сказать по существу вопроса. Этот же просто говорил, не переставая, по поводу и без повода, и сам процесс говорения его возбуждал и вдохновлял. Слушать других ему было абсолютно не интересно».

Когда Крючков узнал о том, кто пришел вместо него на Лубянку, тоже был поражен. И открыто написал об этом в своей книге «Личное дело»: «Изумился я не выбору Горбачева – он-то все сделал “правильно”. Мне была совершенно непонятна позиция Ельцина в этом вопросе. Ведь тогда фактически власть была уже у него, и без его согласия, уверен, назначение Бакатина состояться не могло. Неужели Ельцин не понимал, что, отдавая безопасность и разведку в руки “людей Горбачева”, он лишает себя и своих единомышленников важнейших источников информации? Значит, у Ельцина была более высокая заинтересованность – он нуждался в человеке, который разрушил бы комитет. Для этого Бакатин вполне подходил... Бакатин не скрывал поставленной перед ним задачи – разгромить органы безопасности».

Действительно, достаточно раскрыть книгу Бакатина «Избавление от КГБ», чтобы убедиться в правоте слов Крюčkова. В книге прямо утверждалось, что КГБ – это носитель бесчисленного количества зол и источник недобрых дел, «составлял

основу тоталитарного режима, без которого этот режим просто не мог существовать».

В интервью газете «Вечерняя Москва» (8.07.1997) на вопрос, что он почувствовал, впервые войдя в здание на Лубянке, Бакатин ответил:

– Ничего я не почувствовал. Вспомните ту обстановку: вчера провалился путч, личный состав был полностью деморализован. Толпы далеко не демократов рвались в здание, раскачивали памятники, со всех сторон «подбрасывали» информацию... Работа захлестнула сразу.

Новый курс Бакатин провозгласил в своем выступлении на совещании руководящего состава КГБ СССР 5 сентября 1991 года (тезисы по записям Л.В. Шебаршина).

Ситуация крайне нестабильна.

Победа демократии – прорыв зашедшей в тупик революции.

Было сопротивление реформам центральных структур власти – результат: развал и хаос.

Оно не устранено, а ослаблено. Появилась реальная перспектива политики действия, а не приверженности «измам».

Главное препятствие не устранено – речь идет о сохранении Союза. Путчисты сорвали новоогаревский Союзный договор. Их действия активизировали процесс распада Союза. Идиотизм идеологов сохранения Союза силой.

Прежнего Союза нет. Сверху не восстановить. Есть лишь один путь – добровольный Союз.

Съезд должен прорваться через сопротивляющуюся часть депутатов и принять правильное решение.

Оценить степень нарушения законности, но в то же время не спускаться слишком далеко вниз. Не искать виноватых среди подчиненных.

Должны решить взаимные вопросы. Не должны, а с другой стороны должны очиститься. Сохранить профессионалов. Реорганизовать структуру, очиститься, но не потерять кадры, продолжать выполнять задачи. (Они продолжают усложняться! Как и все прошлые годы...) При этом соблюдать законность, работая в правовом вакууме.

Из ведомства, которое снискало себе печальную славу пресечением политического инакомыслия, перестроиться в

систему, где обеспечивается безопасность Союза республик на основе и в условиях демократического и т.п. общества.

Архивы. Не допустить раскрытия агентуры. Никогда такие архивы на агентуру не раскрывать, но ничего не жечь. Не надо в панику бросаться. Пока есть время для цивилизованных решений. Калининченко с Эстонией все решили.

Нечего каждой республике создавать свою внешнюю разведку. Не должно быть никакого двойного подчинения. Надо сохранить, но, м.б., пересмотреть идеологию, структуру, расходы и т.п. Но сохранить единой.

Первое интервью нового председателя КГБ появилось в «Московских новостях» 8 сентября – спустя две недели после назначения. Добавил он некоторые подробности о событиях 19–21 августа.

Узнав о создании ГКЧП, отправился к Янаеву и передал ему написанное от руки заявление: так, мол, и так, в связи с тем, что не может согласиться с антиконституционным отстранением президента от власти, не считает возможным исполнять обязанности члена Совета безопасности СССР и просит принять это к сведению.

О поездке в Форос: «Чуть не опоздали. Когда мы примчались, трап был убран и техник уже стоял с наушниками. Я их вырвал у него и начал летчикам кричать, чтобы они заглушили двигатели и позвали Силаева. Подогнали трап, и мы с Примаковым туда ввалились. Ну, а там – это была радость. Я ничего не могу сказать... Это был такой счастливый день! Я, честно говоря, до сих пор не понимаю, как вообще можно так делать государственный переворот».

О своем назначении на пост председателя КГБ СССР: «Для меня очень неожиданно. Хотя, если искренне, я помню, что после того, как была атака на Горбачева и Павлов запросил чрезвычайных полномочий, я слышал несколько раз разговоры: Крючков подает в отставку, и меня прочат сюда. Но это на уровне слухов, думал – болтовня. Поэтому к такой перемене я оказался не готов, конечно, и программы не было. Еще до назначения я стал как член Совета безопасности заниматься “Альфой” (ко мне домой пришли ребята из “Альфы” с подробной исповедью об этих трех днях). Я в результате Горбачеву сказал, что надо забрать это подразделение из КГБ, пока не

поздно, и передать непосредственно в подчинение Башкина – коменданта Кремля.

Он говорит: готовь немедленно такое распоряжение и встречу с этими ребятами, а командира “Альфы” Карпухина уволить. Я этим занимался, а мне все время звонили из приемной президента и говорили: вас ждут, вас ждут... Я сидел час, не реагировал на звонки, пока не подготовил документ, думал, зовут для разговора именно об “Альфе”. Прихожу, а там сидят в “ореховой комнате” все – Горбачев плюс “девятка”. И с ходу: мы все решили тебе предложить быть председателем КГБ. Я им, конечно, сразу сказал, что у меня есть другая кандидатура – Юрий Рыжов. Он человек гражданский, а я все-таки в какой-то мере полугенерал. Во-вторых, он все-таки теоретик, разработчик концепции безопасности. Я знаю, что он этим занимается, и знаю людей, которые с ним работают. Что касается меня, то я неоднократно выступал просто за ликвидацию Комитета госбезопасности. В решении Совета федерации Горбачев вторым пунктом записал: поручить Бакатину внести предложение по коренной реорганизации Комитета государственной безопасности. В этот же день в 3 часа решили проводить коллегию, и я провел ее по инерции. Потом только понял, что никакой коллегии быть не должно в принципе, потому что коллегию надо обновлять полностью».

Горбачев принял предложение Бакатина о передаче войск КГБ Министерству обороны. Это коснулось 103-й Витебской воздушно-десантной, 75-й Нахичеванской, 48-й мотострелковой дивизий и 27-й отдельной мотострелковой бригады. Ранее они находились в составе Вооруженных сил СССР, но Крючков добился перевода их в свое ведомство.

Бакатин отдал назад и, по его словам, почувствовал себя счастливым:

– Сейчас я не обладаю никакой возможностью «двинуть» какие-либо войска куда бы то ни было. Их просто у меня нет, и даже если бы я захотел, я уже не смогу этого сделать...

Служба охраны, «девятка», находившаяся в подчинении председателя КГБ, была переподчинена непосредственно президенту СССР. Она получила новое название: Управление охраны при аппарате президента СССР.

Придал самостоятельный статус Пограничным войскам: «В КГБ они ни к чему». Был создан самостоятельный Комитет по

охране государственной границы. После распада СССР и ухода Бакатина с Лубянки пограничники вернулись, правда на короткое время, в свое материнское лоно – в состав Министерства безопасности России. Однако в 1993 году они опять получили самостоятельность – была образована Федеральная пограничная служба.

Из состава КГБ выделили комплекс управлений, отвечавших за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку, и объединили в новое ведомство – Комитет правительственной связи при президенте СССР. Он подчинялся напрямую президенту, минуя председателя КГБ, который уже не мог ни у кого отключить связь своим решением. С 1993 года это ведомство получило название Федерального агентства правительственной связи и информации при президенте России (ФАПСИ).

Бакатин упразднил бывшее 5-е управление: «Служба, или политический сыск, или надзор по политическим мотивам, прекращены полностью – за это я могу ручаться».

Службу, которая занималась коррупцией в органах МВД, из КГБ переместил в МВД: «Пусть сами отвечают за себя и имеют инструменты внутренней контрразведки».

Из состава КГБ вывел внешнюю разведку. Возмущался «информационным мусором из ПГУ, который зачастую имел не большую ценность, чем вырезки из газет».

Из центрального аппарата выделил Управление по Москве и Московской области, которое переходило под юрисдикцию российского руководства и стало называться УКГБ РСФСР по Москве и Московской области. По рекомендации мэра Москвы Г. Попова начальником был назначен гражданский человек – Е.В. Савостьянов, отличившийся в августе при выдворении сотрудников аппарата ЦК КПСС из помещений на Старой площади.

Как и пообещал в первый день своего назначения на должность председателя КГБ, встретился с каждым из членов коллегии. Они приходили к нему с рапортами, где излагали свои действия в августовские дни и в конце выносили себе вердикт. В основном это были прошения об отставке. Некоторых Бакатин отправлял сам по причине того, что они не справлялись с работой.

Уже в первые недели от занимаемых должностей освободил заместителей председателя КГБ генералов Грушко, Агеева, Петроваса, Прилукова, Лебедева; руководителей управлений

генералов Плеханова, Генералова, Дардещкого, Жижина, Калгина, Беду, Глущенко, Расщепова; начальника группы «Альфа» генерала Карпухина. Подчеркивал: «И еще будут уволены довольно многие. По стране, может быть, это будут сотни, тысячи, но это те, которые действительно запятнали себя государственным преступлением – участием в заговоре».

Кого Бакатин назначил вместо ушедших? Кадровое, ключевое управление возглавил недавний преподаватель Военно-воздушной академии полковник авиации Н.С. Столяров, отличавшийся своими реформистскими взглядами и удостоенный должности председателя Центральной контрольной комиссии Компартии РСФСР. Памятные августовские дни он провел в «Белом доме». «Правда, ему мешало отсутствие опыта административной и кадровой работы... В чем-то, видимо, мешал и мой, зачастую субъективный, подход», – самокритично признавал новый шеф Лубянки.

Первым заместителем Бакатина стал А. Олейников. Он служил в московском и пермском управлениях, был заместителем начальника Управления по борьбе с организованной преступностью. Бакатин хвалил его – исключительно трудоспособный, без амбиций, опытный и доброжелательный. «Об этом выборе я никогда не жалел», – с теплотой говорил о нем Бакатин.

Заместителями были назначены Н. Шам – с должности первого заместителя начальника 6-го управления и Ф. Мясников, работавший заместителем начальника Инспекторского управления. Обоим Бакатин давал блестящую характеристику.

Внешняя разведка выделялась в самостоятельную структуру, возглавить которую надлежало кому-либо из крупных политиков. Бакатин предложил кандидатуру академика Е.М. Примакова, и Ельцин дал согласие. Сначала Примаков возглавлял ПГУ на правах первого заместителя председателя КГБ.

Бакатин считал, что главное в изменении концепции работы разведки – отказ от образа врага, от взгляда на империализм, на Запад только как на источник возможных бед и напряжений. «Знаменитая формула Уильяма Гладстона об отсутствии у его страны постоянных врагов и наличии только постоянных интересов была созвучна и моим мыслям», – отмечал он.

Обновил руководство секретариата КГБ, аналитического управления, 10-го (архивного) отдела.

Бакатин вынашивал и идею отказа КГБ от военного принципа работы и особенно от присвоения воинских званий. По

его мнению, такая милитаризованность приводила к жесткой иерархичности, погоне за «звездами», поиску высоких «потолков», к насаждению своего рода «духа казармы». Не случайно во многих странах мира спецслужбы не строятся по армейскому принципу.

Но он понимал, что старую практику сразу отменить нельзя. Звания многое значили для кадровых сотрудников, и не только в моральном плане. От количества звезд на погонах зависело и денежное содержание.

Попытался было зачислить в штат центрального аппарата КГБ гражданских лиц, ранее не имевших никакого отношения к Лубянке. Но этот эксперимент не мог назвать удачным: политологи и университетские преподаватели чувствовали себя инородным телом там, где многое определялось званием.

Впоследствии он говорил, что одна из его главных ошибок заключалась в том, что он пришел в КГБ без своей команды, без большой группы преданных делу единомышленников. «Я переоценил свои силы», – признавался он.

1 сентября Бакатин издал приказ, которым новым председателем комиссии по расследованию действий должностных лиц КГБ в период 19–21 августа назначался первый заместитель председателя КГБ А. Олейников. Его заместителем – начальник инспекторского управления И. Межаков.

Помимо ведомственной комиссии, работала и Государственная комиссия во главе с депутатом С. Степашиным. Горбачев поручил ей в срок до 26 октября 1991 года представить заключение о роли органов государственной безопасности в попытке переворота.

Ведомственная комиссия во главе с А. Олейниковым закончила свою работу 25 сентября. По результатам служебного расследования Бакатин подписал приказ.

Оценивая принятые меры, он признал, что проявил «известный либерализм». В чем он заключался?

«Комиссия предлагала уволить большее количество людей, чем я реально уволил, – читаем в его мемуарах “Дорога в прошедшем времени”. – Тринадцать человек, в их числе Калиниченко, Егоров, начальник юридического отдела Алексеев, ограничились указаниями на “проявленную политическую незрелость и недальновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов”. Руководствовался я при этом вовсе не

стремлением выгородить “заговорщиков”, а желанием избежать формального подхода, индивидуально, внимательно разобраться с каждым человеком, кто, как мне казалось, в большей степени был жертвой обстоятельств, а не собственных убеждений».

Как почти у всех реформаторов того времени, у Бакатина не было стройной, законченной концепции реформы лубянского ведомства. Он неоднократно признавался в этом. По его словам, детали отшлифовывались постепенно, в том числе и в разговорах «с представителями спецслужб зарубежных стран».

«Мой вариант был вариантом реформ, а не разрушения», – убеждал он. Объяснял, что хотел «сделать так, чтобы КГБ не представлял угрозы для общества, не допуская при этом развала системы государственной безопасности». Ну как тут не вспомнить бессмертные слова В.С. Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»!

Итак, как хотел Бакатин? Вот семь основополагающих принципов его реформы.

«1. Дезинтеграция. Раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Разорвать комитет на части, которые, находясь в прямом подчинении главе государства, уравновешивали бы друг друга, конкурировали друг с другом – это уже значило усилить общественную безопасность, ликвидировать КГБ как КГБ.

2. Децентрализация или вертикальная дезинтеграция. Предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей и в относительно небольшой степени оперативной работой межреспубликанских структур. Это определялось не столько моей волей, сколько вовсю идущими процессами “размежевания” республик Союза. (Неужели кто-то мог надеяться, что Л. Кравчук потерпит у себя в Киеве подчиненный Центру КГБ Украины?)

3. Обеспечение законности и безусловное соблюдение прав и свобод человека в деятельности спецслужб. (Комментарии здесь, наверное, не нужны.)

4. Деидеологизация, преодоление традиций чекизма. Избавление от сомнительной славы ведомства как карающего меча партии, организации всеобщего политического сыска и тотальной слежки.

5. Эффективность. Поворот от шпиономании и борьбы с инакомыслием к реальным потребностям общества в условиях кардинально изменившейся политической окружающей среды – к безопасности на основе сотрудничества и доверия. Главное внимание – внешнему криминальному влиянию на наши внутренние дела, борьба с организованной преступностью, представляющей угрозу безопасности страны.

6. Открытость, насколько это возможно в деятельности спецслужб. Действия спецслужб должны быть понятны обществу, поддерживаться обществом, а для этого – служить обществу.

7. Ненанесение своими действиями ущерба безопасности страны».

Свое «семипунктие» Бакатин закончил словами: «После формулирования принципов дело оставалось за “малым” – реализовать их на практике». Слово «малым» закавычивает. Вот тут вспоминается знаменитый черномырдинский афоризм.

22 октября по докладу Бакатина Госсовет СССР с участием Горбачева и глав республик рассмотрел вопрос о реорганизации КГБ. По итогам обсуждения приняли постановление. В первом пункте было сказано: «Считать необходимым упразднить Комитет государственной безопасности СССР, Комитеты государственной безопасности республик и подчиненные им органы считать находящимися исключительно в юрисдикции суверенных государств».

Второй пункт обязывал создать на базе КГБ СССР на правах центральных органов государственного управления СССР Центральную службу разведки, Межреспубликанскую службу безопасности и Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием Пограничных войск.

Однако Верховный Совет СССР, куда Горбачев направил на утверждение решение Госсовета об упразднении КГБ и о создании новых органов госбезопасности, отверг присланный проект и направил его на проработку в комитеты. Проработка длилась полтора месяца.

27 ноября Совет Республик Верховного Совета приступил к повторному рассмотрению проекта закона «О реорганизации органов госбезопасности». Его снова не утвердили: не было кворума.

Утвердили с третьего захода – 3 декабря. В 13 часов 13 минут КГБ СССР официально прекратил свое существование.

Комиссия Степашина

В начале сентября совместным указом президентов СССР и РСФСР Горбачева и Ельцина была создана Государственная комиссия по расследованию деятельности органов госбезопасности в период с 19 по 21 августа.

Главная задача комиссии – выработка предложений по реорганизации КГБ. Выявление конкретных участников попытки переворота – дело суда.

Комиссию возглавлял председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по обороне и безопасности С.В. Степашин. В декабре 1989 года коллектив Ленинградского высшего политического училища МВД СССР, где он был заместителем начальника одной из кафедр, выдвинул его кандидатом в народные депутаты РСФСР. Будучи подполковником МВД, он победил на выборах начальника УКГБ по Ленинградской области.

Во время августовских событий находился в Доме Советов, принимал участие в организации сопротивления ГКЧП. Рассказывал, что в те дни у него была растянута связка и он вышел к «Белому дому» на костылях.

Комиссия по расследованию деятельности органов ГКЧП во время «путча» работала в кабинете, который до ареста занимал первый заместитель председателя КГБ СССР В.Ф. Грушко. По словам Степашина, он ночевал в комнате отдыха кабинета Грушко, там же обедал и ужинал.

К каким выводам пришла комиссия?

У большинства сформировалось мнение, что определенная часть бывшего руководства КГБ СССР во главе с Крючковым была инициатором переворота. Некоторые службы и управления комитета нарушали не только Конституцию, но и собственные инструкции. Прослушивали телефонные разговоры народных депутатов, руководства России, в том числе и Б. Ельцина – в бытность того председателем Верховного Совета РСФСР и потом на посту президента. Управление по защите конституционного строя защищало не Конституцию, а определенные, прежде всего партийные, интересы.

Комиссия приняла решение и отправила соответствующее предложение в Госсовет о необходимости принятия политического акта, связанного с прекращением деятельности КГБ СССР в его тогдашнем виде, и создании на его базе полноценного Комитета госбезопасности России.

По мнению Степашина, Комитет госбезопасности должен сменить название, к примеру, стать министерством или службой федеральной безопасности. Аббревиатура КГБ морально устарела полностью. Произойдет не смена вывески, а принципиальное изменение функций и задач.

Из заключения комиссии, направленного на имя Горбачева и Ельцина:

«Длительное функционирование Комитета госбезопасности в условиях фактического отсутствия правовой базы, сколько-нибудь регулирующей его деятельность, привело к тому, что он, по существу, стал сверхцентрализованной структурой, осуществляющей контроль всех сторон жизни общества, и под предлогом наиболее эффективного обеспечения безопасности страны сосредоточил в своих руках огромную политическую и военную силу.

Не выполнил своих конституционных обязанностей Верховный Совет СССР, поскольку не были разработаны необходимые нормативные акты и не был обеспечен контроль за деятельностью КГБ СССР. За работой органов госбезопасности не осуществлялся и действенный прокурорский надзор со стороны Прокуратуры СССР.

В результате Комитет госбезопасности стал самостоятельной политической силой с собственными интересами и объективно превратился в надгосударственный институт, стоящий над органами высшей власти и управления Союза ССР и республик».

Комиссия Степашина отметила, что даже и после отмены 6-й статьи Конституции СССР Комитетом госбезопасности напрямую руководил ЦК КПСС. В вину КГБ было поставлено и то, что вплоть до августа 1991 года его руководители направляли в адрес ЦК КПСС материалы секретного и особо секретного содержания.

Общесоюзная централизованная структура госбезопасности начала распадаться на республиканские комитеты, подчинявшиеся не союзному комитету, а своим региональным властям. Первыми пример показали КГБ и МВД России, руководители которых сразу же после победы над ГКЧП заявили о переходе всех своих территориальных органов под контроль республиканских властей. Председатель КГБ СССР В.В. Бакатин издал приказ о подчинении КГБ РСФСР всех краевых и об-

ластных управлений России, заявив, что сам будет заниматься координацией работы КГБ союзных республик.

В системе Минобороны тоже были созданы и работали две комиссии, которые расследовали деятельность руководящего состава Вооруженных сил СССР в период с 19 по 21 августа.

Одну возглавлял генерал армии К.И. Кобец – госсветник по делам обороны. Его заместителем был генерал-полковник А.Н. Клейменов. Члены комиссии – В.В. Селезнев, народный депутат СССР В.Н. Лопатин.

Объяснительные записки представили заместители министра обороны, главкомы видов Вооруженных сил, командующие войсками военных округов. По итогам некоторые известные военачальники оказались не у дел.

Вторую комиссию возглавил генерал-полковник Д.А. Волкогонов. Он занимался проблемами реформирования политорганов.

Была еще и комиссия Верховного Совета СССР. Ее возглавлял депутат Александр Оболенский. Спустя месяц, 3 ноября, он провел пресс-конференцию, на которой сообщил: комиссия провела пять заседаний, на них рассматривалось около полутора десятка вопросов.

В Кремле и «Белом доме»

2 сентября открылся V (внеочередной) Съезд народных депутатов СССР. Накануне всю ночь Горбачев и руководители 10 суверенных республик провели в Ново-Огареве. Под утро подготовили экстренное совместное заявление, названное «10+1» (десять республик и Горбачев).

Съезд открыл И.Д. Лаптев. Слово для оглашения заявления было предоставлено президенту Казахстана Н. Назарбаеву. Он выступил от имени Горбачева и руководителей РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Армении и Туркменистана. Предложил распустить съезд. Он больше не нужен.

Не успели делегаты осознать эту неожиданную информацию, как председательствующий тут же объявил перерыв для рассмотрения заявления по группам. После окончания перерыва началось голосование. Для принятия решения требовалось две трети голосов. Необходимого количества не набралось.

Тогда слово взял Горбачев. Пригрозил изменить Конституцию, но съезд будет распущен. По итогам второго голосования решение прошло. Съезд народных депутатов СССР прекратил свое существование. В новой системе власти ему уже не нашлось места. Так вытекало из принятого Закона об органах государственной власти и управления СССР в переходный период.

Верховный Совет оставался, но должность председателя упраздняялась. У него новая структура. Совет Союза становился нижней палатой парламента. Решения должен принимать Совет Республик. Формировать его будут парламенты республик – по 20 депутатов от каждой (от РСФСР – 52).

Что еще решили?

Незамедлительно подписать договор о Союзе Суверенных Государств, предполагающий разные формы соучастия. То есть речь шла о конфедерации. Разработать экономическую конвенцию для всех бывших союзных республик. Органом оперативного управления страной становился Государственный Совет. В него входили президент СССР и высшие должностные лица союзных республик. В ведении Госсовета – общесоюзные органы, занимающиеся обороной, международными делами, госбезопасностью и правопорядком.

Разработать и утвердить в кратчайший срок Конституцию Союза Суверенных Государств (ССГ). Заключить соглашение о принципах коллективной безопасности в области обороны, в целях сохранения единства Вооруженных сил, КГБ, МВД и Прокуратуры СССР.

Упразднялся пост вице-президента СССР. Причина – недавний «путч», роль в нем Янаева. Горбачев хотел застраховаться от любых неожиданностей. Теперь в случае экстремальных ситуаций (болезнь, недееспособность) обязанности президента будет исполнять избранный Госсоветом из числа своих членов председатель.

Функции управления экономикой возлагались на Межреспубликанский экономический комитет, создающийся на паритетных началах.

Принята, почти без обсуждения, Декларация прав и свобод человека – некий прообраз новой Конституции нового государства. Говорили, что декларация сильно смахивает на американский «Билль о правах» почти двухсотлетней давности.

Над съездом незримо витал дух ГКЧП. КГБ РСФСР предоставил депутатам важный документ – рабочие записи журнала Управления правительственной связи КГБ СССР.

18 августа 1991 года

17 часов 55 минут. По команде товарища Беды (передал Подгорнов) каналы связи на Ялту и Форос из Киева, Симферополя и Севастополя перевести на ручное обслуживание.

20 часов 00 минут. Все каналы связи переведены на ручное обслуживание.

19 августа 1991 года

15 часов 14 минут. Команда Беды. Выключить телефонные аппараты СК, ССК во всех точках у т. Ельцина.

15 часов 29 минут. Телефонные аппараты... в Кремле, на Красной Пресне, в квартире, в резиденции, на даче выключены. Доложено т. Беде.

22 часа 02 минуты. Поступил заказ из Вашингтона на связь Буша с Горбачевым. Доложено т. Волкову.

22 часа 17 минут. От т. Волкова: предлагается соединение с исполняющим обязанности т. Янаевым.

22 часа 21 минута. Американская сторона от разговора с Янаевым отказалась. Нужен только Горбачев. Доложено т. Волкову.

20 августа 1991 года

От Нилова Б.А. («Форос»)

В работе только один СК в административно-служебном корпусе у т. Глущенко.

1. Работает внутренняя АТС без выхода в город.

2. Работает Центральное телевидение (выключалось 18, 19.08).

3. Выключена спутниковая станция.

4. Станция в Бельбеке находится в ждущем режиме.

13 часов 42 минуты. Поступил заказ из Вашингтона по каналу... на связь Буша с т. Ельциным. Доложено т. Волкову.

14 часов 07 минут. От т. Волкова: соединение не производить.

14 часов 17 минут. Вашингтону повторно объяснено, что разыскиваем телефонный аппарат Ельцина и его самого.

16 часов 55 минут. Повторный заказ из Вашингтона на т. Ельцина. Доложено т. Волкову.

13 часов 44 минуты. От МПТС-1 т. Салеховой.

Г-н Миттеран из Парижа хотел бы переговорить с т. Горбачевым. Доложено т. Волкову.

14 часов 07 минут. От т. Волкова: предложить соединить с Янаевым. Передано т. Салеховой.

14 часов 40 минут. От т. Салеховой. Миттеран сам вышел на телефонистку АМТС и поинтересовался, есть ли у нее какие-либо сведения о Горбачеве. Получив отрицательный ответ, отбился. Доложено т. Волкову.

21 августа 1991 года

13 часов 04 минуты. Аппарат т. Ельцина включен по указанию Беды.

(Через несколько минут по приказанию А.Г. Беды были блокированы телефоны у Язова, Крючкова, Янаева.)

Съезд освободил А.И. Лукьянова от обязанностей председателя Верховного Совета СССР, а Г.И. Янаева – от поста вице-президента СССР. Попытка отправить в отставку Генерального прокурора СССР Н.С. Трубина успехом не увенчалась. Предложение Собчака о захоронении тела Ленина в Ленинграде вызвало всеобщее возмущение.

Первым актом Госсовета СССР – нового высшего органа власти, пришедшего на смену Съезду народных депутатов СССР, – стало официальное признание государственной независимости Литвы, Латвии и Эстонии.

Общественность возмущалась: это что, согласие на расчленение страны? Мол, Горбачев выносить этот вопрос на рассмотрение съезда не решался.

В Латвии остались два незамерзающих порта – Вентспилс и Лиепая. В Лиепае была военная гавань. Сельское хозяйство этой страны базировалось на модели, привнесенной немцами, промышленность – Россией.

Многие и сейчас говорят, что акты Госсовета СССР приняты в нарушение Конституции СССР и Закона СССР от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», органом, неправомочным решать такие вопросы, и поэтому являются юридически недействительными.

Интересная деталь: накануне, 5 сентября, президент США Джордж Буш заявил о признании независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Горбачев решил не отставать от него? Или это случайное совпадение?

Провал «путча»: взгляд с Запада

В СМИ мелькают интересные подробности провала «путча». Его исход, как полагали уже тогда, решался не только в российском «Белом доме».

19 августа Brent Скоукрофт, помощник президента США по национальной безопасности, передал находившемуся на отдыхе в штате Мэн Дж. Бушу первые сообщения, подготовленные в Агентстве национальной безопасности на основе данных, полученных со спутников. Brent Скоукрофт докладывал, что путч в Москве кажется ему «неотрегулированным», «спонтанным»: «Четкий план действий отсутствует. Приказы войскам отдаются с явной медлительностью. В большинстве частей и соединений техника остается в казармах. Нет каких-либо признаков массовых арестов».

Через несколько часов на пресс-конференции в Мэне Буш произнес загадочную фразу: «Не все перевороты удаются». Париж, Лондон, Токио, занимавшие выжидательную позицию, намек поняли.

Между тем доклады секретных служб становились все более конкретными: «В московской “восьмерке” нет единства: не ясно, кто среди них лидер. Павлов слег с гипертоническим кризом. Язову не удастся добиться стопроцентного подчинения от Генштаба, начальник которого Михаил Моисеев обязан карьерой Горбачеву и, кажется, не склонен его предавать».

Буша информировали: гвардейская Таманская дивизия, расквартированная в 75 км от Москвы, тоже расколота. Молодые офицеры не восприимчивы к передаваемым по радио приказам Язова.

По каналу Си-эн-эн, который Буш предпочитал другим, он видит Ельцина на танке, в окружении толпы, зачитывающего обращение к народу. Буш слышит голос журналиста Си-эн-эн: «В эпоху глобальных коммуникаций каждое выдающееся событие имеет свой кадр-символ. Ельцин на танке Т072 Таманской дивизии – это символ разворачивающейся на наших глазах августовской революции в России».

Буш принял решение вернуться в Вашингтон. По прибытии заявляет журналистам: «Я только что разговаривал по телефону с Ельциным. Я сам позвонил ему по обычной связи. Я спросил его: вам нужно, чтобы мы заявили о своей позиции? Вам

поможет это? Вам поможет, если мы скажем, что остаемся на стороне Горбачева? Ельцин ответил мне: “Да, да, да”. Поэтому я заявляю, что американский народ не признает новую власть».

В ночь с 19 на 20 августа Буш смотрел интервью Ельцина, которое тот дал журналистке Си-эн-эн Дайан Сзвайр в российском «Белом доме»: «Вы сможете выстоять? – Это во многом зависит от того, насколько вы верите в нас, насколько сможете поддержать нас. Путчисты ждут вашего сигнала. Если вы, Запад, воспримете путч как свершившийся факт, как это не раз бывало в прошлом, тогда – конец».

Утром 20-го Буш выступил с заявлением, в котором осудил переворот в Москве. В Белом доме начали обдумывать меры давления на новый советский режим. Было принято решение о свертывании экономической помощи, об отмене ряда визитов в СССР. Советскому послу в США Виктору Комплектову не удалось убедить американских официальных лиц в том, что новая власть в Кремле стремится к деловому сотрудничеству с Вашингтоном.

21 августа в программе Си-эн-эн выступил Збигнев Бжезинский: «Мы начинаем понимать, что кремлевская хунта, вероятно, не ожидала твердого американского “нет”. Она ожидала от Америки, как всегда, реализма и здравого смысла, но получила нечто обратное. Без сомнения, президент играл так, как это ему отнюдь не свойственно – с азартом, ва-банк. Он сыграл исключительно на оптимизме. И, если не ошибаюсь, он победил!»

Как откликнулись на события 19–21 августа бывшие советские диссиденты, нашедшие пристанище на Западе? «Комсомолка» опубликовала статью Владимира Максимова из Парижа. Максимов – главный редактор антисоветского журнала «Континент». Статья называлась «Из жалости я должен быть суровым...».

Сомневался в правомерности предъявленных гэкачепистам обвинений по расстрельной 64-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Измена Родине. Но измена Родине предполагает врага, в интересах которого эту самую измену совершают. «Это мы уже проходили. В одна тысяча девятьсот тридцать седьмом, а также и ранее, и позднее. И людей моего поколения на этой кровавой мякине уже не проведешь... Юристы и следователи тех яростных, но далеко не прекрасных лет, вроде Крыленки и Вышинского, не утруждали себя долгими поисками такового. К

их услугам был весь список иностранных разведок от японской до перуанской включительно».

Дальше, Максимову непонятна та радикальная мстительность, которую проявляли иные прогрессисты, еще вчера осыпанные всеми милостями и наградами времен застоя. «С какой это стати любимец всех современных ему вождей Евгений Евтушенко, чуть ли не до последнего дня похвалявшийся своей личной дружбой с Фиделем Кастро или марксисткой Ванессой Редгрейв, превращается сегодня в эдакого отечественного Маккарти и устраивает охоту за ведьмами в Союзе писателей? С какой это стати другой писатель, которого я очень высоко ценю как прозаика, проживший одну из самых благополучнейших жизней в советской литературе, вдруг призывает народ вырашивать пеньку, чтобы вить из нее веревки для коммунистов? Мыслимо ли было, чтобы Виктор Гюго, возвратившийся из почти 20-летней ссылки, где он пробыл по милости путчиста Наполеона III, стал бы сводить счеты с братьями Гонкур, которые все эти годы процветали при императорском дворе? Мыслимо ли было, чтобы участник французского Сопrotивления Андрэ Мальро мстил Франсуа Мориаку, занимавшему в оккупированной Франции весьма сомнительную позицию?.. А у нас некоторые борцы за свободу и демократию от литературы, едва проправшись к власти, спешат опечатать Союз писателей своих оппонентов. Господи, да когда же мы все-таки повзрослеем?»

Максимов считал, что странно присваивать звание Героя Советского Союза погибшим у «Белого дома» юношам. К тому же нелепо: Союза практически не существует, а герои множатся. «Вспомним-ка лучше мудрые слова Томаса Манна: “Несчастлива страна, которая нуждается в героях”. Неужели окружающие Бориса Ельцина интеллектуалы не могли или не захотели указать ему на оскорбительную для погибших фальшь этой акции?»

Владимир Максимов предупреждал всех, кто требовал мщения и крови: если вы запустите этот карательный перпетуум-мобиле, то завтра окажетесь там же, где сидят сейчас его первые клиенты. «В таком случае, когда придет ваша очередь, не кричите перед закланием, что вас обманули. Нет, вы хотели быть обманутыми. И пенять вам будет не на кого, только на самих себя».

Статья заканчивалась предупреждением из «Гамлета» в переводе Бориса Пастернака: «Из жалости я должен быть суровым. Несчастья начались, готовьтесь к новым...»

Вести из «Матросской Тишины»

Численность объединенной следственной группы по делу ГКЧП, созданной 25 августа, – 97 человек. 53 из них из союзной прокуратуры, в том числе 30 следователей – из Управления по расследованию дел особой важности, 23 – из Главной военной прокуратуры.

Прокуратура РСФСР представлена 12 следователями из центрального аппарата и 15 – из различных областей РСФСР. В следственных действиях принимают также участие 11 представителей прокуратур Украины, 4 – Белоруссии и 2 – из Узбекистана.

Начальник отдела следственных изоляторов и тюрем ГУИД МВД СССР подполковник Э. Боготоба дал интервью, в котором утверждал, что пребывание под стражей 14 арестованных по делу о государственном заговоре ничем не отличается от жизни подследственных других камер изолятора «Матросская Тишина».

Согласно тюремному рациону, им положено в сутки: хлеба ржаного или пшеничного – 550 г, муки 2-го сорта – 10 г, круп – 90 г, макаронных изделий – 10 г, мяса – 40 г, рыбы – 70 г, масла – 50 г, сала – 5 г, сахара – 20 г, чая – 0,3 г, соли – 25 г, картофеля – 550 г, овощей – 250 г, а также немного томатной пасты и лаврового листа.

Разумеется, точно расчет не велся. Все зависело от общего рациона тюремной кухни и приготавливаемых блюд. Общая стоимость рациона – около 90 копеек в сутки.

Подследственным разрешены передачи до 10 кг в месяц. Учитывая возраст арестованных, их ежедневно посещали врачи. На каждого была заведена медицинская карта.

В ноябре арестованных, с учетом их возраста и хронических заболеваний, перевели на норму питания, установленную для лиц рядового и начальствующего состава органов МВД.

28 сентября на прошедшей в Доме журналистов пресс-конференции адвокатов, защищающих арестованных по делу ГКЧП, стали известны некоторые подробности.

От адвокатов требовали допуск. Журналисты предположили: значит, процесс будет закрытым? Иначе зачем возрождать то, что было в годы преследования диссидентов?

Ответы на вопросы представителей прессы давались обтекаемые, общие. В общем-то, это и было понятно: адвокатская тайна, подписка о неразглашении, незнание материалов дела в полном объеме.

Здоровье у бывших руководителей страны, оказавшихся в следственном изоляторе, не самое лучшее. В камеру к В. Павлову поместили «подсадную утку», которую сразу же убрали, как только у экс-премьера изъяли личные бумаги. Ю. Иванов, адвокат В. Крючкова, назвал сумму своего гонорара – три тысячи рублей. Если процесс затянется, последует доплата.

Отношение журналистов к адвокатам гэкачепистов – самое благожелательное. В отличие от тональности газетных статей и телесюжетов в адрес «путчистов». Там правили бал редакторы, которые чутко прислушивались к сигналам из Кремля и «Белого дома».

20 сентября французская телекомпания ТФ-1 передала интервью, которое ее московский корреспондент взял у супруги бывшего вице-президента СССР Геннадия Янаева.

По словам Розы Алексеевны, с которой журналист беседовал в ее квартире, ей ничего не было известно о готовившемся государственном перевороте. Впрочем, она вообще отвергала подобную интерпретацию событий 19–21 августа.

«Я не верю, что мой муж был организатором путча, – сказала Роза Алексеевна. – Он был человеком чести, и я не понимаю, как его можно обвинить в предательстве. Эти люди действовали в интересах нашего народа, которому грозит катастрофа, они выступили, как выступили в свое время декабристы. История еще покажет, кто кого предал».

В репортаже было показано здание с решетками на окнах на московской улице Матросская Тишина, где содержался Янаев. Корреспондент ТФ-1 отметил, что жена бывшего вице-президента вынуждена простаивать в общей очереди вместе с родственниками находившихся там уголовников для того, чтобы передать мужу продукты. Она также пожаловалась, что не имела никаких сведений о супруге, в том числе и о состоянии его здоровья.

УЗНИКИ «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ»

Как они вели себя в заключении

Крючков

24 августа Ельцин в своем выступлении на траурном митинге с гневом обрушился на гэкачепистов. Больше всех досталось Крючкову. Он не отмолчался, не побоялся отстаивать свою правду.

Находясь под стражей, Владимир Александрович услышал по радио выступление и откликнулся письмом на имя Ельцина. Якобы им, Крючковым, было сказано, что организаторам переворота надо было бы действовать против российского руководства более энергично.

«Нигде и никогда ничего подобного я не говорил!» – решительно опроверг он это приписываемое ему высказывание. И указал на возможный источник его происхождения.

Пару дней назад у него, уже задержанного, взял короткое, двух-трехминутное интервью тележурналист Молчанов. «Может быть, Ваши слова связаны с этим интервью?» – высказал он предположение.

«Тогда кто-то не так интерпретировал Вам его. Очень прошу Вас просмотреть запись этого интервью, и Вы убедитесь».

«Далее Вы сказали, что был список из 12 человек, определенных к убийству, – писал Крючков. – Такого не было! Это категорично! Наоборот, строго подчеркивалось как неременное условие – никаких жертв, и выдвигание войск производить исходя из этого».

Он сильно переживал за коллектив КГБ. Мучился от того, что над людьми с Лубянки навис карающий меч. Уже в тот же день, 24 августа, узнав о назначении Бакатина председателем КГБ, обратился к нему с письмом в надежде, что под горячую руку не попадут невинные люди.

«Уважаемый Вадим Викторович, – выводил он рукописные строчки, – обращаюсь к Вам как к Председателю Комитета госбезопасности СССР и через Вас, если сочтете возможным

довести до сведения, к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл в этом. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление.

Разум и сердце с трудом воспринимают эту явь, и ощущение пребывания в каком-то кошмарном сне ни на минуту не покидает».

Отмечал, что в течение своей полувековой трудовой жизни отдавал себя полностью служению Отчизне. А теперь Комитет госбезопасности оказался в сложнейшей и тяжелой ситуации.

«Мне сказали, что в КГБ СССР была Коллегия, которая осудила попытку государственного переворота и мои действия как председателя КГБ. Какой бы острой ни была оценка моей деятельности, я полностью принимаю ее». Просил не оценивать всю свою жизнь только по августу 1991 года.

На другой день, 25 августа, обратился с письмом к Горбачеву. Объяснял, что забота у ГКЧП была одна – как-то помочь стране. «Что касается Вас, то никто не мыслил разрыва с Вами, надеялись найти основу сотрудничества и работы с Б.Н. Ельциным. Кстати, в отношении Б.Н. Ельцина и членов российского руководства никаких акций не проводилось. Это было исключено.

В случае необходимости полагали провести временное задержание минимального числа лиц – до 20 человек. Но к этому не прибегли, считали, что не было нужды».

С учетом своего положения заключенного, на встречу он питал слабую надежду. Но на всякий случай просил подумать о встрече и разговоре с личным представителем Горбачева.

Увы, ни на одно обращение ответа не было.

26 августа его перевели из г. Кашина в следственный изолятор «Матросская Тишина». В камере было двое.

«Я представился, – рассказывал Крючков. – Удивлению их, казалось, не было предела. По-моему, на какое-то время они лишились дара речи. Переспросили. Я еще раз повторил. Предложили согреть воды, достали сухари, сахар, конфеты, помогли освоить немудреное камерное хозяйство. Попросили разрешения закурить, кратко объяснили порядки. Рассказали, что пару дней назад в камере было шесть человек. Срочно отделили четверых, оставив только двоих».

Свои тюремные ощущения вспоминал как тяжелый, навязчивый сон. «Постоянная тревога за родных, чувство горькой вины перед сослуживцами, да и вообще перед народом за то, что не получилось так, как хотелось, ради чего рисковал. Но, пожалуй, самое гнетущее – это смерть людей, с которыми очень многое связывало, которых хорошо знал и глубоко уважал».

Крючков имел в виду главу МВД Пуго, маршала Ахромеева.

О тюремных буднях: «Радиоточка да одна-две газеты – вот и весь источник информации. Узнать можно многое, однако объем информации – голодный паек по сравнению с тем, что несколько дней назад было в моем распоряжении. Счет ведется на недели, от бани до бани. Тюремные радости – лишняя газета, хороший матрац, второе одеяло, чудом полученная весточка от родных и друзей. Вот, пожалуй, и все. Иногда даже не знаешь, то ли радоваться им, то ли печалиться».

Первый раз обвинение ему было предъявлено 31 августа 1991 года. Постановление за подписью заместителя Генерального прокурора РСФСР Е. Лисова. Статья 64, пункт «а» УК РСФСР – измена Родине.

Второй раз обвинение предъявили 13 декабря того же года. Крючкова и всех проходивших по делу ГКЧП уведомили, что Генпрокуратура России приняла решение о прекращении уголовного дела по факту измены Родине – по статье 64, пункт «а». Основание – отсутствие состава преступления, которое подпадало бы под статью об измене Родине. Теперь им инкриминировался заговор с целью захвата власти. Статья оставалась прежняя – 64-я, но обвинение было другое.

На допросе 17 декабря 1991 года показал: «Поступали сведения о глубокостораживающих задумках в отношении нашей страны. Так, по некоторым из них, население Советского Союза якобы чрезмерно велико, и его следовало бы разными путями сократить. Речь не шла о каких-то нецивилизованных методах. Даже производились соответствующие расчеты. По этим расчетам, население нашей страны было бы целесообразно сократить до 100–150 млн человек. Определялся срок – в течение 25–30 лет. Территория нашей страны, ее недра и другие богатства в рамках общечеловеческих ценностей должны стать достоянием определенных частей мира. То есть мы должны как бы поделиться этими общечеловеческими ценностями.

Докладывалось ли все это высшему руководству страны? Регулярно!»

За время пребывания в «Матросской Тишине» у него сменились три следователя и восемь сокамерников. В январе 1992 года третий следователь объявил об окончании следствия. И тогда Крючков приступил к ознакомлению с материалами своего дела. Их было 125 томов по 300 страниц в каждом.

В июле 1992 года Крючков направил письмо Ельцину с категорическим несогласием высказанного им в телеинтервью утверждения о том, что главная вина за развал Союза лежит на ГКЧП. «Очень многие уже подметили, – писал Крючков, – главную черту, присущую всей вашей деятельности, тягу не к созиданию, а к разрушению. Последние два года до августа 1991 года вы всю свою энергию направляли исключительно на разрушение центра, “имперского союза”, разносили в пух и прах буквально все, что было сделано до вас. Показывали, как плохо живут люди, щедро рассыпая при этом обещания».

Письмо было большое, Крючков заканчивал его такими словами: «Я достаточно хорошо знаю вас и полагаю, что это письмо не пройдет мне даром, но мне уже 69-й год, так что жизнь в любом случае уже позади. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне нечего стыдиться, сожалеть приходится не о содеянном, а о том, чего не успел или не сумел сделать».

20 августа 1992 года ему предъявили еще одно постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Это было уже третье по счету обвинение. Вина Крюčkова и других лиц по делу ГКЧП уже квалифицировалась как измена Родине в форме заговора с целью захвата власти. К этому уголовному делу приобщили другое уголовное дело по факту столкновения военнослужащих и гражданских лиц в ночь на 21 августа 1991 года в тоннеле под Калининским проспектом, в результате чего погибли три человека и несколько из числа гражданских лиц и военнослужащих получили ранения. А это еще 15 томов, приобщенных к 125 томам основного уголовного дела.

В январе 1993 года содержащимся под стражей Крючкову, Янаеву, Павлову, Язову, Бакланову, Тизякову изменили меру пресечения под подписку о невыезде. В постановлении было сказано: «При этом учитывается, что предварительное следствие по делу окончено, а также принимаются во внимание их возраст, длительное пребывание в изоляции, состояние здоровья и резкое обострение хронических заболеваний».

За время пребывания в следственном изоляторе «Матросская Тишина» сильно похудел и постарел, тяжело болел.

С 30 ноября 1993 года с перерывами до 20 января 1994 года допрашивался по делу ГКЧП на заседании Военной коллегии Верховного суда РФ.

На первом же заседании суда адвокат Крючкова Юрий Иванов поддержал ходатайство об отводе государственных обвинителей, с которыми выступили другие обвиняемые и их защитники. В результате Военная коллегия Верховного суда вынесла определение с оценками грубых нарушений предварительным следствием уголовно-процессуального права, неправомерности действий Генерального прокурора Степанкова и его заместителя Лисова, написавших и издавших книгу «Кремлевский заговор».

В определении было сказано, что в указанной книге обвиняемые неоднократно именовались «заговорщиками», а их действия назывались «заговором» и «захватом власти», то есть практически квалифицировались как преступление, предусмотренное статьей 64 УК РСФСР. «Таким образом, посредством этой книги еще до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможным показаниям в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд».

В связи с изложенным Военная коллегия Верховного суда определила: «Обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В.Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е.К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному делу».

Зал встретил это определение бурными аплодисментами. Сторонники обвиняемых рассматривали произошедшее как их первую победу по делу ГКЧП. Но, как отмечал позднее Крючков, Верховный Совет, в конце концов, спустил все на тормозах.

О дальнейшей судьбе Крючкова. С середины 1990-х годов работал в акционерной финансовой корпорации (АФК) «Система».

В июне 1999 года директор ФСБ В.В. Путин лично приезжал к Крючкову, чтобы пригласить его на заседание коллегии ФСБ в связи с 85-летием Ю.В. Андропова. Будучи премьером, Путин приезжал на день рождения Крючкова, который он отмечал раз в 4 года, поскольку родился 29 февраля.

В мае 2000 года Крючков был приглашен в Кремль на церемонию инаугурации Президента РФ В.В. Путина. Поскольку у Крючкова большие ноги, он был единственным из приглашенных, кто провел в кресле всю часовую процедуру вступления Путина в должность и встал, только когда зазвучал Государственный гимн.

Мнения о Крючкове.

Генерал-майор КГБ В. Широнин:

– Все его действия, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что в августовские дни он находился как бы в растерянности и плыл по течению событий. Конечно, он не был «заговорщиком», каковым в сложной политической интриге его пытались представить антикоммунистические силы. Объективности ради надо также сказать, что в чекистской среде бытует мнение, что Крючков, понимая безнадёжность силовых методов, попытался смягчить удар по органам госбезопасности. Он намеренно во время августовских событий опирался на узкий круг сотрудников из своего окружения, выводя из-под удара всех остальных, ибо они действительно ничего не ведали о планах ГКЧП. Только сам Крючков знает, так ли было на самом деле. Уж он-то лучше, чем кто-либо понимал, как были раздавлены органы госбезопасности в бывшей ГДР и некоторых других странах Восточной Европы.

О.Д. Бакланов (запись 2011 года):

– А позиция Крючкова мне до сих пор непонятна. Получилось, что страны нет, а Комитет государственной безопасности весь в белых перчатках. Между тем именно он в первую очередь и отвечал за то, чтобы арестовать Ельцина и отправить его в «санаторий».

Л.В. Шебаршин:

– В 1990 году волею Крючкова я посылался в три прибалтийские республики, во Владивосток, в Краснодар... Видел одно и то же. Огромные штаты местных подразделений КГБ не знали, ради чего они работают, какие проблемы должны решиться ими или с их помощью, какую информацию собирать и кому докладывать. Совершалось множество суетливых механических движений (так бегают и хлопают крыльями обезглавленная курица), создавалась видимость активной работы. Люди обслуживали сами себя, успокаивали видимостью работы совесть, пытались быть чем-то кому-то полезными. Пустота, вымороч-

ность, обреченность и в зданиях КГБ, и в зданиях партийных инстанций. Молчащие телефоны, томительное предчувствие надвигающейся беды и полная беспомощность всех должностных лиц, совсем недавно бывших полноправными и абсолютными властителями своих территорий.

В.И. Болдин:

– Крючков обладал спокойным и веселым нравом, тонким и добрым юмором, часто шутил, с близкими ему людьми устраивал забавные розыгрыши и в нерабочей обстановке был компанейским веселым человеком. Насколько я знал, он был трезвенником и практически не пил. И только на официальных обедах набивал льдом стакан, наливал содовую воду, сдабривал все это глотком виски. Он почему-то считал, что такая вода полезна, и льда не жалел.

Первый мэр Москвы Г.Х. Попов:

– Хуже, но все же я знал и В.А. Крючкова. Настоящего профессионала внешней разведки, напрасно взявшегося за неизвестные ему дела внутри страны, для руководства которыми гораздо больше подходил Ф.Д. Бобков.

Лукьянов

С 29 августа 1991 года по 14 декабря 1992 года находился в «Матросской Тишине». Первоначальное обвинение в измене Родине в ноябре 1991 года переквалифицировали на «заговор с целью захвата власти и превышение властных полномочий».

Он был единственным из арестованных по делу ГКЧП, кто с самого начала отказался давать показания. Заявил, что не считает себя виновным и не может контактировать с людьми, которые, игнорируя презумпцию невиновности, уже в ходе первых следственных действий объявили его «уголовным преступником».

В ночь с 5 на 6 сентября 1991 года ему стало плохо после того, как ему было предъявлено обвинение. В камере его посетили Генеральный прокурор РСФСР В. Степанков и министр внутренних дел СССР В. Баранников. Интересовались, почему Лукьянов отказывается давать показания.

Ответил: потому что не признает себя виновным. Более того, считает незаконным сам арест, то, как он проводился. И поэтому отказывается разговаривать с людьми, причастными к этому беззаконию.

После того посещения условия содержания Лукьянова в следственном изоляторе изменились, а его самого поместили в центральный госпиталь МВД. У него стали плохо двигаться левая рука и левая нога.

18 октября 1991 года дал первое интервью радио «Франс Интернасьональ». Интересны те вопросы, на которые он отказался отвечать. Вот они: «Кто, по Вашему мнению, мог быть инициатором переворота?», «Ожидаете ли Вы справедливого суда?», «Ваш политический прогноз развития событий в бывшем СССР?».

В августе 1992 года следствие вернулось к первоначальному обвинению в измене Родине и добавило обвинение в ряде должностных преступлений. 14 декабря 1992 года был освобожден под подписку о невыезде.

В канун Нового 1993 года принимал участие в торжественном вечере, посвященном 70-летию СССР. Мероприятие проходило в Парламентском центре России. Лукьянова встретили дружными овациями.

В феврале 1993 года участвовал в работе Московской областной партийной организации в Ивантеевке, 1 мая того же года вместе с Крючковым и Янаевым – в Первомайской демонстрации. Тогда Генеральная прокуратура даже обратилась в Верховный суд с просьбой изменить меру пресечения с подписки о невыезде на заключение под стражу. Пытались обвинить в том, что они «начали активно заниматься политической деятельностью, дестабилизируя обстановку в обществе... Последняя из демонстраций с их участием прошла в Москве 1 мая и закончилась массовыми беспорядками». Однако суд отклонил ходатайство прокуратуры.

23 февраля 1994 года постановлением Госдумы амнистирован в числе всех членов и сторонников ГКЧП, уголовное дело было прекращено.

На свободе стал заниматься политикой. В декабре 1993 года был избран депутатом Госдумы первого созыва по одномандатному округу от своей родной Смоленской области. Переизбран в 1995 и 1999 годах. Был членом и председателем думских комитетов.

В августе 1995 года на вопрос, мог ли ГКЧП победить, ответил: «В августе 1991 года вопрос о победе не ставился. Просто надо было предотвратить подписание Союзного договора. То-

варищи, которые подписали известное обращение, рассчитывали на поддержку, но...»

В 1998 году ответил так:

– ГКЧП никогда не был ни переворотом, ни путчем. Все события длились 72 часа. Если это заговор, то где вы видели такой заговор, чтобы заговорщики поехали к тому, против кого заговор. Если это был путч, то должен был произойти слом всех структур. Здесь же осталось все: и правительство, и Верховный Совет...

Переворот – изменение социального строя. Где вы видели переворот в защиту строя, который есть?.. Это был отчаянный, очень плохо организованный шаг в защиту Союза, против его развала с помощью Союзного договора. Никаких сил в Москву практически не вводилось, никаких жертв не было, кроме трех человек, практически жертв автокатастрофы. Не было ни захвата радиостанций, ни захвата правительства. 21 августа свободно ко мне приехали Руцкой и Хасбулатов. Потом все поехали к Горбачеву договариваться...

О Горбачеве:

– Это типичный комсомольский деятель, который сам ничего не привык решать. Решать всегда должны были коммунисты или работники исполнительного аппарата... Я ни в коем случае не склонен думать, что он заранее что-то предугадывал в событиях. Ничего он не предугадывал. Тяжелейшая шинель власти в этой стране была не по его комсомольским плечам. Вот и все...

В 1994–2000 годах Лукьянов был членом Президиума ЦК КПРФ, с 2000 года – председатель Консультативного совета при ЦК КПРФ. Профессор юридического факультета МГУ им. Ломоносова.

Варенников

Обвинялся в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти в связи с событиями 19–21 августа 1991 года. Проявил твердость духа и непоколебимость характера, хотя и не был членом ГКЧП. В его биографии было памятное событие – в 1945 году участвовал в Параде Победы, нес боевое знамя.

Находясь в следственном изоляторе, узнал, что 31 августа освобожден от должности заместителя министра обороны и Главкома Сухопутных войск. Не выступал с покаянными письмами и заявлениями.

14 декабря 1992 года его освободили из СИЗО под подписку о невыезде. Отказался принять амнистию, объявленную Госдумой 23 февраля 1994 года, и потребовал, чтобы его судили.

Варенников был единственным из 12 подсудимых по делу ГКЧП. 11 августа 1994 года суд оправдал его за отсутствием состава преступления по всем пунктам предъявленного ему обвинения.

В оправдательном приговоре Военной коллегии Верховного суда РФ было сказано: «Совершая инкриминированные ему действия, он не располагал достоверными данными, позволяющими считать, что происходящие события фактически противоречат воле Президента СССР – Главнокомандующего Вооруженными Силами государства. Мотивами и целью содеянного им были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение и укрепление своего государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 г.»

Суд счел ошибочной квалификацию действий В. Вареникова в августе 1991 года как «измена Родине». «Умысла в нанесении ущерба суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности» в действиях подсудимого суд не нашел. В приговоре отмечалось, что «Варенников руководствовался только интересами СССР».

Суд также пришел к выводу, что в действиях В. Вареникова не было состава должностного или другого преступления.

Невиновным признан он был и в том, что в результате ввода войск в Москву в августе 1991 года погибли три человека. Не усмотрен состав преступления и в телеграммах, которые Варенников направлял в адрес ГКЧП из Киева.

Анализируя показания Михаила Горбачева, суд сделал вывод, что «Горбачев, если и не одобрял, то и не возражал против того, чтобы спасти страну введением чрезвычайного положения».

Варенников потребовал, чтобы на процесс в качестве свидетеля вызвали Горбачева. И суд удовлетворил это ходатайство. Варенников задал ему вопрос:

– Свидетель, почему вы в итоге своей деятельности стали изменником своей Родины и предателем нашего народа?

Горбачев на этот вопрос не ответил.

Интересно то, что в своей книге «Записки президента» Борис Ельцин отнес Варенникова к «радикальному крылу заговора», которое «предусматривало жесткий вариант». Варенников, отмечал президент, «уже 19-го числа начал звонить, телеграфировать, диктовать из Киева депеши, в которых требовал немедленно “прекратить игры в демократию”, покончить с “авантюристом Ельциным”».

На пресс-конференции в российско-американском пресс-центре, устроенной по поводу оправдательного приговора, Варенников заявил, что будет настаивать на судебном расследовании дела по факту развала СССР. Считал, что необходимо привлечь к ответственности Горбачева и его соратников не только в России, но и тех, кто проживает за ее пределами. Обвинил их в предательстве, в частности Эдуарда Шеварднадзе. Отвергал вину ГКЧП. Никакого государственного переворота в августе 1991 года не было. По его словам, это страна выступила против политики Горбачева.

Вечером того же дня, когда проходила пресс-конференция, по телевидению передали: Генпрокуратура затребовала дело Варенникова для проверки законности вынесенного приговора.

Однако в феврале 1995 года президиум Верховного суда РФ оставил в силе оправдательный приговор. Один из архитекторов горбачевской перестройки – А.Н. Яковлев – прокомментировал по телевидению: «Этот суд, который оправдал Варенникова, надо судить».

Варенников подал в суд письменное ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Оно было принято, но потом повисло в воздухе.

В 1995 году на вопрос, мог ли ГКЧП победить, ответил: «Если говорить откровенно и исходить из исторических событий, то – да. Но при условии, что Горбачев обладал бы даром предвидения и опирался на ГКЧП».

Варенников выделил две причины, по которым выступление ГКЧП закончилось неудачей. Первая: «ГКЧП как орган государственного управления страной в условиях фактически чрезвычайных не состоялся. Он был формально создан, были продекларированы прекрасные документы, но страной никто не управлял. Даже свои документы Комитет не разъяснял народу, не доводил до сознания цели и задачи, которые он преследо-

вал. Вполне понятно, что в головах наших сограждан стоял туман: никому не было понятно, что творится в стране».

Вторая причина, вытекающая из первой: «ГКЧП не ставил перед собой задач свернуть Горбачева как предателя. Мало того, руководители Комитета даже в дни событий не заняли по отношению к нему хотя бы жесткую позицию».

До последнего своего вздоха Варенников считал, что в августе 1991 года действительно был переворот, но совершенный Ельциным, в результате чего он не только утвердился в российской власти, но и захватил власть союзную, чтобы потом разломать Советский Союз.

При Путине Варенников избирался депутатом Госдумы РФ, был председателем думского комитета по делам ветеранов, входил в состав фракции «Родина», возглавлял российскую Ассоциацию Героев Советского Союза. Целиком и полностью поддерживал курс Путина. Автор пяти книг мемуаров.

Скончался в 2009 году накануне Дня Победы.

Бакланов

Обвинялся в заговоре с целью захвата власти. Находясь в следственном изоляторе «Матросская Тишина», не терял присутствия духа, проявлял твердость. Убеждений не менял, покаянных заявлений не подавал.

Наоборот, проявлял бойцовские качества, отстаивал свою правоту. В ноябре 1991 года, прочитав только что вышедшую брошюру Горбачева «Августовский путч», обратился с заявлением на имя Генерального прокурора России В.Г. Степанкова.

«Публикацию в печати указанной книги, – говорилось в заявлении, – с описанием обстоятельств событий 19–21 августа 1991 года, которые расследуются органами прокуратуры, считаю недопустимой, т.к. тем самым попирается принцип презумпции невиновности указанных в книге лиц, влияет на формирование общественного мнения о полной непричастности автора к драматическим событиям и скрывает его истинную роль и участие в них».

Перечислив действия Горбачева по развалу страны, сделал вывод, что тот должен нести ответственность перед народом и законом.

В декабре 1992 года ему из-за болезни была изменена мера пресечения на подписку о невыезде.

– Тюрьма есть тюрьма, – рассказывал он позднее. – В России в тюрьмах сидит около миллиона человек. Я отлично представляю, в каких ужасных условиях. В «Матросской Тишине» со мной в одной камере сидели три человека. Один – «ворошиловский стрелок», сидел за «мокрое» дело. Другой – бизнесмен. Третий – за бытовуху. Кормили отвратительно. Но я прошел немецкую оккупацию, и меня это не сильно волновало. Подсаживали ко мне и сексотов. Но их же сразу видно. Так что их попытки поговорить по душам ни к чему не привели.

Об охране и следователях:

– Она у нас сначала была штатная, а потом к нам приставили ОМОН. Там были разные люди. В основном простые ребята. С некоторыми возникла взаимная симпатия. А следователям я прямо говорил: «Ну какой я преступник? Я защищал страну, а вы мне шьете измену Родине! Вы сами-то в это верите?» Молчание. «Я делаю свою работу». И так полтора года, пока я сидел.

В ноябре 1993 года судебное разбирательство в отношении Бакланова было приостановлено из-за его болезни.

Амнистирован в феврале 1994 года на основании постановления Госдумы вместе с другими членами и сторонниками ГКЧП. Сотрудничал с различными банковскими и промышленными кругами, возглавлял совет директоров корпорации ОАО «Рособщесмаш», объединявшей предприятия ракетно-космического комплекса. В 2001 году избирался в состав Секретариата Совета СКП – КПСС.

Никогда не жалел о своем участии в августовских событиях:

– Иначе бы меня всю жизнь мучила совесть. Вот только жаль, что наша попытка окончилась неудачей.

Язов

В целом держался стойко. Когда узнал о самоубийстве маршала Ахромеева, сказал сам себе: «Ну что ж, держись Язов! Уходить из жизни сейчас – подарок для переворотчиков, они об этом только и мечтают. Все на тебя спишут».

Но и у него иногда бывали минуты некоторого душевного смятения. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в следственном изоляторе «Матросская Тишина».

«23.8.91 – пятница.

Всему конец, имею в виду собственную жизнь. Утром снял мундир Маршала Советского Союза. Поделом! Так и надо. Чего

добивался? Прослужив 60 лет, я не отличил от политической проститутки себя – солдата, прошедшего войну».

«24.8.91.

Слушаю в одиночной камере радио о событиях 19, 20, 21 в Москве. Понял, как я был далек от народа. Сформированное мнение о развале государства, о нищете – я полагал, что это разделяет народ. Нет, народ не принял Обращения. Народ политизирован, почувствовал свободу, а мы полагали совершенно обратное. Я стал игрушкой в руках политиканов!..

М.С. Горбачев: “Прощения не будет!” – комментарии излишни. Осуждают все.

Хорошо, что идет единение народа...

Министром обороны назначен г.п. Шапошников Е.И. – дал интервью о происшедшем и о моих распоряжениях.

Б.Н. Ельцин сказал о списке – кого должны убить. Не знал об этом! В МО, по-моему, никто об этом и не ведал? Может быть, Грачев знал? А кто мог знать: кто, где? Только КГБ».

«27.8.91.

...Ст. 64 – измена Родине!»

В «Матросскую Тишину» Язова перевели из тюрьмы, расположенной в монастыре старинного городка Кашина Тверской области. В «Матросской Тишине» маршальскую форму с него сняли, одели в тюремную. «Дали такие штаны, что надо было держать все время в руках, – вспоминал он в одном из интервью 25 лет спустя. – Подвязал бинтом, чтобы не спадали. Все так издевательски было. Дескать, мы с тобой что угодно сделаем, мы – хозяева».

«Целый день в камере горел дневной свет, – описывал он свое пребывание в СИЗО “Матросская Тишина”. – Только ночью зажигалась красная лампа, словно кровью налитый глаз. Я пытался прикрыть это направленное свечение газетой, но тут же открывалась дверь. Каждый раз бдительный наблюдатель-майор срывал мое нехитрое “изобретение”, дескать, не положено, я вас не вижу. Наверное, охранник полагал, что я повешусь на своем спортивном костюме... Я еще подумал: “В армии майоры командуют батальонами, в войну командовали полками, а здесь майор стоит возле “глазка” каждой камеры».

Сильно переживал из-за состояния жены. Три месяца назад Эмма Евгеньевна на его бронированном «ЗИЛе» попала в автоаварию. «ЗИЛ», избегая столкновения с бензовозом, сле-

тел с мокрой дороги. Сила удара была такая, что автомобиль восстановлению не подлежал. Двенадцать дней пролежала в реанимации. Врачи сказали, что в течение года ходить без посторонней помощи не сможет.

В последний раз она видела его утром 21-го, а последний разговор по телефону был 22-го. Не помнит, о чем говорили. Он ее успокаивал, причем такими ласковыми, добрыми словами, которых она вообще ни от него, ни от кого другого не слышала.

По ее мнению, это был никакой не путч: «Путч делается для того, чтобы захватить власть, но вы же понимаете, что у моего мужа ее и так было достаточно. Он был министром обороны, звание у него для военного человека предельное – Маршал Советского Союза. Он собирался уходить на пенсию, мы много об этом разговаривали. У нас ведь своего ничего нет, ни дачи, ни машины. Я ему говорила: “Дима, надо бы и квартиру поменять, зачем нам такая большая, если ты уйдешь на пенсию?” Он со мной соглашался: “Уйду на покой, займемся своими делами, сейчас на это нет времени”. И его действительно не было».

Считала, что муж был искренен в своих поступках, очень переживал за то, что происходит в стране.

На их долю выпало много горя: семью выселили из квартиры на улице Косыгина и передали ее новому министру обороны Е.И. Шапошникову. Горбачев при этом сказал новому владельцу: «Язовскую жену куда-нибудь переселим, ты моим соседом будешь». Отняли дачу. Сына отчислили из Академии Генштаба, и он скорострительно скончался в 1994 году. Зятю, военному дипломату, запретили выезд в заграникомандировки.

2 декабря 1991 года заместитель Генерального прокурора РСФСР Е.К. Лисов предъявил Язову новое обвинение в заговоре с целью захвата власти как самостоятельного преступления.

В октябре 1992 года помещен в госпиталь, в ноябре возвращен в «Матросскую Тишину». В январе 1993 года снова направлен в госпиталь. Там объявили об изменении меры пресечения на подписку о невыезде и сняли охрану.

14 апреля 1993 года после первого заседания Военной коллегии Верховного суда РФ на вопрос корреспондента «АиФ», с явной издевкой спросившего: «Как спите? Что видите во сне?» – выдержал паузу, ответил: «Привык к экстремальным условиям, и пошли вы к черту!» «Так и напечатали», – вспоминал позднее в мемуарах. Не скрывал: «Хотелось послать его в

дальние страны, по маршруту, но я знал, что они не постесняются напечатать и сто крат добавят от себя».

17 февраля 1994 года указом Ельцина был уволен из рядов Вооруженных сил, а 19 февраля получил выписку из приказа министра обороны об увольнении. В ней значилось: «Выслуга лет в Вооруженных Силах: календарных – 52 года 1 месяц, в льготном исчислении – 59 лет 5 месяцев».

«Получение выписки я воспринял спокойно. И на гражданке можно служить Родине», – записал в своем дневнике.

В начале мая 1994 года на основании постановления Госдумы РФ «Об объявлении политической и экономической амнистии» уголовное дело против него было прекращено.

В 1995 году на вопрос, мог ли ГКЧП победить, ответил: «Вопрос весьма сложный, но я ответил бы “да”».

С 1998 года консультант Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. В 1999 году издал мемуары «Удары судьбы».

В 2001 году, в день десятилетия ГКЧП, засомневался, надо ли было создавать ГКЧП: «Ведь что такое ГКЧП? Все правительство: премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ и другие товарищи, которые создавали государство. Зачем им нужно было самих себя обзывать ГКЧП? Этого можно было и не делать».

В 2016 году, в 25-ю годовщину событий 19–21 августа 1991 года, опроверг в интервью «Комсомольской правде» слова Горбачева о том, что «путчисты» спасали не СССР, а свою шкуру, свои должности:

– Я не держался за должность министра. За год до ГКЧП я к Горбачеву сам пошел и говорю: мне скоро 70 лет. Нужно молодого, послевоенной генерации человека найти. Специально ввели должность свободного заместителя министра, назначили Ачалова. Он за год должен был проехать по гарнизонам, посмотреть, что собой представляет армия. И я должен был осенью 1991 года сдать ему должность. Восьмого ноября мне исполнялось 70 лет. Так что никакого шкурного интереса у меня не было.

Рассказал о своей последней встрече с Горбачевым. Она состоялась во время суда над генералом Варенниковым, который не согласился на амнистию. Горбачев мимоходом, увидев Язова, обронил:

– Мне тебя жаль и Ахромеева. А остальные – черт с ними.

Язов ответил: ему жаль, что Родину потеряли. Горбачев махнул рукой и ушел. Больше они не встречались.

Янаев

26 августа из следственного изолятора г. Кашина Тверской области был переведен в «Матросскую Тишину», где провел почти полтора года. 4 сентября 1991 года освобожден от должности вице-президента внеочередным V Съездом народных депутатов СССР. Обвинялся по ст. 64 п. «а» УК РСФСР (измена Родине, в части «заговор с целью захвата власти») и по ст. 175 (должностной подлог).

Его адвокат Абдулла Хамзаев, единственный, кто был назначен государственным защитником, а не приглашен родственниками, рассказывал:

– Мой подзащитный физически чувствует себя абсолютно нормально, выбрит, подтянут. Словом, выглядит куда лучше, чем на той знаменитой пресс-конференции. Условия содержания не нарушаются, но после встреч с подзащитным становится обидно за всех заключенных, за тех, кто терпит наказание, еще не будучи признан виновным...

Сняв «мундир», Геннадий Иванович оказался обычным человеком, естественно, подавленным обрушившейся на него катастрофой.

По словам А. Хамзаева, он не является политическим сторонником своего подзащитного. Но задача профессионального защитника – в определенных законом рамках облегчить участь человека, вольно или невольно оказавшегося в критической жизненной ситуации.

– Бросать сейчас в него камни, – подчеркивал адвокат, – найдется много желающих. К сожалению, у нас любят бить лежачих. А вот быть рядом с попавшим в беду желающих нет. Моя обязанность – помочь ему как на суде, так и по ходу ведения дела.

И он помогал – профессионально. Когда материалы дела ГКЧП были переданы в суд, Хамзаев на первом же заседании подал ходатайство об отводе всего состава суда. В обосновании указывалось на зависимость судей от Министерства обороны. «Поскольку народные заседатели по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России

генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходит по делу как свидетель, то народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–21 августа неоднозначна».

Янаев тоже боролся. «Заявляю отвод всем прокурорам, – сказал он, – поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других подсудимых». Ссылался при этом на утечку материалов следствия за границу, в СМИ, а также на выход книги Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор».

В январе 1993 года освобожден из-под стражи вместе с другими бывшими членами ГКЧП Павловым, Крючковым, Тизяковым, Баклановым и Язовым. 1 мая 1993 года вместе с Крючковым и Лукьяновым участвовал в демонстрации, которая закончилась столкновением с милицией.

В феврале 1994 года уголовное дело было прекращено по амнистии Госдумы.

– Надо по-человечески понимать ситуацию, – объяснял он в десятую годовщину ГКЧП, почему согласился на амнистию. – Полтора года немолодые люди просидели в тюрьме. При этом мы знали, что у высшего российского руководства есть твердое намерение довести процесс до конца, подвести нас под «вышку». Да и Ельцин пошел на амнистию, чтобы скрыть свои преступные действия в «Белом доме» в 1993 году. Ведь амнистия была объявлена не только нам.

Впоследствии работал консультантом комитета ветеранов и инвалидов государственной службы, руководителем Фонда помощи детям-инвалидам с детства (Фонд входил в негосударственную организацию «Духовно-просветительский комплекс традиционных религий в Москве»), возглавлял кафедру отечественной истории и международных отношений Российской международной академии туризма.

В большую политику больше не вернулся, да и вообще от политики отошел. Издал книгу мемуаров «Последний бой за СССР». Скончался в сентябре 2010 года. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Болдин

Свои мемуары «Разрушение пьедестала» начал с описания первых минут пребывания в следственном изоляторе «Матросская Тишина». Впечатления настолько его ошеломили, что есть смысл воспроизвести их здесь, поскольку они передают его тогдашнее состояние. Действительно, из кремлевского кабинета – на тюремные нары.

«Взвизгивает и скрежещет стальная дверь, – рисует он потрясшую его резкой переменной картину, – меня вводят в камеру, и слышно, как в замке закрывшейся двери гремят ключи. Я остаюсь в полумраке и сразу не могу различить, что это. Тотчас наталкиваюсь на стальные нары. В полуметре умывальник и унитаз. Окна нет, лишь стальная пластина с просверленными отверстиями.

Приглядевшись, вижу – одиночка три метра на два. Сажусь на нары, еще раз озирая свое новое узилище. Да, одиночка, впрочем, это и лучше. Видеть никого не хочу. Под мышкой еще держу вещички, которые мне оставили. Но ни ремня, ни галстука, ни шнурков нет. Документы, деньги изъяты. Оказалось, мне не нужно и многое другое. Ну что ж, им видней. Ложусь на стальные ленты нар и чувствую холодный металл.

Часов через пять дверь отворяется, и прямо в раковину ставят то, что они называют обедом. Я не притрагиваюсь к пище. Через час ведут куда-то наверх и скоро попадаю в камеру, где на меня с любопытством взирают две пары глаз. Видя мое состояние, люди уступают нижнее место, помогают расстелить матрас из свалывшейся ваты. Я укладываюсь, пытаюсь согреться, но только верчусь от неудобства и боли. Что ж, это надо пережить – впереди только худшее».

Ну а дальше начались тюремные будни. Все время вспоминал горбачевские слова, сказанные 18 августа 1991 года, когда в Форос приехали он, Бакланов, Шенин и Варенников: «Ну действуйте, черт с вами». Фактически он благословил на действия по вводу чрезвычайного положения.

По мнению Болдина, дело было слишком серьезным, чтобы его можно было доверить генералам. Успеха можно было добиться только в том случае, если бы за дело взялись майоры и подполковники.

Что ждет Горбачева:

– Нынешнее поколение его точно не оправдает, следующее – тоже. Возможно, где-нибудь в середине XXI века, если жизнь начнет налаживаться, то могут возникнуть и какие-то иные оценки. Но я глубоко сомневаюсь, что потомки когда-либо оправдают человека, с именем которого связан распад страны.

Еще из записок Болдина: «Кажется, и мой час настал. Вот уже несколько дней не могу подняться с нар. Врачи сидят около меня, стараясь по возможности помочь в условиях камеры. Их многочисленные докладные начальству с просьбой о переводе меня в больницу действия не имеют, на доклад начальника СИЗО прокуратуре с той же просьбой ответа нет. Ни Степанкову, ни Лисову не до меня. Они, как Ильф и Петров, увлеченно пишут бестселлер под скромным названием “Кремлевский заговор”. Из-за их литературной занятости можно и ноги протянуть.

Впрочем, так и не дождавшись ответа, начальство СИЗО на свой страх и риск отправляет меня в 20-ю городскую больницу. Там Всесоюзный центр портальной гипертензии и лучшие в стране специалисты по зашиванию вен и лечению сопутствующих болезней. Оперироваться страшно не хочется, и я оттягиваю эту процедуру. Но через несколько дней меня на каталке срочно везут в операционную».

В декабре 1991 года освобожден под подписку о невыезде из СИЗО «Матросская Тишина». В мае 1994 года уголовное дело прекращено на основании постановления Госдумы РФ «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Скончался в 2006 году на 71-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни.

Грушко

«Арест был самым страшным ударом за всю мою жизнь, – описывал он впоследствии свое состояние. – Никогда в жизни не нарушал советских законов и учил законопослушанию своих подчиненных. И вдруг нахожусь в тюрьме, бессильный и беспомощный, не зная, в чем меня обвиняют и что мне грозит.

Не вижу за собой никакой вины. В то же время отдаю себе отчет в том, что решение о моем аресте принято на самом высоком уровне, то есть Горбачевым, и ожидать можно чего угодно.

Клевета и очернение всего, что хоть как-то связано с чрезвычайным положением, нескончаемым потоком льются по ра-

дио в стенах тюремной камеры с 6 утра до 10 вечера. Это действует на нервы».

28 августа услышал по радио сообщение: Горбачев отстранил его от должности первого заместителя председателя КГБ СССР. До декабря 1991 года содержался в следственном изоляторе «Матросская Тишина» в камере площадью 12 м², где уже находились четыре человека. Когда ввели его и он представился сокамерникам, те потеряли дар речи. С генерал-полковником КГБ никому из них встречаться еще не приходилось. Обращались с ним уважительно, возражали против его участия в уборке камеры.

Ее стены были рифленые, чтобы на них нельзя было оставлять записи. «Удобства» – внутри камеры. Уборка – своими силами. Душ раз в неделю был событием. Питание – тюремное. Через месяц семья получила разрешение на передачу – до 10 кг продуктов в месяц.

Следствие велось по статье 64 УК РСФСР, предусматривавшей высшую меру наказания за измену Родине.

От сильных переживаний перенес два инфаркта, похудел на 20 кг. Стационарное лечение, назначенное врачами, вместо 14 дней растянулось на 8 месяцев. Проходил его в госпитале КГБ под усиленной охраной двух автоматчиков в палате и нескольких охранников с оружием, ночевавших в телевизионной комнате на этаже.

В январе 1992 года освобожден по состоянию здоровья, но без снятия обвинения. Зато охрана снималась и устранялись ограничения свободы. Начальник следственного изолятора подошел к Грушко, подозвал главного из группы охраны и объявил:

– С данного момента охрана с Виктора Федоровича снимается.

Охранники отдали честь – для них он снова генерал-полковник.

Кадровики предложили выйти в отставку по болезни, и он согласился. Третий инфаркт застал его дома. А всего он пережил шесть инфарктов и инсультов.

В 1994 году амнистирован Госдумой РФ в числе арестованных по делу ГКЧП.

В 1996–2001 годах – вице-президент СОАО «Русский страховой центр». Издал мемуарную книгу «Судьба разведчика».

Был награжден орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, орденом Дружбы народов. Скончался в 2001 году. Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

Плеханов

По словам генерала КГБ В.В. Генералова, во время возвращения из Фороса Д.Т. Язов и другие члены ГКЧП заперлись в салоне и оттуда не выходили. «Вышел лишь, подсев ко мне, Плеханов: “Собрались трусливые старики, ни на что не способные, – сказал он в сердцах. – Попал я, как кур в ошип”. Я пытался его утешить, но в ответ он сказал: “Нас сейчас, наверное, в аэропорту арестуют...”»

Горбачев жестоко обошелся с Плехановым. Он лишил его генеральского звания, наград и назвал «стяжателем». Освободил от занимаемых должностей и уволил со службы его заместителей генералов В.В. Максенкова, М.В. Титкова, начальника отдела личной охраны генерала В.В. Алейникова и других.

Бывший заместитель начальника 9-го управления КГБ, занимавший эту должность в 1975–1989 годах, Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, генерал-майор М.С. Докучаев, хорошо знавший Плеханова, назвал несправедливыми слова Горбачева по поводу «стяжательства» Плеханова.

«Жил он с супругой очень скромно, – отмечал Докучаев в своих мемуарах “Москва. Кремль. Охрана”, – в чем убедились те, кто арестовывал его. Кроме холодильника, телевизора и подаренного ему кем-то маленького кинжала, в его квартире нечего было арестовывать. У него изъяли две сберегательные книжки: одну – на четыреста рублей, другую – на пять рублей. И этого труженика, честнейшего человека, отдавшего многие годы добросовестного служения делу обеспечения безопасности высоких советских и зарубежных руководителей, Горбачев, не разобравшись в сути дела, охарактеризовал как стяжателя, выгнал с позором и разжаловал».

В декабре 1992 года Плеханова освободили из-под стражи под подписку о невыезде. 23 февраля 1994 года постановлением Госдумы РФ амнистирован со всеми участниками по делу ГКЧП. В общественной и коммерческой деятельности не участвовал.

Умер в июле 2002 года. В день смерти указом президента РФ В.В. Путина восстановлен в воинском звании и наградах.

Павлов

Свою вину не признавал, заявлял, что никакого заговора не было. На допросах удивлялся: ну как можно инкриминировать ему захват власти? Ее что, мало у него было? Подчеркивал, что Верховный Совет СССР утвердил его в должности премьер-министра с первого голосования, а не повторного, как некоторых.

В январе 1993 года ему была изменена мера пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде. В феврале 1994 года был амнистирован Госдумой.

В 2007 году в интервью газете «Труд» категорически не соглашался с тем, что ГКЧП стремился повернуть историю вспять, от демократии к крепкой руке: «Мой отец, шофер, был незаконно репрессирован в 1937 году, а мать, медсестра, находилась после войны под следствием по “делу врачей”. Как я мог ратовать за возвращение к сталинизму?»

Работал в финансовой и экономической сферах: президент «Часпромбанка», советник «Промстройбанка», заместитель председателя Вольного экономического общества.

В последние годы некоторые исследователи августовских событий 1991 года обращают внимание на строки генерала армии В.И. Варенникова: «В ночь с 18 на 19 августа руководство страны, учитывая отказ Горбачева участвовать в действиях, вынуждено было создать “Государственный комитет по чрезвычайному положению”. Такого типа государственные структуры в то время имели право создавать два лица: Президент СССР или председатель Кабинета министров СССР. Руководитель Кабинета министров Валентин Павлов взял ответственность на себя, создал комитет и сам вошел в его состав».

В 2002 году перенес инфаркт, затем – инсульт. Умер в 2003 году. Ему было 65 лет.

Тизяков

Полтора года в СИЗО не сломали его волю. Остался убежденным в своей правоте.

Из свидетельских показаний главного конструктора КБ «Новатор» В. Смирнова: «В начале февраля 1991 года я вместе с Тизяковым летел в одном самолете в командировку в Москву. Тизяков сидел в кресле, расположенном впереди меня. Он что-то сосредоточенно писал. В просвет между креслами я увидел

раскрытую страницу блокнота. На ней по пунктам излагался план заговора с целью реорганизации структуры управления страной. Как я понял, вся власть в СССР должна была перейти к ВКУ (Временный комитет управления СССР – первоначальное название ГКЧП), президент должен был только исполнять волю этого органа.

Когда Тизяков перелистнул страницу блокнота, мое внимание под пунктом 19 привлекла запись: “Нападки на армию, КПСС, КГБ, МВД. Выяснить, кто. Составить списки”.

После того как полет закончился, я поделился увиденным с главным инженером КБ “Новатор” Вячеславом Горбаренко».

В январе 1992 года Тизяков обратился с письмом на имя Генерального прокурора РФ В.Г. Степанкова. Послание было довольно длинное. Анализируя последствия этого «странного заговора», пришел к выводу: «Каждый в стране понял, что так, как ведет политику Центр во главе с Горбачевым М.С., – “ни да, ни нет” – никого больше не устраивает».

Квинтэссенция – в последнем абзаце пятого пункта: «Порой кажется, что этот “странный заговор” и произошел специально для решения этих тупиковых проблем».

В шестом пункте сказано: «Следствие закончено, и сейчас ясно, что два руководителя крупнейших общественных организаций в СССР АГПО СССР и Крестьянского союза СССР – я и Стародубцев В.А. – в этом деле пятое колесо в телеге, правда, это было ясно еще с 19.08.91 г., и есть все основания закрыть дело, начиная с нас первых. Это будет по достоинству оценено в кругах промышленности и сельского хозяйства».

В январе 1993 года освобожден из-под стражи. В феврале 1993 года был избран делегатом Свердловской областной восстановительной партийной конференции. Его появление в зале вызвало бурные овации. В сентябре 1993 года Военная коллегия Верховного суда приостановила производство по делу Тизякова из-за его серьезного заболевания. Амнистирован Госдумой РФ в феврале 1994 года.

Член КПРФ. Был соучредителем и учредителем нескольких компаний, президентом российско-киргизского предприятия «Технология». Избирался депутатом Свердловского областного Совета.

Стародубцев

В ноябре 1992 года мера пресечения была изменена на подписку о невыезде. Приступил к работе как председатель агропромышленного комплекса «Новомосковское» и колхоза им. Ленина Тульской области.

Вернулся в большую политику – был губернатором Тульской области, членом Совета Федерации, возглавлял Аграрный союз России. В 1995 году на вопрос, мог ли ГКЧП победить, ответил: «Если бы я не был уверен в том, что ГКЧП сможет победить, я бы никогда не стал его членом».

Никогда не менял свою точку зрения. «Если бы тогда можно было остановить развал великой державы, задуманный и спланированный на Западе с использованием наших предателей, то страну можно было бы спасти. Был бы ГКЧП или бы его не было, если бы 20 августа 1991 года состоялось подписание всем известных соглашений, то был бы подписан смертный приговор великой державе. Так что от нас уже мало что зависело».

Шенин

Не сломался, не пал духом, отстаивал свою позицию до конца. В первую годовщину августовских событий 1991 года «Правда» поместила материал «Так кто же совершил настоящий путч?..», где он ответил письменно на вопросы газеты, которые ему передали в тюремную камеру.

Утверждал, что проект Союзного договора, подготовленный для подписания 20 августа 1991 года, на самом деле означал фактический раскол СССР и шел вразрез с мнением народа, высказанным на референдуме 17 марта.

Что касается изоляции Горбачева в Форосе, то в действительности никакой блокады не было. Имело место банальное самоустранение от выполнения своих конституционных обязанностей.

В октябре 1992 года в следственном изоляторе «Матроская Тишина» объявил бессрочную политическую голодовку. Его предупредили, что существует инструкция МВД, по которой будут кормить насильно. Но это его не остановило.

В конце того же месяца мера пресечения по состоянию здоровья была заменена на подписку о невыезде. Место передвижения ограничили Москвой. В тюрьме перенес три операции.

В феврале 1994 года давал показания в судебном заседании. Категорически отрицал свою вину в предъявленном ему обвинении в измене Родине. «Я действительно, – сказал он, – несу ответственность, но отнюдь не по тому обвинению, которое предъявила прокуратура. Я, как гражданин СССР, как член КПСС, несу политическую и моральную ответственность перед народом и партией: не все сделал для того, чтобы предотвратить разрушение великой державы – Союза Советских Социалистических Республик».

Дал свою оценку событиям 1991 года: «Ликвидация на основе Новоогаревского договора единого государства, раздробление его на части не только без согласия народа, но и вопреки его воле, выраженной на референдуме, разрушение основ Конституции и были, без всякого сомнения, государственным переворотом, за что организовавшие его лица подлежали уголовной ответственности по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР в точном ее смысле – “за измену Родине”».

Подчеркнул, что Горбачев был осведомлен относительно предстоящего развала Союза. «Знал ли Горбачев о том, что Ельцин готовился к заключительной стадии антиконституционного переворота – ликвидации союзных структур власти и управления? И что Ельцин в такой ситуации не подпишет 20 августа 1991 года Союзный договор, а наоборот, будет стремиться сорвать его подписание и ликвидировать центр? Знал. 29 июля 1991 года он мне лично сказал, что если обстановка и дальше будет ухудшаться, то он пойдет и на крайние меры».

О законности или незаконности ГКЧП: «Создание ГКЧП я не считаю противозаконным действием, поскольку такой комитет как не был предусмотрен Конституцией СССР, так и не был ею запрещен. Его создание – и этого нельзя не видеть – связано с целым рядом нарушений Конституции СССР и союзных республик высшими должностными лицами, создавшими реальную угрозу конституционному строю и целостности страны. К тому же само образование подобного органа не влечет уголовной ответственности. Ведь создавал президент Российской Федерации Ельцин неконституционные органы, однако за это не понес никакой ответственности».

Не терял самообладания и даже чувства юмора под шквалом вопросов со стороны обвинения. Когда они стали допытываться, заезжал ли он в ЦК КПСС 18 июня 1991 года после воз-

вращения из Фороса перед тем как идти в Кремль, и он ответил: нет, не заезжал, они снова начали выяснять этот вопрос, Шенин ответил:

– В следующий раз, перед тем как идти в Кремль, обязательно заеду в ЦК КПСС.

После амнистии вернулся в политику. В 1993–2001 годах возглавлял Совет леворадикального «Союза коммунистических партий – КПСС», куда входили 22 компартии бывших советских республик, был членом ЦИК КПРФ и ЦК КПРФ. В 2000 году возглавил новосозданную Коммунистическую партию Союза России и Белоруссии, за что был исключен из ЦК КПРФ. В 2007 году пытался выдвинуть свою кандидатуру на пост президента РФ.

В августе 1995 года на вопрос, мог ли ГКЧП победить, ответил: «Да, победа ГКЧП была вполне возможна». И добавил: «Если бы ГКЧП состоялся хотя бы в декабре 1990 года».

Непоколебимо стоял на своей позиции: «ГКЧП просто не могло не быть. С 1985 года страна покатила черт знает куда. Хотя у нас всегда хватало полоумных руководителей, начиная с Хрущева, со всеми его глупыми выходками, но во времена “перестройки” число таких превзошло невозможное. ГКЧП было запоздалой попыткой вытащить страну из пропасти. В августе 1991 года мы могли лишь заявить о своей позиции...»

Умер в 2009 году. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве, рядом с могилой генерала армии В.И. Варенникова.

Генералов

Больше года провел в следственном изоляторе «Матросская Тишина» по делу ГКЧП. Серьезно болел, но, по словам Крючкова, ни на минуту не терял мужества и самообладания. Во многом благодаря ему на следствии и в суде удалось убедительно показать самозатворничество Горбачева в крымской резиденции.

Находясь в Форосе с 18 по 21 августа, «вел себя достойно, видел лицемерие Горбачева, не поддавался искушению пойти на сделку с совестью, несмотря на то, что отдавал себе отчет в том, какие лишения ожидают его».

В декабре 1992 года ему была изменена мера пресечения на подписку о невыезде.

Впоследствии работал в АО «Регион», входившем в АФК «Система».

ПЕРЕМЕНЫ В КРЕМЛЕ И НА ЛУБЯНКЕ. ОКТАБРЬ – НОЯБРЬ

Октябрьские самоубийства

В воскресное утро 6 октября предшественника Н.Е. Кручины на посту управделами ЦК КПСС Г.С. Павлова обнаружили мертвым на газоне под окнами его квартиры. Ему было 80 лет. Когда в домашний кабинет, где он работал, вошла жена, мужа она не увидела. Окно было распахнуто, а под ним стояли тапочки. На столе лежала записка, в ней два слова: «Только кремация!»

Жена рассказывала: 26 августа, узнав о том, что его преемник Н.Е. Кручина покончил с собой, сказал:

– Вот мужественный человек. Я бы так не смог.

По факту гибели Г.С. Павлова прокуратура Ленинского района Москвы возбудила уголовное дело. В ходе следствия было установлено, что происшествие случилось примерно в 10 часов 40 минут утра.

Перед этим семья Павлова вместе позавтракала. Павлов ушел в свой домашний кабинет и запер дверь якобы для того, чтобы ему не мешали отдыхать. Обеспокоенные его долгим отсутствием, родные вскрыли дверь и обнаружили, что кабинет пуст, а окно распахнуто. Нашли Павлова внизу, на траве. Недалеко от стены свежо чернела земля, обозначая след от удара. Погибший был высоким, грузным человеком, весил около ста килограммов.

После проведения необходимых следственных действий прокуратура пришла к заключению: это было самоубийство.

Мог ли он знать нечто такое, что беспокоило кого-то? Тогда сразу же поползли слухи о «золоте партии». Самоубийство двух управделами ЦК КПСС, притом одним способом, вызывало подозрение.

После смерти Брежнева, при Андропове, Павлов ушел на пенсию и исчез из виду. Последнее время часто болел и практически не появлялся на людях. Признаков насильственной смер-

ти у него как будто не обнаружили, время падения из окна и наступления смерти совпадало.

Цепь этих странных самоубийств замкнул бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Д.А. Лисоволик. Ему было 54 года. 17 октября он выбросился с балкона своей квартиры на 12-м этаже. Его жена стояла с дочкой на балконе, и вдруг они увидели, что он перегнулся через перила и стал падать. Предсмертной записки не было.

Длительное время он работал за рубежом, избирался секретарем парткома советского посольства в США. Возвратившись из заграникомандировки, был назначен заведующим сектором США, а вскоре заместителем заведующего Международного отдела ЦК КПСС. С конца августа 1991 года он, как и все его коллеги, стал безработным. Лисоволик впал в хандру, запрет КПСС воспринял очень тяжело. Говорил, что жизнь прошла впустую. Пытался устроиться на работу, но ярлык «цековца» служил препятствием.

Горбачев негодует, Ельцин торжествует

В начале октября разразился грандиозный скандал. Тексты допросов Крючкова, Язова и Павлова опубликовал немецкий еженедельник «Шпигель». Горбачев поручил прокуратурам СССР и РСФСР провести служебное расследование обстоятельств утечки информации о работе следственных органов по делу ГКЧП.

А потом грянул еще один скандал: вышла книга «Кремлевский заговор. Версия следствия» за подписями Генпрокурора России В. Степанкова и его заместителя Е. Лисова.

23 октября Госсовет СССР принял решение о переименовании КГБ СССР в Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ). Председателем МСБ назначен В.В. Бакатин.

С 1 ноября Россия прекратила финансирование союзных министерств, которые не упомянуты в Договоре об экономическом сообществе.

6 ноября Ельцин объявил о своем «подарке» к 74-й годовщине Великого Октября – подписал указ о прекращении деятельности КПСС и Компартии РСФСР на территории России. Их организационные структуры распускались, имущество национализировалось.

Он возложил на себя обязанности премьер-министра РСФСР. Госсекретаря Г. Бурбулиса назначил первым вице-премьером правительства. Судя по всему, ему отводилась главная роль. Е. Гайдар и А. Шохин – вице-премьеры, соответственно министры экономики и финансов; труда и социальной защиты. М. Полторанин – министр печати. Это стало началом формирования «правительства реформ». В тот же день из состава КГБ СССР были выведены Пограничные войска. Создан Комитет по охране государственной границы.

14 ноября в подмосковном Ново-Огареве состоялось заседание Госсовета. Прибыли главы семи республик. А должны были двенадцать. Прибалтику, как известно, отпустил Горбачев. Прибалтика – это три республики. А остальные?

Президент Узбекистана Ислам Каримов находился в пути, а представители Украины не высказали желания участвовать в заседании. Председатель Верховного Совета Украины Леонид Кравчук в телефонном разговоре с Горбачевым сказал, что Верховный Совет не рекомендовал ему участвовать в обсуждении Союзного договора до 1 декабря. На этот день в республике назначены президентские выборы и референдум. Президент Армении находился в США.

Обсуждали новый Союзный договор. Договорились, что это будет конфедеративное государство, выполняющее функции, делегированные государствами – участниками Договора.

Название: ССГ (Союз Суверенных Государств). Конституцию ССГ заменит Договор ССГ. Предполагалось, что у ССГ будут президент и двухпалатный парламент, центральное правительство возглавит премьер-министр. Власть переходила Совету глав государств, куда должны были войти президент ССГ и главы союзных республик.

Разъезжались, кажется, довольные друг другом. Вот их тогдашние мнения.

Борис Ельцин (Россия): «Трудно сказать, какое число государств войдет в союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет».

Нурсултан Назарбаев (Казахстан): «Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а за союз, который реально сегодня существует. Это союз суверенных государств, самостоятельных и равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения

Казахстана. Каким будет этот союз в конечном счете – конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее».

Станислав Шушкевич (Беларусь): «По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, союз будет».

Аскар Акаев (Кыргызстан): «Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности – союз будет».

Сахат Мурадов (председатель Верховного Совета Туркменистана): «На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств».

Ақбаршо Искандаров (заместитель председателя Верховного Совета Таджикистана): «Наша республика с самого начала была за союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет».

Проект Договора должны были рассмотреть парламенты республик. Вот там-то и началось. Сначала отказались три прибалтийские республики, вслед за ними Грузия, Армения, Молдова, Азербайджан. Они объявляли о своей государственной независимости, избирали своих президентов, заявляли о своем желании стать членами ООН.

На 25 ноября в Ново-Огареве было назначено заседание глав республик для парафирования Договора. Не приехали украинский лидер Кравчук и из-за сложной обстановки в республике глава Азербайджана Муталибов. Остальные потребовали внести существенные изменения в проект документа, которые касались смещения оставшихся полномочий от центра к республикам.

Обстановку взорвал Ельцин. Он потребовал заменить формулировку «Союзное государство» на «Союз государств» и заявил об отказе парафировать текст до рассмотрения его Верховным Советом. Другие, глядя на него, заколебались.

Горбачев предпринимал отчаянные попытки уговорить собравшихся, но не смог. Раздосадованный непослушанием, он вскочил из-за стола и в ярости выбежал из зала заседаний. Вернуть убежавшего президента делегировали Ельцина и белоруса Шушкевича. Они пришли к нему в кабинет и сказали: давайте продолжать работу, надо же искать выход.

Горбачев вернулся в зал, все снова приступили к обсуждению. Главы республик нехотя пошли на компромисс, но затем атмосфера снова стала накаляться. В итоге проект Договора

остался неподписанным. Было объявлено, что его отправят на обсуждение парламентов республик, после чего он будет подписан 20 декабря.

Когда Горбачев в одиночестве вышел к журналистам и назвал дату предполагаемого подписания, многие обратили внимание на дату – 20 декабря. Назавтра в комментариях отмечалось, что это число несчастливое – в августе был создан ГКЧП.

Первый звонок, предвещавший неуспех новоогаревского Договора, прозвенел 1 декабря. В тот день на Украине прошел референдум, на котором граждане проголосовали за независимость. Это дало Кравчуку повод заявить, что Украина не будет участвовать в Новоогаревском процессе.

26 ноября указом Ельцина КГБ РСФСР был преобразован в Агентство федеральной безопасности РСФСР. Генеральный директор – в ранге министра РСФСР. Им стал В.В. Иваненко, прежний председатель КГБ РСФСР.

Начался раздел центрального аппарата госбезопасности.

28 ноября 1991 года вышел указ Горбачева «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности». Возглавлять ее был назначен Бакатин.

Эта должность была специфическая, совсем не такая, как председателя КГБ, обладавшего огромными полномочиями на всей территории СССР. Главе МСБ отводилась роль координатора деятельности руководителей госбезопасности союзных республик, входивших в коллегию МСБ. С каждой из республик заключался отдельный договор о сотрудничестве.

Новая структура напоминала что-то вроде своеобразного агентства. Знатоки спецслужб утверждали, что МСБ строилась по тому же принципу, что и ФБР США.

3 декабря Верховный Совет СССР принял закон «О реорганизации органов государственной безопасности». В тот же день его подписал Горбачев.

Согласно закону, КГБ СССР упразднился. На его базе создавались Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР (в США – ФБР и ЦРУ).

Но жить МСБ и ЦСР оставалось совсем недолго – 8 декабря в Беловежской Пуще главы России, Украины и Белоруссии Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Необходимость в МСБ отпала – каждая республика создавала свою собственную спецслужбу.

ХОТЕЛИ, КАК ЛУЧШЕ... ДЕКАБРЬ-91

Последняя «минута славы»

23 декабря 1991 года в российской газете «Коммерсантъ» появилась публикация «Вадим Бакатин: неловкий жест доброй воли», в которой сообщалось о реакции американской стороны. Получив в Межреспубликанской службе безопасности секретные документы, их отправили в Вашингтон. Отвозил сам посол. А 13 декабря в вашингтонском пресс-клубе рассказал обо всем.

«Коммерсантъ» процитировал слова второго секретаря посольства США в Москве Уильяма Ф. Давни: «Люди были так удивлены, что даже не знали, как реагировать. Это очень неожиданный жест доброй воли. Есть, конечно, вопрос: все ли отдали?»

16 декабря МСБ в заявлении для прессы официально признала факт передачи американской стороне схемы прослушивания нового здания посольства в Москве.

«Коммерсантъ» сообщал также о том, что группа сотрудников МСБ высказалась за служебное расследование происшедшего. Многие на Лубянке после этого стали называть его предателем, были обращения и в прокуратуру. Но тогда было уже не до подслушивающих устройств: одни из всех сил старались не отдать власть, другие – как бы взять ее.

В. Бакатин: «Докладываем на решение...»

В середине сентября 1991 года Бакатин, предварительно переговорив с Горбачевым, направил ему письмо следующего содержания:

В 1969 году политическим руководством страны было принято решение об оборудовании намеченного к строительству нового комплекса зданий посольства США в г. Москве средствами специальной техники для съема информации, представляющей политический и оперативный интерес. В этих целях в период с 1976 по 1982 год в часть строитель-

ных конструкций административного корпуса посольства были внедрены элементы систем съема акустической информации и электромагнитных излучений шифровальной аппаратуры посольства.

В дальнейшем, в связи с изменением политической обстановки и активными поисковыми работами, предпринятыми американскими специалистами, оборудование проекта было прекращено. Кабели, заложенные в грунте для соединения внедренных элементов с аппаратурой регистрации, изъяты. Оставшиеся в строительных конструкциях элементы не представляют собой законченной системы и не могут быть использованы для целей съема информации.

Следует отметить, что до настоящего времени поисковыми группами Комитета госбезопасности СССР изымаются системы съема информации, внедренные американскими спецслужбами в административные и жилые здания посольства СССР в г. Вашингтоне.

В интересах развития отношений между СССР и США, а также в целях укрепления доверия между государствами, представляется возможным сообщить американской стороне, на взаимной основе, сведения об элементах систем съема информации и местах их расположения в строительных конструкциях здания без раскрытия технических параметров и схемных решений систем, подтвердив тем самым безопасность эксплуатации здания от утечки информации.

Полагаем, что реализация изложенного позволит ускорить задействование зданий посольств США в г. Москве и СССР – в г. Вашингтоне.

Докладываем на решение.

Председатель Комитета В. Бакатин.

19 сентября на этом письме появилась резолюция:

Тов. Панкину Б.Д., тов. Бакатину В.В.

Обсудите и определитесь (при согласии) по шагам.

М. Горбачев.

Бакатин в своих мемуарах восклицает: «Сам он дал согласие. Без всяких оговорок согласился и Б. Панкин. Приветствовал эту, как считалось, политическую акцию и Б.Н. Ельцин и министр иностранных дел России А. Козырев.

Я встретился с послом США в СССР г-ном Р. Страуссом, передал ему письмо».

О согласии Ельцина следует сказать отдельно. Вначале Бакатин ему позвонил, и Борис Николаевич сказал: «Действуйте». В декабре, перед самой передачей, позвонил снова – мало ли что, а вдруг позиция изменилась. Тот ответил:

– Я же еще тогда, при первом нашем разговоре, сказал: давайте действуйте!..

В. Бакатин: «КГБ СССР готов предоставить американской стороне документацию...»

Что было сказано в письме председателя КГБ СССР американскому послу?

Ваше превосходительство!

В нашей с Вами беседе 2 октября с.г. затрагивалась проблема безопасности функционирования нового комплекса посольства США в Москве.

Мы с полным пониманием относимся к озабоченности американской стороны, тем более что и нас в равной мере беспокоит безопасность нашего посольства в Вашингтоне.

В целях радикального решения этого вопроса Комитет государственной безопасности СССР готов предоставить американской стороне документацию, касающуюся установки конкретных элементов технических средств получения информации в новом комплексе посольства США в Москве.

Мы не увязываем этот шаг ни с какими действиями американской стороны, но были бы признательны, если соответствующие федеральные службы США передадут в наше распоряжение аналогичную документацию по новому посольскому комплексу СССР в Вашингтоне.

Думаю, что такой выход из, казалось бы, тупикового положения отвечает интересам наших стран, поможет избежать бессмысленных затрат, упрочить доверие, что само по себе бесценно.

Выражаю надежду, что это предложение найдет у Вас поддержку и Вы, господин Посол, употребите свое влияние для его реализации.

С уважением Вадим Бакатин, председатель Комитета государственной безопасности СССР.

Р. Страусс: Брать готовы, но не отвечаем взаимностью...

Именно так понял Бакатин ответ госдепартамента США, который сообщил посол в Москве Р. Страусс. «Ответ мне не понравился, – признал Бакатин. – Он подтвердил правоту тех, кто говорил об эгоизме, неискренности и супербюрократизме американских чиновников. Любят только себя. Брать готовы, но не отвечают взаимностью».

Впрочем, вот он, тот ответ:

«Мы заинтересованы в Вашем предложении, которое является жестом доброй воли. Я уполномочен довести до Вашего сведения, что мы готовы урегулировать претензии по разведывательной деятельности относительно нового здания посольства... в обмен на получение материала. Вы понимаете, что мы не урегулируем эти претензии, если материал окажется не тем, как Вы его описывали.

Наше согласие не связано с дефектными претензиями по строительству здания... Мы будем продолжать наши встречи по этим претензиям в рамках переговоров по вопросам собственности, которые ведутся послом Сальго и заместителем министра иностранных дел Обуховым.

Принимая документы, мы не будем оказывать воздействие на варианты строительства или решения, относящиеся к тому, что мы собираемся сделать с новым зданием посольства. В данный момент наш план заключается в продолжении строительства новой защищенной пристройки к северной части нового здания посольства, а также в переносе принятия решения по этому вопросу до тех пор, пока не будет сформулирована наша окончательная позиция относительно использования нового здания посольства.

Наше согласие ни в коей мере не связано с возможностью занятия нового здания советского посольства его сотрудниками. Ваши люди могут занять это здание тогда, когда у нас будет новое, в смысле безопасности, здание в Москве. Это является законом и нашей политикой.

В качестве практического предложения по данному вопросу я буду рад направить моего советника по вопросам руководства и других лиц для встреч с теми должностными лицами, которые Вы можете назначить».

Комментируя этот не понравившийся ему ответ, Бакатин замечает: не в его правилах было отступать. «Тем более, я был уверен, что “послали мяч” на их сторону, никуда им не деться, ход за ними, запрет на заселение нашего здания в Вашингтоне придется снять».

Чем закончилась эта скандальная история? По версии Бакатина, получилось так, как он предполагал: «Схему наших мертвых “жучков” мы им передали. Они, конечно, стали делать вид, что их надули. Писали, что Бакатину верить нельзя, он отдал не все, нельзя “попадаться на удочку” и тому подобное... Но в июле 1992 года американская сторона отменила положения, препятствующие заселению нашего посольского комплекса в Вашингтоне».

А есть ли иные версии? Да сколько угодно! Кто только тогда ни возмущался тем, что Бакатин передал американцам схему наших «жучков». Герой скандала утверждал, что многолетнюю кампанию в СМИ инспирировали «обиженные чекисты» и «продавшие свою совесть журналисты».

По его словам, президенту Ельцину, вместе с Горбачевым санкционировавшему эту «абсолютно безвредную для России, по сути политическую, акцию», достаточно было в то время бровью повести, сказать два слова, чтобы прекратился этот шабаш. «Но, видимо, – догадывался Бакатин, – это доставляло ему удовольствие, и он помалкивал».

Строуб Тэлботт: «Они сделали это в знак благодарности за поддержку...»

Известный американский дипломат и политолог Строуб Тэлботт в своей книге «На разных уровнях» несколько иначе изложил мотивы этой акции. Якобы Ельцин и Бакатин сделали это в знак благодарности за поддержку, которую посольство США в Москве оказало российскому президенту во время событий 19–21 августа. Особенно за то, что тогда американцы предоставляли Ельцину данные спутниковой разведки о передвижении войск вокруг «Белого дома» и о подготовке к штурму.

Дж. Коллинз: «Это была своего рода сделка...»

Есть свое объяснение и у тогдашнего и.о. посла США в Москве Дж. Коллинза. В канун 20-й годовщины ГКЧП он озвучил ее в интервью «Интерфаксу». В сентябре он и прилетевший в

Москву в качестве спецпосланника Роберт Страусс приехали к Бакатину.

– Разговор в то время касался собственности обеих стран в каждой из столиц, – рассказывал Дж. Коллинз. – В Вашингтоне стояло неоткрытое посольство СССР. И речь шла о том, чтобы ваше правительство могло занять новое здание посольства в Вашингтоне, которое было завершено. Нужно было принять какое-то решение на сей счет. Мы не давали возможности советскому правительству занять здание в Вашингтоне до тех пор, пока у нас не будет возможности занять свое здание в Москве.

После той встречи состоялась еще одна.

– Речь там шла о том, что, если советские позволят нам построить наше здание в Москве так, как нам нужно, без вмешательства с их стороны, и сообщат, что они сделали с ним, мы позволим им занять здание в Вашингтоне. В начале сентября состоялась сделка, на которую было получено согласие обоих правительств, и я поехал на 9-й этаж серого здания КГБ. Причем был совершенно один. В приемной ко мне вышел мрачный человек, который протянул книги с записями. Это была планировка (схемы прослушивания американского посольства в Москве).

Дж. Коллинз заявил: он не уверен, что это был жест благодарности:

– По-моему, это была своего рода сделка, которая позволяла разморозить возможность для использования собственности каждой из сторон. С этого момента мы могли построить свое здание силами своих рабочих, из своих материалов, без постороннего вмешательства. А также нам была предоставлена возможность узнать, что было сделано со зданием ранее. В ответ они получили возможность занять новое здание в Вашингтоне. По-моему, именно вопрос о размораживании собственности был определяющим фактором в наибольшей степени, чем какой-либо другой мотив. Это произошло еще при советском правительстве, а самое главное, что при помощи этих прослушивающих устройств уже ничего нельзя было добиться, продолжая и дальше эту конфронтацию. К тому моменту американцы обыскали и осмотрели все это здание при помощи рентгеновских средств. И было понятно, что из оборудования КГБ там уже не так уж много осталось, что представляло какую-то ценность. Не думаю, что открою что-то новое, сообщив о моем разговоре с нашими экспертами, которых я спросил, когда вся эта прослу-

шивающая техника была установлена и в какое время была создана. Они сказали мне, что проектировка всех этих прослушивающих устройств была сделана до 1980 года. В то время, о котором мы говорим, десятью годами позже, технологии совершенно изменились, пришло время компьютеров. И, скорее всего, эти схемы уже устарели. Иными словами, они не так уж много нам отдали и не так уж от многого отказались. Но это был не столько Ельцин, сколько Бакатин и советское правительство.

В. Иваненко: «Для сотрудников КГБ это был удар...»

Журнал «Огонек», ноябрь 2011 года. Из интервью с первым и последним председателем КГБ РСФСР, бывшим руководителем Агентства федеральной безопасности РСФСР В.В. Иваненко. О Бакатине:

– Он сдал систему, не посоветовавшись с профессионалами. Я об этом узнал только по радио. Бакатин потом говорил, что этот шаг он согласовал с обоими президентами, у него было письмо с их визами. Но разве это компетенция президентов? Думаю, что они не понимали, к чему это может привести. А для сотрудников КГБ это был удар. Сдавать святая святых – технику подслушивания в посольстве если не противника, то конкурента! Бакатин оправдывался: мол, американцам все равно об этом было известно. Ничего подобного! Там была применена совершенно новая технология. Элементы звукопроводящей системы были замурованы в кирпичах... Это было ноу-хау...

Журнал «Огонек», сентябрь 2016 года. В.В. Иваненко:

– Зачем он отдал американцам схемы подслушивающей аппаратуры в посольстве США в Москве? Ведь это был чисто популистский шаг, пусть и получивший одобрение у Горбачева и Ельцина, но крайне вредный по последствиям. Нами тогда была применена новая технология: «жучки» ставились в кирпичи... Благодаря Бакатину не просто сдали схемы, но и подставили фирмы и людей.

– ЦРУ проявило ответную щедрость? – спросил журналист.

– Еще чего! Никто никогда не поделится, и в этом суть спецслужб: случается обмен, но и его не будет, если он гарантированно усилит конкурента. Мы, например, «делились» с американцами полученными из разведки стоящими сведениями о террористах, а взамен получали чуть ли не перевод газетных статей.

Генерал контрразведки В. Широнин: «Ответной любезности почему-то не было...»

В своей книге «КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки» он задавался вопросом: почему же американская сторона в ответ на «любезность» Бакатина не поделились с Москвой новыми схемами подслушивающих устройств, внедренных взамен изъятых советскими специалистами?

«В том же 1982 году нашими специалистами, – писал Широнин, – было обнаружено несколько сотен подслушивающих технических устройств в кабинетах советских посольств, референтурах, резиденциях, жилых помещениях. А в Вашингтоне техника такая была размещена не только в резиденции советского посла, но и... в спальнях пионерского лагеря для детей советских граждан, работавших в США, и даже на лодочном причале. Только в жилом доме одного из советских представительств в Нью-Йорке было выявлено 50 различных подслушивающих устройств. Микрофоны были обнаружены в помещении дежурного коменданта этого дома. Что же касается жилого комплекса посольства СССР в Вашингтоне, то там нам удалось раскрыть и вовсе уникальную технику подслушивания. Десятки микрофонов были найдены в советских учреждениях в Сан-Франциско, Лондоне, Монреале, Куала-Лумпуре, в ряде других африканских и латиноамериканских стран».

Генерал разведки Б. Соломатин: «Вся советская разведка просто в шоке...»

Он, работавший в Вашингтоне и Нью-Йорке, возмущался:

– Вся советская разведка просто в шоке от совершенного Бакатиним. Осталось лишь передать американцам личные списки резидентов и зарубежной агентуры. Речь в данном случае идет не об обычных «жучках», которых тысячами внедряют и находят во всех странах мира, а о новом методе съема информации, об уникальной технологии, не известной даже американцам. Поэтому они и решили, что проще снести это здание и построить новое. Теперь новый метод, созданный нашими спецами, может быть использован против нас же.

Заканчивая эту уже давнишнюю историю, нельзя не привести слова Бакатина о том, что куда бы он ни приехал, с кем бы ни встретился, те, кто посмелее, обязательно поинтересуются:

– Что вы там такое передали?

Этот тяжелый крест он несет уже более четверти века. И с горечью осознает, что, взяв на себя труд начать переделывать КГБ (как оказалось, сизифов труд), сразу стал чужим системе. «Все те, кто поручал мне это дело (Горбачев, Ельцин, президент-генсеки) ушли, кто куда. Не то, чтобы они устрашились трудностей реформирования и деидеологизации спецслужб. Им это просто стало не нужным. Они не смогли измениться сами. Б.Н. Ельцин, лидер демократов, первых борцов с КГБ, сегодня не забывает послать теплое приветствие ко Дню чекиста».

Эти строки написаны Бакатиным еще в годы ельцинского правления. О чем они свидетельствуют? О прозрении? Что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

О том, что с ним произошло дальше, он рассказал в мемуарах. Последняя встреча с Ельциным произошла у него в конце декабря 1991 года.

«Он предложил мне любой пост в российском правительстве. Так и сказал: любой пост, хотя, конечно, он совсем не намеревался реализовывать это предложение. Он знал, что я откажусь. Я отказался. Честно сказал, что не готов морально. Считаю неприличным так вот сразу перескакивать из команды в команду. Он принял отказ и предложил мне поехать послом в «любую страну, кроме Франции и США». Я также отказался. Мне казалось недопустимым покидать Родину в это время. Я попросил Бориса Николаевича рассмотреть возможность использовать меня на работе в структурах создающегося СНГ. Он согласился. Мы по-доброму расстались.

Однако позже три моих попытки вернуться на государственную службу в исполнительные структуры власти Б.Н. Ельциным демонстративно игнорировались, как бы не замечались. «Бакатин?.. А кто это такой?..» – соизволил он как-то пошутить перед журналистами».

И уж совсем доконали его слухи о нелестных высказываниях Ельцина. «Бывший министр внутренних дел Бруно Штейнбрик рассказал мне, – с обидой пишет Бакатин в мемуарах, – что слышал, как Б.Н. Ельцин в пьяной компании пообещал меня “по стеклу размазать”. А.Н. Яковлев после беседы с Борисом Николаевичем пришел к выводу, что тот затаил на меня глубокую обиду и даже слушать обо мне ничего не желает. Он поставил крест на моем будущем.

Прямых указаний, наверное, он не давал, но в темных недрах кремлевской администрации должны и так все понимать. Установка была взята к исполнению и в соответствии с планом спокойно реализовывалась».

Беловежская Пуща. Кто инициатор встречи

М. Горбачев: Я спросил у него, с чем он едет в Минск?

В изданной в 1992 году книге «Декабрь-91. Моя позиция» Горбачев отметил: в течение недели перед поездкой в Минск он почти ежедневно общался с Ельциным.

«Я уже понимал, что президент России хитрит, – делился Михаил Сергеевич своей догадкой, – тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора, сказал, что может встать вопрос об иной форме объединения. Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины».

В более позднюю книгу «Жизнь и реформы» добавлен новый штрих: «Когда же я узнал, что в Минск приехали Бурбулис и Шахрай, мне все стало ясно. Именно Бурбулис писал Ельцину записку, смысл которой состоял в том, что Россия, мол, потеряла уже половину из того, что она выиграла в результате разгрома путча, что “хитрый Горбачев” плетет сети, реанимирует союзный центр и его будут поддерживать республики. Все это России не выгодно, надо любой ценой предотвратить реализацию подобного сценария».

По словам Горбачева, принятые в Беловежской Пуще решения были приняты вопреки тому, о чем договаривались на Госсовете СССР. «С 25 ноября минуло всего две недели, а Ельцин, вероломно нарушив свои обязательства, поставил подпись под документом, ликвидирующим Советский Союз».

О вероломстве Ельцина: «По сведениям из конфиденциальных источников, Бурбулис и К° готовили свой тактический ход: в последний момент отвергнуть проект Союзного договора, уже направленный в республики, и предложить совершенно

иной. Тот самый, который впоследствии был извлечен из кармана госсекретаря и, как свидетельствуют очевидцы, наспех зашифрован в Беловежской Пуще. Как теперь стало ясно, замысел состоял в следующем. Официально инициатором нового договора должен был стать Кравчук. Признаюсь, у меня до недавнего времени оставались сомнения, вел ли Ельцин все эти месяцы двойную игру или все-таки проявил “слабину” в последний момент, сдался под напором своих советников и Кравчука, да еще в “теплой обстановке”. Не верилось, что человек способен на такое коварство. Но, встречаясь в 1993 году с членами депутатской группы “Смена” в бывшем Верховном Совете России, я узнал от одного из депутатов, входившего в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина, следующее.

После возвращения из Минска в декабре 91-го президент России собрал группу близких ему депутатов, с тем чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно президент ударился в 40-минутные рассуждения, с вдохновением рассказывал, как ему удалось “навесить лапшу” Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. “Надо было выключить Горбачева из игры”, – добавил Ельцин.

Комментарии, как говорится, излишни. Президент России и его окружение фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле».

Б. Ельцин: «У нас была официальная легенда»

«У нас, россиян, – говорил Ельцин позже, на встрече с депутатской группой “Смена – новая политика” 14 декабря 1991 года, – была, как говорят оборонщики, официальная легенда: обмен ратификационными грамотами с Беларусью... Это у нас был первый, так сказать, официальный повод. На самом деле мы это провели. И вскоре официальное – это экономическое соглашение на 1992 год. И мы тоже подписали эти документы в Минске. То есть мы туда ехали совершенно официально по этому вопросу. Одновременно, конечно, мы договорились выяснить с Украиной, если Украина еще не успела уйти настолько далеко, чтобы ее в последний момент как-то все-таки удержать хоть в каком-то сообществе, содружестве».

Только что избранный президентом Украины Леонид Кравчук принял приглашение Ельцина прибыть на встречу в Минск. Предварительные консультации были проведены с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.:

«С Назарбаевым я говорил до поездки в Минск. Он воспринял это нормально, но, учитывая, что они в этом году заключили “договор пяти”, то есть Казахстан и четыре среднеазиатские республики, он говорит, что мне надо посоветоваться с ними и после этого примем решение, как быть. Я еще второй раз позвонил ему в воскресенье, уже из Минска, и ему прочитал весь текст этого Соглашения, то есть после его соглашения... Нашел его, когда он прилетел в Москву, в Домодедово... Он сказал, что принципиально согласен».

С. Шушкевич: «Идея встретиться здесь возникла у меня»

– Сначала я пригласил в Беловежскую Пущу только Ельцина. В первый раз еще в Ново-Огареве... Ельцин согласился приехать. Ближе к декабрю мы созвонились, и я повторил приглашение. Я в шутку спросил у Бориса Николаевича, не позвать ли Горбачева. Ельцин ответил, что если будет Горбачев, тогда он не поедет.

По словам Шушкевича, Ельцин прилетел в Минск 7 декабря.

– Мы встретились с ним в кабинете председателя Совета министров Белоруссии Вячеслава Францевича Кебича – мой кабинет как председателя Верховного Совета был существенно скромнее. Я предложил принять трехстороннее коммюнике. На уровне совета Горбачеву, что нужно делать. Примерно так: «Горбачев, ты не правишь, опасность очень большая, хватит говорить о Союзном договоре...» То, что мы изначально предлагали, было значительно мягче подписанного в итоге в Вискулях соглашения... Формулировка о том, что Советский Союз как геополитическая реальность прекращает свое существование, родилась прямо там.

Далее Шушкевич рассказал: он встретил Кравчука в аэропорту, и только что избранный президент Украины заявил: ради коммюнике можно было и не приезжать. Мол, надо идти дальше. И они полетели в Вискули.

Ю. Иванов: *«В протокольном плане этой поездки не было...»*

Фотокорреспондент Агентства печати «Новости» (сейчас РИА «Новости») по Белоруссии, он был единственным журналистом, который запечатлел подписание Беловежского соглашения.

– Накануне Борис Ельцин приехал с визитом в Беларусь, – рассказывал спустя 25 лет Юрий Иванов. – Как фотокорреспондент АПН я работал на официальных мероприятиях. Визит уже заканчивался, и тут случайно узнал, что москвичи поедут в Беловежскую Пущу. В протокольном плане этой поездки не было. Ясное дело, гости решили поохотиться. Сразу представил, какие удачные кадры могу сделать, и начал искать возможность попасть туда с делегацией.

По словам Ю. Иванова, все чиновники делали круглые глаза: мол, не в курсе.

– Подошел к председателю Совета министров Беларуси Вячеславу Кебичу и прямо спросил: «Возьмете с собой?» Он удивился наглости, но поехать разрешил.

В. Кебич: *«Кравчук с премьером Фокиным пошли на охоту...»*

– В то время Кравчук и Ельцин не дружили. Поэтому в Вискули летели на разных самолетах. Я сопровождал Ельцина, а Шушкевич – Кравчука. Прежде всего их надо было помирить. Когда прибыли, Кравчук с премьером Фокиным пошли на охоту, потом провели ужин. Ужин затянулся...

С. Шушкевич: *«Вопрос о том, что Горбачев предпримет штурм, обсуждался...»*

– Почему была выбрана именно резиденция в Вискулях? Она строилась специально для высокопоставленных лиц. Оборудована средствами спецсвязи, рядом – военно-воздушная база. Я сам впервые был в этой резиденции. Надо отдать должное нашему правительству – оно все сделало по самому высшему разряду. Мне оставалось делать вид, что я здесь хозяин и всех приглашаю...

Подозрений, что Горбачев предпримет «штурм», у нас не было, хотя такой вопрос обсуждался. Но вспомните, что это было за время. Новоогаревский процесс зашел в тупик, в стра-

не безвластие. Кто решится силой пресечь нашу попытку как-то решить проблему? КГБ? После отстранения Крючкова этой силы можно было не бояться. Армия? Шапошников – интеллигентный, деликатный человек, он никогда бы на это не пошел...

Л. Кравчук: «Судьба договора зависела целиком от Украины»

– Ельцин привез с собой горбачевский текст о создании Союза. Горбачев делал нам следующее предложение: Украина вправе внести любое изменение, пересмотреть целые параграфы, даже составить новую редакцию при единственном условии – она должна была обязательно подписать договор. Ельцин положил текст на стол и передал вопрос Горбачева: «Подпишите ли вы этот документ, будь то с комментариями или без них?» Сам он сказал, что подпишет только после меня. Таким образом, судьба договора зависела только от Украины. Я ответил: «Нет». Тут же встал вопрос о подготовке нового договора. Специалисты работали над ним всю ночь. Подписали документ быстро, без каких-либо обсуждений и согласований...

Кравчук еще добавил: «Оказывается, все можно решать оперативно, если на дороге нет “бревна”, которое называется центром» («Рабочая газета», 11.12.1991).

С. Шушкевич: «Мы работали шестером...»

– Вечером в резиденции мы сели работать втроем: Ельцин, Кравчук и я. Но втроем мы договорились фактически только о том, что дальше будем работать шестером. Вскоре к нам присоединились премьер-министр Украины Фокин, председатель Совета министров Белоруссии Кебич и госсекретарь Бурбулис. И до самого завершения встречи мы работали уже в этом составе.

По словам Шушкевича, именно Бурбулис поставил перед ними вопрос: согласятся ли они подписать, что СССР как геополитическая реальность распался или прекратил свое существование? Шушкевич всегда подтверждал: слова «геополитическая реальность» принадлежали Бурбулису.

– Честно говоря, пост, занимаемый тогда Бурбулисом, был для нас не очень понятен, – вспоминал позднее Шушкевич. – Но Бурбулис был вторым лицом в государстве – раз так счел президент России, мы и воспринимали его как второе лицо.

Вечером они осознали, что распадается ядерная держава, и каждое из государств, принимавших участие во встрече, имело на своей территории ядерное оружие. Решили, что это нужно оформить официальным документом, для чего создали рабочую группу, в которую вошли представители от каждой стороны. Им было сказано: за ночь – сделать.

Ельцин назвал российских представителей – Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин.

Шушкевич впоследствии говорил, что день 8 декабря глубоко врезался ему в память. С утра Фокин с Кравчуком ушли на охоту. Ельцин от охоты отказался. Фокин завалил кабана, которым они потом вечером закусывали.

– К работе над документами приступили после завтрака. Я понимал, что документ нужно сделать аккуратно, и мы вычитывали каждое слово. Сначала мы писали само Соглашение. Получали от рабочей группы вариант преамбулы: это нравится, это не нравится... Давайте попытаемся оттенить вот такой элемент, такой... Согласны. И преамбула уходит назад, в рабочую группу. И так с каждым пунктом Соглашения. Он принимался только тогда, когда вся шестерка была согласна...

В. Кебич: «Готовы были подписать все, что угодно...»

– Больше всего обсуждалась судьба президента Горбачева, как быть с государствами, которые не участвуют в совещании, схема внешнеполитической деятельности и схема обороны страны. Никогда не вставал вопрос о том, что у нас, например, разорвутся связи между заводами. Нам казалось, что это навечно, незыблемо... Соглашение было для нас больше политическим заявлением. Мы были возмущены поведением Горбачева и готовы были подписать все, что угодно.

Дж. Буш: «Принимаю информацию к сведению...»

Первым из зарубежных лидеров о прекращении существования СССР узнал американский президент Джордж Буш. Ему позвонил Ельцин. Рядом с ним находились Кравчук и Шушкевич.

Ельцин доложил Бушу о принятых в Беловежской Пуще решениях. Буш внимательно выслушал и, по словам Егора Гайдара, принял информацию к сведению.

Они были и свидетелями разговора Ельцина с министром обороны Е.И. Шапошниковым, которого «пушисты» договори-

лись назначить главнокомандующим Вооруженными силами Содружества. Шапошников не возражал.

Третий звонок был Горбачеву.

М. Горбачев: «Это позор! Стыдобища!»

«Пущисты» поручили Шушкевичу проинформировать Горбачева о том, какие решения они приняли в Беловежской Пуще. Белорусский лидер сделал это в присутствии Ельцина и Кравчука, но... по телефону. Диалог воспроизведен в мемуарах Горбачева.

«Мне позвонил Шушкевич и сказал, что мы, мол, вышли на соглашение, и хочу вам зачитать.

– Какое соглашение? – спрашиваю его.

– Да вот такое.

– А почему именно вы звоните?

– Звоню как депозитарий.

– Подождите, вы все уже решили? Уже два дня назад?

– Да, и мы тут говорили с Бушем, он поддерживает.

Попросил пригласить к телефону Ельцина. Разговор был нервным.

– Вы разговариваете с президентом Соединенных Штатов Америки, а президента своей страны в известность не ставите... Это позор! Стыдобища!

Я настаивал на встрече президента СССР и руководителей четырех республик (Ельцин, Кравчук, Шушкевич, Назарбаев). Но «пущисты» уже сговорились, уполномочив на встречу Ельцина...»

В это трудно поверить, но в тот самый день, 10 декабря, когда Михаил Сергеевич в телефонном разговоре с «пущистом» Шушкевичем назвал «позором» и «стыдобищей» то, что произошло в Беловежской Пуще, в печати было опубликовано его заявление, в котором было сказано, что решение о роспуске СССР «имеет позитивные моменты».

Конечно, Горбачев нашел в документе о создании СНГ немало изъянов, но лишь зафиксировал их. То, что судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Что этот вопрос должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов. Что неправомерно и опасно заявление о прекращении действия общесоюзных правовых

норм – это может лишь усилить хаос и анархию в обществе. Тем более, это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР.

И что предложил? Высказал пожелание, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили соглашение, заключенное в Минске, наравне с проектом Договора о создании ССГ. Михаил Сергеевич не исключил и проведение всенародного референдума. Это были даже не меры, их и полумерами не назовешь.

Не понимал, что произошло? Но в его книге «Декабрь-91», буквально через несколько страниц, есть такие строки: «Когда, вернувшись из Минска, Б.Н. Ельцин пришел ко мне, я сказал ему: вы встретились в лесу и “закрыли” Советский Союз. В обществе даже возникло суждение, что речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик. Президент США узнает обо всем раньше, чем президент СССР».

13 декабря во время очередного телефонного разговора с Дж. Бушем сказал ему: Минское соглашение – «это лишь эскиз, экспромт». 14 декабря позвонил Миттеран, затем Коль, Мейджор, Андреотти, Малруни. Они выражали обеспокоенность – распадалась ядерная держава!

А что делал в самый разгар драматических событий ее лидер? Готовил обращение к Международной конференции «Анатомия ненависти», организованной гуманитарным фондом, борющимся за права человека, и... журналом «Огонек». Абстрактные слова, планетарные масштабы...

В. Иваненко: «Это не “оранжевая революция”, подготовленная ЦРУ...»

Бывший председатель КГБ РСФСР В. Иваненко в канун 25-летия развала СССР в интервью журналу «Огонек» (26.09.2016) рассказывал, как вскоре после Беловежского соглашения к нему в гости пришел посол США в России Роберт Страусс вместе с резидентом ЦРУ в Москве.

– Попили чаю, и я его спросил, ждал ли он того, что произошло с СССР? И получил ответ: «Честно? Не ждал!»

– Значит, развал Союза – не происки закулисы? – уточнила интервьюер.

– Думаю, что нет. А сколько было инсинуаций, что это чуть ли не первая «оранжевая революция», подготовленная ЦРУ...
Согласен: США измотали СССР в гонке вооружений, уронили цены на нефть, но дальнейшее развитие событий было неожиданностью для них самих. Они даже испугались и зачастили на Лубянку с вопросами, как обстоят дела с контролем ядерного потенциала. Это потом у них началась эйфория...

По словам Иваненко, тогда многие свято верили в величие СССР, но он в начале 1990-х уже был государством, не способным накормить людей.

– Вспомните пустые прилавки магазинов! Муки в Санкт-Петербурге тогда оставалось на два дня. Я помню, как проходили заседания правительства начала 1990-х и как Гайдар делил: кому – муку, кому – спички, кому – масло...

Четверть века спустя

С. Шахрай: «Готовых проектов Соглашения не было...»

25 ноября 2016 года. Газета «Московский комсомолец». Бывший советник президента Ельцина Сергей Шахрай ответил на вопрос журналиста Михаила Зубова, как готовилось Беловежское соглашение, было ли оно импровизацией и правда ли, что о его сути заранее знал только Ельцин.

– Готовых проектов Соглашения не было, – утверждал Шахрай. – Может быть, кто-то зашил их в пиджаке, но я этого не видел. В Минске проходила заранее запланированная двусторонняя встреча, визит делегации РСФСР в Белоруссию, который начался 7 декабря. Планировалось обсудить программу сотрудничества республик. По ходу встречи у Шушкевича или у Ельцина возникла идея позвонить Кравчуку и пригласить его. Причем и Ельцин, и Шушкевич потом рассказывали, что в телефонном разговоре они предлагали ему обсудить вопрос Союзного договора с учетом состоявшегося на Украине 1 декабря референдума о независимости. Но в ходе референдума на Украине 96% граждан республики высказались за независимость, поэтому Кравчук сказал примерно следующее: «Ничего не буду подписывать и даже обсуждать. От Союза остались две республики: РСФСР и Казахстан. Все остальные ушли, говорить не о чем».

На вопрос, почему же Кравчук, которому не о чем было говорить с Ельциным и Шушкевичем, все-таки приехали в Вискули, Шахрай дал такое объяснение:

– Наверное, определенную роль в том, чтобы он все-таки приехал, сыграло приглашение на охоту. «Я ничего подписывать не буду, но приехать поохотиться готов», – сказал Кравчук. А приехав, он согласился обсуждать сложившуюся на руинах СССР ситуацию, чтобы не повторить югославский сценарий.

С. Шахрай: «Я готовил преамбулу и одну из статей – пятую...»

Как возникло название «Содружество Независимых Государств»? Шахрай в том же интервью рассказал, что название появлялось и прежде на разных дискуссионных площадках, да и в рамках Новоогаревского процесса. Но только в Вискулях возникла идея использовать слово «Содружество» как замену слову «Союз».

Кто работал над текстом Соглашения?

– Президенты поручили своим экспертам и делегациям поработать над текстом Соглашения, – сказал Шахрай. – С российской стороны текст писал Егор Гайдар, а я готовил преамбулу и одну из статей – пятую.

Г. Бурбулис: «Да, формулировку предложил я...»

«Пушисты» в один голос подтверждали: роковую фразу о том, что СССР прекращает существовать как геополитическая реальность, предложил Бурбулис. В день 25-летия образования СНГ, 8 декабря 2016 года, в интервью «Комсомольской правде» он в очередной раз гордо подтвердил свое авторство.

– Она всех устроила. Более того, она оказалась такой правильной, точной и сочной, потому что открывала новый взгляд на событие и нашу ответственность за него, – подчеркнул он.

С. Шахрай: «От кого – тайный сговор?»

Об атмосфере, антураже во время подписания документа. На прямой вопрос журналиста: «Был ли флер тайного сговора?» – последовал такой ответ:

– От кого – тайный сговор? Горбачев сложил полномочия лидера КПСС. Союзного правительства уже не было. Только три республики остались, остальные ушли.

Шахрай убеждал: он не лукавил, когда говорил, что заранее ничего не готовилось:

– Ну судите сами: на следующий день, 8 декабря, оказалось, что нет даже ксероксов, чтобы скопировать бумаги. И варианты Соглашения размножались через факсимильный аппарат. Президенты сидели в отдельном зале, нас, советников, туда не допускали, оттуда только возвращали исправленные, зачеркнутые, переписанные варианты. Когда мы все исправили и появился готовый проект, президенты вышли и сказали, что готовы к подписанию.

М. Горбачев: «Он извивался как уж на сковороде...»

«Проходит день, никаких новостей из Минска до меня не доходит, никому ничего не известно, – обиженно вспоминал Горбачев. – Подумалось: решили “расслабиться” – так оно и было. Но потом я начал интересоваться, что же там происходит. Оказалось, через мою голову ведут разговоры с министрами, в том числе с Шапошниковым, а он, как и Баранников, не считал нужным меня информировать. Я позвонил министру обороны и спросил, что происходит? Он извивался как уж на сковороде, но все же сказал, что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных вооруженных сил в будущем государственном образовании. Ничего, мол, больше не знаю. Откровенно врал».

С. Шахрай: «Так же все “послали” Михаила Сергеевича...»

О звонках Бушу и Горбачеву:

– Горбачев долго не отвечал на звонки, хотя знал примерно, о чем с ним хотели поговорить (объект в Вискулях находился под охраной КГБ), американский президент соединился быстрее. Потом выяснилось, что Михаил Сергеевич в это время звонил Шапошникову и командующими округами, призывая армию к чему-то. Все ему отказали.

В этом месте своего интервью Шахрай вспомнил ситуацию с отречением Николая II и назвал происходившее с Горбачевым каким-то российским роком. Когда к последнему русскому императору приехала делегация Госдумы и предложила отречение, он тоже стал звонить командующим, включая Великого князя Николая Николаевича, и все ему сказали: отрекайся, уже поздно что-то исправлять. Так же все «послали» Михаила Сергеевича...

Горбачеву звонил Шушкевич, у них был длинный разговор. Бушу – Ельцин.

– Ельцин сказал Бушу о самом главном, что интересовало США: в беловежском документе четко прописан вопрос о руководстве ядерными силами. Оно остается полностью в руках России. Остальное для американского президента было неважно, хотя его удивило происходящее...

С. Шушкевич: «Мы отпили, наверное, граммов 200. Шесть здоровых мужиков...»

8 декабря 2016 года. 25-я годовщина соглашения о роспуске СССР. Газета «Комсомольская правда». На всю полосу беседа журналистки Галины Сапожниковой с С.С. Шушкевичем.

– Ну что – скажете, что совсем не пили? – с комсомольским задором спрашивает смелая журналистка.

– Настолько мало, что можно это вообще не учитывать, – столь же смело отвечает бывший «пушист». – Сам я человек пьющий, причем с удовольствием. Но не злоупотребляющий. В Вискулях я вообще не пил. У нас стояла бутылка коньяка, и от этой бутылки мы отпили, наверное, граммов 200. Шесть здоровых мужиков! За все время обсуждения. Хотя возможность для питья Кебич организовывал. На каждом повороте стояли шкафчики и столики с набором бутылок, по тем временам очень качественных. Виски не было, но армянский коньяк можно было найти. Но никто не пил. А журналисты, которые были в 300 метрах отсюда, в гостинице, – те алкоголем заливались.

А нужен ли был Союзный договор?

С. Шахрай: «Нужды в Союзном договоре не было»

В канун 25-й годовщины С. Шахрай выступил с сенсационным утверждением.

«Союзный договор был подписан в 1922 году, но в 1936-м, когда была принята Конституция СССР, он исчез, перестал действовать. В Конституции 1977 года Союзного договора тоже не было.

Как, почему, из каких кустов возникли Новоогаревский процесс и новый Союзный договор в условиях, когда старого уже не было полвека?

Ответ: «18 ноября 1988 года эстонская делегация привезла в Москву идею Союзного договора и “подарила” ее Михаилу Сергеевичу. Чем руководствовались эстонцы, а затем латыши и литовцы – понятно. У них логика была такая: “Спасибо России за то, что на руинах империи возникли независимые прибалтийские государства, но мы не согласны с тем, как были присоединены к СССР в 40-м году, а затем с пактом Молотова – Риббентропа.

Поэтому, утверждали эстонцы, нужно подписать новый Союзный договор, иначе их пребывание в составе страны нелегитимно, нет для этого юридической базы».

По словам Шахрая, Горбачев всегда жертвовал всем, лишь бы сохранить власть. «Чтобы не потерять власть, он созвал съезд и сделал его высшим органом власти, потом избрал себя президентом. На ноябрьском пленуме ЦК КПСС в 1990 году украинская делегация поставила вопрос о том, что нужно менять Генерального секретаря. На следующем пленуме – в апреле 1991 года – этот вопрос в кулуарах был решен, и на 3 сентября готовили внеочередной съезд партии с заменой Горбачева на посту генсека, а на 4 сентября – внеочередной Съезд народных депутатов СССР с отставкой президента Горбачева».

Могли ли там их арестовать?

2 декабря Ельцин принял Бакатина по его просьбе. Разговор был деловой, касавшийся деятельности новой службы – МСБ. О поездке в Белоруссию Ельцин не обмолвился ни одним словом.

И вдруг через пару дней Бакатину звонок из КГБ Белоруссии. Сообщают: на субботу и воскресенье в Минске ждут Ельцина и Кравчука.

«В воскресенье, – вспоминает Бакатин, – 8 декабря, вечером он (Горбачев. – В.С.) был взволнован, брошен всеми и, как мне показалось, растерян...

Он позвонил мне домой где-то около 20 часов:

– Они ищут Назарбаева. Из Минска, – сказал Михаил Сергеевич.

– Нет, – заметил я, – Назарбаев не полетит, не тот он человек...

– Да, конечно...

Что еще можно было сказать, а тем более – сделать?»

Когда утром 9-го они собрались у Горбачева, он сказал, что в отставку не уйдет, будет наблюдать за развитием событий и пытаться влиять на них. «Коллективно помогли Горбачеву, – продолжает свой рассказ Бакатин, – подготовить “Заявление президента СССР”, отговорили его в тот день от выступления по телевидению. Е. Яковлев организовал прощальную видеозапись, и мы пошли по знакомым, полуосвященным, пустынным и длинным кремлевским коридорам. Вся наша суета оказалась ненужной. Завтра сюда придут другие люди. Хорошо бы, чтобы что-то стоящее – для людей, для страны – получилось у них...»

Известный публицист и телеведущий Леонид Млечин в своей книге «Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы» рассказывает, как он брал интервью у доктора исторических наук Вячеслава Никонова, который в 1991 году работал помощником председателя КГБ Бакатина. Млечин спросил у Никонова:

– Бакатин знал, что готовится встреча в Беловежской Пуще?

– Он знал о подготовке Беловежского соглашения, – ответил Никонов. – У Ельцина и его команды были большие опасения, что КГБ постарается в последний момент каким-то образом сорвать встречу. К Бакатину приходили эмиссары, чтобы удостовериться, что он не арестует Ельцина, Кравчука и Шушкевича в Беловежской Пуще.

Млечин поинтересовался:

– А такая мысль возникала на Лубянке?

– В тот период было очевидно, что реальная власть уже принадлежит не союзным структурам, а республикам. Попытка арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича могла бы закончиться самым чудовищным образом...

Млечин констатирует: союзные законы и указы Горбачева уже не имели практического значения, их никто не исполнял. Власть фактически была в руках Ельцина и российских структур.

После августовских дней 1991 года на авансцену уверенно выходил КГБ РСФСР, созданный 6 мая 1991 года. С ним связывали свою дальнейшую службу многие сотрудники союзного КГБ, которые сидели и ждали, останутся они или их уволят.

Млечин приводит слова первого председателя российского КГБ В. Иваненко, почему Ельцин настаивал на создании КГБ РСФСР, а в Кремле без сопротивления согласились: «Ельцину

нужен был “троянский конь” на Лубянке, чтобы парализовывать работу КГБ против российского руководства. А Крючков хотел затеять игру с Ельциным и получать какую-то информацию из его окружения...»

Оставшиеся сотрудники союзного КГБ особой активности не проявляли, поскольку ясности никакой не было. Аппарат был деморализован, генералы арестованы или уволены. Еще в начале сентября Бакатин издал приказ о подчинении всех областных и краевых управлений КГБ по России российскому же КГБ, а сам стал заниматься комитетами КГБ союзных республик. Но и те уже не хотели послушно брать под козырек перед начальниками с Лубянки.

С. Шушкевич: «Мы готовились к тому, что Горбачев нас арестует...»

В интервью «Комсомольской правде» (8.12.2016) на вопрос, не думали ли «пущисты», что Горбачев мог дать приказ, и их всех бы арестовали, ответил:

– Мы к этому готовились. Я знал, что, поскольку приглашаю законно избранного президента России, надо обеспечить безопасность. В течение двух последних недель шеф КГБ Беларуси Эдуард Ширковский мне постоянно докладывал, что делается по безопасности встречи в Беловежской Пуще. Когда у меня был визит в США, Альберт Гор тоже спрашивал: не боялись, что Горбачев вас арестует? Ширковский, который стоял рядом со мной, с уверенностью отвечал: «Мы обеспечили безопасность». Он уже чувствовал, что он – шеф КГБ независимого государства. Потом, когда вышел на пенсию, уехал в Москву, потому что там пенсия была больше, и говорил: очень жалею, что я их не арестовал...

Шушкевич считал, что арестовать их было бы не так просто:

– Военно-воздушная база, куда прилетали все самолеты, была под нашим контролем: чтобы ее захватить, там нужно было учинять разбой. Но я об этом даже и не думал, зная трусливость Горбачева. Он же всегда был непричастен ни к каким делам. Ни к Тбилиси, ни к Риге, ни к Вильнюсу. Иногда стыдно было смотреть ему в глаза, когда он врал.

Шушкевич – физик, ученый. Как же он попал в политику? Спустя четверть века после тех событий признает, что его учителями были политики Литвы, Латвии и Эстонии. По его словам,

пришел на Съезд народных депутатов СССР «неотесанный как бревно». И они стали приглашать к себе. Ему понравилось.

Не понравилось, что в течение 10 лет пенсию ему назначили в 30 центов. Понравилось другое – получать гонорары за лекции. Был поражен тому, сколько за них платили. В интервью рассказал: в Японии – по 4,5 тысячи долларов за каждую лекцию. Купил жене японский автомобиль и себе.

Ю. Иванов: «Переговорщики боялись ареста»

– Во время перекура на крыльцо вышел Вячеслав Кебич и спросил меня: «Летят?» – рассказывал он спустя 25 лет. – Я уточнил, кто летит. Он не ответил, просто махнул рукой. Участники встречи, оказывается, опасались, что прибудет группа захвата. Торопились, нервничали. Но Михаил Горбачев ничего не предпринял. Процесс пошел.

В. Варенников: «Почему он никаких мер не предпринял?»

В 1998 году В. Варенников писал: «Ситуация сложилась таким образом, что Горбачев был ненавистен не только всему народу, но и каждому руководителю из республик. Они его презирали. Вспомните выступление Назарбаева на IV Съезде народных депутатов с открытыми выпадами против Горбачева, выступление Ельцина в Доме кино летом 1991 года. Ведь Борис Николаевич целых сорок минут посвятил исключительно Горбачеву, проклинал его за развал страны и предательство народа, что ему не место у руля и его надо убирать! И естественно, если бы Горбачев остался и не было ГКЧП, развал был бы неминуем, и от нас мало что зависело.

Но вот мы были арестованы, а Горбачев остался. Что ж он не предпринял никаких шагов, почему он никаких мер не предпринял, когда в Беловежской Пуще собралась эта тройка? Да потому, что он все время был неспособен и взялся за дело, которое ему было не по плечу. У него не было никакого предвидения, отсутствовали данные истинного государственника. А подписавшие Беловежские соглашения сделали это, чтобы откреститься от Горбачева и его окружения, а вовсе не с целью развала Союза. Но они не заглянули дальше и не предвидели, что могло произойти. То есть был ГКЧП или его не было бы все, мало что изменилось бы.

Да и о каком перевороте идет речь? Ведь и тогда никакого переворота, в сущности, и не было. Это фантазии Горбачева! Переворот был после того, как не стало нас! Вот говорят, что это был путч с целью захвата власти. Но ведь вся власть уже была в руках у членов ГКЧП! Мало того, вся сила была у нас в руках, и она нам подчинялась, могла сделать все, что им было бы приказано».

Как обвал в горах

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР во главе с В. Иваненко. А в январе 1992 года последовал новый указ. Агентство федеральной безопасности РСФСР и союзная Межреспубликанская служба безопасности упразднились. Вместо них появилось Министерство безопасности Российской Федерации во главе с министром В.П. Баранниковым, который до этого возглавлял союзное МВД.

Из интервью В. Иваненко журналу «Огонек» в канун 25-летия развала СССР. На вопрос, как такая всемогущая организация, как КГБ СССР, допустила развал Союза, первый и последний председатель КГБ РСФСР ответил:

– Я до сего дня выслушиваю упреки, что не арестовал участников Беловежских соглашений. И не устаю повторять: СССР к тому времени был уже мертв, спасти было нечего – Союз был обречен, как только из Конституции убрали 6-ю статью о руководящей и направляющей роли партии. Без КПСС «нерушимый» стал рыхлым комом. При этом надо понимать, что костяк руководства КГБ составляли выдвиженцы из партийных органов, так называемый «партийный набор». Как только 6-ю статью убрали, уже внутри самих спецслужб стали обсуждать, надо ли продолжать слепо следовать партийным установкам? До поры до времени такие разговоры жестко пресекали руководство и этот самый «набор», но так как шепот шел отовсюду, пресекать стало невозможно. К тому же КГБ того времени уже не был столь эффективной структурой, как раньше: все искали к кому бы прислониться, и нашли источник силы в Ельцине

24 декабря 1991 года Ельцин отправил Бакатина в отставку. Ему было 55 лет. В августе 1992 года обратился к Борису Ни-

колаевичу с просьбой подыскать ему работу. Предложений не последовало.

Что в таких случаях говорят? Правильно: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Наивные начальники: они никак не могут поверить, что их назначают всего лишь под функцию.

1 декабря – президентские выборы на Украине, в Казахстане, Приднестровье и Гагаузии. Кравчук, избранный президентом Украины, заявил:

– С выходом из империи для Украины никакой катастрофы не будет, потому что она потенциально богатое государство.

И категорическое утверждение:

– Союзный договор Украина не подпишет.

3 декабря Ельцин поддержал Кравчука:

– Российское руководство заявляет о признании независимости Украины в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа.

5 декабря президент Украины Л. Кравчук объявил: Украина выходит из Союзного договора 1922 года, которым был образован СССР. Денонсировав тот договор, Украина юридически уже не имела отношения к Новоогаревскому процессу.

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич приняли следующее заявление.

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины,

– отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава СССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

– констатируя, что недальновидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

– принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к многонациональным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;

– осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых

Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 г. подписано Соглашение.

Содружество Независимых Государств в составе Республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств – членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

8 декабря 1991 года, г. Минск.

Они объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Соглашение подписали: от России – Б.Н. Ельцин и Г.Э. Бурбулис, от Украины – Л.М. Кравчук и В.П. Фокин, от Белоруссии – С.С. Шушкевич и В.Ф. Кебич.

В тот же день Горбачеву сообщили о решениях, принятых в Беловежской Пуще.

Ельцин признавал, что беловежская встреча проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение. «Из-за этой сверхсекретности порой возникали неожиданные ситуации, – вспоминал он. – Например, вдруг выяснилось, что в резиденции нет ксерокса. Для того чтобы получить копию документа, его каждый раз приходилось пропускать через два телекса, стоявшие рядом – слава Богу, хоть они были».

10 декабря Беловежское соглашение ратифицировали парламенты Украины и Белоруссии.

Через два дня, 12 декабря, Верховный Совет России под аплодисменты тоже ратифицировал это Соглашение. За проголосовали 188 депутатов, против – 6, воздержались – 7.

Здесь кстати сделать одно маленькое отступление. В августе 1998 года думская комиссия по импичменту президенту Ельцину рассматривала беловежский сюжет. В качестве свидетелей выступили депутат Госдумы Сергей Бабурин (в 1991 году он был народным депутатом РСФСР) и начальник правового управления Госдумы (в 1991 году – председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству) Владимир Исаков.

Исаков назвал Беловежские соглашения «заговором с целью захвата власти». Идея денонсирования договора 1922 года о создании СССР возникла у Ельцина, чтобы удалить Горба-

чева с политической сцены. Исаков считал, что именно крайне критическим отношением к Горбачеву объяснялся тот факт, что Верховный Совет России ратифицировал эти соглашения, хотя не имел на то права: закон наделял такими полномочиями Съезд народных депутатов.

В тот же день была попытка собрать Верховный Совет СССР, но она закончилась неудачей. Депутатам от России и Белоруссии не было рекомендовано участвовать в его работе. Депутаты от Украины тоже не пришли.

11 декабря Киргизия и Армения присоединились к СНГ. Спустя два дня, 13 декабря, в Ашхабаде состоялась встреча глав государств Средней Азии и Казахстана. Они выразили желание присоединиться к СНГ, но поставили условие: уравнивать их с теми, кто первыми подписал договор.

Необходимые гарантии были даны Ельциным, который 14 декабря на встрече с координаторами парламентской фракции «Смена – новая политика» заявил:

– Мы в этом отношении очень аккуратно соблюдаем вопросы в отношении равенства. То есть нет старших братьев, младших братьев, чтобы ни в коем случае Россия не претендовала на какое-то лидерство, мы все равны.

Ельцин сообщил, что 21 декабря в Алма-Ате состоится подписание 10 государствами Соглашения о присоединении к СНГ. Так и произошло. В подписании Декларации приняли участие главы 11 государств. Они констатировали: «С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование».

19 декабря Горбачев обратился к участникам алма-атинской встречи с письмом, в котором призвал не допустить разрыва в правопреемстве, провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, провозгласить открытость границ и гражданства в рамках СНГ.

Письмо Горбачева участники алма-атинской встречи проигнорировали. А его самого даже не пригласили. И не прокомментировали его предложение дать новое название содружеству – СЕАГ (Содружество Европейских и Азиатских Государств).

Все 11 республик, главы которых прибыли в Алма-Ату, были объявлены соучредителями СНГ. Никакого центра не предусматривалось – такое условие выдвинула Украина.

24 декабря состоялась последняя встреча Ельцина с Горбачевым. «Список претензий Горбачева – его “отступная”, – вспоминал позднее Ельцин, – изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований».

Пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией, президентская квартира, дача, машина для жены и для себя, но главное – Фонд. Большое здание в центре Москвы, бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана...

После ухода Горбачева с поста президента я побывал в его служебной квартире на улице Косыгина – музей, а не квартира, все какое-то казенное. Въезжать туда я отказался».

25 декабря Горбачев официально сложил с себя полномочия президента СССР, о чем и заявил в выступлении по телевидению. В тот же день в 19 часов 38 минут над Кремлем был спущен государственный флаг СССР и поднят трехцветный флаг России.

М. Горбачев: «Союзу нанесли два удара...»

В декабре 2016 года, в канун 25-й годовщины распада СССР, Горбачев в интервью ТАСС и «Интерфаксу» разъяснил, почему развалился Союз и может ли он когда-нибудь возродиться.

– Союзу нанесли два удара – сначала путчисты ГКЧП, затем радикалы вместе с сепаратистами. Сыграло роль и то, что многие люди не понимали, то разваливается страна. Им казалось, что СНГ – это «Союз без Горбачева». А тогдашнее российское руководство рассчитывало, что будет доминировать на постсоветском пространстве.

По словам Горбачева, оно также рассчитывало, что Россия будет иметь в мире не меньший вес, чем Союз.

– Но это было объективно невозможно... Из мирового порядка был выдернут стержень. Западный мир, особенно США, охватила эйфория «победы в холодной войне». А триумфаторство – плохой советчик.

На вопрос, допускает ли он возможность появления нового Союзного государства ответил:

– Советского Союза – нет, а Союза – да. Я считаю, что Союз новый может быть. В прежних границах и с тем же составом, добровольно...

19 декабря Ельцин подписал указ, согласно которому было образовано Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Оно создавалось на базе упраздняемых министерств внутренних дел СССР и РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности РСФСР. Просуществовало недолго, и вскоре было снова разделено.

Наступали времена, о которых точно и емко высказался председатель КГБ СССР в 1961–1967 годах В.Е. Семичастный:

«Все последующие десять лет переустройства, начиная с Бакатина, шла безответственная ломка органов по живому. А вместе с ней и убийственная ломка судеб наших самых лучших сотрудников... Самые высококлассные специалисты госбезопасности стали уходить из органов... Да и оплата труда сотрудников самых опасных профессий стала выглядеть как насмешка над интеллектуальным потенциалом спецслужб... Между прочим, академик Сахаров не случайно как-то сказал, что в целом он высочайшего мнения об органах КГБ. За то, что они не поддались коррупции, взяткам, никакой шантаж на них не действовал».

Этими проникновенными словами мне и хочется закончить книгу о последнем годе истории КГБ СССР.

ЭПИЛОГ

В этой книге рассказано только об одном годе из истории КГБ. Последнем. А что было дальше, после 1991-го?

Менялись названия ведомства: АФБ, МБ, ФСК, ФСБ. Не изменилось лишь магическое слово – Лубянка. И День работника органов безопасности.

И еще – проверенная временем формула, каким бы сегодня непопулярным в определенных кругах не было имя человека, произнесшего эту крылатую фразу, призывающую держать в безупречной чистоте – руки, холодными – головы, и горячими – сердца.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

- Архив Президента Российской Федерации (АПРФ)
Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)
Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)
Архив Верховного суда Российской Федерации

Мемуары, документальные хроники

- Бакатин В.В.* Дорога в прошедшем времени. М., 1999
Бережков В. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. М., 2005
Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995
Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995
В августе 91-го. Россия глазами очевидцев. М.–СПб., 1993
В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2008
Варенников В.И. Дело ГКЧП. М, 2009
Варенников В.И. Неповторимое. В 7 т. М., 2001
Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995
Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991
Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992
Грушко В.Ф. Судьба разведчика. М., 1997
Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1994
Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994
Карпухин В.Ф. По телефону я получил приказ арестовать Ельцина. – Советский спорт, 1991, сентябрь
Крючков В.А. Личное дело. В 2-х ч. М., 1996
Лебедь А.И. Спектакль назывался путч. Тирасполь, 1993
Лукьянов А.И. Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993

- Медведев В.А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994
- Минаев Б.Д.* Ельцин. М., 2010
- Млечин Л.М.* Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999
- Нордман Э.Б.* Штрихи к портретам. Генерал КГБ рассказывает... Мн., 2003
- Павлов В.С.* Август изнутри: Горбачев-путч. М., 1993
- Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998
- Сойма В.М.* Лубянка. 1917–1991. Энциклопедия карьер и судеб. М., 2011
- Степанков В.Г., Лисов Е.К.* Кремлевский заговор. М., 1992
- Степанков В.Г.* ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир. М., 2011
- Черняев А.С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1970–1991 годы. М., 2010
- Шапошников Е.И.* Выбор. М., 1995
- Шебаршин Л.В.* Рука Москвы: Записки начальника советской внешней разведки. М., 1992
- Широнин В.* КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997
- Язов Д.Т.* Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М., 2000
- Янаев Г.И.* Последний бой за СССР. М., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	3
ПРОЛОГ, <i>без которого трудно понять события 1991 года и Эпилог ...</i>	4
1991 год начинался в 1985-м.....	4
Хроника обвала.....	12
Так говорил Чебриков.....	23
Так говорил Крючков.....	36
Глава 1. Январь – февраль 1991 года.....	45
Крючков и его команда.....	45
Вильнюсская башня.....	55
«Параллельный центр» действует.....	66
Глава 2. Март – май 1991 года.....	75
Вы за или против СССР?.....	75
КПСС: новый статус.....	84
Майская маета.....	93
Глава 3. Июнь – июль 1991 года.....	98
Событие большого значения.....	98
Предгрозовой июль	109
Глава 4. Две недели до «путча»: день за днем	121
Августовское предгрозье.....	121
17 августа, суббота. Звонок Горбачева из Фороса «заговорщикам».....	132
18 августа. Полет в Форос и обратно.....	136
18 августа. Третий рейс: с Ельциным на борту.....	146
Миссия невыполнима.....	149
Глава 5. 19 августа. Первый день «путча»	152
Ночь с 18-го и утро 19-го. Ельцин.....	152
Ночь с 18-го и утро 19-го. ГКЧП.....	162
Вечер, ночь с 18-го и утро 19-го. Форос.....	170
Полдень 19-го и после него. ГКЧП	173
Полдень 19-го и после него. Ельцин.....	178

Вечер и ночь 19-го. ГКЧП.....	181
Вечер и ночь 19-го. Ельцин.....	182
Глава 6. 20 августа. Второй день «путча»	183
Утро и полдень 20-го. ГКЧП.....	183
Утро и полдень 20-го. Ельцин.....	186
Вечер и ночь с 20-го на 21-е. Ельцин.....	189
Вечер и ночь с 20-го на 21-е. ГКЧП.....	193
Глава 7. 21 августа. Третий день «путча»	207
Утро 21-го. ГКЧП.....	207
Утро 21-го. Ельцин.....	210
После полудня 21-го. ГКЧП.....	212
После полудня 21-го. Ельцин.....	213
Вечер 21-го. ГКЧП.....	216
Глава 8. Два первых «послепутчевых» дня (22–23 августа).....	223
Возвращение из Фороса.....	223
Как их арестовывали.....	226
Расправа с «Железным Феликсом», захват зданий ЦК КПСС	240
«Долг» платежом красен.....	245
Одни сутки генерала Шебаршина.....	249
Как проходили назначения.....	257
Первые самоубийства.....	265
Глава 9. «Послепутчевая» неделя (24–31 августа).....	276
Отречение от партии.....	276
Последние герои.....	278
И это все о них.....	280
Третье самоубийство.....	283
Следствие идет по следу.....	285
Власть отрекается от своих	285
Глава 10. Эхо августовского «путча». Сентябрь	288
КГБ и Бакатин. Новый курс.....	288
Комиссия Степашина.....	297
В Кремле и «Белом доме».....	299
Провал «путча»: взгляд с Запада.....	303
Вести из «Матросской Тишины».....	306

Глава 11. Узники «Матросской тишины».....	308
Как они вели себя в заключении.....	308
Глава 12. Перемены в Кремле и на Лубянке.	
Октябрь – ноябрь	335
Октябрьские самоубийства.....	335
Горбачев негодует, Ельцин торжествует.....	336
Глава 13. Хотели, как лучше... Декабрь-91	340
Последняя «минута славы».....	340
Беловежская Пуща. Кто инициатор встречи.....	349
Четверть века спустя.....	357
А нужен ли был Союзный договор?.....	360
Могли ли там их арестовать?.....	361
Как обвал в горах.....	365
Эпилог.....	371
Библиография	372

Сойма Василий Михайлович

КГБ в 1991 году

Отв. за выпуск А.А. Румынский
Технический редактор Е.А. Белова
Оформление Л.П. Митич

Подписано в печать 30.05.2017. Формат 60х90/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Печ. л. 23,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4297.

ООО Издательство «Крафт+»
Тел.: (495) 620-36-94, 620-36-95, 926-25-48
E-mail: kraft2010@list.ru
mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Василий Михайлович СОЙМА – известный в России историк спецслужб, талантливый исследователь малоизвестных страниц жизни органов государственной безопасности СССР.

Полковник запаса ФСБ РФ, обе свои диссертации – на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук – посвятил теме, ставшей главной в его жизни. Он – соавтор нескольких книг, в том числе «Государственная безопасность России: история и современность», «Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР». В.М. Сойма на практике выполняет свою благородную миссию, возглавляя Региональный общественный фонд «Ветераны Лубянки».

Читатели, наверное, помнят его нашумевший бестселлер «Запрещенный Сталин» (2005), где впервые были опубликованы рассекреченные письма и другие ценные материалы. В 2011 году вышла его книга «Лубянка. 1917–1991. Энциклопедия карьер и судеб», в которой впервые в российской историографии собраны и систематизированы биографические данные о 205 членах коллегий ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ СССР.

Новая книга В.М. Соймы «КГБ в 1991 году» – уникальный историко-публицистический труд, затрагивающий многие острые вопросы, включая и самый главный: все ли сделал КГБ для предотвращения распада СССР?